187
517

187
517

187
517

НАРОДНЫЕ

ЮРИДИЧЕСКІЕ ОБЫЧАИ

ЛОПАРЕЙ, КОРЕЛОВЪ И САМОѢДОВЪ

Архангельской губерніи.

СОСТАВИЛА АЛЕКСАНДРА ЕФИМЕНКО.

2229/1

С. Петербургъ.
№ 25. Типографія В. Киршбаума, въ д. Министер. Фин., на Дворц. пл.
1877.

992237

Изъ записокъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества по Отдѣленію Этнографіи, т. VIII.

Печатано по распоряженію Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

ЮРИДИЧЕСКІЕ ОБЫЧАИ

Лопарей, Кореловъ и Самоѣдовъ

АРХАНГЕЛЬСКОЙ ГУБЕРНІИ.

Предисловіе.

Въ 1869 г. въ г. Архангельскѣ издана мѣстнымъ статистическимъ комитетомъ 1-я книга Сборника юридическихъ обычаевъ Русскаго населенія Архангельской губерніи. Составитель этого сборника, П. С. Ефименко, обѣщалъ изложить впослѣдствіи и юридическіе обычаи инородцевъ, обитающихъ на крайнемъ Сѣверѣ: Лопарей, Кореловъ, Зырянъ и Самоѣдовъ. Необходимость сосредоточить весь свой трудъ на юридическихъ обычаяхъ Русскаго населенія губерніи, для которыхъ получены были богатые матеріалы въ видѣ рѣшеній волостныхъ судовъ, сдѣлокъ и договоровъ, записанныхъ въ книги волостныхъ правленій, и т. п., побудила его передать трудъ обработки матеріаловъ по обычному праву инородцевъ мнѣ.

Я приняла на себя обязанность только привести юридическіе обычаи инородцевъ въ порядокъ по имѣющимся подъ рукою матеріаламъ и изложить ихъ систематически, предоставивъ дѣло научной разработки спеціалистамъ.

Обычное право всѣхъ почти инородцевъ, обитающихъ въ Россіи, также мало изслѣдовано, какъ и право Русскаго населенія, или лучше сказать, почти вовсе не изслѣдовано. По мнѣнію нѣкоторыхъ, и вовсе не слѣдуетъ обращать на него

вниманія, по крайней мѣрѣ—до времени, пока не будетъ изучено русское народное право. Я не могу раздѣлять этого мнѣнія, а полагаю, что изученіе юридическихъ возрѣній и обычаевъ инородческаго и Русскаго населенія должно совершаться одновременно. И это, вопервыхъ, потому, что для науки одинаковый интересъ представляетъ обычное право, какъ болѣе цивилизованнаго народа, такъ и стоящаго на низшей ступени развитія, а вовторыхъ, потому, что безъ ознакомленія съ юридическими обычаями инородцевъ не возможно вполнѣ постигнуть смысла русскаго обычнаго права.

Русское обычное право, если возвести его къ единству, къ общимъ началамъ, не представляетъ собою чего-либо совершенно однороднаго; различныя эпохи, которыя переживалъ Русскій народъ, наложили свой неизгладимый отпечатокъ на русское обычное право, такъ что оно естественно должно было сложиться изъ наслоеній различныхъ началъ. Двѣ главныя формы жизни, которыя въ разное время воспринималъ Русскій народъ: родовая и общинно-семейная, особенно рельефно отразились на воззрѣніяхъ и обычаяхъ обитателей нашего отечества. Отсюда необходимость для изслѣдователя строго опредѣлить, что въ русскомъ обычномъ правѣ составляетъ явленіе болѣе новое, и что относится къ отдаленной древности, разграничить начало кровное, родовое отъ экономическаго или трудоваго. Но какъ же достигнуть этого, когда у насъ не составилось еще сколько-нибудь удовлетворительнаго понятія о томъ, что такое—родовое начало, и что такое—начало трудовое, такъ что данный фактъ изъ сферы правовыхъ отношеній одинъ ученый относитъ къ явленіямъ быта родового, другой ученый тотъ же фактъ признаетъ за признакъ общинно-семейнаго быта. Такое разномысліе ученыхъ проходитъ чрезъ всѣ явленія юридической и исторической жизни народа и породило даже двѣ непримиримыя школы историковъ и юристовъ—такъ называемыхъ родовиковъ и общинниковъ. Ясно, что намъ необходимо предварительно изучить патріархальный бытъ и патріархальные обычаи, по возмож-

ности, въ ихъ чистѣйшемъ видѣ, или по крайней мѣрѣ, въ возможно близкихъ къ нему формахъ, а потомъ уже, узнавъ, что такое—родовое начало, въ какихъ обычаяхъ оно проявляется, приступать къ анализу явленій отечественной жизни. Здѣсь-то именно изученіе юридическихъ обычаевъ инородцевъ и могло бъ оказать существенную услугу наукѣ, такъ какъ всѣ почти инородцы наши, по крайней мѣрѣ туранскаго корня, находятся на низшихъ ступеняхъ развитія относительно Русскаго племени, а иные изъ нихъ еще вовсе не отрѣшились отъ формъ патріархальной жизни. Мы твердо убѣждены, что недалеко то время, когда изслѣдователи русскихъ народныхъ началъ и правовыхъ воззрѣній и обычаевъ оставятъ прежній путь сравненій нашего быта и юридическихъ понятій съ явленіями жизни цивилизованныхъ народовъ, съ правами германскимъ и греко-римскимъ и обратятся къ изученію юридическихъ и иныхъ воззрѣній, какъ своего народа, такъ и другихъ расъ, стоящихъ на болѣе низкихъ ступеняхъ развитія, и прежде всего къ инородцамъ, обитающимъ въ Россіи, какъ къ ближайшему предмету изслѣдованій: на востокѣ, у полудикихъ народовъ, будутъ они искать разгадки многихъ явленій русской жизни, а не на западѣ, среди цивилизованныхъ націй. На этомъ плодородномъ полѣ, лежащемъ нынѣ пустыремъ, ожидаетъ нашихъ ученыхъ обильная жатва.

Такъ какъ почти всѣ инородцы, обитающіе въ Россіи, съ давнихъ временъ состояли въ непосредственныхъ и частыхъ сношеніяхъ съ господствующимъ надъ нимъ Русскимъ племенемъ, то они, конечно, не могли не утратить кое-чего изъ своеобразныхъ юридическихъ понятій и обычаевъ и не усвоить русскихъ; съ другой стороны и Русскіе должны были кое-что принять отъ этихъ племенъ. Наука обязана опредѣлить, что заимствовано тою и другою стороной. Но теперь еще нельзя сдѣлать этого, такъ какъ дѣло пока идетъ о сборѣ самихъ матеріаловъ. Вотъ и еще причина, почему мы должны изучать обычное право инородцевъ.

Кромѣ того, изученіе инородческихъ юридическихъ обычаевъ представляетъ и живой, практическій интересъ, такъ какъ у многихъ инородцевъ дѣйствуютъ волостные суды, которые, какъ извѣстно, большую часть дѣлъ рѣшаютъ на основаніи мѣстныхъ обычаевъ, а у иныхъ изъ инородцевъ управленіе и судъ совершаются по исконнымъ обычаямъ, давно получившимъ силу закона.

Я сказала, что по обычному праву инородцевъ сдѣлано очень мало. Дѣйствительно литература наша представляетъ только нѣсколько небольшихъ собраній инородческихъ обычаевъ, помѣщенныхъ въ періодическихъ изданіяхъ. Разумѣется, въ разнаго рода описательныхъ статьяхъ, касающихся быта инородцевъ, есть случайныя, отрывочныя свѣдѣнія о ихъ правовыхъ воззрѣніяхъ и обычаяхъ; но все это такія мелкія крупицы, что для собранія ихъ потребуется еще не мало кропотливаго труда.

Что касается до юридическихъ обычаевъ инородцевъ Архангельской губерніи, то они, не смотря на представляемый ими большой интересъ, въ особенности обычаями Лопарей и Самоѣдовъ, также до сихъ поръ не привлекали къ себѣ исключительнаго вниманія ученыхъ; все, что было по этой части сдѣлано, суть мимолетныя замѣтки объ инородческихъ обычаяхъ, разбросанныя въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ, въ статьяхъ собственно этнографическаго содержанія и въ путешествіяхъ различныхъ спеціалистовъ по сѣверу.

Прежде, нежели начнется тщательное изученіе на мѣстѣ этихъ инородцевъ съ указанной стороны, людьми, вполнѣ подготовленными къ дѣлу и готовыми принять на себя всѣ трудности подобнаго предпріятія, мы сочли полезнымъ собрать въ одно мѣсто все то, что было гдѣ-либо, хотя мимоходомъ, сказано о юридическихъ обычаяхъ здѣшнихъ инородцевъ. Затѣмъ мы воспользовались нѣкоторыми рукописными источниками, состоящими въ короткихъ замѣткахъ и собраніяхъ юридическихъ обычаевъ нѣкоторыхъ изъ инородцевъ, а также рѣше-

ніями волостныхъ судовъ и сдѣлками и договорами тѣхъ волостныхъ правленій, которымъ подвѣдомственны эти обитатели. Говоря въ частности, только обычаямъ Лопарей посчастливилось найдти трудолюбиваго собирателя въ лицѣ одного мѣстнаго священника, да самоѣдскіе обычаи записаны тщательнѣе другихъ. Обычаи же Кореловъ и Зырянъ сравнительно гораздо бѣднѣе матеріалами, и если бы не рѣшенія волостныхъ судовъ, которыми я располагала, то пришлось бы отказаться отъ ихъ изложенія [1]). Болѣе подробное указаніе источниковъ читатель встрѣтитъ при изложеніи самыхъ обычаевъ.

Такъ какъ юридическіе воззрѣнія и обычаи каждаго племени обусловливаются его историческими судьбами и бытомъ и безъ знакомства съ послѣдними не могутъ быть правильно поняты, то изложенію обычаевъ каждаго изъ племенъ Архангельской губерніи я предпослала введеніе, въ которомъ коротко излагаются нѣкоторыя свѣдѣнія о немъ историческія, этнографическія и экономическія.

---

[1]) Отдѣлъ юридическихъ обычаевъ Зырянъ, къ сожалѣнію, не можетъ быть помѣщенъ въ настоящемъ изданіи, такъ какъ рукопись его затеряна бывшимъ редакторомъ газеты Судебный Вѣстникъ г. Думашевскимъ, которому настоящій сборникъ г-жи Ефименко былъ первоначально, въ 1872 году, переданъ для печати. *Ред.*

I.

ЮРИДИЧЕСКІЕ ОБЫЧАИ ЛОПАРЕЙ.

ВВЕДЕНІЕ.

Лопари принадлежатъ къ обширной семьѣ народовъ Финскаго племени. Хотя извѣстный филологъ Максъ Мюллеръ, раздѣляющій финскій классъ языковъ и народовъ на четыре вѣтви, относитъ ихъ къ чудской [1]), но Д. П. Европеусъ, спеціально занимающійся финско-венгерскими языками, въ своей таблицѣ: Die Stammverwandschaft der meisten Sprachen der alten und australischen Welt, изданной въ 1870 г., отводитъ имъ по языку мѣсто въ финско-черемисскомъ развѣтвленіи, между Мордвой и Черемисами. Въ своей семьѣ, семьѣ Финскихъ народовъ, Лопари занимаютъ въ соціальномъ отношеніи послѣднее мѣсто. Изъ всѣхъ Финскихъ племенъ это самое забитое, загнанное въ одинъ изъ отдаленнѣйшихъ уголковъ Европы, до сихъ поръ сохранившее еще полукочевой бытъ. Блага гражданственности, участниками которыхъ сдѣлались нѣкоторые изъ родственныхъ имъ Финскихъ племенъ, не коснулись ихъ. Соприкосновеніе съ Русскими едва ли не увеличило ихъ бѣдности и не содѣйствовало ихъ вымиранію.

Было время, когда Лопари распространялись на югъ до Петербургской губерніи, но другіе народы, особенно родственное имъ племя Кореловъ, а отчасти Чудь и Русскіе, все тѣснили и тѣснили ихъ на сѣверъ, пока не загнали на берега Бѣлаго моря и Ледовитаго океана [2]). Ихъ настоящее мѣстопребываніе есть Лапландскій полуостровъ, который отъ нихъ и получилъ свое названіе. Впрочемъ, распространеніе этого племени не ограничивается Архан-

[1]) Лекціи по наукѣ о языкѣ, С.-Петербургъ, 1865 г., стр. 240.

[2]) Заволоцкая Чудь, сост. *П. Ефименко*, Архангельскъ, 1869 г., стр. 87.

гельскою губерніей: Лопари живутъ еще въ той части Норвегіи, которая называется Финнмаркеномъ, и въ сѣверномъ углу Финляндіи. Лопари Архангельской губерніи раздѣляются на Мурманскихъ, живущихъ по Мурманскому берегу Ледовитаго океана отъ границъ Норвегіи до Святаго Носа, и на Терскихъ, живущихъ по Терскому берегу Бѣлаго моря отъ Святаго Носа до р. Пялицы.

Лопари, какъ мы сказали выше, народъ полукочевой: отъ Мурманскаго и Терскаго береговъ они откочевываютъ внутрь полуострова верстъ на 150 и болѣе; остается на одномъ мѣстѣ только часть Терскихъ Лопарей, ведущихъ осѣдлую жизнь при русскихъ деревняхъ. Въ сѣверо-западной части Лапландіи, у границъ Финляндіи и Норвегіи, кочуетъ отдѣльное племя Лопарей—Фильманы, говорящее особымъ нарѣчіемъ и принадлежащее къ лютеранскому вѣроисповѣданію. Фильманы—это испорченное Финнманы; родина ихъ—Финляндія и Норвегія: послѣ размежеванія съ этими странами они остались въ Архангельской губерніи. Кочевья ихъ—тундры Пазрѣцкая, Мотовская и Печенгская [1]). Это тѣ самые Лопари, которые назывались прежде *двоеданными* и *троеданными*, потому что платили дань двумъ и тремъ государствамъ: Россіи, Даніи и Швеціи.

Собственно Лопари раздѣляются по языку на три главныя нарѣчія: первое—въ Печенгѣ, Моткѣ, Пазрѣкѣ, Сонгелѣ, Нотозерѣ, Экостровѣ и Бабьѣ; второе—въ Семиостровѣ, Ловозерѣ, Воронежскомъ погостѣ, Кильдинѣ и Массельскомъ погостѣ; третье—на Терскомъ берегу. Различія эти образовались отъ вліянія внѣшнихъ элементовъ, съ одной стороны—норвежскаго, съ другой—русскаго и корельскаго [2]).

Лопарское племя очень невелико: всѣхъ Лопарей, живущихъ въ Архангельской губерніи, числится немного свыше 2000 душъ обоего пола, въ томъ числѣ 175 душъ Фильмановъ. Вообще, это одно изъ тѣхъ племенъ, которыя идутъ къ полному изчезновенію посредствомъ медленнаго вымиранія и поглощенія другими народностями.

Лопари Архангельскіе потеряли свою независимость еще въ XI в., когда были покорены Новгородцами, а потомъ, съ паденіемъ Нов-

---

[1]) *Архан. губ. вѣд.* 1869 г., № 82.

[2]) *Арх. губ. вѣд.* 1853 г., № 20.

города, перешли подъ власть Московскаго государства. Покоривъ Лопарей, Русскіе озаботились также сдѣлать ихъ участниками своей цивилизаціи черезъ передачу имъ христіанской религіи. Распространялось христіанство между Лопарями довольно медленно, и только съ XVI вѣка можно считать его вполнѣ утвердившимся, именно съ того времени, когда были посланы отъ Лопарей старѣйшины къ великому князю, съ просьбою дать имъ учителей христіанства. Распространенію и утвержденію христіанства между Лопарями много содѣйствовало вліяніе Соловецкаго монастыря, а также инціатива частныхъ лицъ, особенно иноковъ, которые жертвовали своею жизнью, посвящая ее трудамъ миссіонерской дѣятельности между дикарями. Лопари не забыли этихъ людей, ставившихъ цѣлью своей жизни ихъ благо: память св. Трифона, самаго ревностнаго изъ просвѣтителей, жившаго и дѣйствовавшаго около половины XVI столѣтія, пользуется до сихъ поръ ихъ благоговѣйнымъ уваженіемъ. Но вѣроятно, св. Трифонъ сознавалъ, что недостаточно окрестить Лопарей, чтобы сдѣлать ихъ христіанами. Христіанская идея не могла найдти достаточной подготовки къ ея воспріятію въ этихъ дикаряхъ, и потому, чтобы сдѣлать ихъ дѣйствительно христіанами, необходимо было имѣть возможность дѣйствовать на нихъ постоянно въ духѣ христіанской религіи и нравственности, и не только словомъ, но и дѣломъ, такъ какъ для дикаря фактъ всегда краснорѣчивѣе всякихъ поясненій и разсужденій. Поэтому-то св. Трифонъ основалъ въ странѣ Лопарей, на рѣкѣ Печенгѣ, монастырь, очень извѣстный въ исторіи края подъ именемъ Печенгскаго. Но оправдались ли разчеты основателя? Что сдѣлалъ монастырь для блага тѣхъ, кому онъ долженъ былъ служить? Помогъ ли онъ имъ въ развитіи ихъ понятій и въ вытекающемъ оттуда улучшеніи ихъ быта, научилъ ли вносить больше правды въ ихъ отношенія къ людямъ? Къ сожалѣнію, исторія не даетъ благопріятныхъ отвѣтовъ на эти вопросы. Печенгскій монастырь имѣлъ на Лопарей вліяніе прямо противоположное тому, какого ожидалъ отъ него его основатель. Прежде всего монастырь ввелъ въ жизнь Лопарей новый, неизвѣстный еще имъ элементъ, идущій прямо въ разрѣзъ христіанскому ученію любви и братства, именно—крѣпостное право. По просьбѣ монаховъ два лопарскіе погоста—Печенгскій и Мотовскій были закрѣплены за монастыремъ

жалованною грамотой царя Ивана Васильевича отъ 22-го ноября 1556 года. По этой грамотѣ монастырю предоставляется право на владѣніе морскими губами: „Мотовскою, Лицкою, Урскою, Лазренскою и Нанденскою и рыбными ловлями и *морскими выметами, коли изъ моря выкинетъ кита, или моржа, или иного какого звѣря, и морскимъ берегомъ, землею, островами, рѣками, малыми ручейками, и съ верхотинами и тонями, и горовными мѣстами, и пожнями, и лѣсами, и лѣсными озерки, и звѣриными логовища, и Лопарями, которые Лопари наши данные въ той Мотовской и Печенгской губѣ нынѣ есть и впредъ будутъ*“. Но монастырь не довольствовался своими правами на Мотовскихъ и Печенгскихъ Лопарей, которые были за нимъ закрѣпощены. Онъ простиралъ еще дальше свои притязанія: старался захватить въ свои руки также и угодья другихъ Лопарей, именно Нотозерскихъ и Сонгельскихъ. Частью онъ бралъ ихъ угодья на оброкъ, частью старался обратить въ свою собственность, какъ то видно изъ разныхъ мѣстъ грамоты, данной въ 1697 г. Нотозерскимъ и Сонгельскимъ Лопарямъ на рыбныя ловли [1]).

Обращеніе Печенгскаго монастыря съ своими вотчинниками, останавливало на себѣ вниманіе даже епархіальнаго начальства, какъ это видно изъ письма архіепископа Аѳанасія къ этимъ кабальнымъ Лопарямъ, гдѣ онъ успокоиваетъ ихъ, предлагая свою защиту: „Васъ, послушниковъ нашихъ, въ милости всегда имѣть будемъ и строителемъ и священникомъ и служебникомъ тоея нашея пустыни и всѣмъ кольскимъ жителямъ никакою обидою обидить васъ не дадимъ, а буде кто отъ сего времени не бояся Бога будетъ на васъ какою обидою нападывать или похищать имѣніе ваше, и мы преосвященнѣйшій архіепископъ, указали вамъ на тѣхъ обидящихъ людей присылать къ намъ заручные ваши челобитные съ нарочными посыльщики“ [2]).

Монастырь все утрачивалъ свое первоначальное значеніе, религіозное и просвѣтительное; въ замѣнъ того, онъ пріобрѣталъ новое значеніе — важнаго торговаго и промышленнаго центра. Въ силу своего новаго положенія онъ не могъ сохранять тѣ отношенія къ

---

[1]) См. ниже приложеніе 3-е.

[2]) *Труды Арх. Губ. Стат. Ком.* за 1865 г., кн. 1, стр. 42.

Лопарямъ, какія должны были установиться между просвѣтителями и просвѣщаемыми. Конечно, для Лопаря не могла быть вполнѣ дѣйствительна проповѣдь братской любви и отрѣченія отъ благъ міра, произносимая лицами, пользующимися доходами съ ихъ угодій, особенно съ ихъ богатыхъ рыбныхъ ловлей, которыя искони привыкли Лопари считать своею собственностью, и отъ которыхъ получали свое пропитаніе. Этихъ рыбныхъ угодій было у монастыря такъ много, что онъ могъ управляться только съ богатѣйшими, а остальныя долженъ былъ отдавать въ аренду [1]). Лопари же служили монастырю и какъ рабочіе, и какъ покрученики изъ половины дохода. Монастырь, ведя большую торговлю, бралъ у Лопарей ихъ промыслы, снабжая въ обмѣнъ, какъ теперь дѣлаютъ русскіе торговцы - поморы, хлѣбомъ и другими необходимыми предметами. Служили ли эти сдѣлки средствомъ къ эксплуатаціи Лопарей, какъ они служатъ теперь, или нѣтъ,—не извѣстно. Знаемъ только, что хотя съ одной стороны, монастырь не особенно церемонился съ своими вотчинниками Лопарями, за то, съ другой—сохраняя еще свои традиціи, помогалъ имъ во время голода, давая пропитаніе. Но положительно можно сказать, что примѣромъ нравственности монастырь не служилъ; монахи вели образъ жизни далеко не безукоризненный, какъ свидѣтельствуютъ изданные и не изданные документы [2]). Если есть основаніе обвинять Лопарей въ излишнемъ пристрастіи къ спиртнымъ напиткамъ, то этимъ же порокомъ погрѣшали печенгскіе монахи; соблазнъ былъ одинаковъ для тѣхъ и другихъ: близость норвежскаго рому и ликеровъ. Наконецъ, въ 1764 году монастырь былъ упраздненъ; каковы были результаты его существованія—вытекаетъ изъ всего вышесказаннаго.

Впрочемъ, не одинъ только Печенгскій монастырь пользовался собственностью Лопарей; угодья ихъ отдавались великими князьями и царями въ пользованіе различнымъ монастырямъ, даже очень отдаленнымъ; такъ напримѣръ, рѣка Еколга была дана Крестному монастырю въ Каргопольскомъ уѣздѣ и Воскресенья въ Москов-

---

[1]) См. приложеніе 4.

[2]) *Записки Русск. Отдѣл. Археологич. Общества*, II. 1861 г., стр. 646 и др.; *Труды Арх. Губ. Стат. Ком.* за 1865 г., ч. 1 стр. 39 и 40; см. также приложеніе 2-е.

скомъ [1]). Что же касается до притѣсненій Лопарей, то и тутъ монахи Печенгскаго монастыря не составляли исключенія. Разныя лица, приставленныя къ управленію краемъ, да и всѣ вообще, кто могъ, позволяли себѣ въ отношеніи Лопарей всякія произвольныя дѣйствія и несправедливости, въ надеждѣ на ихъ слабость и беззащитность. Какъ поступали Русскіе съ Лопарями—видно изъ челобитной патріарха Никона царю Алексѣю Михайловичу. Никонъ передаетъ царю жалобы Лопарей на посадскаго человѣка Василія Звягина, который насильно захватилъ нѣсколько принадлежащихъ имъ рѣкъ и ручьевъ, билъ и увѣчилъ Лопарей, потомъ привезъ изъ Кольскаго острога пятидесятника стрѣлецкаго съ шестью вооруженными людьми и началъ грабить у Лопарей песцовъ и оленьи кожи и сало, а потомъ вымучилъ у нихъ на тѣ рыбные промыслы запись, которую и написалъ самъ, и сталъ промышлять въ тѣхъ рѣкахъ. При этомъ еще Лопари жаловались, что ихъ сильно обижаютъ государевы люди, ходящіе на промыселъ кречетовъ, берутъ съ нихъ кормы вдвое и втрое противъ положеннаго, лучшихъ оленей и все, что увидятъ, такъ что Лопари хотѣли уже разбрестись въ разныя стороны, не будучи въ состояніи выносить такое насильство. Такъ какъ въ этомъ погостѣ находились монастырскія рыбныя ловли, то Никонъ и вступился, чтобы Лопари, въ самомъ дѣлѣ, не разбрелись и не учинили монастырскому рыбному промыслу „порухи и безпромыслицы, а монастырю и промышленнымъ людямъ убытки и проѣсти и волокиты“.

Видно, притѣсненія Лопарей со стороны Русскихъ были велики, когда постоянно являлась необходимость ограждать ихъ царскими грамотами. Такъ напримѣръ, въ грамотѣ царей Іоанна и Петра 1686 г., вслѣдствіе челобитья семи лопскихъ погостовъ мирскихъ челобитчиковъ, „съ Олонецкаго и съ иныхъ кружечныхъ дворовъ въ лопскія погосты съ виномъ и съ пивомъ и съ медомъ целовальникомъ ѣздить и тѣмъ убытковъ и разоренья лопскихъ погостовъ крестьянамъ чинить не велено“ [2]). Это было повтореніемъ прежнихъ жалованныхъ грамотъ 1614 и 1648 гг., которыми, между прочимъ,

---

[1]) См. приложеніе 5-е.

[2]) *Записки Археолог. Общ.*, II, 1861 г., стр. 679. То же повторялось и послѣ, какъ видно изъ Приложеній за №№ 5 и 6.

предписывалось мѣстнымъ властямъ „лопскихъ погостовъ крестьянъ“ Лопарей оберегать и налоги имъ не чинить, чтобъ имъ жить въ покоѣ“, и грамоты 1606 г., по которой также воспрещаемо было привозить на продажу въ погосты вино и медъ [1]).

Время все шло: отняты вотчины у монастырей, измѣнилось управленіе; стали они свободны, но только съ виду: изъ рукъ Печенгскаго монастыря Лопари попали въ руки поморовъ-торговцевъ, у которыхъ состоятъ въ такой же кабалѣ, какъ и прежде у монаховъ [2]).

Что соприкосновеніе съ Русскими не было благопріятно для Лопарей въ экономическомъ отношеніи, свидѣтельствуетъ введеніе рабства; что оно было мало благопріятно и для духовнаго развитія Лопарей, можно заключить изъ множества фактовъ, свидѣтельствующихъ объ упадкѣ между ними нравственности. Та честность и правдивость Лопарей по отношенію къ Русскимъ, о которой писали фонъ-Поппманъ и др., существуетъ нынѣ почти только въ разсказахъ; Русскіе, сталкивающіеся нынѣ съ Лопарями, считаютъ ихъ людьми крайне лживыми, каждую минуту готовыми на обманъ, людьми, которымъ ни въ чемъ нельзя вѣрить. Умственное развитіе ихъ, если взять его мѣриломъ грамотность, также не подвинулось впередъ: грамотныхъ между ними вовсе нѣтъ. Да никакой сколько-нибудь значительный шагъ въ умственномъ развитіи и невозможенъ для народа, пока онъ не перейдетъ къ осѣдлому быту, а сами Лопари, между тѣмъ, мало расположены измѣнить свой образъ жизни. Впрочемъ, уже 200 человѣкъ Лопарей, на запросъ администраціи, еще въ 1868 г. заявили о своемъ желаніи перейдти къ осѣдлости [3]). Можетъ быть, и остальные убѣдятся въ преимуществахъ осѣдлой жизни передъ кочевою, хотя разумѣется, только очень осязательныя выгоды, съ одной стороны, или крайняя нужда, съ другой, могутъ поколебать ихъ вѣковую привычку къ бродячей жизни.

Каждый Лопарь три-четыре раза въ годъ и болѣе мѣняетъ мѣсто жительства. Зиму Лопари проводятъ въ зимнихъ погостахъ внутри страны, гдѣ у нихъ есть болѣе удобныя жилища, назы-

---

[1]) Акты Истор., изд. Археограф. Коммисс., V, стр. 241.

[2]) *Арх. Губ. Вѣд.* 1861 г., № 46 и самые обычаи.

[3]) *Арх. Губ. Вѣд.* 1868 г., № 26.

ваемыя *тупа*, которыя дѣлаются изъ сосноваго лѣса, въ родѣ избы, только гораздо меньше. Въ лѣтнихъ и осеннихъ погостахъ Лопари устраиваютъ на скорую руку родъ шалаша изъ жердей, крытыхъ дерномъ. Когда наступаетъ весна, въ апрѣлѣ Лопари ѣдутъ изъ зимнихъ погостовъ на свое весеннее мѣсто или къ озерамъ, гдѣ удобнѣе промышлять свѣжую рыбу, или къ морю промышлять треску и палтусину. Иные проводятъ лѣто на морскихъ берегахъ, иные—у большихъ озеръ и рѣкъ. Къ 1-му числу мѣсяца августа всѣ ѣдутъ на осеннія мѣста, гдѣ, кромѣ рыбы, промышляютъ при наступленіи зимы оленей и разныхъ пушныхъ звѣрей: куницу, лисицу, выдру, россомаху и медвѣдей. На Рождество или Крещеніе почти всѣ собираются въ зимніе погосты. Лопари принуждены такъ бродить потому, что всѣ ихъ рѣки, озера, рѣчки, ручьи, лѣсныя ухожья, то есть, мѣста ловли птицъ и звѣрей, издавна подѣлены между Лопарями, съ правомъ владѣть наслѣдственно каждымъ изъ этихъ угодій: они и должны переходить съ мѣста на мѣсто, чтобы посѣтить каждый изъ принадлежащихъ имъ участковъ. Какъ Лопари владѣли своими землями и угодьями въ старину, это видно изъ жалованныхъ имъ въ разное время царскихъ и великокняжескихъ грамотъ и выписокъ изъ писцовыхъ книгъ, находившихся въ этихъ грамотахъ [1]).

Въ административномъ отношеніи Лопари раздѣляются на двѣ волости: къ одной принадлежатъ Лопари Терскіе, имѣющіе управленіе въ с. Поноѣ, а къ другой—Мурманскіе, коихъ волостное правленіе въ г. Колѣ. Эти волости заключаютъ въ себѣ лопарскія селенія, называемыя погостами, изъ которыхъ одни обитаемы только лѣтомъ, другіе только зимой, и которые потому дѣлятся на зимніе и лѣтніе. Къ Понойской волости принадлежатъ погосты: Сосновскій, Каменскій, Эконьскій, Лумбовскій. Къ Кольско-Лопарской: Кицкій, Вороньеручьевскій, Масельскій, Разноволоцкій, Вороньеозерскій, Экостровскій, Рикотайбольскій, Кильдинскій, Бабенскій, Мотовскій, Пазрѣцкій, Печенскій, Ловозерскій, Воронежскій, Семиостровскій, Нотозерскій, Сонгельскій. При своей полукочевой жизни и препятствіяхъ, представляемыхъ климатомъ, Лопари не могутъ заниматься земледѣліемъ и даже изъ своихъ сѣнокосовъ не

---

[1]) См. приложеніе 3-е.

извлекаютъ никакой выгоды, такъ какъ не заготовляютъ сѣна на зиму. Только Воронежскіе Лопари отдаютъ свои луга за ничтожную плату въ аренду Русскимъ. Скотоводство находится у нихъ въ самомъ плохомъ состояніи: изъ домашняго скота Лопари держатъ только ничтожное количество овецъ да оленей, но и тѣхъ не много.

Одни Фильманы обращаютъ на разведеніе оленей серьёзное вниманіе и держатъ ихъ по нѣсколько тысячъ; остальные Лопари часто имѣютъ только по нѣсколько штукъ оленей. Олени эти лѣтомъ и зимою остаются безъ всякаго присмотра. Лопарь беретъ на себя только обязанность заклеймить ихъ и затѣмъ пускаетъ въ тундру, иные хозяева свозятъ на лѣто свои стада на острова, чтобы предохранить ихъ отъ волковъ. Оленеводство въ прежнее время играло очень видную роль въ хозяйствѣ Лопаря, но мало по малу оно теряетъ свое значеніе, вытѣсняясь другими отраслями промышленности, именно рыболовствомъ и звѣроловствомъ. Звѣринымъ промысломъ Лопари занимаются зимой, съ декабря до весны; но онъ не всегда бываетъ удаченъ, такъ какъ звѣрь появляется въ значительномъ количествѣ не каждый годъ. Самые важные промыслы—на дикихъ оленей, лисицъ, куницъ и бѣлокъ. Впрочемъ, дикіе олени становятся рѣже и рѣже въ тундрахъ; количество куницъ и лисицъ также уменьшается съ каждымъ годомъ вслѣдствіе неразумнаго производства промысловъ, бобры, которыми прежде Лопари платили дань, теперь почти вовсе вывелись. Еще Лопари занимаются птицеловствомъ: ловятъ преимущественно куропатокъ, гагъ и гусей.

Но самую главную отрасль лопарскаго хозяйства составляетъ рыболовство. Лопари ловятъ рыбу въ Сѣверномъ океанѣ, въ Бѣломъ морѣ, въ рѣкахъ и озерахъ, которыми изобилуетъ Лапландскій полуостровъ. Рыбы вылавливается ими огромное количество. Самая доходная статья изъ рыбныхъ промысловъ—ловля семги въ рѣкахъ; за невозможностью имѣть выгодный сбытъ своему товару, Лопари, по большей части, отдаютъ свои семужьи тони въ аренду. Лопари промышляютъ еще морскихъ звѣрей, но этотъ промыселъ незначителенъ; киты, которыхъ выкидываетъ на берега моря, также составляютъ ихъ собственность. Еще Лопари нѣкоторыхъ погостовъ имѣютъ доходы отъ извозничества, т. е. пере-

возки товаровъ и людей на Мурманскій берегъ и содержанія обывательскихъ станцій, также отъ караула промышленныхъ становъ, судостроенія, выдѣлки оленьихъ шкуръ, рубки лѣса и дровъ. Вотъ и всѣ статьи дохода Лопарей. Рыба, главный продуктъ ихъ промысловъ, идетъ почти вся на собственное пропитаніе. Хотя Лопари и сильно заразились отъ русскихъ торговымъ духомъ, по свидѣтельству Кастрена, но не научились отъ нихъ разчетливости. Лѣтомъ, когда у нихъ много рыбы, они потребляютъ ее въ огромномъ количествѣ; въ продолженіе трехъ лѣтнихъ мѣсяцевъ семья Лопарей, по словамъ священника Терентьева, съѣдаетъ до 156 пудъ лучшей рыбы, оставляя къ зимѣ только мелочь, сушеную на солнцѣ. Зимой они чувствуютъ недостатокъ даже въ рыбѣ и сами должны покупать никшуй и сухія тресковыя головы. Между тѣмъ, хлѣбъ, къ которому они очень привыкли, соль и все прочее, необходимое въ хозяйствѣ, они должны обмѣнивать у торговцевъ на свои промыслы, а этотъ обмѣнъ для нихъ всегда крайне невыгоденъ: кулаки-торговцы ставятъ Лопарямъ, не имѣющимъ возможности иначе сбыть свои продукты, произвольно высокую цѣну на свои товары и сильно понижаютъ цѣну лопарскихъ товаровъ. Въ результатѣ оказывается, что, не смотря на свои богатые промыслы, Лопарь питается похлебкой изъ сосновой коры, хлѣбомъ, смѣшаннымъ съ тою же корой, считая чистый хлѣбъ, безъ примѣси, лакомствомъ.

Характеръ Лопаря, по словамъ Кастрена, вообще тихій, мирный, уступчивый: миръ—его счастіе, его блаженство. Преданіе говоритъ, что въ Лопарской землѣ хотя снаружи все бѣдно и грязно, за то въ нѣдрахъ ея скрывается чистое золото: это чистое золото—„миръ“, обожаемый Лопарями. Они переносятъ всѣ лишенія, чтобы хотя короткое время наслаждаться „миромъ“; это—первое слово ихъ привѣтствія и конечная цѣль ихъ бытія; мирно прожить—больше Лопарь ничего не желаетъ. Въ этомъ мирномъ характерѣ Лопарей много общаго съ народнымъ характеромъ Финновъ, которые столь же неподвижны и уступчивы, когда дѣло идетъ о предметахъ, которымъ они не придаютъ важности; но коснись только важныхъ, по ихъ понятіямъ, вещей, они являются упрямыми, несговорчивыми, часто фанатиками и даже героями. Унылость также составляетъ общую черту Лопаря и Финна. На Мурманскомъ бе-

регу замѣтно уже весьма измѣненіе народнаго характера Лопарей и вліяніе русское: тамъ уже вы можете встрѣтить Лопарей иногда шумныхъ, иногда веселыхъ, разчетливыхъ не по лопарски. Въ кругу поморовъ вы тотчасъ отличите Лопаря (не говоря о наружности) по его молчаливости, но среди другихъ Лопарей Мурманскій Лопарь покажется настоящимъ Русскимъ по характеру. Священникъ Терентьевъ прибавляетъ къ этой характеристикѣ Мурманскихъ Лопарей слѣдующее: „Характеръ Лопарей вообще смирный, даже раболѣпный, но довольно упрямый; на видъ простодушны, но всегда готовы на обманъ. Ссорятся межъ собою,—дракъ и жалобъ не слышно; воровства довольно, убійствъ нѣтъ, вино любятъ до страсти, на обманъ ловки, въ вѣрѣ тверды, часовни и храмы посѣщаютъ, бѣднымъ подаютъ милостыню, въ несчастіи помогаютъ, старшихъ чтутъ; женъ любятъ, гостепріимны безъ разбору“.

Русскій языкъ знаютъ Мурманскіе Лопари, по свидѣтельству Кастрена, какъ свой природный. Даже въ домашнемъ быту стараются они болѣе и болѣе походить на Русскихъ. Нѣтъ сомнѣнія, что рано или поздно они ничѣмъ не будутъ отличаться отъ своихъ русскихъ сосѣдей и сольются съ русскимъ народомъ, подобно многимъ другимъ инородцамъ, и совершится это исподволь, незамѣтно, при незначительномъ числѣ Русскихъ Лопарей. Но все-таки до-сихъ-поръ, какъ у Мурманскихъ Лопарей, такъ въ особенности, у тѣхъ, которые живутъ въ глубинѣ полуострова и на границѣ съ Финляндіей, сохранилось во всемъ много самобытности; особенно, ихъ юридическія понятія и обыкновенія представляютъ не мало оригинальнаго, даже если судить по тѣмъ свѣдѣніямъ о ихъ обычаяхъ, которыя мы имѣемъ въ рукахъ.

По обычному праву Лопарей, мы располагаемъ матеріалами болѣе удовлетворительными, нежели по обычному праву другихъ Архангельскихъ инородцевъ. Главнымъ источникомъ при составленіи нашего собранія юридическихъ обычаевъ Лопарей послужилъ сборникъ, доставленный священникомъ Георгіемъ Терентьевымъ. Сборникъ этотъ отличается тѣмъ, что онъ составленъ по подробной программѣ и отвѣчаетъ почти на всѣ вопросы, предлагаемые программой по обычному праву, но отвѣты, къ сожалѣнію, часто очень кратки и сухи. Дополнительными матеріалами послужили два письма отъ свящ.

Терентьева къ дѣйствительному члену Архангельскаго статистическаго комитета П. С. Ефименко, также многія статьи и корреспонденція помѣщенныя въ разное время въ *Архангельскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ* того же свящ. Терентьева и другихъ лицъ. Еще немного свѣдѣній заимствовано изъ книгъ: „Новыя и достовѣрныя извѣстія о Лапландцахъ въ Финмархіи, переводъ съ датскаго“ (Москва, 1792 г.), Максимова—„Годъ на Сѣверѣ“, Михайлова — „Очерки природы и быта Бѣломорскаго края Россіи“, Верещагина—„Очерки Архангельской губерніи“ и статьи, помѣщенной въ *Современникѣ* за 1843 г., № 2: „Кастренъ и Ленротъ въ Русской Лапландіи“. Гдѣ свѣдѣнія заимствованы нами изъ этихъ дополнительныхъ матеріаловъ, тамъ мы дѣлаемъ ссылку, въ которой указываемъ источникъ; гдѣ же нѣтъ ссылокъ, значитъ свѣдѣнія заимствованы изъ сборника свящ. Терентьева [1]).

I.

Гражданское право.

1. Право семейственное.

Въ старину, когда у Лопарей еще былъ крѣпокъ родовой бытъ, запрещалось вступать въ бракъ съ членомъ своего рода: это обычай общій у Лопарей, по свидѣтельству Тайлора, съ многими другими народами, находящимися на низшихъ ступеняхъ цивилизаціи [2]). Введеніе христіанства и ослабленіе основъ родоваго быта не могли остаться безъ вліянія на этотъ обычай, но не уничтожили его, и теперь Лопари стараются по возможности выбирать себѣ невѣстъ изъ другаго рода. Впрочемъ, въ настоящее время Лопари женятся не рѣдко и на Русскихъ, такъ какъ многіе изъ нихъ при ихъ малочисленности, переродились черезъ браки и кумовства.

---

[1]) Приведенный г-жей Ефименко перечень литературы по юридическимъ обычаямъ слѣдуетъ дополнить статьей свящ. Терентьева «Лопская Свадьба», помѣщенною въ *Архангельскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ* 1874 г., № 21, ср. подробный библіографическій указатель *Е. К. Якушкина* въ его книгѣ Обычнаго Права, выпускъ первый, Ярославль, 1875 г. *Ред.*

[2]) Доисторическій бытъ человѣка, стр. 380, 388.

*

Кровное родство считается препятствіемъ для брака до третьяго колѣна включительно, въ четвертомъ же позволяется вступать въ бракъ, иное родство мало наблюдается. Степени родства однокровнаго и двукровнаго разбираются старикамп и старухамп.

Кумовство считается также большимъ родствомъ и служитъ препятствіемъ къ браку, браки въ кумовствѣ считаются несчастными. Кромѣ кумовства, есть еще одинъ видъ духовнаго родства, очень уважаемый Лопарями, хотя и не служащій препятствіемъ къ браку, это—побратимство, называемое здѣсь *крестованье*. Названіе этого обычая произошло отъ того, что заключающіе между собою братскій союзъ мѣняются крестами, „крестоваются". Послѣ обмѣна крестовъ, союзъ закрѣпляется еще обмѣномъ подарковъ. Лопарь даритъ тому, съ кѣмъ онъ заключилъ такой союзъ, что̀ у него есть лучшаго: оленя, лучшій оленій мѣхъ, бобра, чернобурую лисицу и проч. Лопари любятъ этотъ обычай крестованья и заключаютъ такой союзъ не только между собою, но и съ Русскими. Русскіе часто пользуются этимъ обычаемъ для корыстныхъ цѣлей: приглашаютъ Лопаря побогаче къ себѣ на лодью, угощаютъ его, заявляютъ ему свое дружеское расположеніе: „А ну покрестоваемся братъ?" кричитъ восхищенный Лопарь. „Покрестоваемся!" отвѣчаетъ ему хозяинъ и тотчасъ надѣляетъ гостя какимъ-нибудь подаркомъ, двумя-тремя фунтами ишена, гороха и еще чѣмъ-нибудь подобнымъ. Черезъ нѣсколько времени признательный Лопарь уже несетъ своему крестовому или прекрасную оленью шкуру или дорогой лисій мѣхъ. Вотъ примѣръ такого крестованья: „Одинъ Русскій промышленникъ на Мурманскомъ берегу, близь норвежской границы, встрѣтилъ неизвѣстнаго ему Лопаря, богатство котораго состояло въ оленьихъ стадахъ. Промышленникъ пригласилъ къ себѣ на лодью Лопаря. Лопарю понравился новый его знакомый такъ, что онъ ему предложилъпокрестоваться, и Лопарь, по обычаю, получилъ подарокъ, потомъ пригласилъ къ себѣ своего крестоваго брата. Они съѣхали на берегъ, и пройдя нѣсколько шаговъ, очутились на небольшой равнинѣ, окруженной скалами. Лопарь громко свиснулъ, и на этотъ свистъ послышался лай собакъ: Лопарь повелъ своего крестоваго на холмъ, съ котораго видно было, какъ сбѣгались на равнину стада оленей, ловко загоняемыя собаками. „Вотъ всѣ мои олени", сказалъ Лопарь;—„выбирай себѣ

любаго". Крестовый смутился и не хотѣлъ брать, сравнивая ничтожность своего подарка съ предлагаемымъ Лопаремъ. Лопарь сошелъ съ горы и, выбравъ самаго лучшаго оленя, ловко набросилъ на рога его петлю: олень былъ убитъ, и промышленникъ разстался съ крестовымъ, неся съ собою прекрасную шкуру и мясо оленя" [1])

Другой видъ духовнаго родства *кумовство*, обусловливаетъ существованіе понятій: крестныхъ отца, матери, сына, дочери. Лопари также имѣютъ названія для различныхъ отношеній какъ кровнаго родства, такъ и свойства. Кромѣ отца, матери, дочери, сына, мужа, жены, у нихъ есть еще названія для тестя, зятя, невѣстки, деверя, золовки, дяди, тетки, шурина, свата, сватьи. Пріемыши не считаются за родню, такъ что могутъ вступать въ браки не только съ дѣтьми тѣхъ, кто ихъ принялъ, но и съ самыми принявшими лицами.

Самый обыкновенный возрастъ для вступленія въ бракъ—это послѣ 20 лѣтъ; ранѣе узаконеннаго возраста браковъ не бываетъ. Кромѣ условій возраста, требуется обычаемъ отъ Лопаря, для вступленія въ бракъ, еще соблюденіе одного условія: онъ долженъ убить дикаго оленя и умѣть его *освъжевать* [2]), снять шкуру и пр.

У Лопарей нѣтъ обычая соблюдать какое-либо соотвѣтствіе между лѣтами жениха и невѣсты, такъ какъ у нихъ браки заключаются главнымъ образомъ по разчету. Часто можно видѣть 18—20-лѣтнихъ юношей, женатыхъ на 60-лѣтнихъ старухахъ, потому только, что тѣ богаты, и на оборотъ—полуживыхъ стариковъ, женатыхъ на 16-лѣтнихъ женщинахъ. Одинъ путешественникъ разказываетъ по этому поводу слѣдующее: „Я зашелъ въ *кувасъ* (жилище Фильмановъ) и засталъ тамъ цѣлое семейство: молодаго парня лѣтъ 20-ти, который лѣниво одѣвался, женщину лѣтъ 50-ти, которая подкладывала сырые березовые прутья въ огонь и что-то сердито ворчала себѣ подъ носъ, вѣроятно, выражая свое неудовольствіе, что мы такъ невѣжливо прервали ея сладкій сонъ, и молодую дѣвушку, которая при моемъ входѣ зарылась въ кучу оленьихъ шкуръ; двѣ дѣтскія головы съ боязливымъ любопытствомъ выглядывали изъ-подъ *роввы* (одѣяло изъ оленьихъ

---

1) Очерки Арх. губ. *Верещагина.*

2) *Арх. губ. вѣд.*, 1845 г., стр. 421.

шкуръ). „Это вѣрно твоя мать?“ спросилъ я Фильмана, указывая на старуху.—„Нѣтъ, жена“, отвѣчалъ тотъ. „Какъ же ты рѣшился жениться на такой красавицѣ?“—„Богата, денегъ много и оленей много“. „А эта дѣвка?“—„Дочь жены отъ перваго мужа“. „А ребята?“. „Тоже женины дѣти“ [1]).

Лопари очень уважаютъ власть родителей, которые обыкновенно сами выбираютъ невѣстъ своимъ дѣтямъ, имѣя въ виду исключительно матеріальный разчетъ [2]). Въ особенности у Фильмановъ вовсе не бываетъ браковъ по любви или взаимному влеченію.

Когда нѣтъ въ живыхъ родителей, то ихъ мѣсто на свадьбѣ заступаютъ вотчимъ и мачиха или крестные отецъ и мать, или наконецъ тѣ, кто помогаетъ играть свадьбу. Согласія на бракъ опекуновъ, воспитателей и хозяевъ не требуется.

Случаи вступленія въ бракъ безъ согласія родителей бываютъ, хотя и рѣдко. Если бракъ совершается по общему согласію, то бываютъ свадебныя пиршества съ обѣихъ сторонъ, т. е. со стороны родителей какъ жениха, такъ и невѣсты, и невѣста получаетъ приданое (надо замѣтить, что хотя у Лопарей покупаютъ невѣстъ, но тѣмъ не менѣе дается и приданое), если же бракъ бываетъ тайный, самовольный, то пиршествъ свадебныхъ не бываетъ, и невѣста не получаетъ приданаго, кромѣ того, что̀ можетъ взять съ собою при самовольномъ уходѣ. Празднованіе свадьбы не считается обязательнымъ; бываютъ нерѣдко случаи, особенно у бѣдныхъ, что вѣнчаются, не празднуя свадьбы.

Брачующіеся вопреки воли родителей лишаются приданаго и отдѣляются отъ семьи; хотя родители въ такихъ случаяхъ не жалуются и не требуютъ наказанія ослушниковъ, а также не лишаютъ ихъ наслѣдства, но такіе браки пользуются общимъ презрѣніемъ.

Во время сватовства всегда бываютъ семейные и даже родственные совѣты, гдѣ первенствующее значеніе имѣетъ голосъ матери, который часто и рѣшаетъ дѣло.

Хотя родители берутъ на себя заботы объ устройствѣ брачныхъ союзовъ для своихъ дѣтей, но принимаютъ вообще въ раз-

---

[1]) *Арх. губ. вѣд.* 1861 г., № 39.

[2]) *Арх. губ. вѣд.* 1869 г., № 81.

четъ и согласіе этихъ послѣднихъ. Изрѣдка случается и такъ, что родители женятъ дѣтей противъ ихъ воли; такіе браки бываютъ несчастны, по отсутствію согласія между супругами.

Бракъ у Лопарей сопровождается нѣкоторыми обрядами, выражающими взглядъ ихъ на брачный союзъ [1]). Когда невѣста выбрана, женихъ съ отцемъ отправляются въ тотъ погостъ, гдѣ она живетъ и идутъ въ ея тупу. Прежде чѣмъ войдти, отецъ жениха творитъ молитву, и получивъ въ отвѣтъ аминь, входитъ вмѣстѣ съ сыномъ. Остановясь тамъ впереди сына, онъ вынимаетъ сосудъ съ виномъ, наполняетъ стаканы и подаетъ отцу невѣсты, или если нѣтъ отца, старшему въ семействѣ. Тотъ, видя, что ему поднесли вино, не отказывается отъ подносимаго, а спрашиваетъ: „А что̀, первая рюмка не завяжетъ?“ на что̀ и получаетъ увѣреніе, что рюмка не обяжетъ исполнить просьбу гостя. Выпивъ рюмку, хозяинъ отдаетъ ее обратно. Послѣ этого слѣдуетъ другая—хозяйкѣ; та, посмотрѣвъ на мужа и получивъ отъ него разрѣшеніе, выпиваетъ также. Принявъ отъ гостя и другую рюмку, хозяинъ приглашаетъ его и сына садиться, и тогда-то между выпившими родителями жениха и невѣсты начинается сватовство. Женихъ не принимаетъ въ немъ никакого участія. Осушивъ привезенное, гости уѣзжаютъ, получивъ въ отвѣтъ обѣщаніе подумать. Вообще, вино играетъ видную роль при свадьбахъ: женихъ до самаго заключенія брачнаго союза обязанъ поить отца невѣсты при всякомъ удобномъ случаѣ: иначе дѣло расходится [2]). Когда отецъ будетъ согласенъ отдать свою дочь замужъ, то присылаетъ своего сына съ утвердительнымъ отвѣтомъ къ отцу жениха. Тотъ, получивъ отвѣтъ, пріѣзжаетъ съ родными въ домъ невѣсты. Прежде всего заключается договоръ о платѣ, которую женихъ долженъ дать за невѣсту; условія этого договора никогда не бываютъ пись-

---

[1]) Такъ какъ свадебные обряды у Лопарей и другихъ инородцевъ составляютъ не болѣе какъ обычную сдѣлку, и самъ законъ признаетъ за такими обрядами юридическую силу (въ 90 ст. X т., ч. 1 говорится, что каждому племени и народу, не выключая и язычниковъ, дозволяется вступать въ бракъ по правиламъ ихъ закона или по *принятымъ обычаямъ*), то мы излагаемъ обряды, сопровождающіе заключеніе брака, въ ихъ существенныхъ чертахъ.

[2]) *Арх. губ. вѣд.* 1868 г., № 2: Этнографія Лопарей.

менныя, такъ какъ между Лопарями не распространена грамотность. Договоръ о платѣ ведется такъ безцеремонно, какъ бы дѣло шло о всякомъ другомъ предметѣ продажи и купли, при этомъ дѣлаются обыкновенно съ невѣстиной стороны непомѣрные запросы. Плата за невѣсту состоитъ въ извѣстномъ количествѣ оленей, мягкой рухляди, или наконецъ, въ службѣ тестю въ продолженіе извѣстнаго срока. По заключеніи договора бываетъ рукобитье: отцы жениха и невѣсты подаютъ другъ другу руки, которыя разнимаетъ посторонній свидѣтель, затѣмъ слѣдуетъ богомолье—зажигаютъ свѣчи передъ иконами и молятся Богу вмѣстѣ. Послѣ этихъ обрядовъ брачный договоръ считается заключеннымъ. На рукобитьи и богомольи условій о приданомъ не бываетъ. Женихъ и невѣста обмѣниваются подарками: невѣста даритъ чашку съ морошкой, *пяжуи* (обувь изъ кожи оленьихъ ногъ) или оборы къ *кеньгамъ* (тоже видъ обуви), вязаный колпакъ, поясъ свекрови, а получаетъ въ обмѣнъ кольцо, прялку, платокъ.

Расходы жениха на свадьбу не ограничиваются платой за невѣсту, подарками ей и угощеніемъ будущаго тестя. Наканунѣ дня, назначеннаго для отъѣзда въ церковь, всѣ родные и знакомые невѣсты сбираются въ ея тупѣ. Пріѣзжаетъ женихъ, но его не пускаютъ туда: дверь заперта на задвижку. Онъ останавливается съ своими родными въ сѣняхъ и начинаетъ стучать въ дверь, приговаривая до трехъ разъ молитву: „Господи Іисусе Христе, Боже нашъ, помилуй насъ!“ Послѣ послѣдняго удара изъ-за дверей сердито окликаютъ пришедшихъ заспаннымъ, хриплымъ голосомъ: „Кто это тамъ по ночамъ бродитъ, безпокоитъ?“ И просунувъ голову въ полуотворенную дверь, Лопарь, родственникъ невѣсты, жмуритъ глаза и приговариваетъ: „Не вижу, не вижу, что тамъ за люди пришли!“ Отецъ жениха даетъ ему полтинникъ, тотъ третъ монетой одинъ глазъ и щуритъ другой. Хотя онъ опять получаетъ отъ жениха какую-нибудь монету, но все не отстаетъ, говоритъ, что у него болитъ горло, что онъ озябъ, и получаетъ подарки—платокъ и т. д. То же самое повторяетъ и другой привратникъ. Обдаривъ этого послѣдняго, сказываютъ ему, что пришли де отъ заморскаго купца, у котораго улетѣла птичка и спряталась въ этой вѣжѣ. Ихъ тотчасъ пускаютъ посмотрѣть, поискать. Въ то время какъ гости входятъ въ избу, вся родня невѣ-

сты сидитъ на скамьяхъ, но самой невѣсты здѣсь нѣтъ, отецъ ея сидитъ, опустивъ голову, дѣлая видъ, будто спитъ. Гости подходятъ къ нему и будятъ, ударяя въ голову концами пальцевъ. Очнувшійся отецъ протираетъ глаза и проситъ на очки, на починку головы. То же самое дѣлаетъ и вся остальная невѣстина родня, которую женихъ обязанъ также обдаривать. Когда эта церемонія кончится, выводятъ невѣсту, закрытую покрываломъ, и сажаютъ на постель. Родные указываютъ на нее пришедшимъ и спрашиваютъ: „Не та ли это птица, что̀ ищете?“ Но сваха даромъ не показываетъ птицы, проситъ подарка и получивъ его, поднимаетъ покрывало. „Она!“ говорятъ пришедшіе. Послѣ того шаферъ невѣсты подводитъ ее къ жениху, говоря: „Хороши ли у вашего сокола когти, попробуемъ“, затѣмъ соединяетъ ихъ руки, положивъ пальцы невѣсты въ руку жениха и начинаетъ ударять рука объ руку. Потомъ, будто бы испытавъ крѣпость когтей сокола, т. е. жениха, говоритъ: „Охъ, у вашего сокола когти хороши“. Женихъ даритъ невѣстѣ платокъ, который она тутъ же одѣваетъ на голову, и уѣзжаетъ домой, а его родные остаются у невѣсты пировать.

На другой день женихъ отправляется за невѣстой, чтобъ ѣхать вѣнчаться. Передъ отъѣздомъ онъ кланяется отцу и матери въ ноги, прося благословенія; родители гладятъ его крестообразно по спинѣ три раза. Затѣмъ садятся на оленей и ѣдутъ къ невѣстѣ, гдѣ встрѣчаютъ ихъ поклонами. Войдя въ тупу и помолясь Богу, женихъ садится къ невѣстѣ, которая, наряженная и покрытая платкомъ, сидитъ противъ камелька; родные жениха садятся въ большой уголъ. Невѣста начинаетъ причитать родителямъ: „Какъ я жила у васъ, не знала ни заботы, ни печали, а теперь всю печаль кладете на мою бѣдную голову“. Въ это время готовятъ столъ для пиршества, за столъ садится женихъ рядомъ съ невѣстой и вся родня. По окончаніи пиршества, женихъ и невѣста кланяются до трехъ разъ въ ноги своимъ родителямъ и крестнымъ отцамъ и получаютъ отъ нихъ благословеніе. Затѣмъ невѣста начинаетъ снова причитать, между тѣмъ какъ готовятъ оленей для отъѣзда въ церковь. Послѣ вѣнчанья родные невѣсты пируютъ у жениха, по окончаніи стола, молодые ходятъ съ чаркою, въ которую каждый кладетъ сколько можетъ. Затѣмъ гости расходятся, а молодые, отправляясь спать, кланяются отцу и матери

въ ноги. По утру молодая снова кланяется въ ноги свекрови, прося у нея дѣла; та даетъ ей сначала вязать сѣтку [1]). Иногда случается, если въ погостѣ или по близости его нѣтъ церкви, надо ѣхать вѣнчаться верстъ за 300—въ Колу. Въ продолженіе всей дороги женихъ и невѣста ѣдутъ рядомъ, кережа подлѣ кережи. У невѣсты голова и лицо бываютъ закрыты большимъ платкомъ. Обвѣнчавшись, новобрачные нанимаютъ квартиру въ Колѣ для празднованія свадьбы. Молодая въ этотъ день бываетъ съ непокрытою головою противъ обыкновенія. Свадебное угощеніе бываетъ иногда ничто иное, какъ общественный пиръ, на который каждый несетъ съ собою и съѣстное, и напитки. Такъ какъ иногда женихъ платитъ за невѣсту службой тестю, то въ такомъ случаѣ послѣ свадебнаго пира молодые ѣдутъ къ отцу невѣсты и остаются у него на годъ. Проживъ годъ, они отправляются въ погостъ, къ которому принадлежитъ мужъ, получивъ отъ тестя и тещи награжденіе, состоящее изъ оленей, платьевъ и домашней утвари, и устраиваютъ свою отдѣльную вѣжу.

На свадьбѣ со стороны невѣсты дѣлаются жениху и его роднымъ слѣдующіе подарки: жениху—рубаха, свекру и свекрови тоже по рубахѣ, деверьямъ—вареги (рукавицы), золовкамъ—повязки (родъ головнаго убора).

Та сторона, которая откажется послѣ богомолья отъ сдѣланнаго обязательства на счетъ свадьбы, платитъ противной сторонѣ за обиду и убытки вдвое противъ сдѣланныхъ расходовъ на приготовленіе къ свадьбѣ, иногда же расплачивается вдовомъ. Въ запискахъ Мармье приводится одинъ случай разрыва обручальнаго договора у Фильмановъ. „Это было въ Гвальзундѣ, куда приходятъ Лопари изъ Россіи. Между молодыми обрученными произошло какое-то неудовольствіе. Молодой человѣкъ, искушаемый 700 оленей своей невѣсты, согласился бъ охотно забыть неудовольствіе, но дѣвушка твердо рѣшилась исполнить свое намѣреніе. Обѣ стороны, сопровождаемыя свидѣтелями, явились передъ пасторомъ и невѣста объявила, что желаетъ остаться по прежнему свободною. Тогда женихъ потребовалъ назадъ подарки, сдѣланные имъ невѣстѣ. Дѣвушка взяла ключъ, спрятанный подъ платьемъ, откры-

---

[1]) *Арх. губ. вѣд.* 1868 г., № 2.

ла имъ старый деревянный ящикъ и вынула оттуда серебряный перстень, кожаный поясъ, украшенный серебряными бляхами и три ситцевые платка. Молодой человѣкъ взялъ все это, осмотрѣлъ со всѣхъ сторонъ, не попорчено ли что-нибудь, и потомъ заявилъ пастору, что обрученье стоило ему много денегъ, что его невѣста выпила 18 кувшиновъ водки, и что поэтому онъ проситъ 10 талеровъ вознагражденія за понесенные убытки. При такомъ неожиданномъ заявленіи, Лапландка гордо взглянула на него и потомъ обратилась къ свидѣтелямъ; оказалось, что дѣвушка выпила только три кувшина. Пасторъ велѣлъ ей выдать талеръ ея жениху, который принялъ его съ такою радостію, какъ будто онъ не смѣлъ надѣяться на плату. Потомъ, по требованію пастора, тяжущіеся подали другъ другу руки въ знакъ забвенія обиды и разстались“ [1]).

По обычаямъ Лопарей, приданое дается невѣстѣ послѣ брака, оно состоитъ изъ слѣдующихъ вещей: *юпа* (женская верхняя одежда); каньги, тюкъ сѣна въ нихъ, вареги, сушеная сосна, оленная постель, *ровва*, половина невода, пять сѣтокъ, олень.

Приданое накопляется и отцемъ, и матерью; но выходѣ дѣвушки замужъ, оно поступаетъ въ распоряженіе какъ жены, такъ и мужа, даже послѣдняго болѣе, а прочимъ роднымъ до него дѣла нѣтъ. По смерти жены, до истеченія трехъ лѣтъ, а въ другихъ мѣстахъ шести лѣтъ брачной жизни, приданое возвращается въ ту семью, откуда взята жена, а послѣ трехъ или шести лѣтъ, хотя бы дѣтей и не было, приданое не возвращается и поступаетъ въ нераздѣльную собственность всей семьи. Кромѣ того, по словамъ фонъ-Пошмана, Лопари въ приданое даютъ оленей, и эти олени называются *безсмертными*: это означаетъ что число оленей должно быть всегда цѣло и неизмѣнно [2]).

Въ домашнемъ хозяйствѣ жена Лопаря можетъ распоряжаться рыбою, мужъ—птицею и оленьимъ мясомъ. Вообще нѣтъ обычая, чтобы доходы съ разныхъ хозяйственныхъ произведеній поступали въ исключительную собственность жены.

Занятія между мужчинами и женщинами у Лопарей распредѣляются слѣдующимъ образомъ: осенью рыбною ловлею по озерамъ

---

[1]) *Сынъ Отечества* 1839 г., т. VII, стр. 19.

[2]) *Арх. губ. вѣд.* 1870 г., № 27.

занимаются Лопарки, а мужчины промышляютъ по лѣсамъ дикихъ оленей, медвѣдей, лисицъ и пр. и въ этомъ промыслѣ проводятъ зиму. Между тѣмъ женщины съ помощью ребятъ исправляютъ всѣ домашнія дѣла: прядутъ ленъ и пеньку, изъ пряжи дѣлаютъ невода и сѣти, изъ сосноваго корня вьютъ веревки, которыя употребляютъ на тетивы къ неводамъ и сѣтямъ, вяжутъ вареги и колпаки изъ овечьей шерсти, плетутъ тесьмы, пояса и кушаки, а изъ оленьихъ кожъ шьютъ платье; также заготовляютъ дрова [1]).

Очень рѣдко случается, чтобы супруги расходились вслѣдствіе семейныхъ ссоръ; въ такомъ случаѣ приданое остается при женѣ. При расходѣ дѣти раздѣляются родителями: сыновья берутся отцемъ, дочери—матерью.

2. Юридическія отношенія членовъ семьи вообще.

Въ лопарскомъ быту значеніе семьи преимущественно *кровное*. Отецъ, какъ глава, имѣетъ полную власть надъ своею семьей и всѣмъ имѣніемъ. Отъ отца, по существующему обычаю, власть переходитъ къ старшему сыну, которому и подчиняется вся семья, со всѣмъ имуществомъ и заработками.

Отецъ совершенно властенъ распоряжаться и дѣдовскимъ имуществомъ, за исключеніемъ тѣхъ вещей, которыя дѣдъ оставилъ внуку или внучкѣ. Родители имѣютъ полное право лишить непослушныхъ дѣтей наслѣдства: если сынъ отдѣлится противъ воли отца, тогда не получаетъ никакой доли изъ имѣнья, кромѣ ружья и приданаго жены.

Гдѣ семья состоитъ изъ нѣсколькихъ братьевъ или дядей съ племянниками, тамъ хозяйство у каждаго свое, а имѣютъ они только общій столъ; иногда жь имѣютъ все общее до тѣхъ поръ, пока не замѣтятъ за кѣмъ-нибудь утайки изъ заработка, лишь замѣтятъ утайку, то тотчасъ начинается дѣлежъ. Пока живутъ вмѣстѣ, то наибольшимъ считается старшій братъ, а хозяйкой—его жена.

Вообще, женщина у Лопарей не пользуется большимъ уваженіемъ, что можно видѣть и изъ ихъ свадебныхъ обрядовъ, гдѣ

---

[1]) *Озерецковскій,* Путешествіе въ Колу.

она является просто какъ предметъ торговли. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ она считается поганою, какъ напримѣръ, во время беременности. У Лопарей-язычниковъ беременныя женщины не могли переступать, подъ страхомъ смерти, границы тѣхъ мѣстъ, гдѣ стояли ихъ идолы—сейды. Женщины даже не могли смотрѣть на эти мѣста во время проѣзда, а обязаны были закрывать глаза руками; даже мужчины не могли ходить тамъ въ той обуви, которая лежала въ одномъ сундукѣ съ женскими башмаками [1]). Но женщина, какъ мать, является съ нѣкоторымъ значеніемъ въ семьѣ; по понятіямъ Лопарей, ея власть надъ дѣтьми даже выше власти отца. Однако мужъ можетъ распоряжаться ея имѣніемъ, и полною хозяйкой является она только по смерти мужа до совершеннолѣтія дѣтей, хотя и тутъ власть ея надъ отцовскимъ и дѣдовскимъ имуществомъ ограничена: она не можетъ изъ него ничего продать, кромѣ одного оленя.

Послѣ смерти отца дѣти не могутъ раздѣлиться безъ согласія матери. Когда мать умираетъ, ея приданое наслѣдуютъ дѣти обоего пола, сыновья и дочери.

По смерти обоихъ родителей, братья, при семейномъ несогласіи, дѣлятся; въ дѣлежѣ не участвуютъ братья, прежде отдѣленные. При раздѣлѣ тупа всегда предоставляется младшему брату. Незаконнорожденные не имѣютъ долп въ наслѣдствѣ. Если старшій братъ, оставшійся по смерти родителей съ несовершеннолѣтними братьями, сдѣлаетъ приращеніе къ имуществу, то оно идетъ въ общій раздѣлъ.

Заложенное отцемъ и выкупленное сыномъ имущество, дѣлается собственностію выкупившаго.

Лопари не несутъ натуральной рекрутской повинности, а потому у нихъ нѣтъ отставныхъ солдатъ.

Чужихъ дѣтей Лопари усыновляютъ только въ такомъ случаѣ, если нѣтъ собственныхъ ни дѣтей, ни братьевъ. Тогда имущество предоставляется усыновленному.

Зять не считается усыновленнымъ, хотя бъ онъ былъ принятъ въ домъ къ дочери. Въ послѣднемъ случаѣ, по смерти жены, онъ

---

[1]) Новыя и достовѣрныя извѣстія о Лапландцахъ, стр. 135.

остается въ домѣ ея родителей и долженъ кормить дѣтей до возраста, а материнскимъ имѣніемъ пользуются дѣти обоего пола по обычнымъ частямъ. Если жъ онъ овдовѣетъ бездѣтнымъ, то долженъ выйдти вонъ изъ дома жены.

3. Опека и попечительство.

Опека у Лопарей не существуетъ. По смерти матери попеченіе о дѣтяхъ лежитъ на отцѣ, а по смерти отца—на матери. За смертью родителей, обязанность призрѣнія дѣтей лежитъ на старшемъ братѣ. Имущество остается общимъ до тѣхъ поръ, пока младшіе прійдутъ въ возрастъ. При раздѣлѣ оно идетъ по обычнымъ частямъ. Сироты, оставшіеся по смерти родителей безъ пріюта, содержатся міромъ, который за нихъ вноситъ и подати. Но чаще бываетъ такъ, что сиротъ воспитываютъ крестные отецъ или мать, предоставляя міру вносить за нихъ подати; иногда ихъ воспитываетъ тотъ, кто пользуется выгодами отъ ихъ имущества, которое выдается имъ, по вступленіи ихъ въ бракъ.

4. Способы пріобрѣтенія собственности.

а) вообще.

Способы пріобрѣтенія разнаго рода движимыхъ и недвижимыхъ имуществъ у Лопарей слѣдующіе: завладѣніе, купля, даръ, заработки, приданое. Все пріобрѣтенное трудомъ составляетъ общую собственность семьи; приданое составляетъ собственность той, съ кѣмъ оно пришло, и ея мужа.

Для охраненія собственности Лопари имѣютъ особые знаки, такъ называемыя клейма: каждый Лопарь имѣетъ свое особое клеймо. Оно дается ему на крестинахъ, когда дарится младенцу самка оленя, помѣченная этимъ клеймомъ; онъ помѣчаетъ имъ своихъ оленей всю жизнь, что̀ даетъ каждому хозяину возможность распознавать своихъ оленей, когда стада пасутся вмѣстѣ, напримѣръ, лѣтомъ, когда ихъ отвозятъ на острова, чтобъ уберечь отъ волковъ. Эти клейма иногда изображаются на деревянной дощечкѣ — *кейкалъ*, которую привѣшиваютъ къ шеѣ оленя, иногда вырѣзываются на

его шерсти. Клейма на оленяхъ также помогаютъ хозяевамъ охранять ихъ отъ покушеній посторонніхъ, которые иначе могли бъ убивать оленей, принимая ихъ за дикихъ. Однако все-таки случается, что не знающіе этого обычая, убиваютъ оленей, за что должны бываютъ обыкновенно раздѣлываться съ хозяевами. Озерецковскій разказываетъ по этому поводу слѣдующее: „Проѣзжая такъ называемые Семь острововъ, гребцы мои, гарнизонные солдаты изъ г. Архангельска, застрѣлили оленя. Я радовался, что голоднымъ людямъ попалась такая богатая добыча, которую они и ѣли около двухъ недѣль съ большимъ удовольствіемъ, не смотря на то, что олень былъ очень старъ, и мясо было черное и сухое. Олень съѣденъ и позабытъ; но когда стало неудобно разъѣзжать по океану за осенними бурями, то я пріѣхалъ въ Колу. Тутъ я нашелъ Лопаря, хозяина убитаго оленя. Права свои на оленя онъ доказалъ съ простодушною, сродною Лопарямъ, правотою. Видя его бѣдность, я съ удовольствіемъ удовлетворилъ его вознагражденіемъ въ 2 рубля, въ чемъ и состояло его требованіе“. Лопари также ставятъ свои клейма на подстрѣленномъ дикомъ оленѣ, положенномъ на сохраненіе въ воду, пока не пріѣдутъ за нимъ, чтобъ его отвезти. Клейма во многихъ случаяхъ замѣняютъ письменные знаки; ихъ прикладываютъ къ приговорамъ и разнаго рода бумагамъ, и въ такомъ случаѣ они называются заручными знаками. Клейма у Лопарей произвольно выдуманныя, а изрѣдка состоятъ изъ первоначальныхъ буквъ имени и фамиліи.

в) въ частности.

Завладѣніе. Случаются у Лопарей захваты различныхъ угодій, какъ-то: озерныхъ, рѣчныхъ рыбныхъ угодій, звѣриныхъ. Эти захваты разбираются въ томъ мірѣ-погостѣ, въ которомъ находится виновникъ захвата, по заявленію законнаго владѣльца.

Кладъ и находка. О кладахъ Лопари мало имѣютъ понятія и никогда ихъ не ищутъ. Но у Фильмановъ очень распространенъ обычай зарывать клады. Они любятъ серебряную монету, которую стараются копить и тайно отъ домашнихъ зарываютъ гдѣ-нибудь въ землю, въ котелкѣ или горшкѣ. Часто Фильманъ при смерти не объявляетъ мѣста, гдѣ у него зарыты деньги, а часто и самъ забываетъ это мѣсто. Случается, что какой-нибудь поморъ или Лопарь

найдетъ подобный кладъ, и разумѣется, присвоитъ. Такъ напримѣръ, былъ случай, что одинъ Фильманъ, накопивъ порядочную сумму серебряной монеты, зашилъ ее въ мѣшокъ изъ невыдѣланной тюленьей шкуры и спряталъ въ землю. Россомаха, привлеченная запахомъ тюленя, отрыла мѣшокъ и съѣла его. Черезъ нѣсколько времени поморы нашли на томъ мѣстѣ разсыпанное серебро и взяли себѣ. Фильманъ долго горевалъ о потерѣ своего богатства. Сочинитель книги „Новыя и достовѣрныя извѣстія о Лапландцахъ“ нѣсколько болѣе разъясняетъ указанное обыкновеніе. Онъ говоритъ, что Лопари зарываютъ не одни деньги, но и иныя дорогія вещи, и притомъ такъ старательно, что наслѣдники не могутъ отыскать. Это, прибавляетъ онъ,—не удивительно, что они такъ далеко прячутъ свои вещи, потому что не имѣютъ ни ключей, ни замковъ у своихъ сундуковъ; но удивительно то, что они, будучи на смертномъ одрѣ, не открываютъ мѣста наслѣдникамъ, которые могли бы воспользоваться вещами. Говорятъ, что одинъ Лапландецъ, находясь при смерти и спрошенный, почему онъ не отдаетъ спрятаннаго наслѣдникамъ, отвѣчалъ, что онъ по смерти своей боится претерпѣть недостатокъ и скудость. Слѣдовательно, это обыкновеніе находится въ связи съ вѣрованіемъ о загробной жизни [1]).

При находкѣ чужой вещи выдается въ вознагражденіе нашедшему третья часть ея стоимости. Когда вещь найдена многими, то эта третья часть дѣлится на всѣхъ нашедшихъ поровну. За находку оленя, принадлежащаго чужому погосту, платится отъ 50 к. до 1 р., а изъ своего погоста, за оленя, принадлежащаго сосѣду, не платится ничего. Утаенная вещь-находка возвращается законному владѣльцу безъ вознагражденія нашедшаго.

На разныхъ мѣстахъ Мурманскаго берега нерѣдко выкидываетъ на берегъ мертвыхъ китовъ, замученныхъ касатками. Выброшенные киты принадлежатъ тѣмъ лопарскимъ обществамъ, въ урочищахъ которыхъ они найдены. Общества продаютъ ихъ кольскимъ купцамъ рублей за 80—100 и два или три анкера рому, что гораздо ниже ихъ настоящей стоимости. Но и тутъ купцы не упускаютъ случая обмануть Лопарей. Такъ одинъ купецъ, взявъ у Лопарей

---

[1]) Новыя и достовѣрныя свѣдѣнія о Лапландцахъ, стр. 120.

кита, обѣщалъ имъ за то сдѣлать серебряную позолоченную ризу на икону Николая Чудотворца; онъ ее и сдѣлалъ, но пожертвовалъ отъ своего имени въ Кольскій соборъ, не заплативъ Лопарямъ ни копѣйки [1]).

Дареніе. Всѣ торжественные случаи въ жизни Лопаря, какъ-то: родины, крестины, свадьбы, крестованье, все это сопровождается обмѣномъ подарковъ. Въ послѣднихъ двухъ случаяхъ подарки какъбы закрѣпляютъ заключающійся союзъ. При крестованьи между Лопарями обыкновенно дарится олень безъ всякихъ условій и формальностей. Этотъ олень поступаетъ въ собственность всей семьи и обратно не возвращается. При свадьбахъ также, какъ было выше сказано, немалую роль играютъ подарки. При заключеніи свадебнаго договора женихъ и невѣста обмѣниваются подарками; женихъ даритъ родныхъ невѣсты, а невѣста—родныхъ жениха. Еще есть обычай дарить молодыхъ, „класть въ чарку“ оленя, платокъ, деньги. Эти подарки дѣлаются собственностью мужа и жены. При крестинахъ кумъ и кума обмѣниваются подарками: онъ даритъ ситцу на нарукавники, она—шерстяныя вареги. Иногда кумъ даритъ кумѣ оленя, который дѣлается ея собственностью и идетъ съ нею въ приданое [2]). Младенцу дарятъ на крестинахъ самку оленя, приплодъ которой также считается его собственностью. На родинахъ свекровь дарится платокъ или новойникъ; бабкѣ же за трудъ не платятъ и подарковъ не даютъ, а только черезъ шесть недѣль для нея бываетъ обѣдъ [3]).

Особенное пристрастіе къ подаркамъ имѣютъ Фильманы. Получивъ подарокъ, они считаютъ своею обязанностью непремѣнно отдарить. Этимъ ихъ обычаемъ пользуются поморы. Въ свободное время нерѣдко ходятъ они въ гости къ Фильманамъ, если тѣ живутъ неподалеку, и носятъ имъ подарки: лоскутъ краснаго сукна, галуна, бумажный платокъ или какую-нибудь другую дешевую вещь, а чаще всего печеный хлѣбъ и немного коровьяго масла, которое считается лакомствомъ у Фильмановъ. За этотъ подарокъ они обыкновенно получаютъ оленя. Если къ Фильману пріѣдетъ какой

---

[1]) Письмо священника Терентьева.

[2]) *Арх. губ. вѣд.* 1863 г., № 2

[3]) Тамъ же.

нибудь гость почетный, то, угостивъ его по возможности лучше, онъ даритъ его самымъ лучшимъ оленемъ изъ своего стада. Одинъ чиновникъ разказываетъ, что на пути своемъ, въ *тундрѣ*, встрѣтился онъ съ незнакомымъ ему богатымъ Фильманомъ. Послѣ обычныхъ первыхъ привѣтствій Фильманъ вытаскиваетъ норвежскую серебряную монету и подаетъ ему. Тотъ не счелъ возможнымъ отказаться, такъ какъ былъ знакомъ съ этимъ обычаемъ Фильмановъ, и предложилъ въ обмѣнъ стаканъ рому [1]). Отказаться отъ подарка, предлагаемаго Фильманомъ, значитъ—нанести этому послѣднему сильное оскорбленіе.

Авторъ „Достовѣрныхъ Извѣстій о Лапландцахъ" говоритъ, что обыкновеніе, которое имѣютъ восточные народы, дарить своихъ начальниковъ, есть и у Лапландцевъ, и что послѣдніе, приходя къ проповѣднику или къ главному надъ портомъ, приносятъ съ собою зайцевъ, рыбъ, оленьяго мяса, горшокъ масла и горсть пуху, за что ихъ иногда дарятъ табакомъ, пятакой, перцемъ и инбирем. Этого же обыкновенія придерживались и русскіе Лапландцы, которые, когда приходили въ то мѣсто, гдѣ находился ихъ старшина, приносили ему хлѣбъ на деревянномъ блюдѣ, а иногда курпныя яйца, соленую семгу, кусокъ холстины и пр. [2]).

Право наслѣдованія. По смерти отца право распоряженія имуществомъ переходитъ къ старшему сыну. Если братья не пожелаютъ жить вмѣстѣ, матери выдѣляется равная часть съ сыновьями, а дочерямъ половина противъ сыновей, такъ какъ, по понятіямъ Лопарей, женское колѣно вдвое ниже мужскаго, отчего дѣвушки и зовутся у нихъ *половинками*. Пріемыши и незаконнорожденныя, при прямыхъ наслѣдникахъ, не пользуются правомъ наслѣдства. Ранѣе отдѣленныя дѣти также не имѣютъ права на участіе въ дѣлежѣ наслѣдства покойныхъ родителей. Изъ имущества, идущаго въ наслѣдство, исключается олень, на которомъ везли хоронить покойника; этотъ олень продается, и одна часть вырученныхъ денегъ поступаетъ за отпѣвъ причту, а другая раздается бѣднымъ на поминъ души покойника.

Если умретъ отдѣленный сынъ, то отъ жены его, не прожив-

---

[1]) *Арх. губ. вѣд.* 1861 г., № 39.

[2]) Достовѣрныя извѣстія о Лапландцахъ, стр. 118.

шей съ нимъ трехъ лѣтъ, имѣніе отбирается свекромъ; но если мужъ умретъ послѣ трехъ лѣтъ, а въ иныхъ мѣстахъ послѣ шести лѣтъ брачной жизни, то имѣніе остается за вдовой, хотя бы она и не имѣла дѣтей.

Если умретъ отецъ, послѣ котораго останется бездѣтная мачиха, то она отсылается прочь безъ всякаго надѣла, ей дается только ея приданое. Когда же второбрачная жена останется съ дѣтьми, то отцовское имущество дѣлится поровну между дѣтьми какъ отъ перваго, такъ и отъ втораго брака; мачиха ничего не получаетъ, но пасынки обязаны ее кормить. Когда нѣтъ сыновей, то при дѣлежѣ имѣнія, мать получаетъ полную часть, а каждая изъ дочерей по половинѣ. Если у матери одна дочь, то имѣніе дѣлится на три части, изъ которыхъ двѣ идутъ матери, а третья—дочери и поступаетъ съ нею въ приданое. Когда нѣтъ матери, а однѣ дочери, то онѣ дѣлятъ имущество поровну.

Если нѣтъ наслѣдниковъ, то имущество покойнаго, за уплатой долговъ, дѣлится на двѣ части: одна въ часовню—Богу, а другая раздается въ милостыню старухамъ, на поминъ души покойнаго.

Послѣ смерти матери, приданое дѣлится поровну между дочерьми, а если ихъ нѣтъ, то—между сыновьями.

Для предупрежденія ссоръ и несогласій между братьями на счетъ раздѣла имущества престарѣлые родители дѣлаютъ словесныя завѣщанія при трехъ постороннихъ свидѣтеляхъ: они указываютъ, что́ изъ имѣнія долженъ получить каждый наслѣдникъ, и согласно указаніямъ дѣлается послѣ ихъ смерти дѣлежъ имѣнія. Письменныхъ завѣщаній не бываетъ, по неграмотности Лопарей.

5) *Договоры и сдѣлки.* Такъ какъ Лопари имѣютъ сильное пристрастіе къ спиртнымъ напиткамъ, то никакое заключеніе договора или сдѣлки не обходится у нихъ безъ вина; оно играетъ видную роль при всякихъ подрядахъ, продажахъ, покупкахъ. О его важномъ значеніи при заключеніи свадебнаго договора было говорено выше; тутъ обязанность поить лежитъ на сторонѣ покупателя, т. е., жениха. Въ другихъ случаяхъ, когда заключается какой нибудь договоръ, литки покупаетъ та или другая сторона, смотря по условію; иногда обѣ стороны справляютъ литки, по туземному *харяки*, по ровну. Этимъ пристрастіемъ Лопарей къ завершенію дѣлъ виномъ пользуются русскіе промышленники для своихъ вы-

годъ; лишняя чарка водки часто рѣшаетъ дѣло въ ущербъ Лопаря [1]).

Есть у Лопарей также обычай давать задатокъ тому, кто беретъ на себя какой-нибудь подрядъ или нанимается въ работу; этотъ обычай не всегда удобенъ для нанимателя при неустойкѣ подрядившагося, но безъ него нельзя обойтись. Задатокъ почти всегда равняется половинѣ условленной платы, и дается онъ какъ деньгами, такъ и вещами:—мукой, съѣстными припасами, холстомъ, сукномъ и пр.

При заключеніи договоровъ также въ ходу поручительство; поручители, при неисполненіи договора, отвѣчаютъ своимъ имуществомъ.

При заключеніи сдѣлокъ, а особенно при разбирательствѣ спорныхъ дѣлъ, приглашаются свидѣтели, обыкновенно старики. Свидѣтели бываютъ при устныхъ завѣщаніяхъ, дѣлаемыхъ родителями дѣтямъ на счетъ раздѣла наслѣдства; въ этомъ случаѣ ихъ требуется обычаемъ трое, какъ было выше сказано.

При покупкахъ, продажахъ, наймахъ, подрядахъ, а также и при свадебномъ договорѣ обѣ стороны подаютъ другъ другу руки, которыя разнимаетъ посторонній свидѣтель, потомъ молятся Богу и пьютъ вино—литки. Послѣ того договоръ считается оконченнымъ, и никоторая сторона не въ правѣ отъ него отказаться; отказъ влечетъ за собою потерю задатка или вознагражденія.

Если продается олень, то съ нимъ идетъ, какъ его принадлежность, *паняга* и *вожъ*, т. е., узда и возжи.

Если заложатъ какую-нибудь вещь, то давшій деньги подъ залогъ не можетъ пользоваться этою вещью, пока не пройдетъ срокъ, назначенный для ея выкупа. Послѣ этого срока она дѣлается собственностью того, кому была заложена. Если вещь была заложена отцемъ, то сынъ, можетъ ее выкупить, и она дѣлается, въ такомъ случаѣ, его собственностью.

Общихъ помочей не бываетъ у Лопарей. При постройкѣ тупы или въ другомъ какомъ-нибудь случаѣ, когда требуется постороннее содѣйствіе, они помогаютъ другъ другу безденежно или за одно угощеніе. Впрочемъ, есть случай, когда примѣняется об-

---

[1]) *Максимовъ*, Годъ на Сѣверѣ, стр. 212.

щій трудъ: это—перевозка часовни при перемѣщеніи погоста на другое мѣсто. Работа эта исполняется общими силами всего міра, т. е., погоста.

Родители имѣютъ полное право отдавать своихъ не отдѣленныхъ дѣтей въ работу, но отдѣленныхъ не могутъ.

Такую же власть, какъ родители надъ не отдѣленными дѣтьми, имѣютъ хозяева надъ своими работниками и работницами. При ихъ наймѣ всегда дается нанимателемъ задатокъ, который равняется третьей части условленной платы. Работники или работницы могутъ оставить хозяина только въ такомъ случаѣ, если хозяинъ худо содержитъ ихъ или даетъ работу, выходящую за предѣлы сдѣланнаго условія, или наконецъ, не дѣлаетъ уплаты въ условленный срокъ. Работникъ, безъ достаточныхъ основаній оставившій хозяина, лишается платы, прослужившій же честно по условію свой срокъ получаетъ въ награду платокъ, хлѣбъ и съѣстные припасы на дорогу. Иногда Лопари нанимаются къ промышленникамъ на лѣто въ покрученники и тутъ пользуются, какъ и другіе покрученники, опредѣленною частью добычи.

Церковные сторожа служатъ по найму отъ прихожанъ.

Найма въ рекруты не бываетъ; за рекрутство вносятся деньги съ душъ.

Касательно условій, подъ какими даются вещи на подержаніе, на время, можно сказать слѣдующее: если дается не обученный олень на зиму, то условіемъ вознагражденія дѣлается его пріученіе къ ѣздѣ; если дается обученный, то за него платится 1 руб. Если берутъ на короткое время деньги взаймы, то не платятъ никакихъ процентовъ, за годовой же срокъ платится 1 руб на 100, т. е., одинъ процентъ.

На хлѣбъ, говядину, рыбу, соль и пр., взятые взаймы, никакихъ надбавокъ не дѣлается.

Занимая огромное пространство земли, Лопари являются обладателями многихъ земляныхъ, рыбныхъ и звѣриныхъ угодій. Изъ своихъ земляныхъ угодій, которыя состоятъ въ сѣнокосахъ, они не извлекаютъ почти никакой выгоды. Лопари Бабенскаго погоста, пограничнаго съ Финляндіей, не только сами не косятъ сѣна, но и не хотятъ позволить этого Финляндцамъ, которые охотно взяли

бъ ихъ сѣнокосы въ аренду [1]). Только Лопари Воронежскаго общества извлекаютъ нѣкоторую пользу изъ своихъ сѣнокосовъ, которые отдаютъ ежегодно за незначительную цѣну въ оброчное содержаніе кемскимъ мѣщанамъ, въ 1866 г. они отдавали 95 десятинъ 1975 кв. саж. за 99 р. 23 к. Свои рыбныя угодья, а именно семужьи тони, Лопари также отдаютъ въ аренду. Эти тони искони раздѣлены между погостами, составляя, по мѣстному обычаю, собственность каждаго погоста. Общество отдаетъ отъ себя право ловить въ своихъ тоняхъ семгу какому-нибудь лицу, обыкновенно изъ Русскихъ, на три года. Доходъ съ этихъ тоней предназначается спеціально на уплату податей и мірскихъ сборовъ. Отдача тоней въ аренду производится слѣдующимъ образомъ: въ назначенный день собирается сходка, по туземному *гома*, и производятся торги. Сперва опредѣляется, за сколько ревизскихъ душъ долженъ уплачивать ежегодно окладныхъ мірскихъ сборовъ желающій взять тони на три года для ловли рыбы; послѣ того вызываются желающіе возвысить число душъ на каждую тоню, и за надбавившимъ высшее число остается тоня. За самыя доходныя тони, въ одномъ погостѣ вносились всѣ казенные и мірскіе сборы, за 40 ревизскихъ душъ—250 руб. [2]). Одна изъ доходнѣйшихъ тонь, Туломскій падунъ, находилась болѣе 20-ти лѣтъ во власти одного кольскаго купца, онъ такъ опуталъ Лопарей, что, будучи его постоянными должниками, они обязаны были отдавать ему всю вылавливаемую семгу за произвольно назначаемую плату, всегда очень низкую. Семга обходилась ему не дороже 50 коп. за пудъ, хотя, по условію, онъ обязывался платить за нее Лопарямъ 1 р. 50 к. Это велось такъ: Лопари должны были брать соль у своего хозяина въ Колѣ, доставлять на падунъ на свой счетъ, солить семгу, чтобы доставить хозяину уже соленою, утечку также должны были принимать на себя. Они платили за соль по 70 к. съ пуда, забирая ее у своего хозяина, который завозилъ ее въ Колу безпошлинно подъ ихъ именемъ; сверхъ того, почти половина семги забраковывалась за дурно осоленную. Эта богатая тоня давала Лопарямъ такъ мало, что доходовъ не хватало на уплату

---

[1]) *Арх. губ. вѣд.* 1861 г., № 40.

[2]) *Арх. губ. вѣд.* 1869 т., № 20.

податей и мірскихъ сборовъ, да еще должны были хозяину сотни рублей. Въ 1866 году, по настоянію окружнаго начальника Козьмина, предложено было отдать ловъ семги на р. Туломѣ въ трехгодичное арендное содержаніе съ торговъ, на которые тотчасъ явились желающіе, и поморскій крестьянинъ Савинъ предложилъ самую высшую плату—1 р. 70 к. съ пуда выловленной семги [1]). Теперь эта тоня отдается въ аренду на слѣдующихъ условіяхъ: за пудъ крупной свѣжей семги платится 1 р. 80 к., за мелкую 1 р., за осеннюю 3 р. пудъ. Вырученныя отъ арендаторовъ деньги прямо поступаютъ въ уплату податей. Въ настоящее время Туломскіе Лопари не только избавлены отъ заботы объ уплатѣ своихъ повинностей, но еще получаютъ часть денегъ на руки.

Лопари имѣютъ обычай брать все нужное въ долгъ, даже если есть деньги, а при заработкѣ или продажѣ получать плату товаромъ [2]). Этотъ обычай крайне вредно вліяетъ на благосостояніе ихъ, но находитъ сильную поддержку въ русскихъ торговцахъ, которые пользуются имъ, чтобы закрѣпить Лопарей за собою и держать ихъ въ вѣчной кабалѣ. Каждый Лопарь, какъ бы онъ ни былъ зажиточенъ, имѣетъ кредитора, котораго онъ называетъ своимъ хозяиномъ и благодѣтелемъ, у котораго состоитъ всегда въ долгу и потому въ полной зависимости. Такъ напримѣръ, Лопари всей сѣверо-западной части Кольскаго полуострова, т. е. погостовъ: Сонгельскаго, Нотозерскаго, Кильдинскаго, Мотовскаго и Печенгскаго, находились издавна въ кабалѣ у двухъ кольскихъ купцовъ, у которыхъ забирали и деньги для уплаты повинностей и все необходимое, отдавая имъ за то всѣ свои промыслы по цѣнамъ, произвольно назначаемымъ этими купцами. Послѣдніе такъ безцеремонно относятся къ Лопарямъ, что подѣлили между собою ихъ погосты, чтобы не мѣшать другъ другу въ эксплоатаціи Лопарей. Попавъ разъ въ руки эксплуататоровъ, Лопари уже не могутъ болѣе отъ нихъ освободиться, если на выручку не явится какой-нибудь счастливый случай или административное вмѣшательство. Такимъ счастливымъ случаемъ, освободившимъ Печенгскихъ Лопарей, было разореніе ихъ хозяина, купца Шабунина, *подъ которымъ они состояли*, по ихъ соб-

---

[1]) *Арх. губ. вѣд.* 1869 г., № 93; письмо священника *Терентьева*.

[2]) *Арх. губ. вѣд.* 1868 г., № 26.

ственному выраженію. Они находились у него постоянно въ долгу, за который должны были отдавать ему всѣ свои промыслы; вслѣдствіе того сами находились въ крайней бѣдности, едва имѣя пропитаніе за всѣ свои огромные труды. Торговыя дѣла Шабунина поразстроились, и онъ не могъ, при наступленіи промысловъ весною, дать Лопарямъ количество хлѣба, необходимое при производствѣ ловли рыбы, которая должна была поступить въ его собственность. Этимъ случаемъ воспользовались Лопари, чтобы сбыть промыслы по выгодной цѣнѣ постороннимъ покупателямъ, и такимъ образомъ, обезпечивъ себя на зиму, сдѣлаться независимыми отъ хозяина [1]). Мы имѣемъ свѣдѣнія о другомъ торговомъ аферистѣ, кольскомъ купцѣ, захватившемъ въ свои руки Лопарей нѣсколькихъ погостовъ. Этотъ купецъ, служа въ Поноѣ кабацкимъ повѣреннымъ во времена откупной системы, развозилъ по тундрѣ мерзлое вино на продажу Лопарямъ и очень хорошо познакомился съ ихъ полудикими нравами и богатыми промыслами. Послѣ какихъ-то неудачныхъ предпріятій удалился онъ въ Колу на постоянное жительство. Здѣсь онъ въ короткое время успѣлъ забрать половину Колы въ свои кабальные задатчики и закрѣпостилъ пять погостовъ лопарскихъ. Его господство довело Лопарей самаго богатаго изъ погостовъ—Нотозерскаго до крайней бѣдности. Наконецъ, Нотозерскіе Лопари высвобождены были изъ его рукъ административнымъ порядкомъ, но другіе погосты и до сихъ поръ несутъ его иго. Онъ-то владѣлъ Туломскимъ падуномъ съ крайнимъ отягощеніемъ для Лопарей, не смотря на то, что они служили ему и зиму, и лѣто своимъ трудомъ. Изъ морскаго промысла онъ принимаетъ рыбу отъ задатчиковъ по 20 и 25 коп., а когда отправитъ ее въ Петербургъ, то разчитываетъ ихъ уже по 15 коп. за пудъ. Такъ поступаетъ онъ при всякихъ подрядахъ по поставкѣ къ нему матеріаловъ и въ прочихъ торговыхъ сдѣлкахъ. Всякій, попавшійся къ нему въ руки по нуждѣ, отходитъ отъ него уже совершенно нищимъ [2]). Въ подтвержденіе того, что подобнаго рода факты эксплуатаціи Лопарей дѣйствительно часто повторяются, ссы-

---

[1]) *Арх. губ. вѣд.* 1869 г., № 93.

[2]) Письмо священника Терентьева.

лаемся на статью: „Нынѣшнее состояніе инородцевъ“ (*Арх. губ. вѣд.* 1867 г., № 28), заимствованную изъ оффиціальнаго источника, именно изъ дѣлъ канцеляріи губернатора. „Главное достояніе лопарскихъ обществъ“, сказано въ этой статьѣ,—„составляютъ обильныя рыбныя ловли, преимущественно семги, въ устьяхъ многочисленныхъ рѣкъ Мурманскаго берега. Но никакъ нельзя сказать, чтобъ этими ловлями пользовались Лопари, или же чтобъ извлекали ту пользу, которая естественно и законно принадлежитъ обладателю вещи. Рыбныя ловли, принадлежащія лопарскимъ обществамъ, эксплуатируются двоякимъ способомъ: или онѣ сдаются ими въ аренду кольскимъ и поморскимъ капиталистамъ, или сами они занимаются ловлею рыбы и затѣмъ весь уловъ продаютъ тѣмъ же капиталистамъ. Такого рода отношенія представляются сами по себѣ весьма естественными и могли бы повести къ обоюдной выгодѣ, еслибы на практикѣ отношенія эти не сложились въ безвыходную для Лопарей кабальную зависимость отъ кольскихъ и поморскихъ торговцевъ. Пользуясь обстоятельствами, они захватили въ свои руки снабженіе Лопарей предметами продовольствія, а также орудіями рыбной ловли, солью, порохомъ и вообще всѣмъ, что требуется въ неприхотливомъ быту инородца. Самый взносъ государственныхъ податей и повинностей съ лопарскихъ обществъ торговцы благосклонно приняли на себя, такимъ образомъ милостиво избавляя инородцевъ отъ всякихъ хлопотъ по уплатѣ казенныхъ и общественныхъ сборовъ. Вслѣдствіе такого порядка, мало по малу Лопари превратились въ неоплатныхъ должниковъ кольскимъ и поморскимъ торговцамъ, а потому и все достояніе Лопарей и весь трудъ ихъ поступили въ полное распоряженіе этихъ торговцевъ. Лучшія рыбныя ловли Лопарей они могли заарендовывать за самую ничтожную цѣну, и также за безцѣнокъ пріобрѣтаютъ отъ нихъ весь ихъ уловъ и добычу отъ пушнаго промысла. Какъ образчикъ тѣхъ экономическихъ отношеній, въ какія поставлены Лопари, достаточно привести слѣдующій фактъ: Кольскій купецъ Б. въ 1865 году, за розданныя имъ прежде деньги и хлѣбъ, отбиралъ у Лопарей семгу съ рѣки Туломы по 50 коп. за пудъ, между тѣмъ какъ по распоряженію мѣстнаго окружнаго начальника, остатки этой же семги были проданы съ торговъ по 2 рубля, а въ Архангельскѣ перепроданы по 6—8 рублей за пудъ“.

Лопарь забираетъ все необходимое для себя въ долгъ въ счетъ будущихъ промысловъ, никогда не спрашивая цѣны покупаемаго товара, платою за который и служитъ весь промыслъ. Не получивъ денегъ на руки, онъ долженъ на слѣдующій годъ, чтобы не умереть съ голоду, опять забирать въ долгъ и т. д. Самые хитрые изъ купцовъ-эксплуататоровъ дѣлаютъ съ своими кабальнымп каждый годъ разчетъ, чтобы придать дѣлу видъ законности, но такъ какъ Лопари не знаютъ счета своего долга, то все-таки выходитъ въ результатѣ, что какъ бы ни былъ удаченъ промыселъ, Лопарь не можетъ расплатиться начисто. Если Лопарь заговоритъ, что хозяинъ мало скинулъ долгу, что промыселъ стоитъ дороже, то торговецъ припомнитъ ему долгъ его отца, дѣда и прадѣда [1]). Сельскіе начальники даже за податями не обращаются къ Лопарямъ, а прямо къ ихъ хозяевамъ. Да и Лопари сами такъ привыкли къ такому порядку вещей, что потеряли сознаніе всей бѣдственности своего положенія и даже считаютъ хозяевъ своими благодѣтелями; при томъ они такъ строго соблюдаютъ свои обязательства въ отношеніи хозяевъ, что не рѣшатся продать на сторону какую-нибудь часть своего промысла, хотя бы имъ предлагали очень выгодную цѣну.

Тѣ Лопари, которые самостоятельно промышляютъ треску на Мурманскомъ берегу, находятся въ положеніи также очень невыгодномъ. За недостаткомъ средствъ они не могутъ завести ни снастей, ни крючковъ, которыхъ они часто выпрашиваютъ у промышленниковъ Христа ради [2]). Когда у промышленниковъ полны амбары рыбы, или когда нѣтъ ея лова, то они даютъ Лопарямъ ту или другую нужную тѣмъ вещь; когда же подарятъ негодную снасть, то это для Лопарей праздникъ [3]). Бральщики (скупщики) еще берутъ у нихъ свѣжую треску, но солить ее Лопари не могутъ за недостаткомъ соли, и потому принуждены складывать рыбу не посоленную въ ямы, гдѣ она гніетъ и дѣлается негодна для продажи. Даже въ тѣхъ обществахъ, гдѣ есть рыболовные снаряды, Лопари все-таки находятся въ полной зависимости отъ бральщи-

---

[1]) *Арх. губ. вѣд.* 1869 г., № 93.

[2]) *Арх. губ. вѣд.* 1869 г., № 90.

[3]) *Арх. губ. вѣд.* 1861 г., № 45.

ковъ, которые вымѣниваютъ промыслы Лопарей и продаютъ ихъ въ Архангельскѣ. Цѣну промыслу бральщики назначаютъ сами, такъ какъ Лопарямъ некуда сбыть свой товаръ: большихъ мореходныхъ судовъ у нихъ нѣтъ, а потому они и не могутъ ѣздить съ нимъ сами въ Архангельскъ. Къ тому же Лопари плату получаютъ обыкновенно товаромъ, которому купцы ставятъ также очень высокія цѣны. Такъ напримѣръ, за лисицу даютъ лопарямъ пудъ муки, цѣною въ 80 коп.; между тѣмъ, самая низкая цѣна лисицы 3 рубля [1]).

Вообще, Лопари всегда предпочитаютъ мѣновую торговлю, какъ съ русскими торговцами, такъ и между собою [2]). Что добывается ими на звѣриныхъ промыслахъ, какъ-то мѣха: лисьи, медвѣжьи, горностаевые, волчьи, оленьи шкуры,—все это они промѣниваютъ у русскихъ торговцевъ на муку, соль, порохъ, свинецъ, хлѣбъ и другіе необходимые имъ предметы. Эти предметы доставляются на Мурманскій и Терскій берега поморами, которые пріѣзжаютъ сюда на своихъ шкунахъ и лодьяхъ; пріѣздъ ихъ есть настоящій праздникъ для Лопарей, не имѣющихъ возможности какимъ-либо другимъ образомъ сбыть свой товаръ, хотя всѣ выгоды мѣны, разумѣется, находятся на сторонѣ Русскихъ. Такое же обширное примѣненіе имѣетъ мѣновая торговля и у Фильмановъ. Фильманы мѣняютъ главный свой продуктъ оленей и ихъ шкуры, въ Колѣ и у мурманскихъ промышленниковъ на муку, порохъ, сукно, посуду и т. д. Но главная ихъ торговля производится въ январѣ на берегу озера Эйнаре, куда съѣзжаются съ своими оленями и пушнымъ товаромъ; туда же пріѣзжаютъ финляндскіе и норвежскіе торговцы. Такъ какъ у Фильмана всегда гораздо больше товару, чѣмъ нужно для промѣна на необходимые ему предметы, то остатокъ онъ продаетъ на наличныя деньги [3]).

Всѣ земли Лопарей, также какъ рѣки, рѣчки, озера, ручьи, лѣсныя угодья,—все это раздѣлено Лопарями по родамъ и передается въ наслѣдственное пользованіе [3]). Рѣки, принадлежащія

---

[1]) *Арх. губ. вѣд.* 1869 г., № 93.
[2]) *Арх. губ. вѣд.* 1861 г., № 47.
[3] *Арх. губ. вѣд.* 1861 г., № 39.

одному погосту или двумъ, отдаются въ аренду на лѣто изъ платы, какую могутъ вырядить, съ условіемъ, чтобы взявшій рѣку въ аренду заготовлялъ самъ лѣсъ для закола и промышлялъ рыбу своими людьми. Иногда погостъ самъ беретъ на себя обязанность заготовить лѣсъ, сдѣлать заколъ, промышлять рыбу, солить ее, и такимъ образомъ готовую сдавать хозяину за опредѣленную плату съ пуда. Семужьи тони составляютъ также общую собственность Лопарей цѣлаго погоста. Способъ пользованія семужьими тонями основывается на томъ, что доходы съ этихъ тонь, какъ съ самыхъ выгодныхъ статей, предназначаются собственно на уплату податей и мірскихъ сборовъ, какъ сказано выше. Каждому погосту принадлежитъ не одинаковое число тоней, такъ какъ число ихъ зависитъ отъ условій мѣстности; но къ каждой тонѣ одного и того же погоста приписывается одинаковое число ревизскихъ душъ. Объ устройствѣ забора общими средствами Лопарей всего общества и о пользованіи сказано подробно въ Сборникѣ юридическихъ обычаевъ Архангельской губерніи, *П. Ефименко*, кн. 1-я, стр. 140. Озерныя тони составляютъ неотъемлемую собственность лопарскихъ семействъ. Владѣніе ими переходитъ изъ рода въ родъ на правахъ частной собственности, которую каждое семейство можетъ отдавать въ арендное содержаніе, безъ согласія общества, или даже продать. Такихъ тоней 172 [1]).

Для ловли на морѣ трески Лопари составляютъ товарищества, которыя, впрочемъ, не могутъ быть самостоятельны по недостатку средствъ, а зависятъ отъ помора-хозяина. Хозяинъ заготовляетъ судно, промысловыя снасти и хлѣбъ, такъ что Лопари пользуются всѣмъ хозяйскимъ; кромѣ платья и обуви, они за свой трудъ получаютъ отъ хозяина половину всего промысла, скупаемую тѣмъ же хозяиномъ [2]). Аренды за станъ, судно, снасти, котлы не платятъ, плата идетъ только за неводъ, что причтется на все судно. За обронъ въ море промысловой снасти они платятъ хозяину половину ея стоимости.

Артелей для содержанія станцій нѣтъ, но были въ прежнее время. Фонъ-Пошманъ сообщаетъ, что въ началѣ нынѣшняго сто-

[1]) *Арх. губ. вѣд.* 1869 г., № 90.

[2]) *Арх. губ. вѣд.* 1861 г., № 40; подробнѣе см. въ Сборн. Юридич. Обыч. Арханг. губ., *П. Ефименко*, кн. I, стр. 181.

лѣтія, ловъ семги въ рѣкѣ Іокангѣ былъ предоставленъ въ пользованіе 12 человѣкъ, которые отправляли почту и содержали для этого особенную большую лодку, а зимою жили въ разныхъ мѣстахъ по почтовому тракту.

Когда русскіе промышленники уѣзжаютъ осенью съ Мурманскаго берега, окончивъ ловъ трески, то они оставляютъ въ становищѣ снаряды, употребляемые при ловли рыбы, хлѣбъ, соль и другіе съѣстные припасы, заготовленные къ будущему году и сложенные въ амбарахъ, а также и шняки. Все это они отдаютъ подъ надзоръ Лопарей, которые и живутъ тутъ до тѣхъ поръ, пока воды не покроются льдомъ. Когда уже никто не можетъ войдти въ становище, они уѣзжаютъ домой въ тундры, иногда верстъ за 200. Зимою пріѣзжаютъ по очереди смотрѣть порученное имъ имущество. Въ теченіи зимы за каждый станъ платится отъ 3 р. до 3 р. 50 к., такъ что Лопари Воронежской и Печенгской волостей, берущіе на себя караулъ становъ, выручаютъ до 700 руб. [1]). Лопари честно исполняютъ принятыя обязательства. Если нужда заставитъ иногда воспользоваться частью припасовъ, то по пріѣздѣ промышленниковъ, они объявляютъ о томъ и расплачиваются за взятое [2]).

Приводимъ образчикъ сдѣлки, хорошо обрисовывающей экономическое положеніе Лопарей:

„1869 г., Декабря 1-го дня. Мы, нижеподписавшіеся, Архангельской губерніи, Кемскаго уѣзда, третьяго мироваго участка Поной-ской волости, сельскаго общества и селенія, государственные крестьяне какъ мѣстные жители (т. е., обрусѣвшіе Лопари), такъ и проживающіе Лопари, заключили сіе условіе съ г. смотрителемъ Святоноскаго маяка Романомъ Алексѣевымъ, по добровольному нашему согласію. Какъ нами, крестьянами, была отдана въ оброчное содержаніе рѣка Поной на трехлѣтіе крестьянину Кузонемской волости и селенія Кузомени Алексѣю Петрову Заборщикову, т. е., съ 1867 по 1870 г., цѣною осенней семги по 3 р. за пудъ, а межень по 1 р. 50 к., почему Заборщковъ окончательно былъ бы обязанъ за насъ за всѣхъ заплатить государственныя подати и мірскіе

---

[1]) *Арх. губ. вѣд.* 1869 г., № 22.
[2]) *Арх. губ. вѣд.* 1861 г., № 45.

сборы за вторую половину сего 1869 г. за тѣхъ, которые участвуютъ въ Поноѣ рѣкѣ, онъ, Заборщиковъ, пользовался трехлѣтіе этою цѣной, а между тѣмъ отъ платежа государственныхъ податей и мірскихъ сборовъ второй половины сего 1869 г. вовсе отказался. А какъ должностныя лица, сельскій староста Долгихъ и волостной старшина Матрехинъ, не дали намъ отсрочки, то по недарованью Божьему промысловъ въ настоящее время, какъ сальнаго, равно и семужьяго, мы поэтому вынуждены нашли себя обратиться къ г. смотрителю Святоноснаго маяка Роману Алексѣеву, чтобъ онъ заплатилъ за насъ государственныя подати и мірскіе сборы за вторую половину сего 1869 года; такъ какъ, по милосердію человѣческому, смотритель Алексѣевъ на нашу просьбу убѣдился и согласился заплатить государственныя повинности за насъ за всѣхъ за вторую половину сего 1869 г., то его человѣческимъ милосердіемъ мы остались въ настоящее бѣдственное время весьма довольными, почему согласились, по добровольному нашему согласію, поблагодарить г. Алексѣева, т. е. сдѣлать ему уваженіе, ежели Богъ благоволитъ, сальнаго промысла у каждой кожи дешевле прочихъ покупателей рублемъ, а въ противномъ случаѣ недарованія Божія сальнаго промысла сдѣлать отсрочку до семужьихъ промысловъ межени или осени; платежъ долга сдѣлать, во всякомъ случаѣ, не позже 15-го сентября 1870 г. и заплатить заложенный имъ, Алексѣевымъ, капиталъ 135 р. 58¼ коп. сер. Еще считаемъ нужнымъ присовокупить, что въ случаѣ недарованья Божія промысловъ, какъ сальнаго, такъ и семужьяго, мы препоручаемъ волостному правленію полное право опродать насъ изъ движимаго нашего имущества и тѣмъ удовлетворить нашего благодѣтеля г. Алексѣева полнымъ количествомъ, безъ ущерба ему, съ благодарностью, въ чемъ и заключили между собою условіе“ [1]).

II.

Уголовное право.

Кроткій и миролюбивый характеръ Лопарей объясняетъ слабое развитіе между ними преступленій, на которыя они вооб-

[1]) Изъ книги сдѣлокъ и договоровъ Понойскаго волостнаго правленія за 1869 годъ.

ще смотрятъ строго. Какъ можно заключить изъ различныхъ свѣдѣній о Лопаряхъ, они смотрятъ строже на преступленія, совершаемыя въ своей средѣ и вредящія интересамъ другъ друга, чѣмъ на такія, жертвою которыхъ дѣлается посторонній человѣкъ, обыкновенно русскій. Причина этому сами Русскіе: они не только не внесли къ Лопарямъ цивилизующаго нравственнаго начала, но и развили въ нихъ склонность къ обману, лживость и т. п. качества. Въ этомъ читатель убѣдится прочтя наши приложенія къ обычаямъ Лопарей. Не мудрено, что Лопари, обманываемые и разоряемые Русскими, стали наконецъ обнаруживать въ сношеніяхъ съ ними коварство и ложь—эти естественныя орудія слабыхъ и угнетаемыхъ людей; но разъ освоившись съ этою тактикой, Лопари не могли уберечься отъ ея вліянія и въ своихъ взаимныхъ отношеніяхъ. Мелкія кражи, утайки, обманы, обчеты, недодачи теперь очень нерѣдки, а если направлены противъ Русскихъ, то почти и не считаются за преступленія. Между тѣмъ по словамъ автора новыхъ и достовѣрныхъ извѣстій о Лапландцахъ въ Финмаркіи, 1792 г., у нихъ не было ни воровства, ни драки (стр. 14). Фонъ-Пошманъ, писавшій о Лопаряхъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія, сообщаетъ слѣдующее: „Къ чести Лопарей можно сказать то, что у нихъ воровства совсѣмъ нѣтъ; никто не имѣетъ амбаровъ и даже сундуковъ, куда бы могъ положить свой багажъ. Но Лопари, ничего не опасаясь, оленьи кожи кладутъ въ лѣсу, домашнія вещи всѣ бываютъ разбросаны и поставлены подлѣ жилья; возвращаясь домой почти черезъ полгода, Лопарь находитъ, что все у него въ цѣлости. Если понадобится Лопарю что ни есть безъ хозяина, то онъ, взявъ, оставляетъ свое клеймо“ [1]). Что Лопари и теперь часто не имѣютъ основаній бояться воровства между своими, видно изъ самаго способа сбереженія ими промысловъ. Они хранятся въ маленькихъ конуркахъ, около жилища Лопаря. Дверцы этихъ конурокъ затворяются, правда, посредствомъ деревянной задвижки, но эта предосторожность направляется только противъ хищныхъ звѣрей, а не противъ злыхъ людей, которымъ ничего не стоило бы не только отворить дверь, но и разрушить весь амбарчикъ, разобравъ его по доскамъ. Отправляясь собирать

[1]) *Арх. губ. вѣд.* 1870 г., № 27.

добычу, пойманную *гангасами* (особый снарядъ для ловли птицъ и небольшихъ звѣрей), Лопарь тутъ же въ лѣсу снимаетъ шкуру со звѣря, растягиваетъ ее между палками, и оставивъ на мѣстѣ для просушки, возвращается домой, вполнѣ увѣренный, что опять найдетъ ее на томъ же мѣстѣ [1]).

Впрочемъ, нравственныя качества Лопарей не одинаковы: тѣ изъ нихъ, которые находятся въ тѣсныхъ сношеніяхъ съ Русскими, болѣе удалились отъ первоначальной простоты и чистоты нравовъ, чѣмъ тѣ, которые имѣли меньше случаевъ для такихъ сношеній. Лопари внутри Лапландскаго полуострова кротки и тихи; у нихъ нѣтъ ни убійствъ, ни кражъ, ни какихъ-либо другихъ уголовныхъ преступленій. Между тѣмъ Мурманскіе Лопари имѣютъ другія нравственныя свойства: они грабятъ иногда суда, выбрасываемыя бурей на берегъ океана, за что, случается, присуждаютъ ихъ и въ каторжную работу [2]). У этихъ послѣднихъ Лопарей воровство такъ вошло въ привычку, что они, не смотря на свою религіозность, не пренебрегаютъ даже случаемъ обокрасть и часовню, какъ то видно изъ слѣдующаго случая, свидѣтельствующаго между прочимъ о простотѣ Лопарей и ихъ суевѣріи. Однажды Лопарю удалось стащить цѣлый ящикъ церковнаго сбора. Желая спрятать его подальше, онъ вышелъ на тундру, высмотрѣлъ дерево, закопалъ подъ нимъ свою кражу, и отойдя, долго оглядывался потомъ назадъ, съ цѣлью хорошенько запомнить мѣсто. Къ несчастію Лопаря, все это высмотрѣли ребята-зуйки [3]), ходившіе изъ становища за морошкой. Зуйки разказали обо всемъ этомъ кормщику; тотъ пришелъ вырылъ деньги, ящикъ расколотилъ и бросилъ. Лопарь всплакался, цѣлые дни ходилъ, повѣся носъ, и наконецъ, не выдержалъ и расказалъ русскимъ промышленникамъ свое горе. „От-

---

1) Очерки Арх. губ. *Верещагина.*

2) Очерки природы и быта Бѣломорскаго края Россіи, *Михайлова*, стр. 223, 251.

3) *Зуйками* называются у поморовъ мальчики-подростки, состоящіе при морскихъ промысловыхъ артеляхъ, занимающіеся приготовленіемъ пищи, чисткой рыбы и промываніемъ бочекъ и другою мелкою черною работой; они не имѣютъ доли въ общемъ уловѣ и пользуются лишь тою частью, которую имъ бросаетъ большакъ артели; поэтому народная рѣчь и уподобила ихъ морской птичкѣ-зуйку (изъ породы чаекъ), хватающей всѣ выкидыши, непужные потроха изъ распластанныхъ рыбъ и т. д. *Ред.*

чего же ты по дурацки пряталъ?“ спрашивали тѣ. „Льзя видѣть, льзя не видѣть“, оправдывался Лопарь и приписалъ все это злымъ духамъ [1]).

Не смотря на вредныя вліянія, такъ измѣнившія нравственную природу Лопарей, они во многихъ случаяхъ высказываютъ довольно высокую степень честности. Промышленники нанимаютъ иногда Лопарей для ловли семги, которую и забираютъ у нихъ за ранѣе условленную цѣну; послѣдняя часто бываетъ гораздо ниже той, какую Лопари могли бы взять, продавъ свой товаръ другимъ промышленникамъ, но Лопари никогда не рѣшатся этого сдѣлать. Также замѣчательна честность, съ которою они охраняютъ становища поморовъ, какъ было сказано выше, хотя бъ имъ легко было овладѣть всѣмъ, что̀ есть въ становищѣ, и скрывать похищенное въ своихъ тундрахъ, такъ что не возможно было бы ни отыскать виновнаго, ни возвратить похищенное. Однакожь до сихъ поръ не случалось такого примѣра [2]).

Кража, совершенная ночью, изъ-подъ замка, изъ-подъ караула, судится строже и считается преступленіемъ болѣе важнымъ, чѣмъ кража днемъ и въ открытомъ мѣстѣ.

На убійство Лопари смотрятъ очень строго, и такое преступленіе у нихъ если и случается, то какъ рѣдкое исключеніе. Лѣтъ 50 тому назадъ было два случая убійства; оба эти убійства были совершены изъ мести. Извѣстенъ только одинъ случай убійства съ цѣлью грабежа: это убійство кемскаго мѣщанина Норкина двумя Лопарями Воронежскаго погоста. Но надо обратить вниманіе на то обстоятельство, что злой умыселъ направленъ былъ противъ одного изъ представителей той категоріи людей, къ которой Лопари не могли питать добрыхъ чувствъ.

Самоубійствъ у Лопарей вовсе не бываетъ. Также не бываетъ дѣтоубійствъ и изгнаній плода. Ничего также не слышно объ изнасилованіяхъ, растлѣніяхъ, противоестественныхъ преступленіяхъ и т. д.

Изъ проступковъ противъ общественной нравственности господствующій пьянство и развратъ—любодѣянія. Пьянство у Лопарей

---

[1]) Годъ на Сѣверѣ, *Максимова*, стр. 214.

[2]) *Арх. Губ. Вѣд.* 1869 г., № 76; Очерки Арх. губ. *Верещагина.*

не считается порокомъ: пьютъ всѣ мужчины и женщины, взрослые и дѣти, пьютъ во всякое время, лишь былъ бы случай. На развитіе этого порока большое вліяніе оказываютъ Русскіе, которые извлекаютъ выгоды изъ склонности Лопарей къ пьянству [1]).

При торговлѣ извѣстенъ слѣдующій способъ обмана: Снятыя весною съ оленей шкуры бываютъ покрыты небольшими дырочками происходящими отъ червей (gourmak). Чтобы продать такую испорченную шкуру наравнѣ съ хорошею, снимаемою лѣтомъ и осенью, лопари задѣлываютъ проѣденныя мѣста тонкою кожицей, и въ такомъ видѣ сбываютъ товаръ неопытному покупателю [2]).

Обходъ звѣря въ чужомъ ухожьѣ и обловъ чужого озера считается у Лопарей большимъ преступленіемъ.

Нынѣ сильно распространилось между Лопарями слѣдующее преступленіе: это убійство ручныхъ оленей другъ у друга; случается оно обыкновенно осенью, когда Лопари идутъ промышлять дикаго оленя, попадающагося нынѣ рѣдко: причина этого преступленія крайняя нужда въ средствахъ къ пропитанію. Это оленеубійство самымъ вреднымъ образомъ дѣйствуетъ на ихъ благосостояніе, такъ какъ, лишаясь ручныхъ оленей, они доходятъ до нищенства. Рѣдкій Лопарь избѣгаетъ такого преступленія. Между ними есть повѣрье, что нѣтъ грѣха убить до десяти оленей фильманскихъ или шведскихъ.

Изъ преступленій противъ народнаго здоровья случается продажа Русскимъ мяса больнаго оленя или больной овцы за здоровое.

Пристанодержательствъ и укрывательствъ бѣглыхъ нѣтъ.

Колдуны и знахари пользуются у Лопарей большимъ уваженіемъ: Лопари съ давнихъ поръ славятся искусствомъ колдовства, такъ что царь Іоаннъ Грозный вызывалъ волшебниковъ изъ Лапландіи, чтобъ тѣ объяснили причину появленія кометы. И теперь Лопари еще извѣстны этимъ искусствомъ, и къ нимъ обращаются за совѣтами даже изъ Финляндіи [3]). Во время гаданья колдунъ приходитъ въ восторженное состояніе, когда душа его, по мнѣнію Лопарей, блуждаетъ повсюду и развѣдываетъ, что̀ надо. Это вос-

---

[1]) *Арх. Губ. Вѣд.* 1869 г., № 75.

[2]) Новыя и достовѣрныя извѣстія о Лапландцахъ, стр. 15.

[3]) *Арх. Губ. Вѣд.* 1869 г., № 80.

торженное состояніе Кастренъ признаетъ шарлатанствомъ, хотя происхожденіе его несомнѣнно естественное и заключается въ склонности Лопарей и другихъ шаманскихъ народовъ къ нервнымъ припадкамъ. При совершеніи гаданій колдуны не употребляютъ причитаній и заговоровъ, но ограничиваются механическими пріемами. Иногда они употребляютъ волшебный барабанъ, продолговато-круглый ящикъ особаго устройства. Знахари у Лопарей лѣчатъ всякія болѣзни, преимущественно вѣтряную, т. е., напущенную, какъ думаютъ Лопари, по вѣтру; выгоняютъ эту болѣзнь натираніемъ солью и отплевываніемъ.

Суевѣріе Лопарей не имѣетъ никакого вліянія на совершеніе преступленій, особенно важныхъ.

Изъ преступленій—убійство домашнихъ оленей, какъ было выше сказано, получило нынѣ большіе размѣры; развитію этого преступленія способствуетъ надежда на безнаказанность, потому что преступника трудно и опасно преслѣдовать въ обширныхъ тундрахъ и лѣсахъ. Особенно легко убивать оленей, принадлежащихъ Фильманамъ, такъ какъ Фильманы живутъ всегда одиночно, и обладая большими стадами, обыкновенно довольно равнодушно относятся къ своимъ потерямъ. Развитіе этого преступленія очень вредно вліяетъ на благосостояніе и нравственность Лопарей. Но еще болѣе вреднымъ образомъ дѣйствуетъ пьянство. Лопарь такъ къ нему пристрастенъ, что готовъ пропить свою послѣднюю одежду и послѣдняго оленя; между тѣмъ тѣ Русскіе, съ которыми Лопари имѣютъ сношенія, съ своей стороны стараются о развитіи между ними пьянства. Гдѣ только собираются Лопари, торговцы тотчасъ устраиваютъ подвижные кабачки и выставки. Пьянство тѣмъ болѣе разорительно для Лопарей, что они пьютъ вино всегда сообща, всею семьей, отъ стараго до малаго, такъ что послѣ каждой изъ своихъ попоекъ обыкновенно не досчитываются или десятка рублей, или нѣсколькихъ пушныхъ звѣрей. По серьезному характеру Лопарей у нихъ трудно купить безъ вина что-нибудь выгодно, но за то для покупателя съ водкой нѣтъ у нихъ ничего завѣтнаго. Въ началѣ зимы, когда Лопари бываютъ обыкновенно довольно богаты при своихъ промысловыхъ занятіяхъ, пушнымъ товаромъ и рыбою, тѣ изъ нихъ, которые живутъ на границахъ Норвегіи, запасаются, особенно для свадебъ, ромомъ анкерка по три и болѣе

на богатую семью. Во внутренніе погосты подвозятъ вино Русскіе. Одинъ изъ главныхъ виноторговцевъ г. Колы, русскій кулакъ, зная вполнѣ слабость и страсть Лопарей, съ 15-го декабря посылаетъ своего повѣреннаго съ боченкомъ вина по погостамъ и въ сборный пунктъ Лопарей Ловозеро на праздникъ Крещенья. Съ появленіемъ водки начинается у Лопарей круговое пьянство, истощающее ихъ средства. По разказамъ очевидцевъ, Лопари, съѣхавшіеся съ разныхъ мѣстъ въ Ловозеро, цѣлую недѣлю ходятъ какъ угорѣлые, не зная, что̀ день, что̀ ночь, и разъѣзжаются, когда пропьются на чисто. Хорошая водка продается только въ началѣ, а потомъ идетъ имѣющая только запахъ спирту. Тотъ же виноторговецъ посылаетъ въ мартѣ своего повѣреннаго на Растъ-Наволоцкую пустынную станцію, съ которой разъѣзжаются поморы, одни въ Колу, другіе прямо въ свои становища; туда собираются для извоза Лопари и пропиваютъ большую часть своего заработка [1]). Вотъ что̀ разсказываетъ одинъ путешественникъ о жителяхъ деревни Поной, которые состоятъ частью изъ Русскихъ, частью изъ осѣдлыхъ Лопарей: „Вошелъ *опасъ* (проводникъ), одинъ изъ поной скихъ Лопарей. „Не хочешь ли выпить на дорогу?“ спросилъ я его. „Если поднесете, выпью“. Я поднесъ ему чарку водки. „Я водки не пью“, сказалъ онъ съ какимъ-то пренебреженіемъ. „Давно ли не пьешь?“ спросилъ присутствовавшій при этомъ священникъ. „Съ осени, съ промысловъ“. „А что̀ же ты пьешь?“ „Ромъ“, отвѣчалъ опасъ, поглядывая искоса на стоящую на столѣ бутылку. „Такъ вотъ какъ“, сказалъ священникъ;—„а не хочешь ли шампанскаго?“ Лопарь по видимому обидѣлся этимъ замѣчаніемъ и съ чувствомъ собственнаго достоинства отвѣчалъ: „Можетъ быть ты, батюшка, не пилъ шампанскаго, а я пивалъ и ромъ, и ликеры, и шампанское“. Слова эти показались мнѣ странными; но священникъ, знавшій своихъ прихожанъ, тотчасъ объяснилъ ихъ: „Поноляне“, сказалъ онъ,—„всѣ страшные пьяницы. Промыслы у нихъ почти всегда изобильны и даютъ хорошій доходъ; осенью приходятъ въ Поной поморы, навезутъ изъ Норвегіи рому, разныхъ ликеровъ и винъ, вымѣняютъ ихъ на промыселъ, а Поноляне и пойдутъ пьянствовать, и не только мужчины, но и женщины, и даже

[1]) *Арх. Губ. Вѣд.* 1869 г., № 9.

ребята; пьютъ, словомъ, всѣ поголовно. Простой водки никто и знать не хочетъ, а подавай ликеру или шампанскаго; а спросите у нихъ, много ли они знаютъ толку въ шампанскомъ и виноградныхъ винахъ! Здѣсь всѣ держатся пословицы: „хоть на часъ, да вскачь“, пьянствуютъ на пропалую и нисколько не заботятся о будущемъ. Поморы пользуются этою слабостью и берутъ съ нихъ тройную цѣну за всѣ напитки и лакомства. Вотъ посмотрите: всѣ мужчины въ синихъ кафтанахъ, бабы и дѣвки разряжены, какъ на свадьбѣ, а пріѣдетъ дѣло къ веснѣ, будетъ здѣсь чистый голодъ. А пить все-таки надо: и понесутъ они всѣ эти обновы и все, что имѣютъ, въ кабакъ, и будутъ всѣ ходить въ лохмотьяхъ. Повѣренному по питейной части здѣсь житье: у него и водку берутъ въ счетъ будущихъ промысловъ, и хлѣбъ, и другіе припасы въ долгъ. При мнѣ смѣнилось нѣсколько такихъ повѣренныхъ; пріѣдетъ какая-нибудь голь, весь въ лохмотьяхъ, ѣсть нечего, глядишь, онъ имѣетъ ужь ладью и въ купцы записался. Большое зло—здѣшній кабакъ“. Впослѣдствіи я убѣдился совершенно въ справедливости этихъ словъ священника“. Что распространеніе пьянства между Лопарями происходитъ подъ вліяніемъ Русскихъ, это свидѣтельствуетъ г. Михайловъ въ книгѣ: „Очерки природы и быта Бѣломорскаго края Россіи“ [1]). По его словамъ, сильное пристрастіе къ пьянству имѣютъ Лопари, живущіе по близости русскихъ селеній. Дальніе Лопари, говоритъ онъ,—водки не пьютъ и не будутъ пить, даже если имъ прикажешь. Лопарь, у котораго онъ остановился въ Массельскомъ погостѣ, отказался отъ предлагаемой водки, и оказалось, что онъ никогда не пивалъ ни вина, ни водки.

III.

Общественный бытъ, судъ и расправа.

Государство, по понятіямъ Лопарей, есть большое семейство, гдѣ старшій хозяинъ—Царь, который имѣетъ власть надъ всѣми, и котораго каждый обязанъ слушаться. Чиновники—исполнители воли Царя, и ихъ также всѣ обязаны слушаться. На сколько развиты

[1]) Стр. 226.

понятія Лопарей объ этомъ предметѣ, можно заключить изъ вопросовъ, съ какими они обыкновенно обращаются къ пріѣзжимъ, напр.: „Все ли въ краю миръ? Здоровъ ли Государь? Живъ ли губернаторъ?“ [1]) Приводимъ интересный разговоръ, веденный Лопарями съ однимъ, пріѣхавшимъ къ нимъ лѣснымъ чиновникомъ: „Ты, ваше благородіе, какой начальникъ?“ спросилъ меня Лопарь. Я объяснилъ имъ мое административное назначеніе. „А ты больше ли нашего писаря?“ „Гораздо больше“. Лопари стали просить меня, чтобъ я ихъ не обижалъ и позволилъ имъ рубить березки для дровъ и жерди для вежъ. Я, конечно, позволилъ и успокоилъ, сказавъ, что не стану обижать. „А ты, ваше благородіе, дерешься ли?“ спросилъ неожиданно другой Лопарь. Этотъ вопросъ удивилъ меня. Я отвѣчалъ, что никода не дерусь, и что большой и хорошій чиновникъ никогда никого не бьетъ, а если кто не послушается его или провинится, то онъ приказываетъ старшинѣ, чтобы тотъ наказалъ виновнаго. Лопарь съ удивленіемъ покачалъ головой и промолвилъ: „Какъ такой большой чиновникъ не дерется“. Я спросилъ Лопаря: по какой причинѣ онъ далъ мнѣ этотъ вопросъ. „А такъ“, отвѣчалъ онъ, — „здѣсь одинъ разъ былъ какой-то начальникъ, такой сердитый, онъ четырехъ Лопарей прибилъ, мы всѣ его боялись“. „За что жь онъ васъ билъ?“ „А не знаемъ, вѣрно за то, что оленей не скоро привели, а у насъ кегоры далеко“. „А ты знаешь ли, ваше благородіе, Царя?“ „Знаю“, отвѣчалъ я, — „а на что тебѣ?“ „Да вотъ писарь нашъ больно обижаетъ Лопарей, пріѣдетъ за податями, такой сердитый, всѣхъ прибьетъ, и бабъ прибьетъ, спрашиваетъ водки, а у насъ водки нѣтъ — такъ мы хотимъ жаловаться“. Я объяснилъ, кому они должны жаловаться на писаря. Послѣ этого мнѣ дѣлали вопросы, какой у насъ Царь, какъ онъ живетъ, какіе еще есть начальники, нѣтъ ли опять войны“ [2]).

Какъ простодушенъ взглядъ Лопаря на начальство и его значеніе, можетъ свидѣтельствовать слѣдующій разказъ: Разъ одинъ чиновникъ, объѣзжавшій лопарскіе погосты по дѣламъ службы, въ досадѣ на одного Лопаря за то, что тотъ нечаянно опрокинулъ чайникъ, потаскалъ его за волосы. Лопарь ударился въ

---

[1]) *Арх. Губ. Вѣд.* 1861 г., № 46.
[2]) *Арх. Губ. Вѣд.* 1861 г., № 47.

слезы, а за нимъ и вся его семья. Перепуганный бѣднякъ долго не могъ успокоиться, воображая, что онъ совершилъ страшное преступленіе, и уже наказанный не въ мѣру за свою неловкость, спрашивалъ сквозь слезы, что̀ ему за то будетъ [1]). Своихъ ближайшихъ властей Лопари боятся чуть ли не болѣе высшихъ. Они сами говорятъ, что для нихъ разсыльный—богъ, писарь—тоже богъ. О волостномъ писарѣ разказываютъ, что у него правая рука приговоры пишетъ, а лѣвая кресты (т. е., клейма) ставитъ, намекая этимъ на полное самовольство писарей при составленіи приговоровъ и проч.

По словамъ священника Терентьева, у Лопарей сохранились еще слѣды родоваго быта, главнымъ образомъ въ ихъ пользованіи рыбными и звѣриными угодьями. Всѣ ихъ рѣки, озера, лѣсныя угодья и т. п., все это раздѣлено искони между родами съ правомъ каждому роду по наслѣдству владѣть извѣстными участками, такъ что каждому роду досталось по нѣскольку участковъ въ различныхъ мѣстностяхъ: этимъ обстоятельствомъ, по его мнѣнію, обусловливается кочевая жизнь Лопаря.

Въ административномъ отношеніи Лопари дѣлятся на волости, а волости на погосты. Каждый погостъ ихъ составляетъ особое общество, которое они называютъ міромъ, и которое имѣетъ самостоятельное управленіе. Важное значеніе міра видно изъ поговорки, которую нерѣдко можно слышать отъ Лопаря: „Община—міръ, не одинъ-бо человѣкъ,—слово его крѣпко“. Каждый членъ міра обязанъ ему подчиняться на мірскомъ сходѣ и исполнять безпрекословно, что постановятъ старшіе.

Мірская сходка, по туземному *суйма* или *локкуятъ*, заправляетъ въ своемъ погостѣ всѣми его дѣлами, какъ частными, именно семейными, судебными, тяжебными, кромѣ уголовныхъ, такъ и общественными, завѣдываніемъ доходовъ и расходовъ общества Такъ какъ въ глазахъ Лопарей преимущество людямъ дается лѣтами и богатствомъ [2]), то и на сходкахъ главными распорядителями являются старики и люди позажиточнѣе; молодые присут-

---

[1]) Очерки природы и быта Бѣломорскаго края Россіи, *Михайлова*, стр. 224.

[2]) *Арх. Губ. Вѣд.* 1845 г., стр. 451, 1856 г., № 43.

ствуютъ только для того, чтобы знать, о чемъ шло дѣло. Въ собраніе допускается каждый Лопарь, имѣющій вежу или тупу. Разсужденія на сходахъ ведутся скромно, прилично, безъ шуму и брани; голосъ каждаго, говорящаго въ свою очередь, выслушивается. Сходки у нихъ бываютъ во всякое время въ тупѣ у десятскаго. Каждый Лопарь имѣетъ право собрать сходку, если имѣетъ въ ней какую-либо нужду. Въ сходкахъ не участвуютъ женщины-хозяйки, даже въ случаѣ смерти или отсутствія домохозяина.

Больше уважается на сходѣ голосъ того, кто считается позажиточнѣе другихъ, или того, кто помогаетъ міру въ общихъ нуждахъ, напримѣръ, внося повинности за отлучившихся и т. п.

Дѣла рѣшаются не всегда единогласно и не по большинству голосовъ, а беретъ перевѣсъ та сторона, на которой люди позначительнѣе, хотя бы голосовъ и было меньше.

Для выбора должностныхъ лицъ собирается сельскій сходъ. Передъ этимъ каждый погостъ дѣлаетъ заранѣе свои сходки для обсужденія, кого назначить къ выборамъ. Обыкновенно выбираютъ людей болѣе толковыхъ и заслужившихъ честностью довѣріе общества. По другимъ свѣдѣніямъ, также выбираютъ такихъ, которые надоѣдаютъ міру своею сварливостью, задоромъ, выбираютъ за тѣмъ, чтобы потерли себѣ шею и были бы впередъ поумнѣе, не спорили бы со старпками. Отъ выборовъ освобождаются только малосемейные и потерпѣвшіе какое-либо несчастіе, также тѣ, кто служитъ міру своимъ состояніемъ, закладывая за него деньги на разныя нужды. Въ важныя службы выбираютъ людей по состоятельнѣе, по значительнѣе. Если такая служба не вознаграждается жалованьемъ, тогда міръ даетъ избранному въ подмогу рѣку для промысла семги, на все время службы, или деньгами отъ 25 до 40 р.

Бѣдные выбираются въ домашнія должности: десятскіе, лѣсные сторожа и пр. Женщинъ не допускаютъ даже къ исправленію должности десятскихъ вмѣсто мужей.

При волостныхъ выборахъ бываютъ злоупотребленія—избраніе въ должность отсутствующаго, не подлежащаго выбору посредствомъ взятки писарю.

Подати и повинности Лопари уплачиваютъ съобща цѣлымъ обществомъ, т. е., собственно не сами уплачиваютъ, а тѣ лица, которыя берутъ въ аренду ихъ оброчныя статьи, т. е., семужьи ловли.

Иногда Лопари забираютъ деньги впередъ, и все общество такимъ образомъ оказывается должникомъ.

Дорожная повинность отбывается натурою каждымъ міромъ. Міръ нанимаетъ на свой участокъ, чтобъ очистить дорогу и сдѣлать на ней мосты, примѣрно съ 108 дворовъ до 8 человѣкъ съ платою на каждаго по 5 рублей.

Обывательская повинность отбывается и деньгами, и натурою. Когда случится подвода, то міръ нанимаетъ того, кто возьмется дешевле везти. Иногда же весь міръ отбываетъ повинность поочередно, въ порядкѣ, опредѣляемомъ на сходкахъ. Лопари Экостровскаго общества отправляютъ гоньбу на обывательскихъ станціяхъ по всему пространству отъ Колы до Кандалакти, за что и получаютъ въ годъ 810 р. [1]).

Отъ натуральныхъ повинностей освобождаются только крайніе бѣдняки. Распредѣленіе ихъ дѣлается одинаково на бѣдныхъ и богатыхъ, сиротъ, вдовъ.

Лопари, какъ и русскіе крестьяне, имѣютъ волостные суды при волостныхъ правленіяхъ; но такъ какъ волостныя правленія находятся далеко, то Лопари каждаго погоста рѣшаютъ свои судебныя дѣла *на мірскихъ сходкахъ*: Лопари предпочитаютъ, вообще, судиться у себя, чѣмъ обращаться въ волостной судъ. Одинъ наблюдатель говоритъ о жителяхъ деревни Поноя, отчасти Лопарей, отчасти Русскихъ, гдѣ сильно отзывается лопарскій элементъ: „Въ случаяхъ ссоръ, обидъ, воровства и пр. поноляне не любятъ прибѣгать къ установленнымъ властямъ, а всѣ дѣла стараются рѣшать дома, своимъ третейскимъ судомъ“. Не мудрено, что Лопари предпочитаютъ свой судъ; у нихъ сохранились еще воспоминанія о томъ времени, когда они могли рѣшать сами и рѣшали дѣла даже по уголовнымъ преступленіямъ. Кастренъ приводитъ разсказъ о такомъ рѣшеніи: Одинъ Лопарь въ Кусамо тайно умертвилъ свою жену, но это злодѣяніе вскорѣ было открыто его десятилѣтнимъ сыномъ. Лопари созвали старшинъ на слѣдствіе. Судьи, по обычаю, собрались въ домѣ обвиняемаго и устроили такъ-называемую судную избу. Уличенный былъ приговоренъ къ висѣлицѣ, и судьи же привели свой приговоръ въ дѣйствіе [2]).

[1]) *Арх. Губ. Вѣд.* 1869 г., № 96.

[2]) *Арх. Губ. Вѣд.* 1869 г., № 46.

Мы имѣемъ рѣшенія понойскаго волостнаго суда за 1867 г., гдѣ только одно дѣло касается Лопаря, да и то начато по иску мѣстнаго священника, который жалуется на Лопаря, что тотъ взялъ у него въ займы 1 р. денегъ и не платитъ долга. Судъ приговорилъ Лопаря къ уплатѣ требуемыхъ денегъ и къ суточному аресту.

Другой волостной судъ кольско-лопарскій, рѣшенія котораго мы также имѣемъ, за весь 1867 г., представляетъ три рѣшенія, и только одно изъ нихъ заключаетъ дѣло Лопаря. Это дѣло заключается въ жалобѣ волостнаго старшины на то, что одинъ молодой Лопарь, въ пьяномъ видѣ, выбранилъ его; за это онъ былъ приговоренъ къ наказанію розгами, хотя и просилъ прощенія у обиженнаго. Другія два дѣла касаются Русскихъ, именно мурманскихъ промышленниковъ. Значитъ, въ 1867 г. въ обоихъ судахъ рѣшалось только два лопарскихъ дѣла, и то одно изъ нихъ было поднято не Лопаремъ, между тѣмъ какъ кольско-лопарскій волостной судъ предназначается спеціально для Лопарей, такъ какъ на Мурманскомъ берегу нѣтъ русскихъ деревень, и тамъ Русскіе бываютъ только лѣтомъ. Очевидно, что Лопари не любятъ обращаться въ волостной судъ, а рѣшаютъ свои дѣла на сходкахъ.

Мірская сходка судитъ проступки членовъ своего міра: споры, обманы, воровства, обловъ рыбнаго угодья или обходъ лѣснаго участка. За послѣднее преступленіе виновный уплачиваетъ вдвое противъ украденнаго. Потерпѣвшій обиду объявляетъ о ней на сходкѣ; чѣмъ рѣшитъ міръ, тѣмъ должны быть довольны обѣ стороны. Если причиненъ какой нибудь убытокъ, то міръ дѣлаетъ ему оцѣнку и потомъ приговариваетъ виновнаго къ вознагражденію убытка деньгами, по оцѣнкѣ. Если Лопарь застрѣлитъ чужаго оленя, то долженъ за него отдать своего лучшаго. За покражу взыскивается вдвое противъ стоимости украденнаго. Брани, ссоры, драки кончаются обыкновенно мировыми, иногда съ водкой. Если кто разстраиваетъ пьянствомъ свое хозяйство, то погостъ наказываетъ виновнаго выговоромъ; пьяницамъ, которые не могутъ платить податей, дѣлается выговоръ, а если онъ не подѣйствуетъ, то передаютъ таковыхъ въ руки волостнаго правленія.

Когда обида нанесена лицомъ изъ другаго міра, тогда обиженный долженъ объявить объ обидѣ тому міру, въ которомъ живетъ обидчикъ; послѣдній и судится своимъ міромъ. Поморы не-

рѣдко крадутъ у Фильмановъ оленей, что̀ имъ большею частью и сходитъ съ рукъ. Но когда поморъ попадется Фильманамъ съ поличнымъ, то ужь не долженъ ждать отъ нихъ пощады. Они жестоко наказываютъ его палками, такъ что вору послѣ такого наказанія никогда уже не поправить своего здоровья [1]).

Фильманы очень цѣломудренны, такъ что между ними не бываетъ незаконныхъ связей [2]); но у Лопарей нѣтъ этой чистоты нравовъ. Дѣвицу, вышедшую замужъ не цѣломудренною, наказываютъ только насмѣшками; соблазнившій, большею частью, беретъ ее замужъ.

Также не бываетъ никакихъ особыхъ наказаній и за прелюбодѣяніе.

Если дѣвушка родитъ ребенка, то ее преслѣдуютъ насмѣшками, иногда родители прогоняютъ ее прочь, ребенка долженъ взять на воспитаніе отецъ, но его матери онъ ничего не даетъ.

— · — —

Приложенія.

I [3]).

Списокъ съ записи между крещеными Лопарями и приходскимъ священникомъ о ругѣ.

Колского уѣзду живоначальныя Троицы Печенского монастыря крестьяне крещеные лопари Мотовского да Печенского погостовъ мирскіе старосты, да Пазрецкого, да Нявдевского погостовъ старосты и всѣхъ тѣхъ погостовъ крещеные Лопари, по указу великого Господина и Государя Преосвященнаго Афанасія Архіепископа Холмогорскаго и Важескаго, каковъ присланъ въ нынѣшнемъ въ 7202 (1694) году Печенского монастыря къ игумену Іосифу зъ братею, по челобитю Борисоглѣбской церкви священника Симеона Борисова, велѣно ему игумену, противъ челобитья ево священника Симеона, руга предѣлъ учинить неотложно, окромѣ того, что отъ крещенія младенцевъ, и отъ вѣнчанія браковъ, и отъ погребенія умершихъ и мы крещеные Лопари всѣхъ четырехъ погостовъ, старосты и крестьяне обложили ему священнику Симеону ругою промежъ собою всѣ крестьяне полюбовнѣ рядили ему руги со всякой души по алтыну на годъ, сверхъ того отъ исповѣди по алтыну ему свя-

[1]) *Арх. Губ. Вѣд.* 1861 г., № 39.

[2]) Тамъ же.

[3]) Изъ архива Холмогорскаго Спасо-Преображенскаго собора.

щеннику Симеону съ человѣка, а отъ крещенія младенцевъ имать ему священнику Симеону и отъ родилничныя и отъ четыредесятной молитвы со всѣмъ по четыре алтына по двѣ денги, а отъ вѣнчанія браковъ имать ему священнику Симеону по два еѳимка, окромѣ архіерейскихъ пошлинъ, а отъ погребенія умершихъ имать ему священнику Симеону по шти алтынъ по четыре денги, да отъ молитвы, что къ Рождеству Христову съ вежи имать по четыре денги, да намъ же Лопарямъ давать ему священнику Симеону со всѣхъ четырехъ погостовъ на всякой годъ сала тросковаго давать ему священнику Симеону по пуду съ погоста, да по двѣ кережи со всякого погоста ему священнику Симеону дать намъ мяса и рыбы на всякій годъ, а подводы ему священнику и діачку и подъ кладь ево священника наши подводы крестьянскіе все, а та поголовная руга и сало и рыба и мясо збирать намъ крестьянамъ старостамъ нашимъ и относить ему священнику Симеону въ Колу вдругъ безпереводно и діачка ему Симеону своего держать, въ томъ мы Лопари крещеные всѣхъ четырехъ погостовъ полюбовную промежъ собя и запись дали. Алексѣй Васильевъ сынъ Поповъ Нименга подлинную запись писалъ по ихъ всѣхъ четырехъ погостовъ старостъ, что вышеписанныя со всѣми крестьяны тѣхъ погостовъ. По ихъ веленію, церковный дьячекъ монастырской Никитка Казанецъ руку приложилъ. Лѣта 7202 (1694) Ѳевраля въ 3 день. Къ сему списку колскаго острога попъ Симеонъ руку приложилъ.

7204 (1696) годъ мая въ 6 день. Преосвященный архіепископъ, слушавъ сего списка съ записи, указалъ ему священнику Симеону всякая руга съ приходскихъ ево Лопарей збирать и Лопарямъ ту ругу ему давать по вся годы неотложно, а тоя руги ему, что отъ исповѣди по шти денегъ съ человѣка, отнюдь не давать, для того, что по правиламъ святымъ отъ исповѣди и причащенія священникомъ имать ничего не велѣно, и то есть подъ отлученіемъ и подъ смертнымъ грѣхомъ, о томъ послать въ Печенской монастырь указъ къ строителю, и велѣть ему прочитать всѣмъ Лопарямъ для вѣдома неединожды.

Государю Преосвященному Аѳанасію Архіепископу Холмогорскому и Важескому бьетъ челомъ богомолецъ твой Колскаго острога Борисоглѣбской церкви священникъ Симеонъ: въ прошломъ Государь 7202 (1694) году присланъ твой архіерейской указъ Печенского монастыря къ игумену Іосифу съ братьею велено ему игумену, по тому твоему архіерейскому указу, той Борисоглѣбской церкви приходцкимъ Лопарямъ учинить мнѣ богомольцу твоему полюбовному договору руга въ годъ, чемъ бы мнѣ богомольцу при той церкви питатца, и по той записи они Лопари писанную ругу ко мнѣ въ прекормленіе исправляли; и въ той же записи написано: буде которой изъ нихъ Лопарей въ духовенствѣ мнѣ богомолцу твоему исповедаетца и отъ исповѣди опредѣлили мнѣ доходу давать по шти денегъ съ человѣка; толко я богомолецъ твой сказывалъ имъ, что отъ исповѣди руга священникамъ не водитца и они Лопари люди дикіе, въ томъ меня богомолца твоего не послушали и сказали: это де исповѣдаетца, тотъ де по шти денегъ руги ему и дастъ, а это де не исповѣдаетца, тотъ де мнѣ тою ругу и не дастъ. И нынѣ ты Государь съ тое записки благоволилъ взять въ Казенной Приказъ списокъ, и впредъ ты Государь противъ той записки отъ исповѣди по шти денегъ съ человѣка мнѣ богомолцу не повелѣлъ имать. А вѣчно они государь Лопари къ той церкви, приходятъ, а родителей своихъ не поминаютъ, и общаго синодика у нихъ и особыхъ поминаній нѣтъ и до днесь. Милостивый Государь Преосвященный архіепископъ Аѳанасій Холмогорскій и Важескій! пожалуй меня богомолца своего повели мнѣ богомолцу твоему учинить синодикъ при той церкви и имъ Лопаремъ родителей своихъ въ тотъ синодикъ за-

писывать и особые поминовенія имъ давать и я богомолецъ твой тѣхъ родителей ихъ поминать буду, а исповѣдную ругу по шти денегъ съ Лопаря вели Государь вмѣнить мнѣ за поминовеніе родителей ихъ, чтобъ мнѣ тоя руги не отбыть, потому что при той церкви живу я въ самой скудости, и о томъ Государь вели дать мнѣ богомольцу свой архіерейской указъ. Государь Преосвященный архіепископъ смилуйся. Попъ Симеонъ руку приложилъ.

7204 (1696) года мая въ 18 день. Преосвященный архіепископъ, слушавъ сей челобитной, указалъ ему Симеону ту руги збирать съ приходцкихъ ево Лопарей по алтыну съ человѣка повсягожды, а родителемъ имъ Лопарскимъ написать синодикъ и поминать души ихъ по чину святыя Христовы церкви и быть тому синодику въ той церкви вѣчно неотемлемо, о томъ дать священнику указъ, а болше того числа руги отъ поминовенія родителей ему не имать.

II [1]).

Въ мартѣ 1696 года монахи Кольскаго острога Троицкого Печенского монастыря, въ числѣ 11 человѣкъ и вкладчики монастыря, кольскіе жители и стрѣльцы, въ числѣ 12 человѣкъ, послали Преосвященному Аѳанасію, архіепископу Холмогорскому и Важескому, челобитную, въ которой, между прочимъ, писали, что игуменъ ихняго монастыря Іосифъ, находится въ Москвѣ, гдѣ онъ бьетъ челомъ Государю о монастырскихъ многихъ нуждахъ, а при отъѣздѣ своемъ въ Москву, игуменъ поручилъ надзоръ за монастыремъ монаху Павлу; „нынѣ же Государь, къ намъ въ монастырь пришли къ промыслу съ многія покрутныя люди и къ церковному строенію пришло 12 человѣкъ плотниковъ, по игуменскимъ и по ево Павловымъ писмамъ, и на тѣ наши промыслы тѣхъ покрутныхъ людей послать и у церковнаго строенія плотниковъ наряжать и надсматривать надъ ними некому и въ монастырѣ же Государь у насъ убогихъ монаховъ нынѣ великая хлѣбная и денежная нужда, и никто насъ убогихъ безъ игумена не ссужаетъ, кромѣ его Павла, и ни въ чемъ не вѣрятъ, а его монаха Павла многіе люди вѣдаютъ и его ссужаютъ и вѣрятъ и отъ начальныхъ людей и отъ сторонніхъ нападковъ святую обитель онъ монахъ Павелъ остерегаетъ, и окромѣ его изъ насъ монаховъ никто церковнаго обыкновенія и монастырскаго строенія и работнимъ людемъ наряду никто не знаетъ, потому что мы всѣ безграмотныя и просцы“. Поэтому они просятъ оставить у нихъ, для заботъ о монастырскихъ нуждахъ, монаха Павла, котораго потребовалъ къ себѣ, въ Холмогоры архіепископъ Аѳанасій. Эту челобитную отвезъ по прошенію монаховъ, монастырскій священникъ Симеонъ Борисовъ. Выслушавъ челобитную, архіепископъ велѣлъ допросить посыльщика священника Симеона о томъ, сколько человѣкъ въ Печенскомъ монастырѣ монаховъ, кто откуда родомъ, какого званія былъ въ мірѣ, давноль пострижены въ монашество, каково кто проводитъ житье въ иночествѣ, тоже самое и о вкладчикахъ; какое у нихъ церковное строеніе заводится, и какими морскими промыслами занимаются, и сколько судовъ на промыслы отпускаютъ, и съ иноземцами какіе и о чемъ у нихъ бываютъ сдѣлки.

А въ допросѣ сказалъ онъ, Симеонъ, по священству истинную правду: въ томъ-де вышеписанномъ Печенскомъ монастырѣ братьи монаховъ четырнадцать человѣкъ, да вкладчиковъ двѣнадцать человѣкъ и въ томъ-де числѣ: монахъ Тихонъ прозва-

[1]) Изъ архива Холмогорскаго собора.

ніемъ Кабакукшинъ, породою Керечанинъ, Соловецкаго монастыря бобыль, лѣтъ совершенно престарѣлъ и очми мало видитъ, грамотѣ не ученъ, постриженикъ того-жъ Печенскаго монастыря, а колко лѣтъ монашествуетъ, того-де онъ, Симеонъ, не знаетъ; а свойственниковъ де у него въ Колѣ и въ Печенскомъ монастырѣ нѣтъ, а живетъ де онъ въ томъ монастырѣ келаремъ года съ четыре, хмельное питье пьетъ въ пьянство, только не всегда, а въ росправѣ мірской за старость и за недоумѣніе не искусенъ и во правѣ мало постояненъ.

Монахъ Алимшій, породою и прозваніемъ Лопинъ, того жъ Печенскаго монастыря крестьянинъ Мотовскихъ погостовъ, лѣты старъ же и зрѣніемъ велми скуденъ, грамотѣ не ученъ, постриженикъ того-жъ Печенскаго монастыря, а колко лѣтъ онъ монашествуетъ, того де онъ, Симеонъ, не знаетъ, а свойственниковъ де у него въ томъ монастырѣ и въ Колѣ никого нѣтъ, а есть де у него свойственники въ лопарскихъ погостахъ, толко въ далномъ разстояніи отъ монастыря, и живетъ де онъ въ томъ монастырѣ казначемъ года съ четыре, хмелнаго питя держитца не вмалѣ, а похищеніе монастырской казны онъ чинитъ или не чинитъ, того де онъ, Симеонъ, не знаетъ, а житьемъ де онъ смиренъ и межъ братіи любовенъ, а въ росправѣ монастырской ничего не знаетъ.

Монахъ Силвестръ, прозваніемъ Молвистой, живетъ въ рядовомъ братствѣ, породою Коланинъ, и въ мірѣ былъ въ Колѣ-жъ въ стрѣльцахъ, лѣты не молодъ, толко еще въ силѣ, постриженикъ того жъ Печенскаго монастыря, а монашествуетъ года съ три; у него жъ въ Колѣ есть посестріе и сыновья женатые и внучата и многіе родственники, и тотъ де монахъ житье живетъ своеволное, съ братію малосогласное и пьянственнаго питья держитца не вмалѣ; да слыхалъ де тоя обители отъ братіи, что де за нимъ есть и монастырской казны въ похищеніи не мало, какъ онъ былъ посланъ къ Москвѣ за монастырскими дѣлы; и съ братьею живетъ де онъ, Силвестръ, болше ропотно, нежели согласно.

Монахъ Илья Кузнецъ, прозваніемъ Пульчакъ, въ мірѣ былъ житель колского-жъ острога, грамотѣ не ученъ, и есть де у него въ Колѣ посестріе и дѣти, лѣти де совершенъ къ старости, постриженикъ того-жъ Печенскаго монастыря, а колко тому лѣтъ какъ монашествуетъ, того де онъ, Симеонъ, не знаетъ, толко де онъ живетъ житье совершенно пьянственное и монастырскіе избытки, гдѣ что можно, похищаетъ воровски, да и постригся де онъ въ иночество отъ бѣды, которая прилучилась ему отъ воровства.

Монахъ Серафимъ, житель былъ колского-жъ острога, а посадской человѣкъ или стрѣлецъ, того де онъ, Симеонъ, не знаетъ; грамотѣ не ученъ, и есть де у него въ кольскомъ острогѣ посестріе и дѣти — сыновья женатые и дочери замужнія и зятья и внучата, а постриженикъ онъ того-жъ Печенскаго монастыря, а монашествуетъ года съ четыре, лѣты престарѣлъ, житье живетъ къ воздержанію посредственно и въ трудахъ де послушенъ, толко де къ посестрію и къ дѣтямъ его имъ дачею монастырскаго избытку желаніе имѣетъ.

Монахъ Арсеній, прозваніемъ Сусловъ, житель колского-жъ острога, былъ посадскаго человѣка сынъ, а отъ рожденія де ему лѣтъ 30 или и меньше, женатъ не бывалъ, постриженикъ того жъ Печенскаго монастыря, грамотѣ не ученъ, а монашествуетъ лѣтъ пять или шесть, житье живетъ къ пьянству желателное и на кабакъ для напитку бываетъ нерѣдко, и на ту потребу, слыхалъ онъ, что чинитъ изъ монастырскихъ избытковъ похищеніе, а свойственники есть де у него въ Колѣ: мать и братья, и дядя и иные сродники. И по отписки де съ Москвы того жъ Печенскаго монастыря игумена Іосиѳа велѣно послать къ нему изъ монастыря къ Мо-

сквѣ въ помощь за монастырскими дѣлы монаха, для того, что де онъ тамо живетъ одинъ, и того де Арсенья послали къ нему, игумену, изъ монастыря къ Москвѣ съ нимъ священникомъ Симеономъ вмѣстѣ, какъ онъ поѣхалъ на Холмогоры марта въ 31 день, и доѣхалъ де онъ съ нимъ до Сумскаго острога, и тутъ похотѣлъ забавитися напиткомъ и остался отъ него, и сказалъ ему, священнику, что де онъ къ Москвѣ не ѣдетъ, а поѣдетъ де въ Соловецкой монастырь, а на проѣздъ до Москвы дано де ему было изъ Печенскаго монастыря четыре рубли денегъ.

Монахъ Іаковъ, пришлой человѣкъ, по вѣдомостямъ заонежанинъ, Корелянинъ породою, отъ рожденія лѣтъ двадцати, грамотѣ не ученъ, свойственниковъ у него въ Колѣ и въ монастырѣ никого нѣтъ, а монашествуетъ де онъ года съ три, а пьянства держитца съ желаніемъ, толко живучи въ братствѣ послушенъ.

Монахъ Калистъ въ мірѣ былъ Кольскаго острога стрѣлецъ, лѣты средовѣченъ, постриженикъ того-жъ Печенскаго монастыря, а монашествуетъ года съ два, у него-жъ де въ Колѣ есть посестріе и сынъ и братья и иные сродники, а житіе де живетъ онъ совершенно пьянственное, мало и съ кабака сходитъ, а грамотѣ онъ не ученъ, а монастырскаго ничего ввѣрить ему невозможно; а того и назираетъ, чтобъ монастырское уволотчи тайно.

Монахъ Гурей, Мезенскаго уѣзда, а которой волости былъ онъ житель, того онъ, Симеонъ, сказать не знаетъ, монашествуетъ года зъ два, а живучи въ братствѣ послушенъ, толко человѣкъ онъ пьянственной же; а лѣтъ де онъ нынѣ въ полчетвертатцать, грамотѣ не умѣетъ.

Монахъ Ефремъ, вышеописанному старцу Калисту братъ родной, а въ мірѣ былъ стрѣлецъ Колской, а монашествуетъ онъ года полтора, а житіе преходитъ онъ пьянственное и непотребное, во всемъ подобно вышеписанному брату его, монаху Калисту; у него-жъ есть посестріе и братья и иные сродники, а лѣтъ онъ въ тридцать и менше, а постригся онъ отъ многихъ своихъ долговъ, грамотѣ не ученъ.

Монахъ Исаія былъ стрѣлецъ Колскаго-жъ острога, постриженикъ того-жъ Печенскаго монастыря, а монашествуетъ онъ года съ три или менше; и въ Кольскомъ острогѣ есть у него дѣти и внучата и иные сродники, и къ тѣмъ своимъ сродникамъ онъ прибѣгаетъ и человѣкъ онъ упивчивый, а лѣты онъ совершенно престарѣлъ.

Іеромонахъ Геронтій, что сія зимы посвященъ преосвященнымъ архіепископомъ въ тотъ же Печенской монастырь въ іеромонахи, въ мірѣ былъ житель Кольскаго острога посадской молодчой человѣкъ, а постригся онъ въ прошломъ 203 году въ осень по нуждѣ отъ начетнаго на него хлѣба, какъ онъ въ прошлыхъ годѣхъ у пріему и раздачи государева хлѣба на жалованье служилымъ людемъ былъ цѣловальникомъ; а въ мірѣ де онъ жилъ житіе пьянственное-жъ, а нынѣ онъ іеромонахъ остался отъ него, Симеона, въ монастырѣ лежитъ погами велми скорбенъ; а въ Кольскомъ острогѣ есть у него, Геронтія, посестріе и дѣти и братья и иные сродники.

Монахъ Павелъ, о которомъ вышеписанное челобитье настоитъ, былъ въ мірѣ того-жъ Кольскаго острога Воскресенской церкви священникъ Петръ, постригся онъ въ монашество въ прошломъ году объ одно время съ вышеписаннымъ іеромонахомъ Геронтіемъ, а житіе онъ въ монашествѣ нынѣ преходитъ доброе, а сродниковъ де у него въ Колскомъ острогѣ есть мать, лѣты престарѣла, и зятья и племянницы.

Монахъ Иринархъ, прозваніемъ Чистикъ, которой прежъ сего жилъ въ Кандалажскомъ монастырѣ и учинилъ онъ отъ пожару разореніе, а въ Печенской мона-

стырь пришелъ онъ, Иринархъ, нынѣшняго 204 года зимою, а житіе живетъ межъ братствомъ ропотливое и изъ монастыря въ мірскіе домы ходитъ почасту, невѣдомо для какого случаю. А у которыхъ вышеписанныхъ монаховъ есть въ Колскомъ острогѣ посестрія и дѣти и сродники, и они де къ нимъ въ домъ ходятъ, а для чего ходятъ, того де онъ не знаетъ.

А вкладчики де того-жъ монастыря бѣлцы, рожденіемъ всѣ Колского острога, а живутъ они внѣ монастыря, въ Колскомъ острогѣ, и питаются они отъ своихъ трудовъ, а вклады у нихъ въ монастырь дѣланы самые малые, и изъ монастыря ничего имъ не идетъ; толко де приходятъ они вкладчики въ монастырь о праздникахъ и ихъ тогда на монастырѣ кормятъ, а нарочитыхъ де въ тѣхъ вкладчикахъ и прочныхъ людей по услугѣ нѣтъ, все де люди престарѣлые, а иніи есть и упьянчивые. Далѣе священникъ Симеонъ показалъ о постройкѣ двухъ новыхъ церквей въ монастырѣ вмѣсто сгорѣвшихъ, и о монастырскихъ морскихъ и рѣчныхъ рыбныхъ промыслахъ; между прочимъ онъ сказалъ: „да въ ихъ же монастырское згодье въ Мотовскую губу заганиваютъ морскіе волки звѣрей китовъ на сушу, толко не по вся годы, и отъ тѣхъ де китовъ бываетъ въ монастырь прибытокъ не малой, для того, что де китовое сало емлютъ и продаютъ иноземцамъ цѣною противъ тресковаго же сала, толко де и въ томъ бываетъ у нихъ отъ безлюдства и отъ похищенія посланныхъ истеря не малая“. По выслушаніи допросныхъ рѣчей, архіепископъ Аѳанасій приказалъ вмѣсто келаря быть строителемъ Печенскаго монастыря монаху Павлу, а въ казначеи въ тотъ монастырь пріискать монаха доброжителного изъ другого монастыря, сдѣлать точный учетъ въ приходѣ и расходѣ монастырскихъ суммъ и имущества „а черцовъ, которые въ томъ монастырѣ живутъ пьянственно и зазорно и къ свойственнымъ ихъ людемъ въ Колской острогъ для пьянства ходятъ и монастырскому иждивенью чинятъ похищенье, и тѣхъ черцовъ смирить имъ строителю и сыну боярскому, при братьи, плетми безъ пощады, чтобъ такъ дѣлать имъ и инымъ впредь не повадно было, а черица Арсенья, которой посланъ былъ къ игумену того монастыря къ Москвѣ и остался въ Сумѣ, велѣть, сыскавъ, выслать на Холмогоры.

Для полноты характеристики иноковъ Печенскаго монастыря, слѣдуетъ еще прибавить, что самъ строитель Павелъ, который, по словамъ священника Симеона „*преходилъ доброе*“, черезъ нѣсколько лѣтъ былъ заподозрѣнъ въ житіи болѣе безнравственномъ, нежели остальные его сподвижники. Въ памяти архіепископа Аѳанасія іеромонаху Лаврентію да подъячему Ѳедору Нечаеву 1701 г. ноября 13-го написано: „Да вѣдомо преосвященному Аѳанасію учинилось, что къ бывшему той (Печенской) пустыни строителю Павлу Холмогору приходятъ въ келью робята невозрастные и ночуютъ, и онъ съ ними пьянствуетъ, и вамъ тѣхъ робятъ распросить вправду накрѣпко, кто имянно и чьи робята къ нему Павлу къ келью ходятъ и ночуютъ, и буде они не учнутъ правду сказывать и ихъ бить плетми нещадно и спрашивать у нихъ съ нимъ Павломъ о познати прямой правды, и буде скажутъ они случай и познать свою съ нимъ Павломъ какую непотребную и богомерскую и его Павла противъ ихъ распросныхъ рѣчей распросить же накрѣпко, и буде онъ учнетъ въ тѣхъ съ ними случьяхъ запиратца и ему дать очную ставку со всякимъ порознь и съ очной ставки, въ чемъ доведетца, розыскать, и тотъ розыскъ за руками привезть тебѣ Ѳедору въ казенный приказъ, а его Павла до указу Преосвященнаго архіепископа держать въ той пустыни скована за карауломъ ...а по тѣхъ робятахъ, которые съ нимъ въ непотребной познати явятца, что ихъ къ Преосвященному архіепископу поставить, буде онъ ихъ укажетъ, взять поручные“. Впо-

слѣдствіи этотъ Павелъ былъ сосланъ, вѣроятно по настоящему дѣлу, въ Соловецкій монастырь на покаяніе.

III [1]).

Выписки изъ жалованной грамоты 1697 г.

Въ купчей 7128 (1620) году написано: Никита Васильевъ Нотозерскій Лопарь продалъ Печенскаго монастыря игумену зъ братьею на Туломѣ рѣкѣ подъ падуномъ свой участокъ одинъ красную рыбу семгу въ нижнихъ тоняхъ котелные моста: опрочь Каменя и Лахты, впрокъ безъ выкупу, денегъ взялъ сорокъ алтынъ. Въ данной 7128 году Нотозерскій лопарь Харитонъ Юрьевъ зъ женою Марьицею дали вкладомъ въ Печенской монастырь угодье свое, что у него на Туломѣ рѣкѣ межъ Лопарями, опричь монастырскія половины подъ падуномъ во всѣхъ своихъ рыбныхъ ловляхъ красные рыбы семги и въ гребныхъ озеркахъ и въ звѣриныхъ угодьяхъ и въ бобровыхъ юнѣхъ, чѣмъ онъ Харитонко владѣлъ и въ заборѣ выше падуна, и Шовну рѣчку, а что буде доведетца въ городовую подѣлку и въ подводы и во всякіе лопскіе расходы по разчету съ тово угодья и то тянуть Печенскимъ старцамъ. Въ данной 7129 году Никитка Васильевъ Нотозерскій Лопарь зъ женою Аѳросиньицею да съ сыномъ Васкою дали въ Печенской монастырь за двадцать за пять рублевъ вкладомъ впрокъ во вѣки свое владенье на Туломѣ рѣкѣ подъ падуномъ красные рыбы ловли подъ Каменемъ и въ Лахтѣ двѣ четверти со сминою; да въ тѣхъ же тоняхъ и въ котелныхъ мѣстахъ и въ Замейкѣ въ заборѣ десять участковъ промежъ Нотозерскими и Сенгелскими Лопари, а игумену зъ братіею за тотъ вкладъ его Никитку въ монастырь покоить, какъ и прочихъ вкладчиковъ и братью, до его смерти, а женѣ его и сыну давать изъ монастыря по три мѣры муки ржаной на годъ со 129 году впредь до ихъ смерти; да съ того жъ его угодья игумену зъ братіею платить расходъ съ Нотозерскими Лопарями вмѣстѣ. Въ данной же 129 году Нотозерской Лопарь Кипріянко Романовъ съ сестрою Ульянкою дали вкладомъ въ Печенской монастырь впрокъ свое угодье, что далъ въ тотъ монастырь дѣдъ ихъ Дениско Яковлевъ за себя и за жену свою и за нихъ внучатъ на Туломѣ рѣкѣ подъ падуномъ въ рыбныхъ ловляхъ, вотчинное свое и прикупного и наемного полосма учаска кореныхъ, да семь учасковъ за хребетныхъ, да полпяты четверти носныхъ въ лахтѣ и подъ каменемъ и котельныя мѣста и съ нижними тонями и въ верхнемъ заборѣ противъ учасковъ коренныхъ, чѣмъ дѣдъ ихъ Дениско владѣлъ изстари.

Въ отписи 127 году Нотозерскіе Лопари староста Агѣйко Прокофьевъ да Еѳремко Ѳедоровъ участники подпадунскіе во всѣхъ своихъ товарищевъ мѣсто, которые промышляютъ отъ падуна, дали отпись Печенскаго монастыря игумену зъ братіею за ихъ промыслъ за старца Досифея по его розвыткѣ, что межъ ими была его Досифѣева розвытка въ промыслу, а взяли рубль пять алтынъ три деньги за 127 годъ. Въ купчей 142 года Маринка Яковлева дочь Нотозерка Клементьевская жена зъ дѣтьми съ Ивашкомъ да съ Исачкомъ, продали Печенскаго монастыря игумену зъ братіею участокъ свой по Туломѣ рѣкѣ подъ падуномъ ловли красной рыбы, что ей Маринкѣ зъ дѣтми межъ ими Печенского монастыря въ ловляхъ въ однѣхъ жеребьяхъ доведетца, 142 году впрокъ безъ выкупу, а взяли за все денегъ пять рублевъ. Въ

[1]) Грамота доставлена свящ. Нотозерскаго прихода Г. Терентьевымъ.

кабалѣ 145 году Нотозерскій Лопарь Ивашко Никитинъ занялъ у Колянъ у Антишки да у Ѳетки Сусловыхъ пять рублевъ двадцать три алтына двѣ денги, а заложилъ въ тѣхъ денгахъ свое падунское угодье, чѣмъ онъ владѣлъ и промышлялъ до сроку до Петрова дни 146 году безъ росту, а по срокѣ имъ Антишкѣ и Ѳеткѣ та кабала купчая и отводная впроки безъ выкупу. Въ данои 154 году Нотозерскій Лопарь Никитка Михайловъ далъ въ Печенской монастырь вкладомъ владѣнья своего угодья рыбные ловли на Туломѣ рѣкѣ подъ падуномъ въ лопской четверти подъ Каменемъ и въ Лахтѣ и въ падунскомъ заборѣ и зарѣчныхъ неводныхъ ловляхъ во всей лопской чети пятнадцатая рыба за девять рублевъ.

Въ писцовой книгѣ Василья Агалина 1574 г. написано: погостъ Сонгела стоитъ надъ лѣшимъ озеркомъ, а въ немъ живутъ Лопари крещеные въ вежахъ, всего восмь вежъ, людей въ нихъ двадцать одинъ человѣкъ, а угодья у нихъ лѣшіе рѣчки и озера, Шуло-озеро, рѣчка Павія, Черво-озеро, рѣчка Черья, Мавно-озеро, Ворнакъ-озеро, рѣчка Керія, Мочасцо-озеро, рѣчка Мочасцо, Ловно-озеро, рѣчка Ловно, Енгосъ-озеро, рѣчка Енгосъ, Куной озеро, рѣчка Куня; а ловятъ они на тѣхъ на всѣхъ рѣчкахъ бобры, а въ озерахъ ловятъ бѣлую рыбу, да они жъ владѣютъ съ Нотозерскими Лопари на рѣкѣ на Туломѣ, а ловятъ красную рыбу семгу во всѣхъ промыслахъ опричь верхняго забору, да и Нотозеро, да съ ними жъ за одинъ вѣдаютъ, а вѣдаютъ они тѣ рыбные ловли, угодья, рѣчки и озера, лѣшіе и рѣку Тулому и Нотозеро, бобровые ловли и всякіе ухожьи промежъ себя сами истари, а межа имъ съ монастырскими угодьи Печенского монастыря по Бабъ-озеро, по Кардовараку, а по другую сторону отъ Нотозерскихъ Лопарей, Нотозеро по Глубокой ручей.

Погостъ Нотозеро стоитъ надъ рѣкою надъ Конею, а въ немъ Лопари живутъ крещеные тяглые, а не пашенные, въ вежахъ, всего девятнадцать вежъ, а людей въ нихъ двадцать восемъ человѣкъ, а угодья у нихъ Совно-озеро, Керсо-озеро, Чесмонпо-озеро, рѣчка Улита, Печь-озеро, рѣчка Печь, да Космо-озеро, Косморучеекъ, рѣчка Рудпавъ, рѣчка Писта, рѣчка Водонга, Мела-озеро, Пара-озеро, рѣчка Вуя и съ ручейки, Суда-озеро, Гирвасъ-озеро, рѣчка Гирвасъ и съ ручейки, Товадь-озеро, рѣчка Товадь и съ ручейки, Кочкомо-озеро, рѣчка Кочмога, рѣчка Рявья и всего двенадцать озеръ да десять рѣчекъ, да два ручейка, и по тѣмъ озерамъ ловятъ бѣлую рыбу, а въ рѣчкахъ и въ ручейкахъ бобры бьютъ и красную рыбу семгу ловятъ, да того жъ погоста Нотозерскаго Лопарей на рѣкѣ на Туломѣ по выше падуна заборъ, а ловятъ въ немъ красную рыбу семгу сѣтми отъ кольскія межи отъ Кальи. Буки вверхъ по рѣкѣ по Туломѣ до верхняго падуна да ихъ же угодье Нотозеро, а ловятъ на немъ бѣлую рыбу, а тѣ они свои угодья рѣчки и озера и ручейки вѣдаютъ промежъ себя изстари по своимъ крѣпостямъ, а въ рѣкѣ Туломѣ опричь верхняго забора и въ Нотозерѣ Сонгельскаго погоста жильцы вѣдаютъ съ ними вмѣстѣ изстари по своему Лумвому угодью.

IV [1]).

1734 года, Генваря 26 дня, Колского Печенского монастыря строитель іеромонахъ Инокентій съ братіею отдали своего монастырского владѣнія ловъ красной рыбы семги рѣку Болшую Лицу того-жъ Печенского монастыря Мотовского пого-

[1]) Изъ архива Холмогорскаго собора.

ста крестьяномъ Ѳилипу Харлову и всѣмъ того погоста крестьяномъ же на сей 734 годъ изъ оброку, а оброку ряжено денегъ пятнатцать рублевъ да дватцать рыбъ семги, а на соленіе тои рыбы соль дать имъ Лопарямъ монастырскую.

Въ томъ имъ Лопарямъ и писмо дано. Вышеписанные Лопари писмо для владѣнья реки Болшей Лицы взяли; въ томъ по ихъ прошенію капралъ Алексѣй Вопоготкинъ руку приложилъ.

Мая 12 дня вышеписаннымъ Мотовского погоста Лопарямъ Михайлу Харлову съ товарищы велено выдать отъ Нотобарта въ промыселъ денегъ десять рублевъ.

—

Генваря 26 дня Колского Печенского монастыря строитель іеромонахъ Инокентій отдалъ своего монастырского владѣнія того-жъ Печенского монастыря крестьяномъ своимъ Лопаремъ Печенскимъ рѣку Печенгу и Ворему, а кортомы ряжено на сей 734 годъ съ Воремы семь рублевъ дватцать копѣекъ, а Печенга рѣка отдана имъ же Лопарямъ Петру Стеѳанову и со всѣми того погоста Лопарями, а что Богъ дастъ въ уловѣ рыбы семги, и съ того промысла привесть всю рыбу по монастырскому прежнему контракту торговому иноземцу Нотобарту, а по пріѣздѣ съ рыбою явитца въ Печенскомъ монастырѣ и псъ того рыбного промысла, что надлежитъ по договору, денги отъ иноземца за насъ Лопарей брать въ монастырскую казну, изъ половины рѣки Суховой и за старые монастырскіе долги они Лопари повинны платить во оной монастырь повсегда безпрекословно.

Мая дня вышеписаннымъ Печенского погоста Лопаремъ Петру Степанову съ товарищы велено выдать въ промыселъ отъ Нотобарта дватцать рублевъ.

У вышеписанныхъ Лопарей взято въ платежъ десять мѣръ ржы, цена восемь рублевъ.

V [1]).

По грамотѣ 1658 г., марта 27, царь Алексѣй Михайловичъ одну половину рѣки Поноя да половину Лахты съ рыбными ловлями да половину оброчнаго погоста Поноя, чѣмъ владѣлъ бояринъ Никита Ивановичъ Романовъ, да половину Еконги, что была за Сійскимъ монастыремъ, съ обитающими въ тѣхъ мѣстахъ Лопарями, пожаловалъ Крестному монастырю, на островѣ Кіѣ, въ нынѣшнемъ Онежскомъ уѣздѣ, а другую половину тѣхъ же рѣкъ и погостовъ Воскресенскому монастырю Новаго Іерусалима, въ Московскомъ уѣздѣ. Этими мѣстами и обитающими тамъ Лопарями Воскресенскій и Крестный монастыри владѣли до 1704 г.; а съ 1704 до 1728 г. они отдавались изъ оброка откупщикамъ торговымъ людямъ. Въ 1729 г., по царской жалованной грамотѣ, ихъ спова возвратили Воскресенскому и Крестному монастырямъ. 18 февраля 1746 года жалованныя грамоты упомянутымъ монастырямъ вновь были подтверждены. Между тѣмъ въ 1746 г. открылось, что на значительную часть этихъ самыхъ мѣстъ, еще въ 1736 году, откупщикъ посадскій человѣкъ Яковлевъ написалъ и совершилъ у крѣпостныхъ дѣлъ въ Архангельскѣ запись съ Лопарями, будто бы онъ взялъ ихъ у Лопарей на оброкъ съ 1733 г. впредь на 19 лѣтъ за сумму 3,420 руб., которую будто бы выдалъ впередъ Лопарямъ. Вслѣдствіе ходатайства игумена Крестнаго монастыря, по указу Правительствующаго Сената отъ 25 февраля 1846 года, наряжено было изслѣдованіе дѣйствій Яковлева.

---

[1]) Изъ архива Холмогорскаго собора.

Приводимыя при этомъ показанія Лопарей и самая запись даютъ ясное понятіе о настоящемъ дѣлѣ.

Мірской староста Антонъ Ивановъ, сынъ Телвашевъ, Тулванскаго погоста, показалъ: въ прошломъ 1736 году въ Архангелогородской губерніи у крѣпостныхъ дѣлъ крѣпости холмогорцу Михаилу Яковлеву на откупъ рекъ Поноя, Еконги и Лахты отъ 733 году впредъ на девятнатцать лѣтъ не отдавывали и денегъ у него напередъ трехъ тысячъ четырехъ сотъ дватцати рублевъ не получивали и у города Архангельскаго оная крѣпость кѣмъ ему совершена и отдана, того онъ, Телвашевъ, не знаетъ, токмо по пріѣздѣ онаго Яковлева въ село Поной лѣтнымъ временемъ, а въ которомъ году и мѣсяцѣ, того онъ, Телвашевъ, не памятуетъ, по прозбѣ его въ ономъ селѣ Поноѣ, напоивъ его, Телвашева, пьяна, и въ томъ его, Телвашева, пьянствѣ, съ принужденія онаго Яковлева, ко оной крѣпости или записи, того онъ Телвашевъ не памятуетъ, простотою своею клеймо приложилъ; къ тому-жъ онъ, Телвашевъ, не токмо грамотѣ умѣетъ едва и руской языкъ знаетъ, и о томъ онъ, Телвашевъ, показалъ самую сущую правду, подъ опасеніемъ за неправое показаніе наижесточайшаго истязанія, отъ роду ему пятьдесятъ два года. Къ сему допросу прошеніемъ Антона Телвашева Понаяхимъ Сидоръ Русиновъ руку приложилъ. При томъ же допросѣ онаго Телвашева клеймо приложено своеручно.

Тоже самое, относительно крѣпости, показалъ Лопарь Еконскаго погоста Осипъ Яковлевъ Даниловъ.

Лопари Еконскаго погоста: Аника Матвѣевъ Матвѣевъ, Евстратъ Васильевъ Даниловъ, Спиридонъ Васильевъ Софьинъ, Лунданскаго погоста Василій Осиповъ Бородинъ, Пурнацкаго погоста Леонтій Васильевъ Старуновской и Каменскаго погоста Данилъ Макаровъ Матрехинъ показали, что они никакой записи Яковлеву не давали, денегъ отъ него не брали и клеймъ своихъ къ записи не прикладывали.

1749 году, Сентября 30 дня, въ Крестновскомъ Духовномъ Правленіи вѣдомства того Правленія Архангелогородцкой губерніи, Колского уѣзду, вотчины Крестнаго монастыря, Понойскаго изъ лопскихъ Лунданского погоста, изъ лутчихъ крещеной Лопарь Василій Осиповъ, сынъ Бородинъ, присланнымъ въ тотъ Крестной монастырь на препитаніе сержантомъ Потапомъ Андреевымъ привезенъ и допрашиванъ, а въ допросѣ показалъ: какъ де Понойского погоста крестьяне и онѣ лопскихъ погостовъ Лопари пожалованной въ 7166 году марта 27 дня блаженныя и вѣчнодостойныя памяти великаго государя царя и великаго князя Алексѣя Михаиловича грамотѣ отданы за Крестной и Воскресенской монастыри со всѣми доходы и съ рыбными ловли во крестьянство, и что онѣ крестьяне и Лопари имѣлись во владѣніи по 1704 годъ, онъ Бородинъ вѣдалъ, а какъ де въ томъ 704 году рыбные ловли, по силѣ блаженныя и вѣчнодостойныя памяти великаго государя императора Петра перваго указу, отошли за откупщиковъ и были по 728 годъ, а за кѣмъ имянно, того онъ сказать не памятуетъ, и въ 727 году состоялся въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ о владѣніи рыбными ловлями самимъ помѣщикомъ, а объ отказѣ откупщиковъ указъ, а потомъ въ 729 году въ Верховномъ же Тайномъ Совѣтѣ о бытіи имъ Понойскимъ крестьяномъ и Лопарямъ съ рыбными ловлями за тѣми монастырями вышеименованная жалованная грамота ихъ императорскаго величества императора Петра втораго подтвержденіемъ подписана, и когда въ томъ 729 году посыланъ былъ отъ Крестнаго монастыря промышленникъ іеромонахъ Захарія Остриковъ съ той грамоты о послушаніи и о рыбныхъ ловляхъ понойскимъ крестьяномъ и имъ Лопарямъ копію, а Крестнаго монастыря отъ властей съ братіею наказъ объявилъ, то они въ послушаніи тѣмъ монастырямъ быть и въ ловлѣ

рыбныхъ промысловъ никакой противности чинить не будутъ обязались подписками; а потомъ Архангелогородской губерніи изъ холмогорцовъ сыскали Михайло Яковлевъ, онъ же и Панфиловъ, желая себя обогатить, подговорилъ ихъ простяковъ Лопарей и привелъ въ соблазнъ съ тѣми монастырями въ рыбныхъ ловляхъ быть противными, подозвалъ ихъ поноЙскихъ крестьянъ наилучшаго коварника, грамотѣ читать писать художнаго, Сидора Русинова, да его простяка Бородина, въ такой надеждѣ, чтобъ отъ тѣхъ монастырей и исповѣданія отрѣшится, а быть во владѣніи за онымъ Панфиловымъ, и тотъ Панфиловъ сволокъ ихъ Русинова и Бородина за такимъ противнымъ челобитьемъ въ Москву, гдѣ онѣ шатались съ ходбою и пробытіемъ въ Москвѣ—онъ, Бородинъ, съ Покрова до великаго поста первыя недѣли, и ничего не получа, отпущенъ онымъ Панфиловымъ и Русиновымъ въ домъ его, а онъ де Панфиловъ и Русиновъ за тѣмъ же устремилися въ Санктпитербургъ и тамо проволочились згодишное время, однако же и тамъ ничего не получили-жъ, а по прибытіи отъ С.-Питербурга еще оной же Панфиловъ, ухитряся, минувъ поноЙскихъ крестьянъ, которые ко владѣнію рыбныхъ ловель и къ содержанію всякой вѣрности найкрѣпчайшіе по близости быть могли хрестьянъ въ 1733 году, бывши въ Поноѣ, ихъ бѣдныхъ простяковъ и невѣдующихъ силы закона Божія Лопарей прелстилъ и оболгалъ, составилъ черновое письмо, будто бы де они Лопари за поноЙскіе и протчіе рыбные промыслы отъ того 1733 году впредъ на девятнатцать лѣтъ у его Панфилова оброку напередъ взяли три тысячи четыреста двадцать рублевъ денегъ; а потомъ въ 736 году въ Архангелогородской губерніи у крѣпостныхъ дѣлъ на то черновое писмо своимъ лукавствомъ составилъ и взялъ крѣпость, а кто при томъ были писцы и свидѣтели, ни про что про то они не вѣдаютъ, и такой крѣпости не давывали и денегъ де подъ такіе рыбные промыслы оброку напередъ у него Панфилова ни одной копѣйки не имывали, какъ о томъ по слѣдствію отъ Кольской Воеводской Канцеляріи лопскихъ разныхъ погостовъ изъ лутчихъ Лопарей, которые во лжесоставной онаго Панфилова крѣпости именуются, допросами показано, а что де въ крѣпости его Панфилова якобы повѣреннымъ написанъ Лопскихъ Лундапскаго погоста Лопарь Клементій Ѳедоровъ сынъ Кокоринъ, которому отъ нихъ Лопарей никакого вѣрчего писма въ дачѣ не бывало, а скитался онъ будучи у Архангельского города, яко единъ отъ нищихъ, а они де какъ онъ Бородинъ, такъ и прочіе Лопари отъ поноЙскихъ и другихъ семожнихъ промысловъ находятся въ лѣсныхъ жилищахъ и ближніе за пятьдесятъ верстъ, а далніе кои живутъ въ тундрахъ развѣ за триста верстъ отъ Поною и всѣ де они Лопари всѣхъ погостовъ питаются отъ озерскихъ рыбныхъ и лѣсныхъ оленьихъ промысловъ, и симъ допросомъ онъ Василій Бородинъ, памятуя уже и приближающійся себѣ смертный часъ и воздаянія комуждо по дѣламъ, сказалъ сущую правду, въ чемъ вѣритъ подписаться отцу своему духовному Крестновскаго Духовнаго Правленія вѣдомства Устьенской волости Успенскому попу Петру Григорьеву.

Лѣта 1736 іюля 24 дня Колского уѣзда терскихъ и поноЙскихъ и сконскихъ Лопарей Тулванского погоста мирской староста Антонъ Ивановъ сынъ Телвашевъ и мирскіе люди Лопари сконского погоста Осипъ Акимовъ сынъ Даниловъ, Лука Ѳедоровъ сынъ Алексѣевыхъ, Аника Матвѣевъ сынъ Матфѣевыхъ, Спиридонъ Васильевъ сынъ Даниловъ, Никифоръ Федоровъ сынъ Жеребцовъ, Каменского погоста Денисъ Матрехинъ, Федоръ Михайловъ сынъ Евстратъ Гавриловъ сынъ Матрехинъ же, Василей Осиповъ сынъ Бородинъ, Леонтій Старуновскій, Климъ Федоровъ сынъ Федоръ Макаровъ сынъ Кокоринъ и протчіе означенныхъ всѣхъ погостовъ Лопари съ общаго между собою согласія и произволенія дали сію договорную за-

пись Холмогорду посадскому человѣку Михайлу Иванову сыну Яковлеву въ слѣдующемъ основаніе: понеже въ прошломъ 1733 годѣ въ іюнѣ мѣсяцѣ отдали мы мірской староста и вышеписанныхъ погостовъ всѣ мірскіе люди, не выключая ни одного изъ насъ, ему Михайлу Яковлеву, по полюбовному между нами договору, владѣнія своего, чѣмъ изъ древнихъ лѣтъ, по высокожалованнымъ грамотамъ имянныхъ Ихъ Императорскихъ Величествъ указовъ, прадѣды и дѣды и отцы наши, а потомъ и мы владѣли, а имянно рыбныя ловли Понои рѣку съ принадлежащими къ ней угодьи половина рѣки Пялицы и по тому Терскому берегу отъ Пялицы въ Мурманской конецъ до рѣки Эконги, рѣки и тони и отъ моря въ гору пять верстъ все безъ вывѣту, окромѣ рѣки Эконги, и по ней Лахты и Красного посу, на оброкъ отъ вышеписаннаго іюня мѣсяца 733 году до предбудущаго 752 году до октября мѣсяца и того на девятнадцать лѣтъ, а оброку за тѣ рыбныя ловли и угодьи рядили мы Лопари и припяли у него Яковлева при сей договорной записи по сту по восмидесяти рублевъ на годъ, и того три тысячи четыреста дватцать рублевъ все сполна, и по сей нашей договорной записи до показанного урочнаго времяни, какъ ему Яковлеву, такъ и женѣ и дѣтямъ и наслѣдникомъ его или кому отъ него приказано будетъ помянутыми рыбными ловлями и угодьи владѣть безъ всякого отъ насъ препятствія и для того присылаемымъ отъ него Яковлева на тѣ рыбныя ловли, какъ для ловли рыбы, такъ и для протчаго неисправленія никакихъ намъ въ томъ исправленіи помѣшательствъ не чинить и въ тѣ рыбныя ловли и въ угодья какъ намъ и женамъ и дѣтямъ нашимъ, такъ и никому, ни которыми дѣлы не вступать, также никому тѣхъ рыбныхъ ловель и нималаго чего принадлежащаго до тѣхъ рыбныхъ ловель въ тѣ вышеписанные годы другимъ въ оброкъ намъ никому не отдавать, и въ томъ во всемъ ему Яковлеву и женѣ его и дѣтямъ убытка никакова не учинить, а ежели въ тѣхъ рыбныхъ ловляхъ при промыслахъ и протчихъ его Яковлева исправленіяхъ станемъ мы чинить какое препятствіе или поспѣшательство и во что нибудь припадлежащее къ тѣмъ рыбнымъ ловлямъ вступатся и оттого произойдутъ ему убытки и другіе какіе несчастливые упатки, и тѣ убытки и за оные упатки по объявленію его Яковлева зъ достовѣрнымъ свидѣтельствомъ, что какія препятствія или помѣшательства отъ насъ чинены были, повинны заплатить деньгами безотрицательно, а буде кто въ тѣ рыбныя ловли станетъ по какимъ указамъ или крѣпостямъ вступатся, и намъ его Яковлева отъ того во всемъ очищать и убытка ему въ томъ никакова не привесть, а ежели, паче чаянія, отъ неочистки нашей тѣ рыбные ловли отъ него Яковлева какимъ чрезвычайнымъ случаемъ до оного срочнаго времени отъидутъ или взяты будутъ, то намъ старостѣ и мирскимъ людемъ и дѣтемъ нашимъ на тѣ досталные годы отдать вышеписанные взятыя денги по сту по восмидесятъ рублевъ на годъ и съ его убытками, какіе могутъ ему притомъ чрезвычайномъ тѣхъ рыбныхъ ловель взятьѣ приключатся по его жъ объявленію безъ всякой оттоворки; такожѣ ежели мы староста и мирскіе люди до вышеписаннаго сроку покажемъ неустойку и тѣ рыбныя ловли или часть изъ нихъ кому отдадимъ другимъ на оброкъ или какимъ другимъ случаемъ, то повинны мы и жены и дѣти наши заплатить ему Яковлеву за неустойку нашу за всякой годъ что будетъ въ уловѣ рыбы въ тѣхъ означенныхъ годѣхъ противъ большихъ промысловъ вдвое и съ его убытки безотговорочно и безспорно, а буде онъ Яковлевъ при тѣхъ рыбныхъ ловляхъ въ вышеозначенные урочные годы какое вновь пристроитъ хоромное и протчее строеніе или какіе заведетъ езы и протчіе заводы, чтобъ ни было, то по оныхъ срочныхъ годахъ такое строеніе и все что его пристройки вновь заведено явится у него Яковлева намъ или дѣтямъ нашимъ принять,

а за то по объявленію его Яковлева денги намъ и дѣтямъ нашимъ ему Яковлеву отдать безспорно и никакихъ убытковъ въ томъ ему Яковлеву не учинить, а ежели паче чаянія за какою законною нуждою или за отлученіемъ въ другіе городы ему Яковлеву до срочнаго времени вышепоказанными рыбными ловлями и съ угодьи владѣть будетъ невозможно, то волно ему Яковлеву тѣ рыбныя ловли и съ угодьи до показаннаго сроку отдать въ оброкъ кому онъ похочетъ на такомъ же основаніе, какъ и сія договорная запись слѣдуетъ или какъ онъ похочетъ, токмо чтобъ болше сего не прибавливать, а что похочетъ изъ сего убавить то оставляемъ въ его волю, такожъ ежели паче чаянія (отчего Боже сохрани) ему Яковлеву учинитца смертной часъ, то по немъ оставшей жены и по ней оставшимъ же отъ нихъ кому по завѣщательнымъ ихъ писмамъ повелѣно будетъ тѣми промыслами владѣть до помянутаго срочного году, а требуемыя съ тѣхъ рыбныхъ промысловъ какъ за прошлые годы, такъ ежели и впредь спрошены будутъ оброчныя денги или другіе какіе зборы и подати, то всѣ платить намъ Лопарямъ за вышеписанныя взятыя нами у него Яковлева денги, а его Яковлева ни до какова жъ убытка не довести, и во всемъ какъ ему такъ и намъ поступать противъ сей договорной записи безъ всякой отмѣны, въ томъ и сію договорную запись ему Яковлеву дали, а прежде данное ему Яковлеву отъ насъ въ прошломъ 733 году, въ которомъ договоръ объ отдачѣ тѣхъ рыбныхъ ловель состоялся, договорное писмо взяли мы у него Яковлева обратно, а для принятія сей договорной записи отъ крѣпостныхъ дѣлъ и отдачи ему Яковлеву послали мы съ общаго согласія тѣхъ же людей, которые сію запись съ нашего повѣреннаго писма и согласія писали, а имянно изъ тѣхъ же лопскихъ погостовъ изъ Лунданскаго Лопина жъ Клементья Федорова сына Кокорина, которому въ томъ вѣримъ и въ томъ во всемъ себя своими руками и клеймами утверждаемъ. Слѣдуютъ подписи совершившихъ договорную запись и свидѣтелей. Договорную запись писалъ Архангелогородскихъ крѣпостныхъ дѣлъ конеистъ Степанъ Дмитріевъ. 1736 г. декабря 4 дня запись сія въ книгахъ у крѣпостныхъ дѣлъ записана и узаконенныя пошлины взяты.

VI.

Изъ дѣла Холмогорскаго уѣзднаго суда „о рѣкѣ Вороньей, которая въ Кольскомъ уѣздѣ, отданной Лопарями крестьянину Холмогорской округи Степану Негодяеву на владѣніе ею по договору“; началось въ 1821 г., кончено въ 1825 г. [1]).

Изъ Архангельскаго губернскаго правленія въ Архангельскую палату уголовнаго суда.

Кольскій Земскій Судъ, въ рапортѣ отъ 3 минувшаго іюля, сему Правленію доноситъ, что хотя члены онаго Суда, по предписаніямъ Губернскаго Правленія, какъ прежде употребляли всевозможное стараніе къ склоненію Воронежскихъ Лопарей на исполненіе договора съ крестьяниномъ Негодяевымъ о рѣкѣ Вороньей, равно и въ нынѣшній объѣздъ по Мурманскому россійскому берегу Земскій Исправникъ сильнѣйшимъ образомъ внушалъ имъ о томъ же, но за всѣмъ тѣмъ желаемаго Губернскимъ Правленіемъ успѣху не получили, и какъ у нихъ въ означенную рѣку съ начала лову рыбы допущенъ другой промышленникъ, и ловъ рыбы приходитъ къ окончанію, то Земскій Исправникъ вынудился изъ числа ослушныхъ Воронежскихъ Лопарей, за болѣзнію десятскаго и за разъѣздомъ нѣкоторыхъ изъ нихъ на промыслы

[1]) По архивной описи дѣло это значится подъ № 1138.

взять въ городъ Колу отъ разныхъ семействъ 4-хъ человѣкъ, для преданія суду, которые Земскимъ Судомъ, согласно сказаннымъ предписаніямъ онаго Правленія, съ приложеніемъ въ копіяхъ всей по сему предмету переписки, отосланы 1-го числа истекшаго мѣсяца въ Кольскій Уѣздный Судъ, для поступленія по законамъ.

По справкѣ оказалось: 1-е, 22 числа Генваря прошлаго 1818 года отъ Кольскаго Земскаго Суда поступило въ сіе Правленіе представленіе, въ коемъ изъяснялось прошеніе воронежскаго погоста десятскаго съ крестьяны, что они, отданную ими по договору въ 1815 году для лова рыбы Холмогорской округи крестьянину Степану Негодяеву рѣку Воронью изъ оброку, по недоплатѣ тѣмъ Негодяевымъ слѣдуемыхъ имъ за прошлые годы 675 рублей оброчныхъ денегъ, черезъ что претерпѣваютъ раззореніе и въ несостояніи оплачивать государственныхъ податей, впредь съ 1819 года, отдали для промыслу Кольскому мѣщанину Василью Голодному, который обязался платить за весь погостъ въ казну, за обѣ половины года, подушныя деньги и на земскія повинности, коихъ болѣе 400 руб. въ годъ, и что Земскій Судъ, усматривая для сихъ Лопарей ощутительную пользу въ передачѣ рѣки Вороньей другому владѣльцу, договоръ съ ними засвидѣтельствовалъ и выдалъ мѣщанину Голодному, а для объявленія о семъ крестьянину Негодяеву и о томъ, что онъ въ написанномъ съ тѣми Лопарями въ 1815 году договорѣ противъ условія прибавилъ время владѣнія рѣкою, представлялъ сему Правленію, съ тѣмъ, что упомянутому Негодяеву 19 марта прошлаго 1817 года договоръ на владѣніе рѣкою Вороньею чрезъ пять лѣтъ въ томъ судѣ свидѣтельствованъ, потому что со стороны Лопарей не было оглашаемо въ семъ никакой фальши; при чемъ представилъ и копію съ договора, данную того Негодяева прикащикомъ Холмогорскимъ мѣщаниномъ Семеномъ Ерюхинымъ означеннымъ Лопарямъ, имъ самимъ писанную и подписанную, а Лопарями въ Земскій Судъ представленную. 2) По объявленіи сего чрезъ Холмогорскій Земскій Судъ крестьянину Негодяеву, объяснился онъ письменно, что жалоба сихъ Лопарей есть вовсе несправедлива, сіе доказывается: первое контрактомъ августа 4 дня 1815 года на владѣніе ему Негодяеву рѣкою Вороньею пять лѣтъ, съ платежемъ ежегодно 175 рублей, къ которому Лопари приложили своеручно обыкновенныя свои клейма, и совершаемъ контрактъ сей былъ не лично имъ, такъ какъ онъ самъ съ 1804 года тамъ не бывалъ, а повѣреннымъ его Холмогорскимъ мѣщаниномъ Семеномъ Ерюхинымъ, по добровольному согласію, который, яко человѣкъ посторонній, не имѣлъ надобности ихъ обманывать для пріобрѣтенія чрезъ то ему Негодяеву интереса, и при томъ при совершеніи контракта были свидѣтели: таможенный 3 дистанціи надзиратель Викторовъ и пять человѣкъ крестьянъ, за коихъ подписался объѣздчикъ Мироновъ; второе, поелику договоръ сей заключенъ 1815 года, свидѣтельствованъ въ Кольскомъ Земскомъ Судѣ 1817 года марта 19, и между таковымъ свидѣтельствомъ Лопари получили отъ повѣреннаго за тотъ годъ условную по договору плату 175 руб. и получивъ, нигдѣ о томъ, что плата сія не такова, о каковой они уговорились и дали контрактъ, не жаловались, ибо Земскій Исправникъ и члены Земскаго Суда бываютъ почасту въ ихъ погостѣ, да и къ нему не писали, на чемъ основываясь и спустя послѣ полученія въ 1816 году ими денегъ еще чрезъ полгода, былъ контрактъ сей утвержденъ свидѣтельствомъ Земскаго Суда, который въ свидѣтельствѣ семъ именно прописываетъ, что точно данъ ими Воронежскими Лопарями съ общаго мірскаго согласія; третье, контрактъ сей онъ со своей стороны понынѣ соблюдалъ и соблюдаетъ свято и ненарушимо, платя исправно оброкъ не только въ условное время, имѣя отъ сихъ Лопарей представляемыя по возвращеніи съ промысла повѣреннымъ его росписки,

но еще за 1818 годъ заплатилъ впередъ въ Августѣ мѣсяцѣ 1817 года, въ чемъ данную тѣми Лопарями росписку представилъ и сверхъ той платы ежегодно посылаетъ въ прибавокъ по 10 руб. деньгами и по кулю ржаной муки; далѣе писалъ, что изъ сихъ обстоятельствъ и изъ прилагаемыхъ при семъ подлинныхъ договора и росписки въ полученіи денегъ Лопарями усмотрѣть можетъ несправедливость жалобы, которая происходитъ или изъ неустойчивости ихъ Лопарей въ договорѣ, или по наученію ихъ кѣмъ либо изъ зависти и недоброжелательству къ сему Негодяеву, дабы вредить его промыслу и заведеніямъ, такъ какъ рѣка Воронья скупается имъ единственно для лову мелкой семги, употребляемой на наживку при ловлѣ трески, безъ чего и промыслу оной производить не можно; между тѣмъ, какъ на заведеніе и на наемъ на сей годъ 22-хъ человѣкъ работниковъ уже и даны въ задатки значительныя суммы, отчего можетъ потерпѣть разстройство и убытку до пятя тыс. рублей, въ разсужденіе чего и просилъ начальство защитить справедливость контракта его съ Лопарями противу несправедливой ихъ жалобы и чрезъ что не привесть промыселъ его въ разстройство. Представленный контрактъ писанъ Августа 4-го 1815 года такъ: да будетъ извѣстно, кому знать надлежитъ, что мы нижеподписавшіеся Кольской округи Воронежского погоста Лопари съ общаго мірскаго согласія учинили сей договоръ съ крестьяниномъ Холмогорской округи Ровдогорской волости Стефаномъ Негодяевымъ въ томъ, что отдали своего владѣнія, лежащую по русскому Мурманскому берегу, рѣку Воронью и съ песками, въ которой онъ производить долженъ рыбные семужій и всякой промыселъ съ вышеписаннаго числа впредь на пять лѣтъ, за что рядили мы Лопари получать каждый годъ съ него Негодяева по сту по семидесяти по пяти рублей, по окончаніи бываемаго промысла, съ тѣмъ, чтобы изъ насъ никому въ означенные годы той рѣки другимъ не отдавать и самимъ въ оной рыбы не промышлять и убытка никакого ему Негодяеву ни въ чемъ не наводить; оные же деньги получать намъ съ его, Негодяева или отъ его повѣреннаго въ каждый годъ въ Августѣ мѣсяцѣ; въ пріемѣ же денегъ давать намъ росписки. Сверхъ сего, если онъ Негодяевъ, по прошествіи срока, и впредь за собой ту рѣку содержать пожелаетъ за вышеозначенную сумму, то намъ оныя згодья никому иному не отдавать, кромѣ сего Негодяева, а ежели онъ Негодяевъ въ теченіи пятилѣтняго срока самъ кому отдать пожелаетъ вышеозначенныя наши згодья другимъ прочимъ посторонніимъ людямъ, то и въ томъ намъ не препятствовать и содержать сей договоръ съ обоихъ сторонъ свято и ненарушимо; въ случаѣ же неустойки насъ Лопарей противъ сего договора, повинны мы Лопари все имущество его Негодяева, находящееся при рѣкѣ Вороньѣ перенесть безъ всякой утраты своимъ коштомъ, куда онъ Негодяевъ заблагоразсудитъ. Сей договоръ ему Негодяеву законно засвидѣтельствовать гдѣ слѣдуетъ, въ чемъ оный и дали мы добровольно и непринужденно на мѣстѣ при рѣкѣ Рындѣ, при нижеподписавшихся свидѣтеляхъ. За неумѣніемъ грамоты прилагаемъ свои обыкновенныя клейма Августа 4 дня 1815 года. Договоръ сей къ свидѣтельству явленъ въ Кольскомъ Земскомъ Судѣ 19 марта 1817 года, и надписаніемъ на оном учиненнымъ, подписаніемъ Земскаго Исправника Хлопова и скрѣпой секретаря Епончина, свидѣтельствуется въ томъ, что точно данъ тѣми Лопарями съ общаго мірскаго согласія. Поелику-же изъ объясненія Негодяева усмотрѣно, что данъ договоръ Лопарямъ прикащикомъ Негодяева Холмогородскимъ мѣщаниномъ Семеномъ Ерюхинымъ, съ коего и представлена отъ Земскаго Суда копія отъ 3 Генваря сего года, то Правленіе съ приложеніемъ той копіи, имъ писанной и подписанной, предписывало Холмогорскому Городничему отъ 1-го Марта допросить его Ерюхина онъ ли ее писалъ

и подписалъ, и признаетъ ли ее за настоящую копію съ договора съ Лопарями, которой онъ составлялъ о владѣніи рѣкою Воронъею, буде же утверждать ее не будетъ, то для чего давалъ таковую невѣрную копію, а если признаетъ ее за подлинную, то почему написана цѣна оброку 400 рублей, а въ подлинномъ 175 руб.; каковое объясненіе и прислалъ бы въ Правленіе. 4-е. По донесеніи Городничаго, что мѣщанинъ тотъ отлучился въ февралѣ мѣсяцѣ на неизвѣстное время въ С.-Петербургъ, Губернское Правленіе, приводя на видъ указъ 1766 года Апрѣля 18, въ которомъ изображено: въ случаяхъ прошеній, если отъ кого и представлены будутъ учиненные контракты оные особо, что до разборовъ принадлежитъ за твердое основаніе къ положенію резолюцій всегда почитаемы быть должны. А какъ по сему таковыхъ разборовъ болѣе всѣхъ бываетъ въ полиціи, то въ сохраненіи оной въ народѣ нужнаго кредита и надлежитъ стараться въ такихъ случаяхъ утверждать свои рѣшенія на точномъ разумѣ контрактовъ, не уважая побочныхъ обстоятельствъ и не взирая ни на какія персоны,—резолюціею того 1818 года заключило: поелику въ дѣлѣ семъ заключенъ договоръ съ Лопарями въ узаконенной формѣ на гербовой бумагѣ съ приложеніемъ клеймъ тѣхъ Лопарей, при свидѣтельствѣ подписавшихся на оном посторонихъ людей и объѣзднаго надзирателя Викторова, въ становищѣ Рындѣ и чрезъ полтора отъ написаннаго его года времени засвидѣтельствованъ въ Кольскомъ Земскомъ Судѣ о дѣйствительности его, противо котораго во все прошедшее время по нынѣ не было предъявлено спору, и въ минувшее лѣто приняли тѣ Лопари отъ прикащика Негодяева мѣщанина Ерюхина оброку за рѣку сію за 1818 годъ 175 руб. давъ въ томъ и росписку, представленную нынѣ крестьяниномъ Негодяевымъ, то и по всѣмъ симъ обстоятельствамъ договоръ сей иначе не можетъ быть признанъ какъ за настоящій, дѣйствительный, а въ разсужденіи данной мѣщаниномъ Ерюхинымъ бумаги тѣмъ Лопарямъ, въ видѣ копіи съ сего договора спросить его о томъ въ прежней силѣ велѣть Холмогорскому Городничему, когда онъ Ерюхинъ въ Холмогоры изъ отлучки возвратится, о чемъ Кольскому Земскому Суду дать знать, съ тѣмъ, чтобы со стороны Лопарей договоръ сей сохраненъ былъ во всей точности до истеченія означеннаго срока, по силѣ вышеприведеннаго узаконенія, повелѣвающаго судебнымъ и полицейскимъ мѣстамъ сохранять права заключенныхъ договоровъ въ сохраненіе нужнаго въ народѣ кредита, что и возлагается въ непремѣнное наблюденіе сему суду, а почему оный, имѣя въ виду сей договоръ, самимъ имъ свидѣтельствованный и утвержденный въ дѣйствительности его, дозволилъ себѣ свидѣтельствовать другой договоръ тою же вещію, прежде истеченія срока по первому договору, изъ чего замѣчается большая неосмотрительность, иначе неосновательность въ таковомъ дѣйствіи къ запутанности дѣлъ, съ вовлеченіемъ и людей въ разстройство, чтобъ прислалъ отвѣтъ оный судъ на разсмотрѣніе Губернскому Правленію. 5-е. Послѣ сего Его Высокопревосходительство г. Управляющій Губерніею и кавалеръ Алексѣй Ѳедотовичъ, при предложеніи отъ 6 Декабря, препровождая на разсмотрѣніе сего Правленія отъ Лопарей Воронежскаго погоста прошеніе относительно владѣнія крестьяниномъ Негодяевымъ рыбными ихъ ловлями, якобы по несправедливому договору предлагать изволилъ о послѣдующемъ Его Высокопревосходительство увѣдомить съ возвращеніемъ прошенія, а просителямъ объявить чрезъ Кольскій Земскій Судъ по надлежащему. Въ прошеніи томъ Лопари писали, что по договору въ 1803 году отдана была ими ихъ владѣнія рѣка Воронья для лову рыбы крестьянину Негодяеву на пять лѣтъ по 175 руб.; въ 1815 же году Кольскій мѣщанинъ Немчиновъ выдалъ имъ за ту рѣку оброку 400 рублей въ годъ; случившійся же въ то время тамъ Негодяева прика-

щикъ Ерюхинъ уговорилъ ихъ оставить означенную рѣку за Негодяевымъ за 400 рублей, но плативъ только за 1816, 1817 и 1818 годы по 175 р., отозвался, что болѣе сего они требовать не имѣютъ права, каковое притѣсненіе къ нимъ Негодяева, объяснивъ они Кольскому Земскому Суду, просили, что буде Негодяевъ не пришлетъ по послѣднему договору къ Марту мѣсяцу того 1818 года недоплаченныхъ имъ по 225 руб. за каждый годъ, а всего за три 675 руб., то они оной рѣчки Негодяеву отдать ни за что не согласны, которую съ будущаго 1819 года и отдали Кольскому мѣщанину Василью Голодному, обязавшемуся за весь ихъ погостъ оплачивать подушныя и на земскія повинности деньги, каковыхъ сходитъ болѣе 400 р., почему и просили взыскать чрезъ кого слѣдуетъ съ Негодяева слѣдуемыя имъ означенныя 675 руб. деньги и дать имъ свободу въ передачи рѣки по вновь сдѣланному договору. Губернское Правленіе, видя изъ вышеписаннаго, что просители Воронежскіе Лопари, по учиненному съ кр. Негодяевымъ договору сами отдали ему рѣку Воронью изъ платежа въ годъ по 175 руб., слѣдственно и не вправѣ требовать болѣе сего съ Негодяева, также и учиненнаго условія нарушить не могутъ, не входя ни въ какое по сей просьбѣ сужденіе, послало отъ 17 Января сего года въ Кольскій Земскій Судъ указъ съ подтвержденіемъ, чтобы договоръ непремѣнно былъ Лопарями сохраненъ до истеченія назначеннаго въ ономъ срока, и чтобъ прислалъ оный Судъ требуемый симъ Правленіемъ отъ 21 марта къ разсмотрѣнію отвѣтъ, приказавъ о томъ донести, объявлено-ли просителямъ вышесказанное Губернскаго Правленія предписаніе, ибо если бы было объявлено, не могли бы они входить вновь съ просьбою въ томъ же, въ чемъ имъ было отказано. 6-е. Крестьянинъ Негодяевъ, въ поданной въ сіе Правленіе въ томъ Генварѣ мѣсяцѣ просьбѣ, въ дополненіе прежде даннаго ихъ объясненія, описывая, что въ минувшее 1818 года лѣто, владѣя онъ рѣкою Вороньею, по предписанію сего Правленія, хотя въ бытность тамъ посланныхъ отъ него промышленниковъ и отдаваемы были Воронежскимъ Лопарямъ оброчныя деньги 175 руб. впредь за сей 1819 годъ, какъ обыкновенно онъ всегда платилъ имъ, но они тѣхъ денегъ не приняли, дѣлая отзывательство, что они ту рѣку передали въ содержаніе въ другія руки, что самое почитаетъ онъ въ противность договора съ нимъ въ 1815 году сдѣланнаго, коему срокъ кончится еще въ будущемъ 1820 году; поелику же въ Февралѣ мѣсяцѣ сего 1819 года наступитъ удобное время къ отправленію на имѣющійся у него промыселъ въ Кольской округи трески рабочихъ людей въ значительномъ числѣ, рѣка же Воронья взята имъ изъ оброка единственно для лова мелкой рыбы, употребляемой для наживки при ловлѣ трески, то дабы не могъ онъ по заведенному имъ издавна рыбному промыслу потерпѣть разстройства и остановки отъ отзывательства и воспрещенія Воронежскихъ Лопарей отъ содержанія ему рѣки Вороньей, и чрезъ то не лишился бы значительной суммы денегъ, могущій причинить ему напрасный убытокъ, просилъ чрезъ кого слѣдуетъ Воронежскимъ Лопарямъ повелѣть по договору за рѣку принять отъ его Негодяева деньги на сей 1819 годъ 175 руб. и не воспрещать ему содержать ту рѣку до истеченія срока въ августѣ мѣсяцѣ 1820 года. Губернское Правленіе и по сей Негодяева просьбѣ предписало Кольскому Земскому Суду отъ 6 Февраля, чтобъ онъ удержалъ Лопарей тѣхъ отъ воспрещенія владѣть Негодяеву по силѣ договора до срочнаго времени рѣкою Вороньею, велѣлъ имъ принять слѣдующія отъ Негодяева за то по договору деньги и внушилъ, что буде и за симъ они, въ противность своего договора, будутъ дѣйствовать, то подвергнутъ себя, какъ нарушители онаго законному взысканію, подтвердивъ Земскому Суду прислать требуемый предписаніями сего Правленія отъ 15 Генваря и 21 Марта

отъ онаго отвѣтъ, съ тѣмъ, что за дальнѣйшее неисполненіе сего Губернское Правленіе поступитъ съ онымъ Судомъ, какъ ослушнымъ, по силѣ 26 статьи Высочайшаго о губерніяхъ учрежденія. 7-е. Кольскій Земскій Судъ въ рапортѣ отъ 1 Февраля на указъ сего Правленія отъ 17 Генваря объяснилъ объявленіе исправника Хлопова, что когда по опредѣленіи его къ сей должности первый разъ въ Ноябрѣ мѣсяцѣ 1816 года проѣзжалъ онъ по округѣ чрезъ Воронежскій погостъ, то Лопари онаго, на спросъ его, отвѣтствовали, что рѣка Воронья отдана ими по договору крестьянину Негодяеву, о количествѣ же оброка и о времени владѣнія онъ не спрашивалъ, полагая, что конечно и договоръ уже свидѣтельствованъ, а когда въ Мартѣ мѣсяцѣ 1817 года явился въ присутствіе Земскаго Суда повѣренный отъ Негодяева для засвидѣтельствованія того документа, то онъ въ общемъ присутствіи найдя оный подписанный многими свидѣтелями и вѣдая, что Лопари сами клейма къ нему прикладывали, засвидѣтельствовалъ въ томъ, по лѣту прошлаго 1818 года, объѣзжая Мурманскій берегъ, указъ Губернскаго Правленія отъ 22 Марта Лопарямъ Воронежскимъ дѣйствительно объявилъ, и они ему на то отвѣтствовали, что будутъ непремѣнно просить о сдѣланномъ имъ обманѣ г. Начальника Губерніи; у крестьянина Негодяева въ становищѣ Рындѣ, гдѣ онъ повсегда промыслы производитъ, было въ прошломъ году промышленниковъ на 3 шнякахъ только 12 человѣкъ и въ самомъ томъ мѣстѣ состоитъ рѣка Рында, изъ коей и наживкою довольствуются его промышленники, а рѣка Воронья отстоитъ отъ сего заведенія верстахъ въ 80-ти и уловляемая у ней семга вывозится въ Архангельскъ. При томъ доносилъ тотъ Судъ со своей стороны, что хотя и имѣлъ въ виду прежде засвидѣтельствованный крестьянина Негодяева договоръ на владѣнье рѣкою Вороньею, но когда Лопари въ поданномъ прошеніи, обнаруживая фальшу въ немъ сдѣланную, представили въ доказательство тому и копію прикащикомъ, внукомъ его Негодяева, Холмогорскимъ мѣщаниномъ Семеномъ Ерюхинымъ имъ данную, то, въ общемъ разсужденіи, находя справедливости на сторонѣ Лопарей потому, во первыхъ, коль скоро мѣщанинъ Немчиновъ выдавалъ имъ за упоминаемую рѣку 400 рублей, то не было-бы имъ никакой надобности къ собственному значительному убытку дѣлать уступку Негодяеву, отъ котораго и на предь того получили они съ уменьшеніемъ оброкъ противъ другихъ охотниковъ, по домогательствамъ его, подъ разными видами, а во вторыхъ, что ежели бы Негодяевъ, желая удержать за собою во владѣніи рѣку Воронью, не обѣщалъ чрезъ внука своего Ерюхина платить въ годъ по 400 руб., то конечно и онъ Ерюхинъ не имѣлъ бы надобности не только давать имъ на письмѣ, но даже и словесно увѣрять ихъ о томъ, на что только были бъ они согласны; по симъ самымъ обстоятельствамъ, приступилъ Судъ къ засвидѣтельствованію другого договора на передачу рѣки, полагая, что ежели начальство найдетъ достаточными всѣ причины выставленныя Лопарями къ отдаленію Негодяева отъ владѣнія, то и подтвердитъ сдѣланное симъ Судомъ утвержденіе новой передачи рѣки, буде же напротивъ, послѣдуетъ отказъ, то самъ по себѣ вторичный договоръ не будетъ имѣть надлежащей силы, не взирая на сдѣланное симъ Судомъ свидѣтельство на немъ, удостовѣряющее только въ томъ, что онъ по доброй волѣ составленъ, на каковой конецъ тогда же не упущено было донести сему Правленію на вышнее разсмотрѣніе, при чемъ приложилъ и отобранную отъ Лопарей въ слышаніи указа подписку, изъ которой значитъ, что какъ Негодяевъ со стороны своей составилъ ложный договоръ и обманулъ ихъ общество чрезъ прикащика Ерюхина въ приложеніи клеймъ противъ условія изъясненнаго въ копіи, тѣмъ Ерюхинымъ данной и отосланной въ Губернское Правленіе, то и они уже не могутъ сохранять того до-

говора впредь къ вящшему своему стѣсненію и раззоренію, каковое чрезъ обманъ отъ Негодяева терпятъ по ихъ скудости, которая столь ощутительна, что ежели бы мѣщанинъ Голодной не снабдилъ ихъ деньгами нынѣ для взносу податей на первую сего года половину, то сами собой не могли бы оныхъ заплатить, такъ какъ промыслы едва поддерживаютъ только пропитаніе, а оплачиваніе податей обеспечивается кортомой съ рѣки Вороньей, которая и составляетъ единственное ихъ згодье изъ оброка отдаваемое, а потому его Негодяева къ промыслу сего мѣста допустить не согласны ни за что, буде же онъ насильственно будетъ опромысливать, то выпудить просить и далѣе. Посему Губернское Правленіе резолюціею въ 21 день Февраля заключило: за всѣмъ тѣмъ, что Кольскому Земскому Суду предписано и потомъ и подтверждаемо было отъ Губернскаго Правленія о наблюденіи съ его стороны, чтобы Воронежскими Лопарями учиненный съ кр. Негодяевымъ договоръ на владѣніе рѣкою Вороньею, какъ въ узаконенной формѣ произведенный, въ храненіе права закономъ о крѣпкомъ храненіи договоровъ подтвержденнаго, непремѣнно былъ выполняемъ до истеченія назначеннаго въ ономъ срока, оный Судъ продолжаетъ принимать отъ тѣхъ Лопарей недѣльные отзывы, означающіе сопротивленіе тому договору явнымъ произвольнымъ онаго нарушеніемъ, та за таковое неисполненіе начальственныхъ предписаній, къ исполненію которыхъ одолжается употребить власть ему закономъ предоставленную, учинить ему строжайшій выговоръ, сказавъ при томъ, что его объясненіе начальство признаетъ весьма неосновательнымъ, ибо засвидѣтельствованъ такими словами, что договоръ тотъ точно данъ Воронежскими Лопарями съ общаго мірскаго согласія, въ чемъ Судъ и удостовѣряетъ, можно ли послѣ того членомъ Земскаго Суда отзываться безъ предосужденія себѣ невѣденіемъ о правильности его, и почему смѣлъ Земскій Судъ свидѣтельствомъ своимъ удостовѣрять, не извѣдавъ, какъ должно, спросомъ сдѣлавшимъ сіе условіе о личномъ ихъ онаго подтвержденія? изъ чего открывается такой поступокъ, который, означая нарушеніе должности, подвергаетъ [ответу и сужденію по законамъ дѣйствовавшихъ въ томъ безразсудно, сказавъ напослѣдокъ, что ежели и за симъ будетъ Земскій Судъ противуборствовать точному выполненію предписаннаго ему, и за примѣчаемое способствованіе Лопарямъ быть ослушными въ семъ дѣлѣ, то преданы будутъ суду Палаты Уголовной, паче же поставленъ будетъ подъ отвѣтъ первозасѣдающій въ Земскомъ Судѣ, о исполненіи чего и будетъ ожидать Губернское Правленіе неукоснительнаго донесенія. 8-е На сіе предписаніе Земскій Судъ изъяснялъ предложеніе Земскаго Исправника, что хотя и внушаемо было Лопарямъ о допущеніи Негодяева къ безпрепятственному владѣнію рѣкою тою, но они, несмотря на сіе, долѣе упорствуютъ въ своемъ настояніи и какъ уже время сближается къ промысламъ, то чтобъ Негодяевъ чрезъ случиться могущее еще упорство тѣхъ Лопарей не потерпѣлъ убытковъ отправкою промышленниковъ въ рѣку Воронью, члены же Суда не подвергнулись бы взысканію начальства, предлагалъ отправить на мѣсто къ Воронежскимъ Лопарямъ парочнаго члена внушить имъ въ послѣдніе въ непремѣнномъ исполненіи предписываемаго, вслѣдствіе чего и посланъ къ нимъ Сельскій Засѣдатель Солодягинъ, при томъ испрашивалъ разрѣшенія, ежели Воронежскіе Лопари и за симъ будутъ поступать какъ прежде, то, къ безостановочному производству Негодяевымъ промысла сужденію ли благоволитъ предать всѣхъ тѣхъ Воронежскихъ Лопарей за ослушаніе во исполненіи предписаній его или сдѣлать нарядъ къ нимъ военнослужителей изъ здѣшней Инвалидной Команды для приведенія въ послушаніе, самъ же сэбою оный Судъ ни на то, ни на другое изъ представляемыхъ разрѣшенію обстоятельствъ рѣшиться не осмѣливается по

дѣлу сему, чтобъ иногда не преступить мѣры власти, предоставленной ему закономъ. По таковому рапорту, Губернское Правленіе въ резолюціи своей постановило: что уже многократно отъ него подтверждаемо было тому Суду, что договоръ учиненный Воронежскими Лопарями съ кр. Негодяевымъ на владѣніе сему рѣкою Вороньею удостовѣренный въ подлинности его засвидѣтельствованіемъ Земскимъ Исправникомъ, долженъ быть до истеченія назначеннаго въ ономъ срока сохраняемъ въ точности, что и возлагаемо было въ непремѣнное оному Суду наблюденіе, съ тѣмъ въ послѣдній разъ отъ 28 Февраля, что если и за симъ Земскій Судъ, принимая отъ тѣхъ Лопарей недѣльные въ семъ случаѣ отзывы, будетъ противоборствовать въ исполненіи предписаннаго ему, члены онаго будутъ преданы суду Уголовной Палаты, то послѣ сего не было нужды оному Суду возобновлять представленія свои къ одному затрудненію начальства, ибо какимъ образомъ должно земскому суду поступить въ случаѣ отъ кого либо ослушанія предписаны ему и лично Земскому Исправнику въ руководство правила Высочайшихъ о губерніи учрежденій, и такъ, ежели что и произойдетъ въ противность предписаннаго ему отъ начальства по сему предмету, то все останется на отвѣтственности членовъ земскаго суда, паче же Исправника, и непремѣнно взыщется строгимъ образомъ, какъ съ свидѣтельствовавшихъ договоръ въ семъ дѣлѣ по обязанности должности своей, а потомъ объясняющихъ о подлогахъ якобы въ составленіи онаго, что означаетъ злоупотребленіе со стороны ихъ въ дѣлѣ службы, ко вреду другихъ произведенное, о чемъ 25 Апрѣля и посланъ въ оный Судъ указъ съ сильнѣйшимъ подтвержденіемъ о непремѣнномъ исполненіи предписаннаго ему. 9-е Послѣ предписанія сего Кольскій Земскій Судъ въ рапортѣ отъ 3 Апрѣля, объясняя донесеніе Сельскаго Засѣдателя Солодягина объ упорствѣ Лопарей въ допущеніи кр. Негодяева ко владенію рѣкою Вороньею, испрашивалъ разрѣшенія какимъ образомъ съ оными Лопарями поступить, на что правленіе сіе дало знать въ указѣ 23 Мая, что за предписаніемъ, какое дано напослѣдокъ по сему предмету Кольскому Земскому Суду отъ Губернскаго Правленія 25 Апрѣля остается сказать, что его есть обязанность охранять законъ въ уѣздѣ, слѣдственно, и право пріобрѣтенія чего либо во временное обладаніе порядкомъ, закономъ установленнымъ, равномѣрно онъ защищать и охранять долженъ, то если онъ не отвратитъ самовластія Лопарей, котораго впрочемъ и ожидать отъ нихъ нельзя, ибо не бывало между ими примѣровъ сему, то члены Земскаго Суда будутъ преданы Суду Палаты Уголовной, почему Губернское Правленіе и будетъ ожидать донесенія онаго Суда о исполненіи со стороны его предписаннаго ему начальствомъ по сему дѣлу. 10-е. На послѣднія предписанія сіи Кольскій Земскій Судъ, въ двухъ рапортахъ своихъ, прописывалъ отзывы онаго Суда Дворянскаго Засѣдателя Медвѣдева, въ 1-мъ, отъ 14 Іюня, что, какъ за отлучкою прочихъ членовъ въ округу по разнымъ порученіямъ, онъ одинъ только при Судѣ находится, а Губернское Правленіе на представленіе онаго Суда отъ 14 Марта, какимъ образомъ поступить съ Воронежскими Лопарями, разрѣшить не изволило, а потому одинъ сдѣлать никакого положенія не знаетъ, до прибытія прочихъ членовъ изъ отлучки, тѣмъ болѣе, что и дѣло сіе есть частное; во 2-мъ отъ 27 Іюня, какъ Губернское Правленіе настоитъ чтобъ непремѣнно принудить Воронежскихъ Лопарей допустить Негодяева къ промыслу рыбы въ рѣку Вороню, до истеченія въ договорѣ назначеннаго срока, который какъ Лопари, равно и онъ со своей стороны, по копіи, данной первымъ Негодяева прикащикомъ Ерюхинымъ, признаетъ несправедливымъ, а потому, дабы не преступить закона, по нахожденіи прочихъ членовъ въ округѣ, онъ до прибытія ихъ, никакого положенія не отваживается сдѣлать, тѣмъ болѣе, что уже нынѣ и

ловъ рыбы въ той рѣкѣ приходитъ къ окончанію, да и кто оный производилъ свѣдѣнія не имѣетъ. Губернское Правленіе резолюцію по симъ рапортамъ въ 23 день истекшаго Іюля постановило такову: поелику многократныя послѣдовали отъ Губернскаго Правленія предписанія, дабы не былъ кр. Негодяевъ отстраняемъ отъ владѣнія рѣкою Вороньею, по договору съ Лопарями заключенному, до истеченія назначеннаго на то срока, но со стороны Кольскаго Земскаго Суда совершенно оставлена безъ исполненія, и онъ не знаетъ кто нынѣ ловъ рыбы въ рѣкѣ той производилъ, тогда когдабъ одолжался бы, для приведенія во исполненіе указовъ Правленія, командировать благонадежнаго члена отъ себя на мѣсто, или самому Исправнику отправиться бы для сего надлежало, то, за пренебреженіе обязанности своея и за видимо оказанное ослушаніе къ начальственному мѣсту, подвергнуть его взысканію, на основаніи Высочайшаго о губерніяхъ учрежденія 96 статьи, наложивъ пеню 20 рублей, о удержаніи которой изъ жалованья членовъ того Суда и объ отсылкѣ въ Приказъ общественнаго призрѣнія сообщить Казенной Палатѣ, а Приказъ тотъ предъувѣдомить, Кольскому Земскому Суду, давъ знать объ ономъ, предписать донести Правленію немедленно, кто производилъ ловлю въ нынѣшнее лѣто въ рѣкѣ сей, и ежели не былъ допущенъ кр. Негодяевъ, то кѣмъ, и для чего Земскій Судъ не отвратилъ сего самоуправства, обязанъ будучи къ тому многократными предписаніями Губернскаго Правленія?—которою резолюціею въ 8-е число Августа сего года заключили; почему Кольскій Земскій Судъ съ Генваря мѣсяца сего года, имѣя многократныя отъ сего Правленія предписанія, обязанъ былъ по силѣ оныхъ непремѣнно охранить договоръ съ кр. Негодяевымъ Лопарями заключенный, не допуская ни кого иного къ владѣнію рѣкою Вороньею, но онъ не исполнилъ ихъ, очевидно обнаруживается напротивъ въ понаровкѣ Лопарямъ вмѣстѣ съ тѣмъ, кому они промыслъ тотъ передали, ибо при договорѣ съ Негодяевымъ, который самимъ Земскимъ Судомъ засвидѣтельствованъ, не возбранилъ онъ Лопарямъ въ то же время другой сдѣлать договоръ на владѣніе тѣмъ же мѣстомъ иному, ибо засвидѣтельствовалъ и оный, чѣмъ преступилъ явно законъ о правахъ договоровъ въ указѣ 1766 г. постановленный и многократныя Правленія предписанія оставилъ въ небреженіи, ибо не употреблялъ никакихъ средствъ къ отвращенію препятствій кр. Негодяеву въ производствѣ ловли и къ воспрещенію производить другому оную, въ чемъ сего можноб обязать подпискою, за таковое онаго Суда, а паче Исправника противудѣйствіе закону и предписаніямъ начальства подлежать они сужденію по законамъ; о чемъ, по силѣ 81 статьи Высочайшаго о губерніяхъ учрежденія, и представляло г. Управляющему Губерніею и Кавалеру Алексѣю Федотовичу, а кр. Негодяеву объявило, чтобъ о понесенныхъ убыткахъ предъявить начальству, а получивъ отъ Его Высокопревосходительства на сіе согласіе опредѣлило: о сужденіи членовъ Кольскаго Земскаго Суда, за изъясненное въ постановленіи сего Правленія въ 8-е число минувшаго Августа мѣсяца, съ прописаніемъ онаго, сообщить Архангельской Палатѣ Уголовнаго Суда, препроводивъ въ оную и всю переписку по оному дѣлу въ Правленіи имѣемую. Октября 31 дня 1819 года.

Изъ Архангельскаго Губернскаго Правленія въ Архангельскую Палату Уголовнаго суда.

Холмогорской округи Ровдогорской волости крестьянинъ Степанъ Матвѣевъ сынъ Негодяевъ въ поданомъ въ сіе Правленіе прошеніи прописываетъ, что послѣ того какъ заключилъ онъ договоръ чрезъ своего прикащика Холмогорскаго мѣщанина Ерюхина и при сторонникъ свидѣтеляхъ Кольской округи съ Воронежскими Лопарями, то есть съ 4 Августа 1815 года, чтобъ владѣть ему принадлежащею имъ

рѣкою Вороньею пять лѣтъ, съ платежемъ за ее 175 руб. въ каждый годъ, которая и напередъ сего за нимъ находилась около 25 лѣтъ, выстроена имъ при той рѣкѣ изба, заведено при оной все нужное для лова рыбы и содержится то на его отчетѣ, сверхъ того, чтобъ ему убытковъ не наводить въ теченіи срочнаго времени и даже по прошествіи срока, они Лопари не могутъ той рѣки другимъ владѣльцамъ отдать, ежели только онъ впредъ намѣренъ содержать ее за собою за согласившуюся цѣну, въ случаѣ неустойки ихъ Лопарей, обязаны они тѣмъ же договоромъ перенесть безъ всякой траты своимъ коштомъ, куда онъ похочетъ, каковой договоръ и свидѣтельствованъ имъ въ Кольскомъ земскомъ судѣ, такимъ образомъ владѣлъ помянутою рѣкою чрезъ три года безъ всякаго со стороны Лопарей тѣхъ препятствія; послѣ сего оные Лопари, не знаетъ почему, сочли договоръ съ нимъ заключенный несправедливымъ и входили въ сіе Правленіе чрезъ Кольскій Земскій Судъ съ прошеніемъ объ объявленіи ему, что они его отстранивъ отъ владѣнія тою рѣкою, передали уже другому владѣльцу съ начала 1819 года, каковую неустойку, сочтя онъ при нарушеніи договора въ явную себѣ обиду и крайнее раззореніе и представивъ въ сіе Губернское Правленіе подлинный договоръ, просилъ защитить о справедливости онаго. Губернское Правленіе, усмотрѣвъ, что договоръ сей учиненъ на гербовой бумагѣ съ приложеніемъ клеймъ тѣхъ Лопарей, при свидѣтельствѣ подписавшихся на ономъ постороннихъ людей, признало, что онъ есть настоящій, дѣйствительный, почему и предписывало Кольскому Земскому Суду, чтобы оный со стороны Лопарей сохраненъ былъ во всей точности, до исполненія назначеннаго въ ономъ срока, по силѣ узаконеній, повелѣвающихъ судебнымъ и полицейскимъ мѣстамъ охранять права заключенныхъ договоровъ въ сохраненіе нужнаго въ народѣ кредита, но при всемъ таковомъ огражденіи его со стороны правительства, при наступленіи удобнаго къ улову времени, не рѣшился онъ отпустить на промыслъ рабочихъ людей, опасаясь, чтобъ при упорствѣ Лопарей недопускомъ къ оному не понести ему чувствительныхъ убытковъ, тѣмъ болѣе, что оные не приняли отъ прикащика его по осени тамъ бывшаго, какъ прежде бывало, слѣдуемыхъ за рѣку денегъ, а просилъ паки Губернское Правленіе, въ силу заключеннаго договора, принудить Лопарей, принявъ отъ его прикащика слѣдуемыя имъ деньги, допустить и рабочихъ его людей къ ловленію, на что и объявлено ему, что подтверждено оному Кольскому Земскому Суду удержать Лопарей отъ воспрещенія производить ему въ рѣкѣ ловъ рыбы и велѣно имъ принять слѣдуемыя имъ деньги. Сими начальства повелѣніями, будучи онъ увѣренъ, что неотмѣнно рѣка та въ силу договора останется до срока за нимъ, отправилъ съ мѣста жительства своего всего до 16 человѣкъ, снабдилъ ихъ на время для промысловъ употребляемыми всѣми жизненными припасами и прочими потребностями, съ таковымъ при томъ условіемъ, чтобы каждому изъ нихъ получить изъ улова, какъ обыкновенно бываетъ между промышленниками, третію часть, но, по прибытіи туда, сверхъ его чаянія, отстранены они были Лопарями, какъ письменно объяснились по возвращеніи, при присутствіи даже Исправника, имѣющаго отъ начальства о удержаніи ихъ ясныя предписанія, отъ промысла, и возвратились бы обратно безъ всякой какъ ему, такъ и себѣ выгоды, если бы не удалось имъ купить у постороннихъ мелкихъ рыбъ, каковыя въ той рѣкѣ ловятъ на наживу для лова трески, съ каковою и добыли малую часть. Между тѣмъ какъ упущенный Лопарями новый владѣлецъ при промыслѣ пользовался его заведеніями, проживая во время то въ собственно имъ построенной и ему единственно принадлежащей избѣ, и такъ сверхъ того, что онъ лишился по таковой неустойкѣ Лопарей всѣхъ чаемыхъ имъ выгодъ, рабочіе, имъ посылае-

мые, видя для себя также немалозначущіе убытки и выставляя на видъ получаемыя ихъ товарищами отъ другихъ на промыслы посылаемыхъ пользы, ропщутъ на него, что остались безъ удовлетворенія въ желаемой имъ мѣрѣ и даже ищутъ съ него за всѣми съ ними расчетами каждый по 96 руб. 25 коп., каковою суммою онъ, по силѣ условія, и удовлетворить ихъ долженъ, тѣмъ паче, что они злоупотребили на сіе самое драгоцѣнное для посельщика время, время страдное, въ которое всякой бы изъ нихъ, не подвергаясь тѣмъ опасностямъ, каковыя случаются въ морѣ, могъ бы получить гораздо лучшую для себя прибыль. По всѣмъ вышеописаннымъ обстоятельствамъ, почитая себя совершенно изобиженнымъ, и прилагая показанія рабочихъ, просить какъ за допущеніе воронежскими Лопарями въ его станъ другого, въ противность сказаннаго договора, владѣльца для лова рыбы, равно и понесенные имъ отъ наряда людей убытки до 5352 руб., съ нихъ взыскать и его удовлетворить, и тѣмъ оказать ему слѣдуемую по закону защиту, приказавъ при томъ, по силѣ того же договора съ Лопарями, допустить его пользоваться вышеупомянутою рѣкою Вороньей въ лѣто сего 1820 года, а ежели они не заплатятъ причиненныхъ ему убытковъ, понесенныхъ имъ въ лѣто 1819 года, то повелѣно бъ было ему, по крайней мѣрѣ, вмѣсто сего провладѣть оною еще слѣдующее 1821 г. лѣто. Губернское правленіе опредѣлило: какъ сила договора всегда и во всякомъ случаѣ должна быть ненарушима, то никто другой на владѣніе рѣкою Вороньей не имѣетъ права, кромѣ кр. Негодяева, до истеченія назначеннаго на сіе въ договорѣ времени, и поелику Негодяевъ, по договору его, имѣетъ право, владѣть оною рѣкою и въ 1820 году, то предписать Кольскому земскому суду, чтобы никто иной ко владѣнію сею рѣкою въ лѣто сіе допущенъ не былъ, а пользовался бы ловлей на оной безпрепятственно кр. Негодяевъ, сказавъ при томъ оному суду, что ежели оный не исполнитъ и теперь предписываемаго ему, подобно тому, какъ явно доказалъ ослушаніе въ семъ дѣлѣ начальству въ минувшее лѣто, то члены суда, какъ ослушники и противудѣйствующіе начальству, отрѣшены будутъ отъ настоящей должности; ибо ежели земскій судъ думаетъ слагать вину въ семъ дѣлѣ на ослушаніе Лопарей, то онъ обязанъ должностію ослушныхъ приводить въ послушаніе, прибѣгая, въ случаѣ необходимости и дѣйствительной въ томъ нужды, къ благоразумному содѣйствію со стороны внутренней стражи, въ положеніи о учрежденіи которой есть ел на сей случай обязанность. Чтожъ касается до убытковъ, то поелику въ дѣлѣ семъ преданъ земскій судъ Кольскій на судъ палаты уголовной, то и о претерпѣнномъ отъ сего дѣйствія кр. Негодяевымъ убыткѣ, для разсмотрѣнія совокупно съ тѣмъ дѣломъ, сообщить оной же палатѣ, съ прописаніемъ прошенія и съ приложеніемъ представленнаго отъ крестьянъ показанія. Февраля 17 дня 1820 г.

Архангельской палатѣ уголовнаго суда членовъ Кольскаго земскаго суда объясненіе.

Поелику указомъ архангельское губернское правленіе отъ 17 декабря минувшаго 1819 г., на имя земскаго суда, въ 31-й день того же мѣсяца полученномъ, дало знать, что по дѣлу о рѣкѣ Вороньей преданы мы на судъ оной палаты за какія то явныя со стороны нашей въ семъ дѣлѣ вины, постановленныя со стороны того правленія на видъ палатѣ, но какъ объ оныхъ обвиненіяхъ не объясняется въ указѣ, въ чемъ онѣ именно заключаются; мы же, не почитая себя ни мало виновными по означенному дѣлу, полагаемъ не иначе, что какъ развѣ губернское правленіе, по неоднократнымъ его прежде предписаніямъ и угроженіямъ за неисполненія оныхъ преданіемъ суду, не видя успѣховъ въ пользу кр. Негодяева, сочло то за неисполненіе, а то, что допущены Лопари Воронежскіе сдѣлать другой договоръ

въ отмѣну Негодяева, и оный судомъ и засвидѣтельствованъ, за противодѣйствіе закону, и за то только предало насъ суду, сверхъ денежнаго оштрафованія, ибо кромѣ сихъ не предвидится изъ переписки никакихъ другихъ причинъ сознать насъ губернскому правленію подлежащими сужденію по описуемому дѣлу, почему необходимость заставляетъ теперь предъ лицемъ палаты, не выжидая требованія ея открыть всю справедливость существа того дѣла, порядокъ его теченія и направленія въ дальнѣйшемъ онаго производствѣ, и потому имѣемъ честь объяснить слѣдующее. Договоръ крестьяниномъ Негодяевымъ съ Воронежскими Лопарями постановленный 4 августа 1815 г. заключается въ томъ, что отдали Лопари во владѣніе его Негодяева рѣки Воронью впредь на пять лѣтъ изъ платы по 175 руб. въ годъ и чтобъ въ оные годы той рѣки никому другому не отдавать и убытку никакого ни въ чемъ ему Негодяеву не наводить; въ случаѣ же неустойки ихъ Лопарей противу сего договора повинны они все имущество его Негодяева, находящееся при рѣкѣ Вороньей перенесть безъ всякой утраты своимъ коштомъ, куда Негодяевъ заблагоразсудитъ; противу котораго, когда Лопари, наводя отъ себя доказательства о сдѣланной якобы фальши, въ увеличеніи срока и убавкѣ цѣны, просили на передачу ими рѣки Вороньей изъ Негодяевыхъ въ другія руки, учиненный ими другой договоръ засвидѣтельствовать, но видя съ одной стороны ощутительную для нихъ изъ того выгоду, съ другой же по вмѣщенному въ Негодяевскомъ договорѣ условію на случай неустойки Лопарей, что они даже и безъ обнаруживанія будто бы сдѣланной фальши, имѣли полную свободу на передачу рѣки съ отвѣтственностію ихъ только въ перевозкѣ Негодяевскаго имущества, земскій судъ не имѣлъ ни малаго сумнѣнія засвидѣтельствовать представленный ими лично присутствію новый договоръ и не почиталъ, да и нынѣ не почитаетъ, чтобы сіе было въ противность указу 1766 г. апрѣля 18 дня о контрактахъ изданному, а напротивъ полагаемъ мы по своему разумѣнію, что поступлено во всемъ согласно тому закону, ибо именно предписывается въ немъ полиціямъ для сохраненія въ народѣ нужнаго кредита, утверждаться на точномъ разумѣ контрактовъ, не уважая побочныхъ обстоятельствъ и не взирая ни на какія персоны. Засвидѣтельствованный такимъ образомъ Воронежскимъ Лопарямъ договоръ выданъ новому владѣльцу кольскому мѣщанину Голодному, и Лопари снабжены копіею съ него за скрѣпою члена, а губернскому правленію обо всемъ оному на случай изысканія о выставляемыхъ Лопарями поступкахъ Негодяева съ прописаніемъ ихъ прошенія и съ приложеніемъ данной имъ отъ Негодяевскаго внука, прикащика его, холмогорскаго мѣщанина, Семена Ерюхина, копіи съ договора, якобы дѣйствительнаго, въ тоже время, донесено, съ объясненіемъ, по какой причинѣ опровергаемый Лопарями договоръ Негодяева, будто бы имъ вновь переписанный, былъ засвидѣтельствованъ судомъ, и хотя оное правленіе, истребованный имъ отъ упоминаемаго Негодяева договоръ, изволило у себя разсматривать и даже прописывать въ указѣ земскому суду отъ 23 марта 1818 года подъ № 2274, именно въ такомъ видѣ, какъ выше объясненъ, равно и выводя и заключъ о контрактахъ 1766 года, опредѣленіемъ своимъ утверждало оный за настоящій дѣйствительный, но напротивъ того, не взирая на вмѣщенное имъ и нимало не отрицаемое самимъ Негодяевымъ, изъятіе, что ежели нарушатъ Лопари свое условіе, то повинны за то только имущество его Негодяева вывезти съ рѣки своимъ коштомъ, предписало въ непремѣнное наблюденіе суду, вмѣсто принужденія тѣхъ Лопарей перевезть Негодяевское имущество куда онъ велитъ, то, чтобы со стороны ихъ договоръ сей былъ сохраняемъ до истеченія срока, т. е. пять лѣтъ, какъ видно изъ его опредѣленія, въ томъ указѣ вмѣщеннаго, по уваженію къ вышеписаннымъ со

стороны Негодяева въ его объясненіи совсѣмъ противъ силы договора побочнымъ обстоятельствамъ, якобы онъ чрезъ сіе отступленіе Лопарей потерпѣть можетъ въ промыслу разстройство и убытку до пяти тысячъ руб., чему, ежели бы и справедливо, кромѣ самаго его Негодяева добровольно допустившаго свободу Лопарямъ къ отступленію никто другой не виновенъ быть не можетъ, затѣмъ далѣе, когда означенное и послѣдующія предписанія, согласно волѣ губернскаго правленія, объявляемы были Лопарямъ, то какъ они не взирая ни на что отъ допущенія впредь Негодяева къ промыслу въ рѣку Воронью отзывались, почему на неоднократныя объ ономъ донесенія и даже съ испрашиваніемъ резолюціи къ сужденію ли ихъ предать за ослушаніе тѣхъ предписаній или для приведенія въ послушаніе нарядить команду оное правленіе никакихъ ясныхъ къ тому наставленій, согласно Высочайшей волѣ, сообщенной г-ну архангельскому гражданскому губернатору с.-петербургскимъ военнымъ генералъ-губернаторомъ, въ предписаніи отъ 25 іюля 1818 года, не преподало, но только, указывая на правила въ должности исправника и земскаго суда Высочайшимъ утвержденіемъ о ослушаніяхъ предписанныя, еще болѣе устрашивало насъ строгимъ взысканіемъ за неисполненіе имъ повелѣннаго удовлетворенія Негодяева, и такъ за упорствомъ Лопарей и за строгими побужденіями правленія, не оставалось ничего болѣе со стороны нашей сдѣлать, какъ Лопарей и послать въ уѣздный судъ, для оправданія въ ослушаніи предписаніямъ губернскаго начальства, и, съ тѣмъ вмѣстѣ, по желанію ихъ и для доказыванія Негодяева, якобы въ сдѣланной имъ въ договорѣ фальши; о чемъ со стороны правленія по жалобамъ тѣхъ Лопарей, за отлучкою якобы въ С.-Петербургъ мѣщанина Ерюхина, не разыскивано и имъ Лопарямъ предоставлено не было. Коль скоро сіе исполнено, и по донесенію губернскому правленію, полагали мы, что оно конечно изволитъ принять въ уваженіе невозможность нашу далѣе поступить съ Лопарями, на ограниченной закономъ власти, и будетъ ожидать чѣмъ кончится судебный ихъ процессъ и на чьей сторонѣ по законамъ останется справедливость, то, вмѣсто чаяннаго облегченія, наложено на насъ пени 20 руб., а сверхъ сего и преданы сужденію за то, что мы всѣми мѣрами содѣйствовавъ волѣ губернскаго правленія, яко непосредственнаго надъ нами начальства, не могли успѣть къ склоненію Лопарей допустить Негодяева къ ищемому ихъ угодью, и чтобъ они, при всѣхъ выказываемыхъ ими на видъ правительству на него обидахъ, отступили отъ своей свободы въ договорѣ самимъ тѣмъ Негодяевымъ дозволенной. По всѣмъ описуемымъ здѣсь доказательствамъ нашей невинности, палату уголовнаго суда покорнѣйше просимъ, за сдѣланнымъ губернскимъ правленіемъ безвиннымъ оштрафованіемъ, отъ дальнѣйшаго взысканія насъ освободить, и надѣемся твердо, что ежели благоизволитъ оная къ сличенію нашего оправданія потребовать вышеобъясненный отъ Негодяева договоръ, доказывающій, что мы въ допущеніи Лопарей сдѣлать другой на владѣніе рѣкою иному и въ засвидѣтельствованіи онаго нимало не приступили законъ о правахъ договоровъ постановленный, то конечно откроется самое настояніе Негодяева противъ собственнаго его условія неосновательнымъ, и чрезъ что самое ясно видно будетъ, что мы въ противность Высочайшаго указа 4 октября 1803 года Правительствующему Сенату даннаго оштрафованы и преданы суду, за чужую, а отнюдь не за свою собственную вину. При семъ объясняемъ, что оправданіе сіе не подписано дворянскимъ засѣдателемъ Медвѣдевымъ за нахожденіемъ его въ отпуску, изъ коего по неявкѣ къ должности на срокъ, неизвѣстно гдѣ онъ и находится.

Его сіятельству, г-ну министру внутреннихъ дѣлъ, управляющему министер-

*

ствомъ полиціи и кавалеру графу Виктору Павловичу Кочубею, Архангельской губ. Кольскаго уѣзда, Воронежскаго погоста Лопарей прошеніе.

Изъ прежде отправленнаго нами въ минувшемъ февралѣ мѣсяцѣ чрезъ почту прошеніе не безъизвѣстно вашему графскому сіятельству, какое мы потерпѣли стѣсненіе и обиду отъ крестьянина Холмогорской округи Степана Негодяева по насильному, такъ сказать, владѣнію нашею рѣкою Вороньею, и что далѣе непремѣнно отыщетъ онъ случай завладѣть ею вовсе, нынѣ же при приказѣ изъ земскаго суда къ непремѣнному исполненію получили копію съ указа Архангельскаго губернскаго правленія, по которому уже ясно повелѣно, чтобы никто другой кромѣ того Негодяева, въ оную рѣку промышлять не въѣзжалъ и чтобъ въ случаѣ, на понужденіе наше къ безмолвію, употреблена была военная команда, не смотря ни на обнаруживаемую нами лживость сего договора, ни на то, что мы даже и по самому тому договору имѣемъ свободу нарушить оный, только съ тѣмъ, чтобъ за сіе отступленіе все вести намъ своимъ коштомъ его имущество, по сему прилагая подлинную ту копію съ указа, дерзаемъ нынѣ прибѣгнуть къ вашему сіятельству со всенокорнѣйшею слезною нашею просьбою отъ таковаго утѣсненія насъ защитить и доставить способъ къ платежу податей, которыхъ нынѣ, по случаю отказа губернскимъ правленіемъ отъ владѣнія рѣкою за насъ, кольскій мѣщанинъ Голодный въ казну не взносъ, а мы также денегъ не имѣемъ, а земскій судъ во взысканіе употребляетъ всю строгость закона, отъ чего мы должны придти въ крайнюю бѣдность, а другіе и лишатся своего имѣнія; при чемъ осмѣливаемся объявить, что крестьянинъ Негодяевъ не только насъ бѣдныхъ обманулъ, но даже и начальство явно обманываетъ, увеличивая свои заведенія въ рѣкѣ Вороньей, которыхъ у него кромѣ одного образа нисколько тамъ не имѣется, такъ какъ изба при рѣкѣ, хотя имъ и построена, но на мѣсто сожженной его людьми нашей, и потому намъ принадлежитъ, рыболовныя же сѣти никогда имъ тамъ не оставлялись, но вывозились вонъ, равнымъ образомъ большіе убытки выказываетъ ложно, потому что промыслъ въ рѣкѣ не шестнадцать человѣкъ, а только четыре человѣка всегда производятъ, но и тѣ у него прошлаго лѣта заняты были ловлею въ морѣ трески и палтасины, получая семгу на наживку изъ другой рѣки, Рынды, а что будто бы не имѣлъ онъ на наживу изъ Вороньи рѣки и оттого потерпѣлъ убытокъ, то и сіе несправедливо, потому что и славнѣйшіе промышленники и всѣ поморскіе жители и камскіе граждане, не имѣя за собою никакихъ рѣкъ, производятъ безъ убытковъ всегда промыслы, да и онъ Негодяевъ изъ Вороньей всегда всю семгу увозилъ въ Архангельскъ, употреблялъ иногда только самую малую часть на наживку. (слѣдуютъ клейма Лопарей).

Генералъ-губернатора архангельскаго, вологодскаго и олонецкаго архангельскому губернскому правленію.

Въ отвѣтъ на меморію губернскаго правленія отъ 17 числа апрѣля, я изъясняю что по силѣ 96 ст. учрежденія о губерніяхъ, въ которой сказано: намѣстническое правленіе вносятся и отправляются во ономъ всѣ дѣла исполнительныя и скораго отправленія или приказанія требующія, такъ и тѣ, о которыхъ противурѣчія или спора быть не можетъ, какъ напримѣръ: подписанные должникомъ счеты или векселя или контракты ясные и явные, по которымъ въ срокъ платежъ не воспослѣдовалъ, по такимъ дѣламъ жалобы вносятся въ губернское правленіе и отъ онаго дѣлается понужденіе, буде же какое дѣло окажется не безспорно и нѣкоторому сомнѣнію подлежащее, тогда отсылается для разбиранія спорящихъ въ тѣ мѣста, куда надлежитъ, и дѣло по спору воронежскими Лопарями съ крестьяниномъ Не-

годлевымъ о контрактѣ подлежитъ судебному разбирательству, тѣмъ паче, что 1-е, безграмотные Лопари прямо оспариваютъ содержаніе контракта и представили копію, данную повѣреннымъ Негодяева Ерюхинымъ, который, а не Негодяевъ, заключилъ съ ними сей контрактъ, писанную имъ самимъ тѣмъ Ерюхинымъ и имъ подписанную, въ коей плата оброка означена не 175 рублей, а по 400 рублей, противу чего самъ Негодяевъ отозвался, что онъ съ Лопарями контракта не дѣлавъ, а Ерюхинъ донынѣ, какъ видно, не спрошенъ, и такъ столь важное по сему дѣлу обстоятельства оставлено безъ законнаго изслѣдованія. 2-е, явка земскимъ судомъ учинена не въ свое время какъ контрактъ сдѣланъ, а послѣ, почти чрезъ два года уже, о которой земскій же судъ правленію и отозвался, что онъ потому только оную явку учинилъ, что не было отъ Лопарей еще оглашаемо о фальшѣ въ контрактѣ. Сверхъ всего того, контрактъ сей не могъ быть губернскимъ правленіемъ приводимъ въ исполненія за силою указа іюля 30 дня 1808 года, яко невыгодный для Лопарей и не утвержденный казенною палатою, въ коемъ указѣ по прочемъ сказано: что какъ обязанностію ея, казенной палаты есть предостерегать и оборонять крестьянъ казеннаго вѣдомства отъ ущерба и разоренія и соблюдать ихъ выгоды; слѣдовательно, всѣ заключенные ими на оброчныя ихъ статьи договоры не могутъ приведены быть въ исполненіе дотолѣ, пока не разсмотрѣны будутъ казенною палатою въ кондиціяхъ пользы ихъ, и она вправѣ признанные по ея разсмотрѣнію законными и выгодными утверждать, въ противномъ же случаѣ не допускать и наставлять ихъ къ составленію пользъ, предписанными въ экономическихъ правилахъ мѣрами. По симъ обстоятельствамъ губернскому правленію и предлагаю, ни мало не медля, предоставить воронежскимъ Лопарямъ полное право распорядить ихъ рыбными ловлями. Дѣло же о фальшѣ въ контрактѣ предписать кольскому уѣздному суду, при уѣздномъ стряпчемъ, обслѣдовать, для чего не токмо подлинный контрактъ, но и копію, писанную Ерюхинымъ туда препроводить, и по изслѣдованіи съ виновными, чтобъ поступлено было по законамъ; между же тѣмъ претензію Лопарей на Негодяева въ недоплатѣ оброка до рѣшенія сего дѣла нынѣ же обезпечить законнымъ образомъ, и меня обо всемъ по сему распоряженію увѣдомить, доставя изъ дѣла выписку по содержанію принесенной отъ Лопарей г. управляющему министерствомъ внутреннихъ дѣлъ просьбы, т. е. чтобы съ самаго начала объяснень былъ ходъ сего дѣла обстоятельства, подлинный контрактъ при семъ посылается, 1820 года 19 апрѣля.

1820 года мая 28 дня, во исполненіе указа Архангельскаго губернскаго правленія отъ 27 прошедшаго мая подъ № 4812, на мѣстѣ въ воронежскомъ погостѣ Вольскаго нижняго земскаго суда правящимъ должность земскаго исправника дворянскимъ засѣдателемъ Уваровымъ, при уѣздномъ стряпчемъ Кичерилѣ, нижеписанные того погоста крестьяне спрашиваны и показали: въ прошломъ 1815 году въ августѣ мѣсяцѣ, 4 числа дѣйствительно учинили мы съ общаго нашего согласія съ таковымъ же Холмогорской округи Ровдогорской волости Степаномъ Негодяевымъ договоръ, въ томъ, что отдали своего владѣнія, лежащую по Русскому Мурманскому берегу рѣку Воронью и съ песками, въ которой онъ производить долженъ рыбные семужьи и всякій промыселъ, съ вышеписаннаго числа впредь на три года, за что и рядили получать въ каждый годъ съ того Негодяева оброка, по окончаніи обыкновеннаго промысла, по четыреста руб., а не по сту семидесяти пяти руб., равно и не на пять лѣтъ, какъ значится въ подлинномъ контрактѣ, а удостовѣряемъ данную намъ Холмогорскимъ мѣщаниномъ Семеномъ Ерюхинымъ копію, а съ чего написано въ упоминаемомъ подлинномъ контрактѣ не сходственно съ тою копіею, и кѣмъ

таковой учиненъ именно и представленъ былъ къ свидѣтельству подлинный договоръ въ земскій судъ, по неграмотству своему знать того не можемъ, что и показываемъ какъ сущую правду, въ чемъ прилагаемъ собственныя свои клейма.

Въ дополнительномъ показаніи, отобранномъ 24 генваря 1821 года, воронежскіе Лопари пояснили, что договоръ съ ними былъ писанъ на простой бумагѣ, а не на гербовой, а съ чего былъ написанъ и кѣмъ и кто вмѣсто насъ приложилъ нѣсколько сходственныя клейма къ упоминаемому на гербовой бумагѣ договору, вовсе знать не можемъ; объѣздчика же Миронова, чтобъ приложилъ за насъ руку къ договору никогда мы не просили, а что касается до свидѣтельства договора на простой бумагѣ, то дѣйствительно просили объѣзднаго надзирателя Викторова, и онъ обѣщался исполнить, а съ чего засвидѣтельствовалъ онъ Викторовъ вмѣсто таковаго на гербовой бумагѣ, того вовсе знать не можемъ, равно кѣмъ былъ представленъ въ земскій судъ договоръ, тоже знать не можемъ.

Таможенной стражи 4-й дистанціи надзиратель Викторовъ далъ объясненіе земскому суду, что въ 1815 году въ августѣ мѣсяцѣ, по бытности его на Мурманскомъ россійскомъ берегу, въ становищѣ Рындѣ, былъ учиненъ договоръ между воронежскими Лопарями и кр. Негодяевымъ, на владѣніе ему рѣкою Вороньею на три года, а съ какого оброку, теперь, по давнепрошедшему времени, не упомнитъ, а во свидѣтельствѣ подписался; договоръ же тотъ писанъ былъ на простой бумагѣ, а не на гербовой; а на приложенномъ при указѣ губернскаго правленія договорѣ рука приложена вмѣсто его поддѣльно.

Изъ остальныхъ лицъ, фамиліи которыхъ выставлены въ контрактѣ, крестьяне Холмогорской округи Воронихинъ и Посниковъ, что они хотя и бывали въ работникахъ отъ Негодяева на рыбныхъ морскихъ промыслахъ, но ни о какомъ договорѣ Негодяева съ Лопарями не знаютъ и никогда ни подъ какими его дѣлами ни кого не просили прикладывать за себя руки. Объѣздчикъ же Мироновъ не былъ спрошенъ за смертью.

1822 года генваря 24 дня, въ присутствіи Холмогорскаго уѣзднаго суда общее съ членами городоваго магистрата, во исполненіе указа Архангельскаго губернскаго правленія, присланный при сообщеніи отъ Холмогорскаго городничаго здѣшній мѣщанинъ Семенъ Алексѣевъ сынъ Ерюхинъ, по дѣлу о фальшѣ, объясняемой Кольской округи Воронежскими Лопарями, въ договорѣ, заключенномъ здѣшняго уѣзда крестьяниномъ Негодяевымъ съ сими Лопарями, на владѣніе первому рѣкою Вороньею, принадлежащею послѣднимъ, спрашиванъ и показалъ: зовутъ его тѣмъ же именемъ и прозваніемъ, отъ роду ему 21 годъ, на исповѣди и у св. причастія былъ назадъ тому одинъ годъ, холостъ, грамоты умѣетъ, въ штрафахъ и подъ судомъ не бывалъ. Здѣшней округи отъ кр. Негодяева прикащикомъ онъ Ерюхинъ не бывалъ, а хотя и былъ онъ Ерюхинъ отъ него въ Кольской округѣ въ 1815 г. на суднѣ, но только для обученія по малолѣтству, который имѣлъ тогда 13 или 14 лѣтъ, такъ какъ Негодяевъ ему Ерюхину по матери родной дѣдъ. Показанную ему въ присутствіи уѣзднаго суда копію съ договора, данную въ 1815 году августа 4 дня Кольской округи Воронежскими Лопарями дѣду его Негодяеву на владѣніе рѣкою Вороньею, онъ не писалъ и не подписывалъ, а кто таковую писалъ и вмѣсто его Ерюхина подписалъ, онъ не знаетъ; а показанный же ему на гербовой бумагѣ договоръ есть подлинный; точно дѣдъ его кр. Негодяевъ отправилъ его Ерюхина въ 1815 году по лѣту изъ Архангельска на суднѣ своемъ съ тѣмъ самымъ договоромъ, отъ подписанія онымъ Лопарямъ, который и былъ при рѣкѣ Рындѣ означеннымъ Лопярямъ читана объѣздчикомъ Мироновымъ, при кормщикахъ и работникахъ

которыхъ откуда они были, какъ зовутъ и прозываются, за долгопрошедшимъ временемъ и молодымъ его лѣтамъ не упомнитъ, который договоръ Воронежскіе Лопари, по прочтеніи имъ, утвердили своими клеймами; сей же договоръ того 1815 года; когда обратно на суднѣ пришли въ Архангельскъ, обратили его дѣду Негодяеву, а кѣмъ оный засвидѣтельствованъ въ Кольскомъ земскомъ судѣ, того Ерюхинъ вовсе не знаетъ и не отъ кого о томъ не слыхалъ; Воронежскими же Лопарями отъ Ерюхина оброчныхъ 400 рублей никогда требованы не были, и онъ Лопарямъ не похвалялся, что Негодяевъ якобы съ давняго времени имѣетъ ближайшаго хлѣбосола и друга въ губернскомъ правленіи прежде бывшаго много лѣтъ секретаремъ, нынѣшняго совѣтника Варзугина, могущественнаго въ дѣлахъ, который будетъ состоять противъ Лопарей, во всемъ и всѣхъ будетъ судить. И съ чего сіе Лопари на Ерюхина затѣяли, онъ не извѣстенъ, да и господина Варзугина вовсе и по нынѣ не знаетъ; проживалъ онъ Ерюхинъ въ С.-Петербургѣ четыре года по паспортамъ, данымъ отъ Холмогорскаго городоваго магистрата, въ разныхъ работахъ, а послѣднему паспорту срокъ минулъ прошлаго 1821 года въ Маѣ мѣсяцѣ, который и остался въ С.-Петербургѣ въ земской управѣ морскаго вѣдомства, отъ которой данъ ему былъ видъ на проходъ въ свой домъ, съ которымъ и прибылъ въ Холмогоры.

Въ дополнительномъ показаніи, данномъ 1823 г. февраля 1, Ерюхинъ объяснилъ, что онъ подлинный договоръ отдалъ въ руки объѣздчику Миронову, для отдачи Лопарямъ, грамотѣ тогда писать умѣлъ и нынѣ пишетъ съ перемѣною почерка,

1822 года февраля 28 дня въ присутствіи Холмоморскаго уѣзднаго суда обще съ членами магистрата Холмогорской округи Ровдогорской волости крестьянинъ Степанъ Матвѣевъ сынъ Негодяевъ, по дѣлу о фальшѣ объявленной Кольской округи Воронежскими Лопарями въ договорѣ, заключенномъ на владѣніе имъ рѣкою Вороньею, принадлежащую тѣмъ Лопарямъ, спрашиванъ и показалъ: зовутъ его точно тѣмъ именемъ и прозваніемъ, отъ роду ему 82 года, на исповѣди и у св. причастія каждогодно бывалъ, вдовъ и дѣтей имѣетъ, въ штрафахъ, подъ судомъ не бывалъ прочитанное ему въ присутствіи уѣзднаго суда объясненіе, его Негодяева, поданное въ Ходмогорскій земскій судъ въ февралѣ мѣсяцѣ прошлаго 1818 года утверждаетъ во всей силѣ, только что хотя въ ономъ внукъ его холмогорскій мѣщанинъ Семенъ Ерюхинъ написанъ повѣреннымъ его, то случилось сіе отъ ошибки писца да и отъ его недосмотру, а болѣе и старости лѣтъ, дѣйствительно что онъ Ерюхинъ неоднократно посыланъ имъ былъ не на одинъ годъ, на собственныхъ его морскихъ судахъ, въ Кольскую округу и то только для обученія по малолѣтству и чтобы привыкалъ къ морскому пути, а не прикащикомъ, да и прикащиковъ никакихъ никогда не имѣлъ; показанный же ему Негодяеву въ присутствіи договоръ учиненный имъ съ вышеписанными Лопарями на указанной бумагѣ, писанный 1815 г. августа 4 дня, и посылалъ съ тѣмъ внукомъ Семеномъ, имѣвшимъ отъ роду 13 лѣтъ въ Кольскую округу, для подписанія Лопарямъ, и послѣ тотъ же самый договоръ онъ внукъ, по приходѣ въ Архангельскъ, обратилъ ему; кто же вышеписанный договоръ писалъ, за долгопрошедшимъ временемъ, не упомнитъ, равно и кто оный отъ его свидѣтельствовалъ въ Кольскомъ земскомъ судѣ, а показанная же съ таковаго копія, писанная на полулистѣ тогожъ 1815 года мѣсяца и члена кѣмъ писана, не знаетъ, да и внуку своему писать таковой не приказывалъ; рѣкой же Вороньей онъ Негодяевъ владѣть уже по таковымъ же договорамъ началъ около 30 лѣтъ, въ теченіи сего времени съ Лопарями никакой ссоры и фальши ни въ чемъ не бывало; изъ чего нынѣ они таковую фальшу затѣяли, онъ не знаетъ.

1823 года іюня 30 дня. По указу Его Императорскаго Величества, Холмогорскій уѣздный судъ вообще съ членами городоваго магистрата, слушавъ выписку учиненную изъ дѣла якобы о фальшивомъ писаніи холмогорскимъ мѣщаниномъ Семеномъ Ерюхинымъ договора на отдачу во владѣніе Кольской округи Воронежскими Лопарями крестьянину Холмогорской округи Степану Негодяеву рыбныхъ ловель по рѣкѣ Воронью, и соображая обстоятельства онаго съ приличными узаконеніями, мнѣніемъ полагаетъ учинить слѣдующее: 1-е, Какъ изъ подлиннаго договора, писаннаго 4 августа 1815 года отъ Воронежскихъ Лопарей на узаконенной гербовой бумагѣ усматривается, что они крестьянину Негодяеву отдали своего владѣнія, лежащую по русскому Мурманскому берегу, рѣку Воронью и съ песками, для произведенія рыбныхъ семужныхъ и всякихъ промысловъ, съ вышеозначеннаго числа, впредь на 5 лѣтъ, съ платежемъ имъ порядженной цѣны за время владѣнія въ каждый годъ по 175 руб., что напротивъ Лопари отрицаютъ, показывая, что, когда въ 1815 году, по истеченіи сроковъ прежнему Негодяевскому владѣнію рѣкою, мѣщанинъ Нѣмчиновъ давалъ имъ по 400 руб. въ годъ, то бывшій въ то время на Мурманскомъ берегу прикащикъ Негодяева, внукъ его Семенъ Ерюхинъ, уговорилъ ихъ, что и они дають тотъ же оброкъ и, опасаясь Негодяева, что ежели добромъ не отдадутъ, то будутъ къ тому по прежнему принуждены и съ уменьшеніемъ оброка, дали Ерюхину согласіе и написавъ договоръ на три года, получили отъ него въ удостовѣреніе себѣ съ онаго копію, имъ писанную и подписанную, справедливость каковаго показанія Лопарей, что они дѣйствительно отдали Негодяеву рѣку Воронью, во владѣніе не на пять, какъ въ договорѣ, на гербовой бумагѣ написанномъ, сказано, а только на три года, и оброкомъ получать имъ не по 175 р., а по 400 руб. въ годъ, доказывается и самою копіею, писанною и подписанною 4 августа 1815 года Семеномъ Ерюхинымъ; и хотя онъ въ отобранномъ отъ него показаніи отъ сего отрицается, показывая, что онъ таковой копіи не писалъ и не подписывалъ, и кто таковую писалъ и вмѣсто его подписалъ—онъ не знаетъ; но сіе его показаніе нимало въ отрицаніи его не оправдываетъ, ибо при сношеніи 31 генваря сего года въ общемъ присутствіи въ почеркѣ письма его руки съ упоминаемымъ въ копіи договоромъ съ рукою подписанною имъ же подъ векселемъ, даннымъ 1818 года февраля 27 дня суммою на 182 руб. мѣщанину Ивану Ерюхину и подпискою, писанной 1822 года въ іюлѣ мѣсяцѣ въ магистратѣ, оказалось, что рукоприкладство подъ векселемъ имъ Ерюхинымъ подписано мелкою рукою, нѣсколько похожею въ почеркѣ съ договоромъ, а подпиской крупною рукою, похожею съ тою рукою, какою подъ отобранными отъ него въ семъ судѣ показаніями подписано, и хотя онъ при таковомъ сличеніи объявилъ присутствію, что онъ будучи въ малолѣтствѣ учился писать мелко, а нынѣ пишетъ крупно; но и сему вѣрить никакъ не можно, ибо, судя по здравомыслію, молодыхъ людей, когда они при достиженіи лѣтъ отдаются къ обученію грамотѣ, и писать всегда пріучаютъ ихъ первоначально писать прописи крупною рукою, а не мелкою, и потомъ уже постепенно, время отъ времени, когда утвердятся они въ твердости руки, начинаютъ писать мелкою рукою, а не такъ, какъ Ерюхинъ, вопреки сему, говорятъ, показывая при всемъ томъ въ отобранномъ отъ него послѣ показаніи, что пишетъ онъ съ перемѣною почерка, сіе ясно обнаруживаетъ его Ерюхина въ фальшивомъ писаніи имъ упоминаемаго на простой бумагѣ договора, за каковой поступокъ, слѣдуя 22 главѣ 201 воинскаго артикула, наказать его плетьми, давъ 30 ударовъ. 2-е, Что касается до исчемыхъ Лопарями съ крестьянина Негодяева неподписанныхъ имъ по договору, каковъ имъ данъ былъ на простой бумагѣ, денегъ, то до утвержденія 1-го пункта

сего рѣшенія высшимъ правительствомъ положенія о семъ сдѣлать никакого не можетъ; на каковомъ основаніи и учинить съ мнѣніемъ рѣшительный протоколъ, который съ подлиннымъ дѣломъ и выпискою представить при рапортѣ на начальственное благоусмотрѣніе въ Архангельскую палату уголовнаго суда, съ донесеніемъ, что подсудимый съ 4 генваря 1822 года находится на поручительствѣ холмогорскихъ мѣщанъ Алексѣя и Ивана Серюхиныхъ, тѣлосложенія крѣпкаго, отъ роду 21 годъ.

Архангельская уголовная палата приговоръ этотъ утвердила.

II.

ЮРИДИЧЕСКІЕ ОБЫЧАИ КОРЕЛОВЪ.

ВВЕДЕНІЕ.

Корелы — Финское племя, наиболѣе приближающееся къ собственно Финнамъ. Языкъ ихъ не составляетъ самостоятельнаго нарѣчія, а есть только діалектическое измѣненіе финскаго [1]).

Корелы, также какъ и Лопари, которыхъ они оттѣснили на сѣверъ, занимали прежде гораздо большее пространство, чѣмъ въ настоящее время. Они жили около Ладожскаго и Онежскаго озеръ, а на сѣверѣ заселяли берега Бѣлаго моря до самой рѣки Онеги. Русскіе, оттѣснивъ ихъ съ юга, заставили отступить и отъ морскихъ береговъ, гдѣ находили выгоднымъ селиться самимъ. Корелы, оставшіеся въ своихъ поселеніяхъ по берегамъ Бѣлаго моря, были совершенно поглощены русскою народностью.

Первыя историческія извѣстія о Корелахъ мы имѣемъ въ лѣтописяхъ отъ половины XII вѣка, гдѣ о нихъ упоминается, какъ о союзникахъ Новгородцевъ, помогавшихъ послѣднимъ отбивать нападенія другаго финскаго племени Еми и Шведовъ. Корелы были данниками Новгородцевъ и съ покореніемъ Новгорода перешли, какъ и Лопари, въ подданство Московскаго государя.

Въ соціальномъ отношеніи Корелы стоятъ выше Лопарей, такъ какъ ведутъ жизнь осѣдлую. Они живутъ въ маленькихъ деревняхъ, разбросанныхъ по всему пространству собственно Кемскаго уѣзда,

---

[1]) Лекціи по наукѣ о языкѣ, *Макса Мюллера*, стр. 240.

за исключеніемъ узкой полосы земли по южному берегу Бѣлаго моря, Поморья.

Всѣхъ Кореловъ, живущихъ въ предѣлахъ Архангельской губерніи, по свѣдѣніямъ 1865 г. числится 16,700 душъ обоего пола. Они составляютъ одиннадцать волостей: Тунгудскую, Вокнаволоцкую, Кестенскую, Ухтинскую, Маслозерскую, Юшкозерскую, Олангскую (бывшее Кундозерское общество), Костомужскую, Погосскую, Вычетайбольскую, Тихтозерскую; также часть ихъ живетъ въ деревняхъ Керетской и Поньгамской волостей, а одно поселеніе ихъ, деревня Вялозеро, находится даже на Терскомъ берегу и считается обыкновенно лопарскимъ.

Корельское племя, находясь долгое время подъ вліяніемъ Русскихъ, нѣсколько утратило изъ своихъ національныхъ особенностей, и разумѣется, степень утраты пропорціональна силѣ вліянія русскаго элемента. Чувствительнѣе всего этотъ послѣдній отразился на Корелахъ волостей, ближайшихъ къ русскимъ селеніямъ, гдѣ Корелы, даже отчасти и ихъ женщины, знаютъ русскій языкъ. Въ волостяхъ, лежащихъ въ отдаленіи отъ русскихъ селеній, близь Финляндіи, огромное большинство не только не говоритъ, но даже и не понимаетъ по русски. А это обстоятельство ставитъ преграду распространенію русскаго вліянія. Вліяніе это, конечно, не ограничивалось ознакомленіемъ Кореловъ съ русскимъ языкомъ; оно отразилось частью на ихъ обычаяхъ и обрядахъ. Интересно наблюдать степени развитія этого вліянія, напримѣръ, въ корельскихъ свадебныхъ обрядахъ, описанія которыхъ, составленныя въ двухъ различныхъ мѣстностяхъ Корельской области—Юшкозерѣ и Ухтѣ, приводитъ г. Чубинскій [1]). Изъ обоихъ этихъ описаній видно, что нынѣшніе корельскіе свадебные обряды представляютъ уже уклоненіе отъ своего первоначальнаго типа, уклоненіе, образовавшееся именно подъ вліяніемъ русскихъ свадебныхъ обрядовъ. Но между тѣмъ какъ въ Юшкозерѣ они представляютъ только небольшую разницу съ обрядами поморовъ, въ Ухтѣ они сохраняютъ нѣкоторыя существенныя черты своего кореннаго типа.

Немного, вѣроятно, есть мѣстностей въ Русскомъ государствѣ,

---

[1]) Труды Арх. Статист. Комитета за 1865 г., книга 2-я: Статисточески-этнографическій очеркъ Корелы.

жители которыхъ находились бы въ болѣе тяжеломъ экономическомъ положеніи, чѣмъ Корелы. Чтобы дать ясное понятіе о томъ, до чего бѣдственно это положеніе, приведемъ выписки изъ приговора одного корельскаго волостнаго схода по поводу предписанія Архангельскаго губернатора о прекращеніи ссуды хлѣба изъ казны. Придерживаемся точно выраженій подлинника, позволивъ себѣ только небольшія синтаксическія измѣненія: „Неурожай хлѣба въ 1867 и въ предшествующемъ 1868 гг. привелъ въ волости всѣхъ крестьянъ въ безвыходное положеніе, такъ что не малая часть ихъ, лишившись скота и необходимыхъ принадлежностей сельской осѣдлости, бросила свои дома и отправилась съ самой осени скитаться постыднымъ нищенствомъ въ приморскія селенія Кемскаго уѣзда, а часть въ Повѣнецкій и Каргопольскій уѣзды; отлучившіеся въ 1867 г. и понынѣ еще не возвращались. Другіе, не имѣя никакихъ средствъ къ выѣзду, будучи обременены малолѣтними дѣтьми, оставшись дома, питаются постоянно щами, сваренными изъ соломы, вытолченной въ муку, и хлѣбомъ, изготовленнымъ изъ сосновой коры; нѣкоторые примѣшиваютъ къ тому самую ничтожную часть ржаной муки, покупаемой изъ торговаго магазина на деньги, вырученныя за послѣдніе свои пожитки и вещи, проданныя и отданныя въ залогъ за безцѣнокъ. Пища эта, грубая и отвратительная, особенно вредна для здоровья малолѣтковъ. Взрослые же, употребляющіе такую пищу, съ трудомъ могутъ ходить отъ слабости въ ногахъ. Что касается до пріобрѣтенія сѣмянъ на посѣвъ полей за деньги, то такихъ семействъ находится въ нашей волости только 12, заключающихъ въ себѣ 62 души, кои могутъ купить себѣ сѣмянъ за деньги, а остальныя 846 душъ обоего пола, состоящія въ волости, вовсе не имѣютъ никакихъ средствъ купить таковыхъ, а равно и хлѣба на продовольствіе до новаго урожая“ (Приговоръ Юшкозерскаго волостнаго схода отъ 23-го марта 1869 г.).

Эта выписка можетъ замѣнить самое краснорѣчивое описаніе положенія Кореловъ; замѣтимъ притомъ, что Юшкозерская волость далеко не самая бѣдная изъ корельскихъ волостей, если принять во вниманіе таблицу г. Чубинскаго [1]), гдѣ эта волость занимаетъ

[1]) Труды Арх. Стат. Ком. за 1865 г., стр. 95: Статистическо-этнографическій очеркъ Корелы.

четвертое мѣсто по величинѣ остатка, причитающагося на дворъ, за уплатою податей и мірскихъ сборовъ. Причины такого положенія Кореловъ—скудные урожаи хлѣба, недостатокъ заработковъ и разнаго рода стѣсненія, о которыхъ будетъ сказано ниже. Если бы не ссуды, дѣлаемыя Кореламъ правительствомъ, то они должны были бы перемереть съ голоду въ неурожайные годы, которые у нихъ случаются часто. Ссуды эти, а также и продажа хлѣба изъ казенныхъ магазиновъ, необходимы, такъ какъ въ Корелѣ нѣтъ вольной продажи хлѣба, за которымъ Корелы должны обращаться къ поморамъ-монополистамъ, при чемъ цѣна хлѣба, и безъ того высокая, еще увеличивается стоимостью его провоза изъ Поморья. Покупать хлѣбъ Корелы должны не только въ неурожайные годы, но и при обыкновенномъ урожаѣ. И въ такомъ случаѣ у нихъ недостаетъ хлѣба, по разчету г. Чубинскаго, до 110,000 пудъ, а на покупку его далеко не хватаетъ всѣхъ ихъ остатковъ отъ промысловъ и заработковъ.

Какъ же существуютъ Корелы до сихъ поръ при такомъ безвыходномъ экономическомъ положеніи? Дѣло въ томъ, что Корелы попали въ него не такъ давно, вслѣдствіе стѣсненій, которымъ подвергся ихъ прежній порядокъ хлѣбопашества и нѣкоторыя отрасли ихъ промышленности. Правда, главное занятіе Кореловъ—хлѣбопашество, всегда велось не искусно отъ ихъ неумѣнья, но существовавшая до конца пятидесятыхъ годовъ система подсѣчнаго хозяйства давала достаточныя средства къ существованію. Для каждаго посѣва они вырубали лѣсъ, сѣяли на очищенномъ мѣстѣ разъ, и снявъ хлѣбъ, бросали поле, такъ какъ въ другой разъ хлѣбъ на немъ не родился. Урожаи на этихъ нивахъ были чрезвычайно богаты, но такой порядокъ хозяйства признанъ былъ вреднымъ по причинѣ лѣсопстребленія, и потому противъ него возбуждено было спльное преслѣдованіе со стороны администраціи. Но правильный образъ веденія сельскаго хозяйства никакъ не могъ привиться къ Кореламъ. Этому препятствовали и вѣковыя привычки, и суровый климатъ, и неблагодарная почва, а также малое развитіе скотоводства, лишавшее ихъ такимъ образомъ возможности возстановлять силы истощенной земли. Держать же скотъ въ сколько-нибудь значительномъ количествѣ Корелы не могутъ, такъ какъ сѣнокосовъ у нихъ почти нѣтъ. Всего скота приходится у нихъ на дворъ $^3/_4$

лошади, 2 крупныхъ рогатыхъ скотины, $2^7/_8$ овцы и $2^1/_2$ оленя, въ тѣхъ волостяхъ, гдѣ ихъ держатъ.

Между тѣмъ какъ въ другихъ мѣстностяхъ развитіе промышленности увеличиваетъ спросъ на трудъ и его стоимость, у Корелъ уничтожились было и тѣ зачатки промышленности, какіе существовали. Въ прежнее время въ Корелѣ выдѣлывалось желѣзо въ Юшкозерской, Вокнаволоцкой, Погосской, частью въ Костомушской, а особенно въ Маслозерской волостяхъ. Все Поморье снабжалось винтовками, пищалями и ружьями корельской работы. Теперь кузнечнымъ мастерствомъ занимается только Маслозерская волость, а выдѣлываніе желѣза изъ желѣзной руды, доставаемой изъ болотъ, вовсе оставлено, такъ какъ производство сдѣлалось невыгоднымъ, когда наложена была пошлина на дрова. По той же причинѣ, осложненной еще трудностью имѣть выгодный сбытъ продукта, прекратилось и смолокуреніе.

Прежде Корелы имѣли еще немалый доходъ отъ мелочной разносной торговли съ Финляндіей. Почти вся молодежь уходила туда съ половины августа и тамъ, бродя по селамъ и деревнямъ, производила торгъ. Каждый изъ этихъ торговцевъ имѣлъ при себѣ кожаную сумку, въ которой заключался его товаръ, на сумму отъ 30 до 200 рублей. Торгъ этотъ значительно сократился теперь. Главная причина та, что Корелы преслѣдуются въ Финляндіи тамошнимъ начальствомъ, такъ какъ они торгуютъ въ подрывъ мѣстнымъ торговцамъ, торгующимъ по свидѣтельствамъ. Если Корелякъ будетъ пойманъ, то товаръ его конфискуется, а самъ онъ предается суду. Другія причины упадка этой торговли—общее обѣдненіе Кореловъ, какъ слѣдствіе неурожаевъ и уменьшенія промысловъ, и паденіе капиталистовъ, дававшихъ многимъ средства для торговли; такъ напримѣръ, одинъ богатый крестьянинъ Вокнаволоцкой волости Митрофановъ давалъ ссуды и посылалъ отъ себя до 200 человѣкъ.

Такимъ образомъ Корелы лишились самыхъ выгодныхъ изъ своихъ заработковъ. Остальныя статьи дохода не даютъ имъ достаточнаго обезпеченія. Изъ нихъ наиболѣе важную роль играютъ рыбные, звѣриные и птичьи промыслы.

Въ рѣкахъ и многочисленныхъ озерахъ Корелы довольно рыбы, которая служитъ Кореламъ существенно важнымъ подспорьемъ въ

ихъ хозяйствѣ. Развитію рыболовства мѣшаетъ недостатокъ снастей, особенно неводовъ, которые довольно дороги. Но еще большее препятствіе для развитія этого промысла представляетъ недостатокъ соли, необходимой для посола рыбы. Правительство разрѣшило безпошлинный ввозъ соли изъ-за границы, именно въ видахъ развитія рыболовства, но на Корелу назначается незначительное ея количество, да и то часто не доходитъ по назначенію. Чтобы воспользоваться данною привилегіей, Корелы должны найти подрядчика изъ богатыхъ поморовъ, торгующихъ съ Норвегіею, который закупилъ бы для нихъ соль и привезъ въ Поморье. Корелы составляютъ приговоръ, по которому обязываются выкупить соль къ извѣстному сроку, но вслѣдствіе своей бѣдности не имѣютъ, большею частью, возможности выполнить свое обязательство. Тогда подрядчикъ, пользуясь этимъ, продаетъ соль другимъ лицамъ, чаще въ Олонецкую губернію, а Корелы остаются ни причемъ и бываютъ принуждены покупать соль у вольныхъ торговцевъ по высокимъ цѣнамъ. И въ этомъ отношеніи положеніе Кореловъ ухудшилось. Прежде, нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ, Корелы могли доставать соль изъ поморскихъ соляныхъ варницъ по невысокой цѣнѣ. Эти варницы закрылись, когда, съ одной стороны, наложена была пошлина на лѣсъ и увеличенъ акцизъ на вываріваемую соль, а съ другой—дозволено было вывозить соль изъ-за границы безпошлинно.

Звѣриные промыслы Кореловъ состоятъ въ ловлѣ медвѣдей, куницъ, россомахъ, горностаевъ, бѣлокъ, зайцевъ, выдръ и оленей; изъ птицъ ловятъ рябчиковъ, глухарей, тетеревовъ и куропатокъ. Корелы принимаютъ также нѣкоторое участіе и въ Мурманскихъ промыслахъ, отчасти какъ покрученики, отчасти какъ простые рабочіе поморовъ. Но Кореловъ, занимающихся морскими промыслами, очень незначительное число, потому что они боятся моря; по ихъ собственному выраженію, „Корела море бьетъ“. Отвращеніе Кореловъ отъ моря видно еще и изъ того, что они не селятся по берегамъ, удаляются въ тундру, даже въ тѣхъ пунктахъ, гдѣ ихъ территорія примыкаетъ къ морю. Есть еще одинъ видъ промышленности, доставляющій сравнительно очень хорошій доходъ, именно—судостроеніе; но имъ занимается только незначительное число Кореловъ Маслозерской и Тунгудской волостей. Особенно

извѣстны своимъ искусствомъ въ судо-строеніи жители деревни Подужемье, въ 15 верстахъ отъ г. Кеми. Вотъ и всѣ промыслы Кореловъ, если прибавить еще выдѣлку кожъ и овчинъ, также суконъ и холста, идущихъ почти исключительно для собственнаго употребленія.

Продукты своихъ промысловъ Корелы сбываютъ на ярмаркахъ Финляндіи и на Шунгской ярмаркѣ въ Олонецкой губерніи. На финляндскія ярмарки, въ Каянь, Куопіо и Торнео, Корелы возятъ ремни изъ моржовыхъ шкуръ, рыбу, масло, птицу, а также товары, покупаемые на Шунгской ярмаркѣ: пеньку, веревки, ленъ, мыло и пр. Часть этихъ предметовъ промѣнивается, но большая часть продается на деньги.

Большая часть доходовъ отъ промысловъ идетъ у Кореловъ на уплату государственныхъ податей и разныхъ мірскихъ сборовъ. Остатки такъ незначительны, что трудно себѣ представить, какъ можно ими удовлетворить самымъ первымъ потребностямъ крестьянской семьи, даже если есть собственный хлѣбъ. Что случается когда хлѣба нѣтъ, это ясно показываютъ тѣ выписки изъ приговора волостнаго суда, которыя мы привели выше. Неравномѣрное распредѣленіе незначительныхъ заработковъ производитъ то, что множество Кореловъ не имѣютъ вовсе средствъ къ существованію и должны нищенствовать въ Поморьѣ, Финляндіи и Олонецкой губерніи. Теперь правительство предлагаетъ имъ выселяться на Мурманскій берегъ, при чемъ на каждую семью дается изъ казны 150 рублей на переселеніе.

Въ умственномъ отношеніи Корелы стоятъ также довольно низко; грамотныхъ между ними очень мало, особенно въ волостяхъ, отдаленныхъ отъ Поморья, да и невозможенъ никакой шагъ впередъ въ умственномъ развитіи, пока не измѣнятся къ лучшему обстоятельства, обусловливающія ихъ настоящее экономическое положеніе. Авторъ книги „Годъ на Сѣверѣ“ г. Максимовъ пророчитъ Кореламъ лучшую будущность сравнительно съ другими, родственными имъ племенами. Но едва ли основателенъ въ отношеніи ихъ такой оптимизмъ. Вотъ какъ обрисовываютъ положеніе Кореловъ слова одного оффиціальнаго источника: „Въ настоящее время платежныя средства Кореловъ совершенно изсякли: обращать взысканіе на ихъ имущество невозможно уже, такъ какъ у огромнаго

большинства Кореловъ нѣтъ ни скота, никакого другаго имущества, кромѣ самыхъ немногочисленныхъ и необходимыхъ въ хозяйствѣ предметовъ. Такимъ образомъ надо опасаться, что сборъ податей и повинностей въ скоромъ времени долженъ будетъ остановиться за полною невозможностью для нихъ производить уплату“ [1]).

Доведенные до самой крайней бѣдности, принужденные питаться соломой и корой вмѣсто хлѣба, какъ то свидѣтельствуетъ тотъ же источникъ и даже самъ г. Максимовъ, Корелы не могутъ собственными силами выйдти изъ своего бѣдственнаго положенія, если правительство не придетъ къ нимъ на помощь съ радикальными мѣрами, направленными къ освобожденію ихъ промысловъ отъ стѣсненій, доставленію имъ средствъ къ сбыту ихъ продуктовъ, облегченію ихъ повинностей. Нѣсколько шаговъ въ такомъ направленіи уже сдѣлано, и Кореламъ даны льготы, освобождающія отъ нѣкоторыхъ стѣсненій ихъ земледѣліе и промышленность, а также облегчающія имъ уплату податей [2]). Льготы эти не остаются безъ вліянія на улучшеніе ихъ быта, какъ можно судить по немногочисленнымъ и скуднымъ извѣстіямъ, доходящимъ до насъ путемъ печати. Но трудно надѣяться, чтобъ Корелы успѣли совершенно оправиться и занять прочное экономическое положеніе въ этотъ льготный срокъ.

Приводимъ отзывъ г. Чубинскаго о характерѣ Кореловъ: „Корелы характера спокойнаго, нѣсколько даже апатичны, но ихъ нельзя упрекнуть въ лѣни. Они точно также трудятся, какъ и Русскіе, если не больше, и бѣдность ихъ ничуть не доказываетъ ихъ лѣни“.

Выше мы говорили о вліяніи, какое оказываетъ на Корелъ русскій элементъ, но это вліяніе не на столько сильно, чтобы могло уничтожить всѣ оригинальныя черты ихъ обычаевъ, какъ то иногда принимается пишущими о Корелахъ. Что касается юридическихъ обычаевъ Корелъ, то они, вѣроятно, представляютъ также много оригинальныхъ особенностей. Но скудость матеріаловъ, какими мы располагали, а еще болѣе самое свойство главнаго изъ нихъ, не

---

[1]) *Арх. Губ. Вѣдомости* 1867 г., № 30: ст. Нынѣшнее состояніе инородцевъ. (Изъ дѣлъ канцеляріи губернатора).

[2]) *Арх. Губ. Вѣд.* 1868 г., № 48.

позволили намъ выставить это съ достаточною рѣзкостью. Главнымъ матеріаломъ послужили намъ, какъ будетъ видно ниже, рѣшенія корельскихъ волостныхъ судовъ. Такъ какъ эти рѣшенія составляются писарями изъ Русскихъ, то отъ ихъ вліянія рѣшенія необходимо утрачиваютъ многое изъ того, что составляетъ въ нихъ наиболѣе характеристическаго. Намъ часто приходилось преодолѣвать много трудностей, чтобы добраться ихъ настоящаго смысла, сильно затемняемаго изложеніемъ. Многія изъ этихъ рѣшеній, наиболѣе интересныхъ, мы приводили цѣликомъ, сдѣлавъ, впрочемъ нѣкоторыя измѣненія, чтобы упростить ихъ пониманіе. Кромѣ того, мы пользовались рукописными замѣтками о юридическихъ обычаяхъ Кореловъ, доставленными воспитанникомъ Архангельской духовной семинаріи г. Камкинымъ. Къ сожалѣнію, эти замѣтки относятся только къ семейственному праву и сдѣлкамъ Кореловъ. Нѣсколько юридическихъ обычаевъ заимствовано также изъ статьи г. Чубинскаго: „Историко-этнографическій очеркъ Корелы“ и изъ книги гг. Максимова: „Годъ на Сѣверѣ“, Верещагина: „Очерки Архангельской губерніи“, г. Михайлова: „Очерки природы и быта Бѣломорскаго края Россіи“.

I.

Гражданское право.

1. Право семейственное.

Когда мужчина и женщина вступаютъ въ бракъ, то чтобъ опредѣлить степень ихъ родства и свойства, руководятся большею частью личными соображеніями, а также голосомъ семьи, и только въ затруднительныхъ случаяхъ, именно при желаніи вступить въ бракъ близкихъ родственниковъ, какъ напримѣръ, кумовей, троюродниковъ и т. под., обращаются за совѣтомъ къ священнику и даже къ волостному писарю и вообще ко всякому болѣе или менѣе компетентному лицу въ этомъ дѣлѣ, напримѣръ, къ грамотнымъ раскольникамъ и пр. Только въ очень рѣдкихъ случаяхъ являются попытки вступленія въ бракъ при указанныхъ степеняхъ родства и подобнымъ имъ, безъ всякаго предварительнаго соглашенія съ кѣмъ бы то ни было, что, конечно, на сколько возможно,

устраняется причтомъ. Это именно бываетъ въ томъ случаѣ, когда бракъ затѣвается по какимъ-нибудь внѣшнимъ расчетамъ, напримѣръ, по причинѣ особеннаго богатства невѣсты или жениха.

Браки у Кореловъ, какъ и вездѣ въ простонародьи, совершаются большею частью въ силу экономической необходимости. Этою экономическою необходимостью обусловливается и возрастъ, въ который бываютъ брачные союзы. Если семья нуждается въ рабочихъ рукахъ, то она побуждаетъ жениться сына или брата какъ можно раньше, желая избѣгнуть необходимости нанимать работницъ на сторонѣ. При этомъ, въ случаѣ недостатка у жениха или невѣсты опредѣленныхъ церковью лѣтъ, недостатокъ ихъ сглаживается прибавкой недостающихъ лѣтъ или мѣсяцевъ, что вовсе не считается за грѣхъ. Въ силу того же экономическаго закона вступаютъ въ бракъ и вдовцы лѣтъ въ 45 и 50, при чемъ убавить жениху или невѣстѣ нѣсколько лѣтъ тоже не считается преступленіемъ. Если же въ семьѣ довольно работниковъ и работницъ, то старшій холостой мужчина женится обыкновенно не ранѣе 22—23 лѣтъ, а иногда лѣтъ въ 25 и 26; точно также вступаютъ въ бракъ и младшіе холостяки. При этомъ заслуживаетъ вниманія то, что женихъ выбираетъ себѣ по возможности болѣе близкую по годамъ невѣсту. Отсюда чрезвычайная рѣдкость неправильныхъ по годамъ браковъ, т. е., браковъ между слишкомъ молодыми мужчинами и старыми женщинами, и на оборотъ.

Что касается до различій въ религіозныхъ убѣжденіяхъ Кореловъ, то въ этомъ отношеніи вступающія въ бракъ лица не затрудняются: мужчина-раскольникъ [1]) свободно женится на женщинѣ православной, равно какъ и женщина-раскольница безпрепятственно выходитъ въ замужество за православнаго жениха.

Бываютъ, хотя очень рѣдко, случаи вступленія Кореловъ въ брачный союзъ съ женщинами Финляндками, но съ Русскими и Норвежцами они не вступаютъ въ бракъ.

Большая часть браковъ у Кореловъ, у которыхъ родительская власть пользуется большимъ уваженіемъ, совершается съ согласія и по волѣ родителей брачущихся. Ихъ участіе въ этомъ выражается обыкновенно въ благословеніи иконой съ хлѣбомъ и солью, въ

---

[1]) Часть Кореловъ принадлежитъ къ раскольническимъ сектамъ.

приготовленіи къ свадьбѣ необходимыхъ принадлежностей, какъ напримѣръ, лучшихъ яствъ и одежды и въ пожеланіяхъ, чтобы женихъ и невѣста были трудолюбивы и покорны. При всемъ томъ, родительская власть въ дѣлѣ заключенія брачныхъ союзовъ здѣсь не имѣетъ такого безусловно-важнаго значенія, какъ у Лопарей. Здѣсь дается гораздо больше мѣста свободному выбору.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда бракъ между женихомъ и невѣстой совершается безъ согласія родителей и противъ ихъ воли, онъ отличается отсутствіемъ всякой обрядности, кромѣ того, что женихъ и невѣста взаимно обмѣниваются подарками; подарокъ жениха бываетъ всегда болѣе цѣнный, чѣмъ подарокъ невѣсты; онъ служитъ какъ бы залогомъ вѣрности со стороны перваго. Родители при этого рода бракахъ сначала, какъ вездѣ водится, нападаютъ на своихъ дѣтей съ сильными упреками и угрозой донести на нихъ высшему начальству, но въ концѣ концовъ они примиряются съ ними и вступаютъ въ такой тѣсный родственный союзъ, какъ будто бы дѣти ихъ вступали въ бракъ съ полнаго ихъ согласія. Впрочемъ, это бываетъ только тогда, когда невѣста или женихъ оправдываютъ болѣе или менѣе желанія родителей, именно оказываются трудолюбивы и послушны; въ противномъ же случаѣ, родители живутъ съ ними въ отчужденіи и лишаютъ ихъ даже наслѣдства, хотя безъ вмѣшательства власти. Молодые въ этомъ случаѣ изгоняются изъ дома и принуждены бываютъ жить отдѣльно.

Случаи, когда бы бракъ заключался противъ воли жениха и невѣсты, по насильственному принужденію родителей, очень рѣдки. Въ этихъ случаяхъ какъ бываетъ вездѣ, брачущіеся, боясь навлечь на себя гнѣвъ и нерасположеніе родителей, скрываютъ такое принужденіе отъ священника. Такіе браки обыкновенно бываютъ несчастливы и ведутъ за собою разореніе семейства, такъ какъ порождаютъ небрежное исполненіе хозяйственныхъ обязанностей мотовство и волокитство, а также частыя ссоры, брань и даже драки. Вслѣдствіе всего этого вся семья, терпитъ матеріальные убытки и бываетъ театромъ многихъ скандальныхъ сценъ. Развязкой такихъ браковъ бываетъ обыкновенно разводъ, совершающійся по обоюдному согласію супруговъ и по приговору, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, родителей или родственниковъ; совершающіе разводъ су-

*

други расходятся въ разныя стороны въ качествѣ искателей работы. Таковы въ большинствѣ случаевъ послѣдствія принужденнаго брака. Что же касается меньшинства случаевъ, меньшинства самаго незначительнаго, именно когда соединяются другъ съ другомъ особенно мягкія и добродушныя натуры, которыя наконецъ свыкаются и живутъ мирно и согласно, то это—счастливыя исключенія.

Если починъ въ дѣлѣ вступленія въ бракъ принадлежитъ молодому человѣку, то онъ, прежде всего, обращается къ той дѣвицѣ, на которую палъ его выборъ, и самъ лично или черезъ довѣренное лицо подговариваетъ ее сдѣлаться его женою. Если получитъ рѣшительный отказъ, то обращается съ предложеніемъ къ другой. Когда же дѣвица изъявитъ согласіе на его предложеніе, то иногда онъ беретъ отъ нея, какъ залогъ, платокъ или какую-нибудь другую вещь, и тогда только сообщаетъ своимъ родителямъ, что онъ намѣренъ жениться. Избравъ для этого удобный случай, онъ падаетъ имъ въ ноги и проситъ благословенія, приговаривая: „Благослови, батюшка, благослови, матушка, жениться“. Но недостаточно еще испросить согласія у родителей; необходимо также обратиться за нимъ и къ другимъ членамъ семьи, какъ-то: братьямъ, сестрамъ, и ко всѣмъ, живущимъ въ домѣ. Форма обращенія та же самая; кланяется въ ноги, приговаривая: „Благослови (такой-то) жениться“. Такимъ же образомъ женихъ испрашиваетъ благословенія священника, къ которому является тогда, когда получитъ согласіе и благословеніе всѣхъ вышеупомянутыхъ лицъ, и непремѣнно съ какимъ-нибудь подаркомъ.

Свадебъ безъ согласія и благословенія родителей нынѣ совершается меньше; прежде, какъ помнятъ старики, часто воровали и увозили невѣстъ. Причиной убѣга и увоза невѣстъ служитъ чаще всего неравенство состояній жениха и невѣсты. Если молодые люди нравятся другъ другу, но невѣста богата, а женихъ бѣденъ, то родители ея обыкновенно противятся браку, и тогда невѣста уходитъ тайно къ жениху. Черезъ нѣсколько времени они вмѣстѣ являются къ родителямъ, которымъ заявляютъ, что ихъ теперь уже поздно разлучать, просятъ прощенія. Иногда родители прощаютъ; въ такомъ случаѣ, послѣ примиренія, празднуется свадьба, и невѣстѣ отдается ея приданое. Но иногда родители не отдаютъ

приданого, говоря: „Съ чѣмъ ушла, съ тѣмъ и живи“. Случается, что родители сами устраиваютъ такіе убѣги своихъ дочерей. Если отецъ скупъ, то для избѣжанія свадебныхъ расходовъ, нарочно не отдаетъ свою дочь, когда женихъ сильно ея домогается, затѣмъ, чтобы тотъ увезъ невѣсту.

Изъ вышеописаннаго обряда выпрашиванія женихомъ благословенія, можно видѣть, что родственники у Кореловъ имѣютъ довольно важное значеніе. Они принимаютъ также дѣятельное участіе во всемъ дальнѣйшемъ ходѣ свадьбы. Получивъ согласіе на женидьбу, женихъ выбираетъ изъ своихъ ближайшихъ родственниковъ сватовъ, которыхъ бываетъ отъ трехъ до пяти и болѣе. Въ тѣхъ мѣстахъ Корелiи, гдѣ обычаи еще мало измѣнились отъ вліянія русскаго элемента, сваты, идя въ домъ невѣсты, заряжаютъ пистолетъ или винтовку однимъ порохомъ, и подойдя къ дому, стрѣляютъ, чтобы дать знать о своемъ прибытіи. Зашедъ въ избу, они останавливаются по срединѣ, не переходя за черту воронца. Когда хозяева предложатъ имъ садиться, они отвѣчаютъ: „Мы пришли не для того, чтобы сидѣть, а за невѣстой, которая нужна нашему жениху“. На это родители невѣсты отвѣчаютъ: „Наша дочь не богата и приданаго не запасла“, на что̀ сваты возражаютъ, что имъ нужно не богатство, а человѣкъ.

Если родители не желаютъ отдать свою дочь замужъ, то предлагаютъ сватамъ закусить: подаютъ обыкновенно хлѣбъ и масло, а въ поморской Корелiи варятъ кашу. Если же родителямъ нравится женихъ и они склоняются на его сторону, то просятъ сватовъ дать имъ нѣсколько времени, чтобы посовѣтоваться объ этомъ дѣлѣ съ родственниками.

Затѣмъ созываются родственники на совѣтъ; на этомъ родственномъ совѣтѣ рѣшается вопросъ о томъ, слѣдуетъ ли выдать дѣвушку за извѣстнаго жениха. Родственные и семейные совѣты здѣсь вообще имѣютъ большое значеніе, сдѣлать что-нибудь важное безъ вѣдома близкихъ родственниковъ, а тѣмъ болѣе своей семьи, считается противообычнымъ, и такіе случаи сопровождаются большими непріятностями. Тутъ же спрашивается согласіе у невѣсты: согласіе свое невѣста выражаетъ тѣмъ, что отдается въ волю родителей, несогласіе же—тѣмъ, что падаетъ имъ въ ноги, прося подержать ее еще и покормить своимъ хлѣбомъ, какъ кор-

мили раньше (Юшкозеро). Въ отдаленныхъ отъ Поморья мѣстахъ невѣста изъявляетъ свое согласіе тѣмъ, что падаетъ родителямъ въ ноги и говоритъ: „Однажды счастье испытать“ (Ухта).

Спустя нѣсколько времени, сваты являются за окончательнымъ отвѣтомъ къ родителямъ и спрашиваютъ ихъ, какъ они обдумали свое дѣло.

Такъ какъ совѣтъ рѣшаетъ большею частію въ пользу жениха, то отвѣтъ бываетъ чаще благопріятный. Въ такомъ случаѣ, на вопросъ сватовъ родители отвѣчаютъ: „Садитесь, тогда и потолкуемъ“. Сваты садятся въ передній уголъ, а отецъ невѣсты ставитъ къ иконѣ зажженную восковую свѣчу и приглашаетъ всѣхъ присутствующихъ садиться по мѣстамъ.

Когда посидятъ такимъ образомъ, безмолвно, съ минуту, отецъ невѣсты со словами: „благослови, Господи“ встаетъ на ноги, а за нимъ встаютъ всѣ присутствующіе и молятся Богу. Помолившись, отецъ невѣсты захватываетъ рукою полу своего кафтана и подаетъ ее отцу жениха со словами: „Господи благослови, въ добрый часъ“. Отецъ жениха подаетъ ему руку такимъ же образомъ и съ такими словами. Въ другихъ мѣстахъ, гдѣ національные обычаи сохранились въ большей чистотѣ, приговариваютъ при рукобитьѣ: „Если кто нарушитъ это наше дѣло, съ того взыскать сто рублей штрафу“ (Ухта). Изъ этихъ словъ видно, что рукобитьемъ окончательно закрѣпляется свадебный договоръ, такъ какъ нарушеніе его съ этихъ поръ влечетъ уже наказаніе. Затѣмъ слѣдуетъ угощеніе сватовъ, а невѣста причитаетъ родителямъ, упрекая ихъ за то, что рано выдаютъ ее, и сватамъ, прося ихъ быть къ ней хорошо расположенными и учить ее уму-разуму.

Когда сваты напьются чаю или закусятъ чего-нибудь, то отправляются къ жениху, приглашая къ нему и родственниковъ невѣсты, а сама невѣста идетъ въ гости къ кому-нибудь изъ ближайшихъ родственниковъ.

Спустя часъ по уходѣ сватовъ, родственники невѣсты (разумѣется, если дѣло идетъ о богатой свадьбѣ) отправляются къ жениху на *винопитье*. На этомъ винопитьѣ женихъ знакомится съ роднею невѣсты и угощаетъ ее чаемъ, водкою и закускою; тутъ же назначается и время смотрѣнія. (Юшкозеро).

Обычай винопитья, очевидно, образовался подъ вліяніемъ анало-

гичнаго съ нимъ русскаго обряда пропоя невѣсты; онъ не повсемѣстный въ Кореліи. Тамъ, гдѣ его нѣтъ, на другой день заключенія свадебнаго договора мать или сестра жениха идетъ къ невѣстѣ съ подарками, обыкновенно пряниками (Ухта).

Послѣ винопитья невѣста ходитъ съ плачеей и подругами по домамъ родственниковъ и близкихъ знакомыхъ. Подойдя къ дому, плачея начинаетъ причитать на-распѣвъ: „Вы примите меня въ послѣдній разъ, вы примите меня по-прежнему; не прогнѣвайтесь на меня за то, что пришла не одна, а съ подругами“. Подруги и невѣста вторятъ ей; послѣдняя, подпершись щеку рукой, кланяется при этомъ до земли. На встрѣчу невѣстѣ выходитъ кто-либо изъ старшихъ членовъ семьи.

Если выходитъ мужчина, то беретъ невѣсту за руку и приглашаетъ все общество зайдти въ избу; если же выходитъ женщина, то начинаетъ, въ голосъ плачеи, причитать: „Ты зайди къ намъ по прежнему, ты веди къ намъ подружекъ своихъ“. Потомъ беретъ невѣсту за руку и ведетъ въ избу, а за невѣстою слѣдуютъ всѣ ея спутницы. Зайдя въ избу, невѣста молится Богу и затѣмъ падаетъ въ ноги старшему члену семейства и обнимаетъ его, благодаря за прежнюю ласку и упрашивая быть къ ней ласковымъ и впередъ. Также обращается невѣста и къ прочимъ членамъ семейства, а тѣ уговариваютъ ее быть къ нимъ привѣтливою и на будущее время и навѣщать ихъ попрежнему. Когда вся эта церемонія кончится, то невѣсту и все ея общество угощаютъ пли чаемъ или какою-нибудь закускою и даютъ ей, кто что̀ можетъ: кусочекъ холста, ситцу или штофной матеріи, полотенце, рубашку, повойникъ или нѣсколько денегъ (Юшкозеро).

На винопитьѣ, какъ было выше сказано, назначается день смотринъ. Въ этотъ день родственникамъ жениха дается знать выстрѣлами изъ пистолета или винтовки, что время собираться къ жениху. Каждый изъ родственниковъ приноситъ хлѣбъ. Когда всѣ соберутся, женихъ падаетъ въ ноги родителямъ и старшимъ изъ родственниковъ и проситъ ихъ благословенія „идти искать счастья“. Тотъ, кому женихъ кланяется, поднимаетъ его съ полу со словами: „Богъ благословитъ“, а отецъ и мать благословляютъ его иконою и хлѣбомъ. Затѣмъ всѣ, исключая мать жениха, отправляются къ невѣстѣ на смотрѣнье (Юшкозеро). Всѣ сопровождающіе жениха

составляетъ свадебную артель. У невѣсты собираются также ея родственницы. Если артель жениха состоитъ изъ 10-ти человѣкъ, то артель невѣсты вдвое болѣе. Пріѣдя въ домъ, „тысяцкій спрашиваетъ: „Готовы ли вы на смотрѣнье?“ Со стороны невѣсты отвѣчаютъ: „Мы готовы“ (Ухта). Невѣста въ это время сидитъ за занавѣской въ печномъ углу, а бабка, которая принимала невѣсту при рожденіи, подходитъ къ занавѣскѣ и держится за нее или колотитъ въ стѣну ключемъ, приговаривая, что невѣсту нельзя открыть безъ выкупа. *Подвашка* (знахарь, безъ котораго не обходится свадьба), или тысяцкій, замѣняющій его, подаетъ бабкѣ нѣсколько денегъ, послѣ чего та и открываетъ занавѣсъ. Присутствующія женщины кланяются мужчинамъ и получаютъ отъ нихъ по копѣйкѣ, а тѣ четверо, которыя держатъ косу невѣсты, по четыре копѣйки (Ухта). Сватья подводитъ невѣсту къ столу. Тутъ невѣста начинаетъ потчивать гостей виномъ, а въ заключеніе подаетъ одну рюмку жениху, другую беретъ сама, но вина они не пьютъ, а выливаютъ подъ столъ (Юшкозеро).

Затѣмъ, дѣлается съ обѣихъ сторонъ обмѣнъ подарковъ. Женихъ даритъ невѣстѣ кусокъ кумачу или ситцу, штофа на сарафанъ, башмаки, пряники, зеркало, гребень и кусокъ мыла. Невѣста даритъ жениху въ обмѣнъ рубашку. Послѣ того невѣста, съ причитаніями, опять отправляется въ печной уголъ. Здѣсь она съ матерью и родственницами разбираетъ подарки, приготовленные роднымъ жениха, назначая, кому что слѣдуетъ, и отсылаетъ ихъ со сватьей къ столамъ, гдѣ сидятъ гости. Подвашка беретъ каждый подарокъ на свой хлыстикъ (орудіе подвашки, которымъ онъ отгоняетъ порчу и впослѣдствіи ударяетъ нѣсколько разъ невѣсту, чтобъ она была покорна своему будущему мужу) и передаетъ, кому слѣдуетъ. Когда всѣхъ обдарятъ, невѣста обходитъ вокругъ столовъ и обнимаетъ съ причитаніями каждаго изъ сидящихъ, кромѣ жениха. Въ это время женихъ кладетъ на подносъ деньги и приглашаетъ отца невѣсты получить плату за то, что поилъ и кормилъ свою дочь. Лишь только отецъ начнетъ считать деньги, какъ невѣста подходитъ къ нему, обхватываетъ его за шею и причитаетъ: „Ты немного бери, батюшка, ты оставь намъ чѣмъ бы отсюда выѣхать, ты оставь намъ на разживу, либо въ голодный годъ хлѣба купить, либо въ Финляндію торговать идти“. Пла-

та за невѣсту соображается со стоимостью подарковъ, требуемыхъ родней жениха, но всегда бываетъ значительно ниже; такъ напримѣръ, если подарковъ жениховой роднѣ дѣлается на 50 руб. (разумѣется, у богатыхъ), то отъ жениха берутъ 15 или 20 р. Когда отецъ невѣсты возьметъ деньги, подвашка выводитъ жениха и невѣсту въ клѣть, гдѣ, поставивъ рядомъ, очерчиваетъ ихъ топоромъ или косой съ заговоромъ, чтобы не пристала къ нимъ порча и чтобы жили между собою въ согласіи, а затѣмъ приводитъ опять въ избу. Потомъ слѣдуетъ угощеніе родственниковъ жениха и тѣмъ заканчивается смотрѣнье (Юшкозеро). Впрочемъ, не вездѣ обряды, сопровождающіе смотрѣнье, одинаковы. Въ другихъ мѣстахъ Корелін, послѣ обмѣна подарковъ, когда невѣста идетъ въ печной уголъ, женихъ съ артелью, посидѣвъ немного, выходятъ въ сѣни, гдѣ тысяцкій спрашиваетъ у жениха: „Берешь ли ты ее?“ Тотъ отвѣчаетъ: „Я беру ее“. Тогда тысяцкій идетъ въ избу и говоритъ: „Наше дѣло какъ бѣлка по дереву, вверхъ подымается“. На это отецъ невѣсты отвѣчаетъ: „Также и у насъ, какъ бѣлка, подымается“. Тогда всѣ снова возвращаются въ избу. Тысяцкій требуетъ столъ, скатерть, ложки, хлѣбъ и соль, застилаетъ столъ, кладетъ хлѣбъ невѣсты, а на него хлѣбъ жениха. Артель жениха садится за столъ, а невѣста начинаетъ причитать передъ каждою изъ присутствующихъ женщинъ, и ей даютъ денегъ, такъ что она набираетъ отъ 10 до 15 рублей. Закусивши, артель жениха уходитъ домой. Въ тотъ же день приходятъ звать въ гости къ жениху невѣстину сторону и тамъ ее ждетъ угощеніе. Уходя изъ дома жениха, невѣстина сторона говоритъ: „Приходите взять невѣсту; мы за тѣмъ и были у васъ“. Женихъ съ артелью идетъ къ невѣстѣ и тамъ ихъ опять угощаютъ. Для невѣсты приносятъ ящикъ въ печной (такъ назыв. *бабій*) уголъ, садятъ ее на ящикъ и надѣваютъ повойникъ. Въ то время артель жениха выходитъ на улицу и тамъ ожидаетъ невѣсту, которую и выводитъ къ жениху крестный отецъ или дядя. Невѣста держится за одинъ конецъ платка, а другой тысяцкій подаетъ жениху со словами: „Мы отдаемъ дочь нашу (такую-то) за (такого-то)“. Сторона невѣсты приговариваетъ: „Птичка ваша, а перья (приданое) наши“. Тысяцкій съ водою, огнемъ и топоромъ обходитъ съ артелью вокругъ жениха и невѣсты, потомъ огонь погаситъ, воду выльетъ, а топоръ

перебросятъ чрезъ артель къ востоку. Затѣмъ уводятъ невѣсту въ домъ жениха, и они считаются уже супругами, хотя бы и не вѣнчались (Ухта).

У Кореловъ вѣнчанье не считается безусловно необходимымъ для заключенія брачнаго союза; достаточно соблюденія другихъ свадебныхъ обрядовъ. Часто вѣнчаются спустя нѣсколько времени послѣ свадьбы; такъ напримѣръ, женятся на Масляной, а вѣнчаются послѣ Пасхи. Иногда промежутокъ времени со дня вступленія жениха и невѣсты въ бракъ до обвѣнчанія ихъ равняется году, двумъ и тремъ. Раскольники, которыхъ много между Корелами, не вѣнчаются и вовсе, тѣмъ не менѣе, ихъ считаютъ заключившими брачный союзъ и дѣтей ихъ законными. Иногда случается и такъ, что дѣвушка живетъ съ однимъ нѣсколько лѣтъ, какъ съ мужемъ, а потомъ вѣнчается съ другимъ. Прежде чаще заключались браки такимъ образомъ; нынѣ они выводятся изъ обычая, такъ какъ преслѣдуются полиціей, которая заставляетъ вѣнчаться. Если церковный обрядъ совершается позже, то онъ не сопровождается никакими церемоніями. Находящіеся въ сожительствѣ вдвоемъ прикатываются къ священнику на лыжахъ (такъ какъ это самый употребительный способъ передвиженья) и просятъ ихъ повѣнчать. На мѣстѣ найдутъ какихъ-нибудь свидѣтелей, которые удостовѣряютъ, что они не состоятъ въ родствѣ, затѣмъ вѣнчаются и такимъ же образомъ отправляются обратно.

Если свадьба сопровождается церковнымъ обрядомъ, то въ назначенный для брака день бываютъ еще обыкновенія, называемыя *выводно* и *приводно*. *Выводно* состоитъ въ слѣдующемъ: женихъ отправляется за невѣстой такимъ же порядкомъ, какъ и на смотрѣнье. Родственники невѣсты выходятъ на встрѣчу и просятъ пожаловать въ избу; а невѣста сидитъ у открытаго окна и причитаетъ. Когда женихъ и его спутники зайдутъ въ избу, то останавливаются у столовъ, за которые ихъ не пускаютъ сѣсть, пока не выкупятъ мѣстъ. Выкупаютъ мѣста такъ: подвашка даетъ нѣсколько денегъ плачеѣ, которыя та относитъ невѣстѣ, и приказываетъ всѣмъ садиться по мѣстамъ. Когда родственники жениха начнутъ угощаться, невѣста съ подругами выходитъ на улицу „попрощаться съ улицей“. Дѣвицы, схватившись одна съ другою платками и окруживъ невѣсту, поютъ ей послѣднюю пѣсню; потомъ

невѣста захватывается за платокъ послѣдней дѣвушки, и всѣ идутъ такимъ образомъ въ избу, гдѣ обходятъ до трехъ разъ столы. При послѣднемъ обходѣ женихъ захватываетъ невѣсту, и посадивъ ее къ себѣ на колѣни, гладитъ сначала по головѣ, а потомъ пощипываетъ слегка за виски, что̀ служитъ символомъ его господства надъ нею и ея повиновенія. Послѣ этого невѣста сходитъ съ колѣнъ жениха и обращается съ причитаніемъ къ матери, жалуясь на то, что женихъ ее пристыдилъ, и прося ея защиты. Потомъ ее уводятъ, чтобъ одѣть къ вѣнчанью.

При вѣнчаньи около жениха стоитъ тысяцкій, крестный отецъ жениха, иначе *подвѣнечный* отецъ (вѣнци туато), а подлѣ невѣсты подвѣнечная мать (вѣнци муамо), иначе брюдга, которою бываетъ крестная мать или сестра.

По совершеніи таинства молодую наряжаютъ въ трапезѣ, т. е. заплетаютъ ей волосы въ двѣ косы, надѣваютъ повойникъ и закрываютъ лицо платкомъ. Затѣмъ слѣдуетъ такъ называемое *приводно̀*, т. е. обряды, сопровождающіе приведеніе новобрачной въ домъ ея мужа. Туда идутъ съ нею и ея родственники, для которыхъ приготовляется угощеніе. Новобрачныхъ встрѣчаютъ родители съ иконою, которою ихъ благословляютъ; потомъ новобрачный садится, а она все еще закрытая, должна нѣсколько времени стоять и кланяться. Когда кончится угощеніе, подвашка беретъ на ложку каши и подноситъ ее до трехъ разъ къ губамъ четы, а затѣмъ, помахавъ надъ ихъ головами хлыстомъ, снимаетъ имъ платокъ съ новобрачной и спрашиваетъ у присутствующихъ: „какова молодая“, на что̀ всѣ отвѣчаютъ одобрительными восклицаніями (Юшкозеро). Далѣе, тысяцкій или подвашка ведетъ новобрачныхъ въ клѣть спать. Тутъ новобрачная должна разстегивать своему супругу пуговицы, снимать поясъ и вообще раздѣвать его; снимая каждую вещь, она ему кланяется. Послѣ всего стаскиваются сапоги, которые она, по его приказанію, вытрясаетъ: изъ сапогъ падаютъ деньги, поступающія въ ея собственность.

Въ три первые дня послѣ брака родственники молодой приносятъ блины, за которые молодой даетъ въ два первые раза деньги, но въ третій уже не даетъ (Ухта).

Черезъ недѣлю послѣ свадьбы зовутъ молодыхъ къ тестю за полученіемъ приданаго. Приданое состоитъ въ коровѣ, чашкѣ,

ложкѣ, тарелкѣ, солонкѣ, женскихъ сорочкахъ, которыхъ у богатыхъ невѣстъ бываетъ до 100, сарафанахъ, платкахъ, шубахъ, кафтанахъ, разной обуви и рукавицахъ (Юшкозеро). Родственники молодаго, присутствующіе тутъ же, цѣнятъ приданое и молодой подаетъ на блюдѣ деньги тестю и тещѣ. Въ приморской Кореліи молодой за приданое платитъ по копѣйкѣ на каждый рубль оцѣночной суммы. Тесть и теща угощаютъ прибывшихъ обѣдомъ и поѣздъ, получивъ приданое, возвращается домой. Когда пріѣзжаютъ домой, то молодая раскладываетъ для показа на столъ свое приданое и кланяясь въ ноги свекрови, проситъ, чтобъ та выбрала для себя любую сорочку. Когда свекровь пересмотритъ приданое и выберетъ сорочку, молодая складываетъ его въ сундукъ, чѣмъ заканчивается свадьба (Юшкозеро).

Надо замѣтить, что свадебные обряды далеко не у всѣхъ Кореловъ примѣняются во всей ихъ полнотѣ. Такъ справлять свадьбу, какъ мы описали, могутъ только люди достаточные, которыхъ между Корелами очень мало. Большинство исполняетъ только то, что позволяютъ имъ ихъ скудныя средства. Разумѣется, людямъ, для которыхъ ржаной хлѣбъ безъ примѣси всякой дряни, есть непривычное лакомство, и которые на цѣлое семейство имѣютъ одинъ полушубокъ и одну шапку, нѣтъ возможности соблюдать всѣ вышеописанные обряды и устраивать свадебныя пиршества и угощенія.

Приданое, какъ было выше сказано, состоитъ изъ разныхъ необходимыхъ вещей, какъ-то: платья, обуви и т. п., въ иныхъ мѣстахъ, какъ въ Юшкозерѣ, прибавляютъ къ этому корову, а иногда деньги, какъ это будетъ видно изъ одного рѣшенія волостнаго суда, само собою разумѣется, что, при бѣдности Кореловъ, такое приданое могутъ давать только немногіе болѣе зажиточные.

Приданое, по смерти жены, остается у мужа только въ такомъ случаѣ, если остались дочери; если же жена умретъ бездѣтною, или у нее останутся только сыновья, то приданое возвращается ея роднымъ—матери и сестрамъ. Впрочемъ, иногда оставляютъ мужу какую-нибудь вещь изъ имущества жены. Такъ, по одному рѣшенію Юшкозерскаго волостнаго суда, приданое, по смерти жены, возвращается ея матери, и мужу оставленъ только одинъ шелковый платокъ.

Если въ приданое даны деньги, то и они возвращаются тому, кто ихъ далъ, обыкновенно отцу жены. Вотъ рѣшеніе Ухтинскаго волостнаго суда о приданомъ. Крестьянинъ деревни Ухты Евсей Ѳедоровъ Аѳанасьевъ жалуется на то, что дочь его, бывшая замужемъ, отдала принадлежавшія ему деньги 17 р. мужу, крестьянину той же деревни Тихонову, на необходимыя надобности. Тихоновъ признался, что онъ дѣйствительно взялъ 14 р., на которые купилъ женѣ серебряную цѣпочку за 4 р. и двои серьги за 3 р., а остальные 7 р. роздалъ на поминъ души покойной. Серьги и цѣпь Евсей уже отобралъ, чему и представляется свидѣтель. Волостной судъ рѣшилъ освободить Тиханова отъ взысканія.

Корелы живутъ обыкновенно большими семьями, которыя состоятъ не только изъ родителей и дѣтей, но часто также и изъ дядей и племянниковъ. Женщина у Кореловъ, вступая въ брачный союзъ съ мужчиною, становится лицомъ, вполнѣ зависящимъ отъ воли своего мужа. Мужъ по отношенію къ ней имѣетъ всегда болѣе вліянія, нежели его родители. Онъ надъ своею женой полный хозяинъ. Когда онъ умираетъ, главное вліяніе надъ нею остается по праву на сторонѣ родителей мужа.

2. Юридическія отношенія членовъ семьи вообще.

Отецъ въ корельскомъ семействѣ тотъ же полновластный распорядитель всего, тотъ же неограниченно самодержавный правитель всѣмъ, какъ и въ семьяхъ русскихъ крестьянъ. Отецъ, будучи главой семейства, можетъ распоряжаться, какъ общимъ семейнымъ имуществомъ, такъ и заработками своихъ не отдѣленныхъ дѣтей; напримѣръ, если тѣ отходятъ на морскіе промыслы, то деньги по возвращеніи отдаютъ родителямъ.

У Кореловъ бываютъ случаи, что отцы, при отдѣленіи сыновей, лишаютъ ихъ части въ имуществѣ. Если сыновья обращаются къ волостному суду, то судъ возстановляетъ ихъ права, когда найдетъ, что отецъ лишилъ сына доли несправедливо.

Власть и права отца, послѣ его смерти, переходятъ къ старшему его сыну, или если онъ имѣетъ братьевъ въ одномъ хозяйствѣ, то къ старшему послѣ него брату, т. е. къ дядѣ его сыновей. Этотъ большакъ дѣлается главою семейства и распорядителемъ общаго семейнаго имущества. Но немъ лежитъ обязанность

платежа семейныхъ долговъ (рѣшеніе Тунгудскаго вол. суда 30-го іюля 1867 г.), онъ также подвергается большей отвѣтственности за проступки, совершенные всей семьей (рѣшеніе того же суда 19-го февраля 1868 г.).

Впрочемъ, преимущество возраста не всегда даетъ право на старшинство; если младшій членъ семьи (напримѣръ, младшій братъ) окажется расторопнѣе и наживаетъ болѣе, то онъ дѣлается хозяиномъ въ домѣ.

Покуда братья живутъ вмѣстѣ, всѣ ихъ заработки поступаютъ въ общую собственность, какъ то ясно видно изъ одного рѣшенія, которое мы приведемъ ниже.

Мать семейства послѣ отца второе лице въ цѣлой семьѣ, но только по отношенію къ своимъ дѣтямъ. Другіе члены семьи, какъ напримѣръ, братья главы семьи, считаются равными ей. А когда умираетъ отецъ семейства, то мать по отношенію къ своимъ дѣтямъ заступаетъ его мѣсто; она дѣлается полною распорядительницей всего. Иногда, являясь главою семейства, мать даже подвергается отвѣтственности за проступки семейныхъ; такъ, по рѣшенію Тунгудскаго волостнаго суда 19-го февраля 1868 года, за проступокъ сына мать наказывается вмѣстѣ съ нимъ.

Если дяди живутъ съ племянниками, то имѣютъ не только общій съ ними столъ, но и все хозяйство: общій скотъ, вмѣстѣ обработываютъ землю и т. п. (рѣшеніе Юшкозерскаго волости. суда 28-го августа 1867 г.).

Престарѣлые родители, которые не могутъ доставать себѣ пропитаніе, имѣютъ право требовать отъ дѣтей хлѣба и одежды. Но такъ какъ Корелы часто нуждаются въ хлѣбѣ, вслѣдствіе постоянныхъ его неурожаевъ, и вообще очень бѣдны, то эта обязанность часто становится въ тягость сыновьямъ. Оттого волостнымъ судамъ приводится нерѣдко разбирать жалобы родителей на сыновей, отказывающихъ имъ въ содержаніи. Волостные суды всегда рѣшаютъ такія дѣла въ пользу родителей. Иногда сыновья выдаютъ содержаніе деньгами, иногда хлѣбомъ и одеждой.

Если есть нѣсколько братьевъ, то обязанность содержать родителей распредѣляется между ними; случается, кормитъ и одинъ, но за то беретъ большую часть при раздѣлѣ. Владѣя отцовскимъ имуществомъ, сыновья обязываются также взносить за отца подати.

Размѣры средствъ, предоставляемыхъ сыновьями отцамъ, а также отчасти взаимныя отношенія между родителями и дѣтьми видны изъ рѣшеній волостныхъ судовъ. Такъ, по рѣшенію Устинской волости 26-го марта 1867 г., крестьянинъ жалуется на отца, что тотъ „отдѣлилъ его отъ общаго жительства съ братомъ его и лишилъ наслѣдства, какъ недвижимаго, такъ и движимаго имущества“. Судъ рѣшилъ удовлетворить просителя надлежащею частью съ тѣмъ, чтобы прокармливать отца половинною частью и взносить за него подати.

Когда родители требуютъ отъ дѣтей содержанія, то размѣры его опредѣляются рѣшеніями волостныхъ судовъ различно. Такъ, по рѣшенію Тунгудскаго волостнаго суда 30-го апрѣля 1867 г., сынъ просто обязывается давать родителямъ необходимое имъ прокормленіе, бѣлье и одежду. По рѣшенію Юшкозерскаго волостнаго суда 11-го октября 1866 г. сынъ долженъ выдавать содержаніе родителямъ деньгами, въ размѣрѣ 16 руб. въ годъ. Тотъ же судъ, рѣшеніемъ 27-го марта 1869 г., опредѣлилъ, что два сына должны раздѣлить между собою заботы о содержаніи отца слѣдующимъ образомъ: старшій долженъ кормить отца четыре мѣсяца, обувать и одѣвать, младшій обязанъ давать отцу ежегодно по 8 пудъ хлѣба. Тунгудскій волостной судъ 19-го февраля 1868 г. рѣшилъ: такъ какъ дѣйствительная и законная обязанность дѣтей продовольствовать родителей хлѣбомъ и одеждою, то взыскать съ сына въ пользу отца 5 пудъ хлѣба до новаго урожая. Тотъ же судъ рѣшеніемъ 2-го апрѣля постановилъ, что сынъ долженъ выдавать матери по пуду хлѣба въ мѣсяцъ, а рѣшеніемъ 13-го октября опредѣлилъ взыскивать съ пяти братьевъ по десяти пудъ въ пользу отца и матери.

Мужъ обязанъ содержать свою жену, и кажется, между Корелами, не смотря на ихъ крайнюю бѣдность, очень рѣдки нарушенія этой обязанности. Во всѣхъ рѣшеніяхъ за два-три года, какія у насъ находятся, есть только одна жалоба жены на мужа, поданная въ Тунгудскій волостной судъ 2-го апрѣля 1868 года. Да и изъ самаго рѣшенія видно, что, за рѣдкостью такихъ случаевъ, не выработалось у суда никакой нормы для удовлетворенія просителя, отчего судъ и ограничился въ рѣшеніи общими выраженіями. Вотъ это рѣшеніе: Крестьянская женка Марковой горы

Матрена Иванова Аѳанасьева жалуется на своего мужа не въ дачѣ ей съ малолѣтними дѣтьми хлѣба и одежды и проситъ понудить къ дачѣ ей продовольствія и одежды съ дѣтьми. Тунгудскій волостный судъ постановилъ: По его недоброжелательству и явнымъ доказательствамъ сосѣдей, отдать, какъ жену, такъ и дѣтей, со строгимъ внушеніемъ, подъ его надзоръ, а за его нерадѣніе арестовать на двои сутки для его образованія, чтобъ впредь не осмѣливался этого допускать.

Такъ какъ корельскія женщины вообще извѣстны цѣломудріемъ, то незаконнорожденныхъ дѣтей у нихъ мало. Однакожь у насъ есть одно рѣшеніе волостнаго суда по жалобѣ крестьянской дѣвицы на крестьянина, который прижилъ съ нею ребенка и потомъ прогналъ ее. Судъ опредѣлилъ, что отецъ долженъ выдавать матери вспомоществованіе на пропитаніе сына въ теченіи трехъ лѣтъ, въ размѣрѣ 12 руб. въ годъ (рѣшеніе Тунгудскаго суда 17-го августа 1868 г.).

У Кореловъ бываютъ также усыновленія. Право усыновленія принадлежитъ какъ лицамъ мужескаго пола, такъ и лицамъ женскаго пола. Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ, т. е. при усыновленіи и мужчиной и женщиной, отношенія между усыновителемъ и усыновленнымъ установляются обыкновенно точно такія же, какія бываютъ между родителями и родными дѣтьми.

Случается и такъ, что усыновленный дѣлаетъ съ усыновителемъ условіе, по которому обязуется давать тому содержаніе, самъ за то беретъ въ свое распоряженіе его хозяйство. Впрочемъ, усыновитель не теряетъ вполнѣ своихъ правъ настоящаго хозяина; такъ, если они сдѣлаютъ вмѣстѣ какое-нибудь приращеніе къ имуществу, то усыновитель не отстраняется отъ участія въ немъ (рѣшеніе Вокнаволоцкаго вол. суда 17-го ноября 1868 г.). Зять, принимаемый въ домъ, подходитъ подъ эти же правила.

При отцѣ отдѣленіе сыновей бываетъ рѣдко, и если сынъ отдѣляется, то отецъ надѣляетъ его по своимъ средствамъ, безобидно для другихъ. Иногда отецъ самъ производитъ раздѣлъ между своими сыновьями; въ такомъ случаѣ, онъ удерживаетъ часть имущества за собою и остается обыкновенно въ домѣ съ младшимъ сыномъ. При матери дѣти раздѣляются чаще. Причиной раздѣловъ служитъ часто тѣснота помѣщенія, а также семейныя

неудовольствія. Если братья, послѣ смерти родителей, не дѣлятся, а живутъ вмѣстѣ, то все, нажитое каждымъ изъ нихъ, поступаетъ въ общую семейную собственность и идетъ безразлично въ раздѣлъ. Приводимъ въ примѣръ рѣшеніе Тунгудскаго волостного суда 21-го января 1868 г. Крестьянинъ Тунгудской волости и деревни Кондратъ Прокофьевъ Турибаринъ объявляетъ жалобу на родного своего брата Ефима Турибарина въ самовольномъ раздѣлѣ и въ не дачѣ половины изъ добытаго имъ на морѣ въ лѣто 1867 года, а также въ захватѣ разнаго имѣнія, которое должно принадлежать въ общій раздѣлъ. По распросѣ Ефима оказалось, что сей послѣдній добытый имъ промыселъ на морѣ употребилъ въ общую пользу и на покупку разнаго платья, которое и представляетъ въ раздѣлъ. Вслѣдствіе того волостные судьи постановили: всѣ добычи, приносимыя просителемъ и отвѣтчикомъ, раздѣлить по равной части, такъ какъ тогда они жили еще вмѣстѣ, а нераздѣльному имуществу составить опись и раздѣлить пополамъ.

Само собою разумѣется, что раздѣлившіеся не имѣютъ права на то, что̀ пріобрѣтено послѣ раздѣла, хотя иногда и заявляются такого рода претензіи, какъ видно изъ слѣдующаго рѣшенія Тунгудскаго волостнаго суда 21-го апрѣля 1868 г. Крестьянинъ Тунгудской волости деревни Березнаволока, Филиппъ Сергѣевъ Сидоровъ жалуется на родного своего брата Леонтья Сидорова по раздѣлу, происшедшему ранѣе, въ не дачѣ на его часть *мѣстеннаго* (общаго) дома и части имущества и проситъ взыскать и тѣмъ его удовлетворить. На спросъ крестьянина Леонтья Сидорова оказалось, что при мѣстенной жизни изъ дома была выстроена только изба, и то еще не въ обдѣлкѣ, а другія строенія, какъ-то: связь, сарай и дворъ, выстроены послѣ раздѣла собственными трудами Леонтья, на что̀ проситель никакихъ справедливыхъ объясненій привесть не могъ. Вслѣдствіе того рѣшеніемъ волостнаго суда постановлено: какъ изъ разговоровъ подсудимыхъ лицъ видно, что произведенъ ими раздѣлъ добровольно, и обнаруживается, что по состоянію проситель оказывается въ видимости состоятельнѣе и богатѣе отвѣтчика, то и не слѣдуетъ удѣлять ему части мѣстеннаго имущества, а оставить, какъ домъ, а равно и имущество прежнему владѣльцу Леонтью Сидорову, а Филиппу, проживающему въ особомъ домѣ четыре года по самовольному отходу, отказать.

Хотя бы братья и не раздѣлились, но тотъ изъ нихъ, кто не живетъ при домѣ и находится долгое время въ отлучкѣ, теряетъ право на участіе въ имуществѣ. Такъ брату, бывшему въ отсутствіи 20 лѣтъ, рѣшеніемъ Тунгудскаго волостнаго суда отъ 29-го Сентября 1868 г., было отказано въ его требованіи части изъ имущества на томъ основаніи, что хозяйство было устроено его братомъ во время его отлучки, и слѣдовательно безъ его содѣйствія.

Такъ какъ у Кореловъ часто живутъ вмѣстѣ не только братья, но и дяди съ племянниками, то разумѣется, бываютъ и случаи раздѣла этихъ послѣднихъ между собою. На рѣшеніе Юшкозерскаго волостнаго суда (28-го августа 1867 г.) былъ представленъ споръ, возникшій при такомъ раздѣлѣ. Выписываемъ это рѣшеніе: Крестьянинъ Салосалмской деревни Василій Степановъ Фокинъ проситъ понудить дядю его роднаго Петра Михайлова Фокина къ выдачѣ ему остальной части движимаго имущества, неправильно захваченнаго имъ при учиненіи между ними раздѣла, а именно: 3 коровъ, 2 телятъ, 1 быка, 24 руб. за лошадь, 1 тулупа, овчиннаго одѣяла, 1 постели и изъ поставленнаго ими, по общему жительству, сѣна 2 частей, оставляя дядѣ 3 части, на сумму всего до 95 руб. Судъ нашелъ просьбу Василья Фокина уважительною, почему и постановилъ, что дядя его Петръ Фокинъ долженъ всѣ просимыя имъ вещи, деньги, скотъ и сѣно отдать просителю безпрекословно.

3. Опека и попечительство.

На счетъ опекъ и попечительствъ у Кореловъ мы можемъ сказать только слѣдующее: Если умираетъ отецъ семейства, то дѣти остаются большею частію подъ опекою матери и только въ рѣдкихъ случаяхъ, именно когда дѣти остаются очень малыми и безпомощными, переходятъ подъ опеку ближайшаго къ нимъ родственника, который въ такомъ случаѣ становится попечителемъ и для самой матери. Если остаются малолѣтнія дѣти круглыя сироты, то общество беретъ на себя уплату податей, а дѣтей отдаетъ на воспитаніе какому-нибудь родственнику, передавая ему право на пользованіе принадлежавшими ихъ родителямъ пахатными и сѣнокосными участками, для прокормленія малолѣтнихъ (приговоръ Погосскаго волостного схода 31-го декабря 1869 г.). Совершенно без-

пріютныя дѣти передаются въ домъ какого-либо болѣе или менѣе зажиточнаго домохозяина, гдѣ они должны бывають работать до зрѣлаго возраста безплатно, а потомъ имъ дается полная воля идти куда угодно; многіе безпріютные при этомъ усыновляются. Въ тѣхъ немногихъ случаяхъ, когда никто изъ членовъ извѣстной общины не соглашается опріютить оставшихся послѣ родителей безъ всякаго призрѣнія дѣтей, дѣти эти присуждаются міромъ на перемѣнное жительство у всѣхъ болѣе или менѣе зажиточныхъ домохозяевъ.

4. Способы пріобрѣтенія собственности.

Каждый Корелъ имѣетъ свое собственное клеймо, которымъ помѣчаетъ свое имущество, преимущественно скотъ—оленей и овецъ. Посредствомъ клеймъ отличаютъ ручныхъ оленей отъ дикихъ и узнаютъ о захватѣ домашнихъ оленей. Иногда по клеймамъ на шкурахъ, какъ видно изъ рѣшеній волостныхъ судовъ, хозяинъ открываетъ убійцу своего оленя. За неграмотностью Корелы употребляютъ свои клейма вмѣсто подписей подъ всѣми рѣшеніями, приговорами, сдѣлками и договорами. Эти клейма имѣютъ иногда очертаніе начальныхъ буквъ имени и фамиліи, но чаще совершенно произвольны. При раздѣленіи семьи члены ея усвоиваютъ себѣ клейма, имѣющія въ основаніи общее семейное клеймо, съ какимъ-нибудь незначительнымъ измѣненіемъ,

Завладѣніе. Предметами завладѣнія у Кореловъ бываютъ чаще всего сѣнокосные участки, потомъ пахатныя земли, рѣпища (земля, на которой сѣется рѣпа), рыболовныя мѣста въ рѣкахъ, сѣно и т. п. Завладѣніе происходитъ, вопервыхъ, вслѣдствіе задолжанія одного лица другому: тотъ, которому кто-либо оказывается должнымъ, завладѣваетъ собственностью послѣдняго, коль скоро тотъ не исполняетъ даннаго условія, заплатить взятое въ срокъ или оказывается несостоятельнымъ; вовторыхъ, при раздѣлѣ земель и вообще такихъ предметовъ, которыми пользовалось все общество. Какъ тутъ, такъ и тамъ, очевидно дѣйствуетъ право сильнаго, то-есть, кулаковъ и міроѣдовъ. При этомъ, конечно, возникаетъ со стороны обиженныхъ неудовольствіе, а вслѣдствіе того и споры. Дѣла рѣшаются иногда втихомолку, только между заинтере-

сованными въ нихъ лицами; но большею частью такая частная сдѣлка оказывается несостоятельною и безсильною для того, чтобы рѣшить дѣло для обѣихъ сторонъ болѣе или менѣе выгодно; поэтому, въ большинствѣ случаевъ споры, возникающіе вслѣдствіе завладѣнія, рѣшаются міромъ или волостнымъ судомъ, и тутъ они, конечно, рѣшаются чаще въ пользу міроѣдовъ и кулаковъ, чѣмъ въ пользу бѣдняковъ, по той простой причинѣ, что первые имѣютъ сильное вліяніе на ходъ общественныхъ дѣлъ.

Дареніе. Дарепія у Кореловъ бываютъ рѣдки и незначительны. Дарятъ, вопервыхъ, во время гостьбы, вовторыхъ, во время вечеринокъ, втретьихъ, въ случаѣ отъѣзда кого-нибудь на дальнее разстояніе и на долгое время, какъ напримѣръ, при отправкѣ въ рекруты, вчетвертыхъ, при неожиданныхъ встрѣчахъ и вообще при встрѣчахъ послѣ значительной разлуки, впятыхъ, при свадьбахъ. Дареніе во всѣхъ этихъ случаяхъ происходитъ почти всегда безъ всякихъ формальностей и церемоній (кромѣ свадебныхъ даровъ). Даръ, полученный какимъ бы то ни было лицомъ, дѣлается его исключительнымъ достояніемъ, кромѣ тѣхъ немногихъ случаевъ, когда онъ бываетъ значительно крупенъ: тогда онъ поступаетъ въ общее пользованіе той семьи, къ которой принадлежитъ получающее его лицо.

Кладъ и находка. Кладъ въ глазахъ Кореловъ представляется тѣмъ же, чѣмъ онъ бываетъ обыкновенно въ глазахъ всякаго русскаго крестьянина, то-есть, онъ для нихъ—чудесное явленіе, представляющееся въ самыхъ разнообразныхъ видахъ и доступное очень немногимъ людямъ, именно только людямъ знающимъ какъ подойти къ нему, то-есть, знахарямъ и колдунамъ, да еще невиннымъ дѣтямъ. Необходимѣйшимъ условіемъ для успѣшнаго открытія клада и завладѣнія имъ считается еще то обстоятельство, чтобъ онъ отыскивался однимъ лицомъ и былъ извѣстенъ только одному ему. Онъ можетъ объявить его и дѣлиться имъ съ кѣмъ захочетъ только въ послѣдствіи.

Находки въ большинствѣ случаевъ объявляются, хотя вознагражденіе получаютъ только лица, объявляющія какія-нибудь особенно важныя находки, и размѣръ его вообще не значителенъ: много много-десятая часть найденнаго. Если при находкѣ случаются другія лица, то изъ находки часть дается имъ, но всегда

весьма незначительная. Что же касается случаевъ, когда находка не объявляется, а утаивается тѣмъ лицомъ, которое ее находитъ, то это строго осуждается обычаемъ. Если находка значительная, то хозяинъ жалуется на нашедшаго и требуетъ возвращенія вещи. На то лицо, которое удерживаетъ найденную вещь, какова бы ни была ея цѣнность, начинаютъ смотрѣть, какъ на малонадежнаго члена общества и причисляютъ его нерѣдко къ разряду воровъ. Мы приведемъ одно интересное рѣшеніе волостнаго суда, въ которомъ судьи руководились мѣстными обычаями при опредѣленіи правъ участниковъ въ дѣлежѣ добычи: случай, который даетъ содержаніе этому рѣшенію, по формѣ не совсѣмъ подходитъ подъ понятіе находки, но по сущности своей можетъ быть совершенно подведенъ подъ него.

Крестьянинъ Лехтинской деревни Прокопій Ильинъ жаловался на односельца своего Наума Гридина за неотдѣленіе имъ половинной части оленя, промышленнаго ими вмѣстѣ на пути для отысканія лошадей, и просилъ приказать Науму Гридину выдать ему половину туши оленя или причитающееся количество денегъ, и чрезъ то сдѣлать ему удовлетвореніе. На спросъ крестьянинъ Наумъ Гридинъ объявилъ, что онъ дѣйствительно подстрѣлилъ оленя, будучи въ пути съ Ильинымъ; но Ильинъ, не участвовалъ въ добычѣ, не имѣя никакого оружія, и между ними не было сдѣлано никакого условія, кромѣ того, что Ильинъ, при отправкѣ Гридина для стрѣлянія, держалъ его лошадь; потому Гридинъ и не считалъ Ильина участникомъ въ подстрѣленномъ оленѣ. Крестьянинъ Ильинъ подтвердилъ, что у него дѣйствительно ружья не было, и онъ держалъ лошадь Гридина, которая люта пугать замѣченнаго оленя, а потому, на основаніи существующихъ обычаевъ, считаетъ себя въ пріобрѣтенномъ оленѣ участникомъ; условія же предварительнаго не было, такъ какъ никто не зналъ объ этой добычѣ. Руководствуясь данными показаніями крестьянъ Гридина и Ильина, волостной судъ постановилъ: на основаніи существующихъ у насъ на сей счетъ обычаевъ, Гридинъ долженъ отдать третью часть промышленнаго оленя Ильину, а самъ пользоваться, какъ стрѣлецъ, первыми двумя; а какъ Гридинъ присовокупилъ, что въ оленѣ была туша не болѣе 2½ пудъ, и что она уже употреблена, то приказать Гридину, въ замѣнъ удовлетворенія Ильина

мясомъ, удовлетворить деньгами, по произведенной судомъ оцѣнкѣ— 1 р. 80 к.—шестьюдесятью коп.) (рѣшеніе Тунгудскаго вол. суда 26-го августа 1867 г.).

Право наслѣдованія. Власть и право распоряженія всѣмъ послѣ смерти старшаго въ родѣ переходитъ къ старшему его брату. Если же семья состоитъ изъ отца и сыновей, и когда отецъ умираетъ, то право распоряженія имуществомъ переходитъ къ старшему сыну, если нѣтъ въ семьѣ такого члена, хотя бъ и изъ младшихъ, который выдавался бы своимъ умѣньемъ вести дѣла и наживалъ бы болѣе прочихъ. Часто случается также, что дѣти послѣ отца раздѣляются, и мать не мѣшаетъ раздѣлу, а тоже принимаетъ въ немъ участіе: она получаетъ на свою часть корову, одѣяло и нѣкоторыя вещи, также двѣ или три мѣры хлѣба.

Все имущество, оставшееся послѣ отца, дѣлится между сыновьями поровну. Если жь одинъ изъ нихъ беретъ на себя обязанность кормить мать, то получаетъ большую часть, какъ видно изъ рѣшенія Вычетайбольскаго волостнаго суда 26-го іюля 1868 г., по коему одинъ братъ получилъ, при раздѣлѣ дома и службъ, сѣни, скотный хлѣвъ и *ригачу* (гумно), а другой — только одну баню: первый взялъ на себя попеченіе о матери. Домъ иногда не дѣлятъ, а бросаютъ жребій, кому имъ владѣть; а иногда бываетъ и такъ, что не дѣля дома, отдаютъ его которому либо изъ братьевъ, большею частью старшему, съ тѣмъ, чтобъ онъ выплатилъ остальнымъ сумму, причитающуюся на ихъ долю. Случается, что при раздѣлѣ одинъ сынъ захватываетъ бо́льшую часть и оттого возникаютъ частыя жалобы, съ которыми обращаются въ волостной судъ; послѣдній и возстановляетъ права обиженныхъ. Вотъ образецъ такого дѣлежа между братьями (по рѣш. Тунгудскаго волост. суда 3-го марта 1868 г.): Крестьянинъ Тунгудской волости, деревни Маслозера, Діанъ Петровъ Егоровъ жаловался на родного своего брата Моисея Егорова въ самовольномъ раздѣлѣ и въ недачѣ на его часть причитающагося общаго имущества и просилъ по представленной, за подписомъ общества, описи взыскать выказанную въ описи часть, простирающуюся на сумму 76 р. 80 к. и по взысканіи удовлетворить его. Вслѣдствіе убѣжденія волостного суда братья Егоровы добровольно помирились на слѣдующихъ условіяхъ: Моисей вознаграждаетъ Діана нынѣ же наличными день-

гами 6-ю рублями, а изъ причитающейся части имущества—сельдяныя ловушки и половину невода, одно ружье, одинъ панковый кафтанъ и еще одинъ озерной неводъ пополамъ.

Изъ этого рѣшенія видно, что до раздѣла дѣлается опись имущества, составляемая въ присутствіи общества и закрѣпляемая его подписью. Эта опись и представляется въ судъ, какъ главное доказательство противъ несправедливости дѣлежа.

Сыновья, отдѣленные отъ семьи при жизни отца, не получаютъ участія въ наслѣдствѣ послѣ смерти его; имущество остается въ рукахъ однихъ не отдѣленныхъ. Сестра, при братьяхъ, имѣетъ право на нѣкоторую часть отцовскаго имущества, какъ то видно изъ рѣшенія Кестепскаго волостнаго суда 3-го января 1868 г. Этимъ рѣшеніемъ судъ приговариваетъ братьевъ къ уплатѣ сестрѣ причитающейся ей части изъ наслѣдства; но какъ велика ея часть сравнительно съ частями братьевъ—не видно изъ рѣшенія. Мы знаемъ однако, что права сестры на наслѣдство меньше правъ ея братьевъ: такъ, она не имѣетъ права на участіе въ дѣлежѣ отцовскаго дома.

Если нѣтъ сыновей, то отцовское имущество наслѣдуется дочерьми, помимо дядей или какихъ-либо другихъ родственниковъ. Сестра является иногда наслѣдницею послѣ брата. Въ рѣшеніи Тунгудскаго волостнаго суда 2-го іюля 1867 г. представляется слѣдующій случай.. Одинъ изъ двухъ братьевъ, подѣлившихъ между собою отцовскій домъ, умеръ, и сестра получила часть дома, принадлежавшую брату, принявъ обязательство уплатить его долги. Подобный случай находимъ въ другомъ рѣшеніи (Маслозерскаго волостнаго суда 15-го февраля 1869 г.), которое приводимъ, какъ не лишенное интереса: Крестьянская жена Подужемской деревни Иринья Степанова Артемьева просила объ удовлетвореніи ея имуществомъ, оставшимся отъ роднаго ея брата, умершаго крестьянина Лежевской деревни, Дмитрія Костина; при смерти брата она не была еще за мужемъ и жила въ домѣ брата своего. Волостной судъ счелъ просьбу Артемьевой справедливою, потому что братъ ея Дмитрій Костинъ, нынѣ уже умершій, при смерти оставилъ ей свою часть изъ имущества, скота и изъ наличныхъ денегъ, а другую половину сиротамъ-племянникамъ и вдовицѣ. Денегъ въ ея части было 55 р. Рѣшено было: удовлетворить Артемьеву

слѣдующею ей частью изъ имущества и скота, изъ наличныхъ денегъ дать 30 р., а 25 р. оставить сиротамъ и на платежъ податей за умершую душу.

Вдова отдѣленнаго сына не возвращаетъ имѣнія свекру, слѣдовательно, сама наслѣдуетъ имущество послѣ своего мужа. Это бываетъ только тогда, когда она и ея умершій мужъ были повѣнчаны; въ противномъ же случаѣ имущество мужа отбирается его родными.

Молодая вдова не отдѣленнаго сына, бездѣтная, возвращается обыкновенно къ своимъ родителямъ. Если же она имѣетъ дѣтей, то получаетъ право на часть мужа изъ общаго семейнаго имущества, какъ то видно изъ большинства рѣшеній волостныхъ судовъ, возникавшихъ по дѣламъ этого рода. Впрочемъ, не всѣ суды рѣшаютъ такія дѣла одинаково: иные и отказываютъ вдовамъ въ полученіи наслѣдства послѣ мужей. Такъ, Костомушскій волостной судъ (26-го сентября 1868 г.) отказалъ вдовѣ въ жалобѣ на ея деверя, который не далъ слѣдующую ей съ ея двумя дѣтьми часть, хотя она и представляла свидѣтелей, при которыхъ онъ обѣщался это сдѣлать. Это рѣшеніе какъ бы отвергаетъ право жены на наслѣдство послѣ мужа; но за то въ большинствѣ другихъ случаевъ за вдовами вполнѣ признается право на часть ихъ мужей. Приведемъ одно, болѣе подробное, рѣшеніе, которое представляетъ образецъ рѣшеній этого рода: Староста Ювалакшскаго сельскаго общества Никифоръ Торвіевъ объявилъ, что при раздѣлѣ семейства и имущества крестьянина деревни Ювалакши Дмитрія Попова и умершаго его брата Ипата Попова, Дмитрій Поповъ не далъ вдовѣ умершаго Ипата Агафьѣ Семеновой Поповой изъ имущества и изъ капитала наличныхъ денегъ, коихъ было при раздѣлѣ 285 р., а нынѣ находится на лицо только одинъ куль муки и 10 четверковъ ячменя. А потому староста Торвіевъ просилъ передать эту жалобу на рѣшеніе волостнаго суда о взысканіи по закону съ Дмитрія Попова части изъ общаго имущества вдовѣ Агафьѣ Семеновой Поповой. Волостной судъ постановилъ: по переспросѣ на словахъ просительницу Агафью Семенову и отвѣтчика Дмитрія Попова, которые объявили волостному суду, что дѣло это кончили между собою примиреніемъ, такъ что первый, Дмитрій, обязался дать послѣдней, Семеновой, 4 пуда муки и 3 четверика ячменя, а

прочее имущество и капиталъ раздѣлить пополамъ, съ тѣмъ, чтобы теплые покои имѣла вдова, а не додѣланныя горницы надворотнія Дмитрію Попову (рѣшеніе Ухтинскаго волостнаго суда 22-го апрѣля 1868 г.).

Иногда вдова не отдѣляется отъ семейства покойнаго мужа; такъ, изъ рѣшенія Тунгудскаго волостнаго суда 13-го октября 1868 г. видно, что вдова живетъ съ своимъ сыномъ на хлѣбахъ, то-есть, на содержаніи своего деверя, который за то пользуется частью ея покойнаго мужа.

Если мужъ умираетъ и оставляетъ дѣтей отъ *втораго брака* и второбрачную жену бездѣтною, то послѣдняя должна обыкновенно уходить отъ пасынковъ: съ ними ей не житье. Мачиха не имѣетъ права пользоваться имуществомъ, оставшимся отъ первой жены ея мужа; впрочемъ, иногда она захватываетъ это имущество, но судъ возстановляетъ права настоящихъ наслѣдниковъ, т. е. ея пасынковъ (рѣш. Маслозерскаго волостнаго суда 9-го февраля 1867 г.).

Если отъ перваго брака остаются дочери, то онѣ имѣютъ одинаковое право съ мачихой и ея дочерьми на пользованіе отцовскимъ наслѣдствомъ. Приводимъ рѣшеніе Ухтинскаго вол. суда 11-го августа 1868 г. по этому поводу: Крестьянинъ деревни Ухты Петръ Васильевъ Кеккіевъ жаловался на то, что поле пахотное его родного брата Макара Васильева Кеккіева было засѣяно въ 1868 г. рожью, одною мѣрою, крестьяниномъ Семеномъ Грангрутовымъ, который хотѣлъ воспользоваться всѣмъ урожаемъ и лишить части даже малолѣтнюю дѣвушку Макара Кеккіева; потому Петръ просилъ вознаградить пособіемъ для пропитанія малолѣтнюю дѣвушку частью изъ урожая хлѣба отъ Грангрутова. Волостной судъ, по выслушаніи просителя и отвѣтчика, изъ собранныхъ свѣдѣній нашелъ, что жалоба крестьянина Петра Кеккіева оказалась справедливою а потому приговорилъ: изъ засѣяннаго Грангрутовымъ поля получить ему изъ урожая половину хлѣба и соломы, *другую же половину* хлѣба и солому получить женѣ Макара Кеккіева, Маланьи Кеккіевой съ дочерьми отъ первой жены и мужа ея; она должна отдѣлить отъ части своей половину дочерямъ мужа ея, Еленѣ и Матренѣ Макаровымъ Кеккіевымъ.

Солдаты, возвращающіеся изъ службы, принимаются въ семью съ правомъ пользоваться землею и подавать голосъ на сходѣ. Если

случится, что братья дѣлятся, и у нихъ въ это время одинъ братъ оказывается въ военной службѣ, то сему послѣднему сберегается всегда причитающаяся ему часть изъ всего раздѣленнаго наслѣдства. Вообще отставные солдаты, ихъ жены и дѣти принимаютъ въ наслѣдствѣ такое же участіе, какъ и другіе члены семьи.

Если бы кто-либо изъ родителей, умирая, завѣщалъ все имущество только кому-нибудь одному изъ круга своей семьи или избранному меньшинству ея, или дальнему родственнику при ближайшихъ, то въ такомъ случаѣ его завѣщаніе не только оспаривается, но часто признается недѣйствительнымъ и не приводится въ исполненіе потому, что здѣсь имѣютъ силу только такія завѣщанія, по которымъ имущество распредѣляется между всѣми ближайшими наслѣдниками. Духовныя завѣщанія въ большинствѣ случаевъ выполняются строго. Они по большей части происходятъ на словахъ. Свидѣтелями при духовныхъ завѣщаніяхъ обыкновенно бываютъ лучшіе изъ обывателей той деревни, гдѣ живетъ завѣщатель, и только въ рѣдкихъ случаяхъ духовныя лица.

Приводимъ рѣшеніе волостнаго суда, касающееся этого предмета (рѣшеніе Маслозерскаго волостнаго суда 9-го января 1867 года): Крестьянская жена Подужемской деревни Настасья Павлова просила на крестьянина Клементья Мартынова о воспрещеніи его отъ притѣсненія ей, такъ какъ онъ самовольно рѣшился рубить и ломать домикъ ея, предоставленный ей вдовою Авдотьею Пулловой въ вѣчное владѣніе. По единогласному рѣшенію волостнаго суда присуждено, что просьба вдовы Павловой оказалась несправедливою, потому что умершая вдова Пуллова ей духовнаго завѣщанія на владѣніе домика никакого не оставила, и она никакого удостовѣренія на владѣніе не имѣетъ. А крестьянинъ Клементій Мартыновъ есть ближайшій родственникъ Пулловой и по приказанію волостнаго начальства постановилъ домовое мѣсто на линіи съ прочими домами, а потому и принужденъ былъ вырубить заднюю часть этого домика.

Договоры и сдѣлки. Хотя Корелы и не имѣютъ особаго пристрастія къ водкѣ, но тѣмъ не менѣе литки, вѣроятно, заимствованныя отъ Русскихъ, составляютъ необходимость при заключеніи покупокъ разныхъ вещей и скота и при совершеніи иныхъ сдѣлокъ. Какъ и Русскіе, Корелы, при заключеніи договоровъ, даютъ

задатокъ. Задаткомъ служатъ какъ деньги, такъ и вещи, сѣно и т. п. Такъ, при заключеніи одного обязательства вспахать землю, дано было въ задатокъ 50 к. и 1 возъ сѣна (рѣшеніе Тунгудскаго волостнаго суда 22-го января 1867 г.).

Поручители отвѣтствуютъ, при неисполненіи договора, своимъ имуществомъ; съ нихъ взыскиваютъ то, что̀ должно быть взыскано съ лица, за которое они поручились (рѣшеніе Кестенскаго волостнаго суда 27-го февраля 1867 г.).

У Кореловъ бываютъ также свидѣтели при заключеніи разныхъ сдѣлокъ. На необходимость ихъ во многихъ случаяхъ указываютъ рѣшенія волостныхъ судовъ.

При заключеніи сдѣлокъ употребляется рукобитье, которое состоитъ въ томъ, что договаривающіяся стороны подаютъ другъ другу руки, обернутыя полою кафтана. Послѣ рукобитья договоръ считается заключеннымъ. Такъ, при заключеніи свадебнаго договора, договаривающіяся стороны, подавая другъ другу руки, говорятъ: „Кто нарушитъ это наше дѣло, съ того взыскать сто рублей штрафу“. Дѣйствительно ли нарушеніе этого договора влечетъ денежное взысканіе съ нарушившаго, или эти слова—одна форма, лишившаяся уже содержанія, не извѣстно; въ рѣшеніяхъ волостныхъ судовъ, которыми мы располагаемъ, нѣтъ ни одного дѣла, возбужденнаго по такому поводу.

Если при продажѣ или обмѣнѣ сдѣланъ былъ обманъ, то какая сдѣлка, сколько можно судить по рѣшеніямъ волостныхъ судовъ, не считается обязательною для обманутой стороны. Такъ, въ одномъ случаѣ, крестьянка обмѣнялась съ крестьяниномъ лошадью, но его лошадь оказалась негодною. По требованію обманутой, онъ взялъ ея лошадь назадъ, только взыскалъ 1 р. 50 к. за прокормъ, но и эти деньги возвратилъ, по убѣжденію волостныхъ судей (рѣш. Ухтинскаго волост. суда 18-го апрѣля 1869 г.). Въ другомъ случаѣ крестьянка купила 215 шведскихъ юбокъ, но когда пересчитали ихъ, по совершеніи уже договора и отдачѣ денегъ, то оказалось что юбокъ было только 199; обманувшій долженъ былъ вознаградить обманутую, хотя и не всѣмъ количествомъ сполна. Приводимъ это рѣшеніе, характеризующее довѣрчивость и простоту Кореловъ при заключеніи торговыхъ сдѣлокъ: „Крестьянская вдова дер. Ювалакши Марья Васильева Митрофанова жалуется на то,

что въ бытность ея на Каянской ярмаркѣ въ февралѣ сего года она купила у крестьянина Прокопья Савельева Таликова, по сказанію его, 215 шведскихъ юбокъ, за которыя рядили по 1 р. за каждую, итого на 215 р. Эту сумму она и заплатила въ то же время сполна, но юбокъ она не сосчитала, а повѣрила на его совѣсть и положила юбки въ его амбаръ, гдѣ онѣ находились два дня или менѣе, она того не упомнитъ. Когда онъ запоходилъ (то-есть, собрался въ походъ или въ путь домой), то приказалъ ей убрать юбки изъ его амбара прочь, и онъ тамъ взялъ оныя юбки, связанныя въ кучи, и перенесъ въ ея амбаръ безъ всякаго съ ея стороны счета. По утру Митрофанова взяла и велѣла пересчитать юбки крестьянину дер. Алозера Ефрему Ефремову, а сама пошла въ домъ для разныхъ необходимыхъ дѣлъ. Ефремовъ началъ считать, и юбокъ оказалось 199 штукъ. Онѣ были еще вновь пересчитаны три раза при крестьянинѣ Иванѣ Петровѣ, женкѣ Ульянѣ Торвіевой, и по счетѣ имъ, Ефремовымъ, онъ ей забылъ сказать, сколько оказалось, а самъ поѣхалъ въ Финляндію, и ей спросить у Ефимова о томъ не случилось. Послѣ сего она взяла юбки, положила на воза и отправилась домой. По прибытіи, она сама начала пересчитывать, и по счетѣ оказалось юбокъ не 215, а 199 штукъ, при чемъ находились крестьяне Яковъ Васильевъ Андроновъ и Наумъ Ивановъ, и оставили такъ до прибытія Ефремова, который прибылъ изъ Финляндіи и тоже сказалъ, что дѣйствительно по его счету на Каянской ярмаркѣ оказалось не 215, а 199 юбокъ. Поэтому, значитъ, онъ, Таликовъ, сдѣлалъ противъ совѣсти своей обманъ, затаилъ 16 юбокъ, а деньги получилъ сполна 215 р. Митрофанова много разъ просила его, чтобъ онъ помирился, отдалъ бы 16 р. за недостающія юбки. Но онъ, Таликовъ, отвѣчалъ, что юбки у него были всѣ сполна, и отказывался отъ платежа денегъ 16 р., а только обѣщалъ отдать ей въ волостномъ правленіи 8 р. Она и проситъ волостной судъ взыскать съ него деньги 16 р. сполна и тѣмъ ее удовлетворить. Между тѣмъ былъ спрошенъ крестьянинъ Таликовъ, который и объяснилъ, что онъ, дѣйствительно, продалъ Митрофановой, по просьбѣ ея, 215 штукъ шведскихъ юбокъ за 215 р., которыя и получила сполна; юбки же пересчиталъ при ней и ихъ оказалось 215 штукъ. Хотя оныя были въ его амбарѣ, но ключъ

былъ у нея на рукахъ, и по прошествіи одной ночи, по утру онъ поѣхалъ домой и никуда юбокъ не переносилъ, а оставилъ въ ея амбарѣ, находящемся въ завѣдываніи. Юбокъ этихъ, по продажѣ ихъ и перечетѣ, онъ болѣе не трогалъ и не переносилъ никуда, а потомъ отправился домой. При счетѣ юбокъ свидѣтелей у него никого не было; юбки эти онъ купилъ у крестьянъ Вокнаволоцкой волости и деревни Власа Фомина 66 штукъ, Семена Григорьева 18, Константи на Мокѣева 24, и своихъ было 107 штукъ, а всего 215 штукъ. Поэтому и просптъ Таликовъ освободить его отъ взысканія. По переспросѣ на словахъ проспительница Митрофанова и крестьянинъ Тликовъ предъявили, что они дѣло относительно взысканія съ Таликова 16 р. кончили примиреніемъ между собою, такъ что Таликовъ обязался вдовѣ Митрофановой заплатить десять руб., а Митрофанова оставляетъ семь юбокъ, признанныхъ неполными, за Таликовымъ; и посему считать дѣло рѣшеннымъ".

Случаи мѣны у Кореловъ чаще всего бываютъ относительно домашнихъ животныхъ; касательно мѣны домашними животными приводимъ одно рѣшеніе Олангенскаго волостнаго суда: 1867 г. января 31-го волостной старшина передалъ на рѣшеніе суда письменное объявленіе крестьянина Кандалакшской волости Княже-губской дер. Василія Мокѣева, поданное на имя становаго пристава 3-го стана, въ коемъ онъ жалуется на кр. Олангской волости Варталамбской дер. Федора Архипова, будто бы послѣдній, лѣтъ шесть тому назадъ, взялъ у Мокѣева собаку, способную для лѣсной охоты, за которую, по обоюдному согласію, обѣщался дать осенью того же года, по выбору Мокѣева, лучшую *важеницу* (самку оленя), въ свидѣтели чего представляетъ 6 человѣкъ Княже-губскихъ крестьянъ и старшину Зайкова; послѣ того онъ нѣсколько разъ видѣлся съ Архиповымъ, который всякій разъ извиняля и обѣщался доставить ему важеницу и въ послѣдній разъ приносилъ извиненіе при старшинѣ Зайковѣ, но понынѣ не исполнилъ своего обѣщанія; а потому Мокѣевъ просплъ взыскать съ Архипова по совѣсти суда важеницу и за приплодъ въ теченіи 6 лѣтъ, въ которое время могъ бытъ расплодить до 14 телятъ, стоющихъ 60 руб. сер. Отвѣтчикъ Архиповъ, явясь въ судъ, на распросы судей объявилъ, что онъ дѣйствительно взялъ собаку съ тѣмъ самымъ усло-

віемъ, какъ и въ объявленіи означено; но какъ Мокѣевъ, еще прежде взятія собаки, взялъ у Архипова куль муки и до настоящаго времени не заплатилъ, поэтому и Архиповъ не исполнилъ своего обѣщанія, а кромѣ того Мокѣевъ, признавая самъ себя должнымъ, не приходилъ и за важеницею, которую хотѣлъ самъ выбрать, но что, будто бы, при неоднократной встрѣчѣ съ нимъ Архиповымъ просилъ прислать важеницу и въ томъ поставляетъ свидѣтелемъ старшину Зайкова, несправедливо. Старшина, на предложеніе суда, подтвердилъ показаніе Архипова, что хотя при немъ былъ разговоръ у Мокѣева съ Архиповымъ, по Архиповъ сказалъ: „принеси за куль деньги и приходи, выбирай важеницу, а собака уже давно пропала, въ тотъ годъ, какъ взялъ“; а потому Олангскій волостной судъ нашелъ просьбу Мокѣева вымышленною и какъ ни съ той, ни съ другой стороны нѣтъ вѣрныхъ фактовъ, опредѣлилъ: дѣло это оставить безъ послѣдствій, предоставя самимъ тяжущимся разобраться между собою: одному отдать за куль муки, а другому—важеницу.

Когда нанимаютъ какое-нибудь лице для отправленія той или другой работы, то выдаваемые при этомъ задатки служатъ для выраженія вѣрности со стороны нанимателя, а иногда и нанимающагося. Если они даются первымъ послѣднему, то состоятъ почти всегда изъ денегъ или съѣстныхъ припасовъ, а когда даются послѣднимъ первому, въ такомъ случаѣ состоятъ изъ мелкихъ вещей, напримѣръ, рукавицъ, платковъ и т. п. Плата работнику дается и деньгами, и разными предметами первой необходимости. Въ Кестенгской волости плата за различныя работы существуетъ слѣдующая: за день косцу отъ 25 до 45 коп., грабеѣ 10—20 коп., пахарю 15—30 коп., плотнику 25—50 коп., за шитье сапогъ изъ хозяйской кожи 15—25 коп.; женскій трудъ вообще цѣнится ниже мужескаго, хотя женщины нерѣдко работаютъ не только не хуже мужчинъ, но даже лучше и скорѣе. Въ другихъ мѣстностяхъ Корелы заработная плата еще ниже, особенно въ неурожайные годы, какъ можно заключать изъ рѣшеній волостныхъ судовъ. Вотъ одно рѣшеніе волостнаго суда, изъ котораго можно видѣть, какъ мала была стоимость труда въ голодный 1867 годъ: Крестьянинъ деревни Ухты Иванъ Ивановъ Софроновъ жалуется на то, что 15-го мая пришелъ къ нему крестьянинъ дер. Ухты Тимофей

Марковъ Андреевъ, и онъ взялъ его, съ тѣмъ, чтобы съ 15-го мая по 8-е іюля работать ему безъ платы, только изъ хлѣба, а съ 8-го іюля по 29-е августа по 25 коп. за каждую недѣлю. Когда пришло сѣнокосное время, то онъ 8-го іюля ушелъ безъ всякаго отказа, самовольно, и еще взялъ въ счетъ платы съ 8-го іюля одинъ снопъ соломы, 30 фунтовъ ржи и наличными деньгами 2 копѣйки, а всего на сумму 1 р. 42 к., которыя деньги и просить Софроновъ взыскать съ Андреева или заставить отработать ему за нихъ 5 недѣль. Между тѣмъ крестьянинъ Тимоѳей Марковъ Андреевъ объявилъ, что онъ дѣйствительно пришелъ 15-го мая и пробылъ до 8-го іюля, работалъ ему, Софронову, ежедневно, и взялъ у него 30 фунтовъ ржи одинъ снопъ соломы и 2 коп. денегъ въ счетъ платы съ 8-го іюля, но какъ онъ Тимоѳей, работалъ восемь недѣль, то 30 фунтовъ ржи, снопъ соломы и 2 коп. денегъ онъ считаетъ заработанными. Вслѣдствіе сего волостной судъ рѣшилъ: взыскать съ крестьянина Андреева за рожь, за солому и деньги, всего 1 р. 42 коп. сполна и тѣмъ удовлетворить Софронова.

Въ обыкновенное время плата, разумѣется, нѣсколько выше, но все-таки крайне незначительна. Такъ, изъ рѣшенія Тихтозерскаго волостнаго суда 27-го декабря 1869 г. видно, что 10 дней работы оплачено 35 фунтами ржи. Изъ рѣшенія Тунгудскаго волостнаго суда видно, что за недѣлю работы платится 80 коп. За уборку хлѣба съ полей (рѣш. Юшкозерскаго волост. суда 10-го апрѣля 1867 г.) заплачено 1 р. 75 к. Приведемъ одно рѣшеніе, изъ котораго видна также стоимость труда по распашкѣ земли: Крестьянинъ деревни Лехты Егоръ Петровъ Фефеловъ жаловался на односельца своего Ѳому Каргуева, что онъ далъ ему, Каргуеву, по веснѣ 1866 г. денегъ 50 коп. и сѣна одинъ возъ по взятому имъ подряду вспахать въ томъ году три раза пашни, принадлежащія Фефелову, за что, сверхъ данной платы, Фефеловъ предоставляетъ Коргуеву, по надлежащемъ исполненіи подряда, скосить съ пожень его сѣно, что Коргуевъ не замедлилъ исполнить: не выполняя взятаго подряда вполнѣ, скошенное сѣно употребилъ весною въ свою пользу. Вслѣдствіе того, по сдѣланному спросу, оказалось, что Коргуевъ дѣйствительно взялъ подрядъ у Фефелова на паханіе его пожни въ 1866 г. три раза, но вспахалъ ихъ только одинъ разъ, а не преминулъ скосить пожни Фефелова, хотя

взятый задатокъ 50 коп. и сѣна одинъ возъ употребилъ въ свою пользу. Потому постановили, что такъ какъ, по показанію обоихъ, съ поженъ снято сѣна шесть возовъ, то по обоюдному согласію, изъ числа шести возовъ отдать одинъ возъ Коргуеву за пахапіе одного раза пашни Фефелова, а остальное предоставить во владѣніе проспителю, а также оставить за Коргуевымъ задатокъ, полученный имъ отъ Фефелова.

Сроки найма рабочихъ начинаются и кончаются большею частью какими нибудь праздниками. Такъ на сѣнокосъ нанимаются или съ Иванова дня (24-го іюня или Петрова дня (29-го іюня), или, въ поздній годъ, съ Ильина дня, то до перваго Спаса (1-го августа), то до другого Спаса (6-го августа), то до Успеньева дня. На всю страду нанимаются то до Семенова дня, то до Рождества Богородицы, то до Воздвиженія. На осенніе рыбные промыслы нанимаются съ Воздвиженья, то до Покрова, то до Михайлова дня, то до Дмитріева дня (26-го октября). Работники и работницы также нанимаются на годъ; годовая плата имъ обыкновенно 10 руб. на хозяйскомъ хлѣбѣ и одеждѣ. Плату получаютъ по третямъ и полугодіямъ, иногда по окончаніи года. Но случается иногда и такъ, что проходитъ нѣсколько лѣтъ, пока хозяинъ окончательно разчитается со своимъ работникомъ. Въ продолженіе этого времени хозяинъ выдаетъ работнику помелочи деньги на его надобности и вноситъ за него подати. Работникъ, не получая долго разчета, часто самъ не знаетъ, сколько онъ долженъ хозяину и сколько слѣдуетъ съ того получить. Этимъ иногда пользуются хозяева, чтобъ оставить работника вовсе безъ разсчету (рѣш. Вокнаволоцкаго волостнаго суда 5-го января 1868 года).

Приводимъ одно небезинтересное дѣло о разбирательствѣ спора между хозяиномъ и его работникомъ. Крестьянинъ деревни Кундозерской Аѳанасій Богдановъ, явясь въ судъ, принесъ жалобу, что, Зашеечной крестьянинъ Ефимъ Кундозеровъ былъ отъ него, Богданова, нанятъ въ работники и отправленъ съ *райдою* (обозомъ) его оленей для передвиженія казеннаго хлѣба изъ Калгалакшскаго торговаго магазина въ Кундозерскій, помѣщенный при волостномъ правленіи въ деревнѣ Олангѣ. Платы Кундозерову ряжено 6 р. и впередъ выдано 60 коп. При отправленіи, Богдановъ, собравъ самъ своихъ оленей и со всею оленною упряжью, передалъ Кун-

дозерову, который и долженъ бы былъ также передать оленей обратно хозяину на руки, но Кундозеровъ этого не сдѣлалъ, а съ дороги оленей пустилъ въ лѣсъ, и Богдановъ, проискавъ оленей самъ цѣлую осень, едва могъ собрать ихъ. Кромѣ того, у Кундозерова не достало 4-хъ пудовъ хлѣба, везеннаго на оленяхъ Богданова, и съ него за хлѣбъ старшиною удержаны деньги изъ провозной платы 3 р. 88 к. Потому Богдановъ просилъ разобрать споръ и рѣшить по совѣсти суда. Вызванный вслѣдствіе жалобы Богданова, Кундозеровъ на спросъ суда показалъ, что дѣйствительно онъ былъ нанятъ работникомъ съ райдою оленей Богдановымъ за 6 р. для передвиженія казеннаго хлѣба изъ Калгалакши и вмѣстѣ съ тѣмъ имѣлъ и свою райду, а по возвращеніи оттуда не сдалъ райды Богданову, потому что олени *опристали* (устали), и онъ пустилъ ихъ съ важеницею въ лѣсъ за 5 верстъ отъ дер. Кундозера на мѣстахъ извѣстныхъ, зная, что олени не могутъ потеряться; притомъ Крундозеровъ пояснилъ, что олени Богданова и въ дорогѣ съ хлѣбомъ *приставали* (уставали), и онъ долженъ былъ перекладывать хлѣбъ на свою райду и нанимать чужихъ, а за недостающій хлѣбъ, принятый на оленей Богданова, 4 пуда, деньги взысканы съ него, Кундозерова, что̀ подтвердилъ и старшина Зайковъ; на сдѣланное ему судомъ предложеніе Кундозеровъ добавилъ, что Богдановъ за перевозку на его оленяхъ хлѣба разчиталъ сполна за 80 пудъ, только зачтены подати первой половины за двѣ души 5 р. 65 коп., остальные же 10 р. 35 к. выданы на руки. По соображеніи сихъ обстоятельствъ Олангскій волостной судъ нашелъ, что жалоба Богданова несправедлива, а вымышленная, вѣроятно; для того, чтобъ избѣгнуть платежа причитающихся съ него по условію Кундозерову денегъ; тѣмъ болѣе уличаетъ онъ себя въ несправедливости жалобы, что первоначально слѣдовало бы жаловаться Кундозерову на несвоевременный разчетъ Богданова, но онъ, желая разобраться безъ суда, по совѣсти, не хотѣлъ утруждать суда и ждалъ добровольнаго разсчета; а потому судъ опредѣлилъ: причитающуюся Кундозерову плату 5 р. 40 к. и половину взнесенныхъ имъ за утечку хлѣба 1 р. 94 к., всего 7 р. 34 к., взыскать съ Богданова и удовлетворить онымъ Кундозерова (рѣш. Олангскаго волостного суда 11-го декабря 1866 г.).

Родители не только могутъ отдавать своихъ не отдѣленныхъ дѣтей въ наемъ, но и получать плату за ихъ трудъ; такъ (рѣш. Тунгудскаго вол. суда 2-го апрѣля 1868 г.) одна крестьянка жаловалась, что крестьянинъ не отдаетъ денегъ, заработанныхъ ея сыномъ, который былъ пастухомъ рогатаго скота. Судъ постановилъ: такъ какъ эти деньги рабочія и неоспоримыя, то взыскать ихъ въ пользу просительницы.

Отдѣленныхъ сыновей родители сами нанимаютъ себѣ въ работу. Власть хозяевъ надъ работниками и работницами у Кореловъ выражается въ болѣе или менѣе смягченныхъ формахъ; такъ напримѣръ, хозяинъ можетъ только бранить работника, но не бить. Если хозяинъ жестоко обращается съ работникомъ, то послѣдній уходитъ, и если забралъ плату впередъ или въ задатокъ, то не возвращаетъ ихъ. Впрочемъ, хозяева, при преждевременномъ оставленіи ихъ работниками и работницами, удерживаютъ иногда слѣдующую имъ плату, и такъ какъ хозяева бываютъ большею частію міроѣды и заправители всѣхъ общественныхъ дѣлъ, то эта плата въ большинствѣ случаевъ такъ за ними и пропадаетъ, если только обиженные не осмѣливаются просить о томъ начальство.

Корелы нанимаются также къ поморамъ для морскихъ промысловъ. Иные изъ нихъ, какъ и Русскіе, идутъ на условіяхъ *покрута*, то-есть, изъ опредѣленной части добычи; такимъ образомъ они заработываютъ въ лѣто отъ 30 до 50 р. Другіе нанимаются, какъ простые работники, за извѣстную плату. Мы имѣемъ одно письменное условіе, заключенное между Кореломъ, нанявшимся въ работники, и его хозяиномъ Русскимъ; по этому условію Корелъ обязывается идти на промыслы за 26 р., въ счетъ которыхъ онъ беретъ впередъ пять рублей для уплаты повинностей, пять пудъ хлѣба, кожи, на сѣмена и на платье, всего до 15 р., а остальное по возвращеніи съ промысла (изъ книги договоровъ Вычегайбольскаго вол. правленія за 1869 г.). Какъ безчеловѣчно обращаются иногда хозяева Русскіе со своими работниками Корелами, видно изъ рѣшенія Маслозерскаго волостнаго суда 19-го февраля 1867 г. Вслѣдствіе объявленія крестьянина Сороцкой волости Матвѣя Елисеева о взысканіи съ крестьянина Афонинской деревни Іова Репніева 15 р., волостной судъ отобралъ показанія отъ крестьянина Іова

Репніева, который не сознался должнымъ Елисееву и показалъ что хотя онъ и забралъ у Елисеева до 15 р., но считаетъ себя не должнымъ, потому что находился у него въ услуженіи дома семь недѣль, и хозяинъ взялъ его больного на море и тамъ оставилъ въ становищѣ Трехъ-Острововъ, такъ что тотъ едва не умеръ тамъ съ голоду и воротился оттуда въ половинѣ іюля съ покрутчиками; потому онъ считаетъ себя невиновнымъ въ платежѣ и искъ Елисеева несправедливымъ. Это показаніе представлено было просителю Елисееву, а волостной судъ не счелъ его объявленіе справедливымъ.

Многіе изъ Кореловъ, взявъ у богатыхъ поморовъ денегъ для рекрутской повинности, обязываются отработывать ихъ нѣсколько лѣтъ, напримѣръ, лѣтъ восемь, и такимъ образомъ на весь этотъ срокъ закабаляютъ себя своимъ хозяевамъ.

При выборѣ и наймѣ пастуховъ въ Корелін употребляются, говоритъ г. Камкинъ,—многіе обряды, но въ чемъ они состоятъ, мы, къ сожалѣнію сказать не можемъ. Мы знаемъ только, что тутъ участвуютъ колдуны, и пастухъ долженъ выучить наизусть нѣсколько завѣтныхъ словъ (такъ называемый *отпускъ скота*), и долженъ, кромѣ того, выполнить всѣ тѣ обряды, которые ему предписывается выполнять. Когда онъ въ первый разъ выгоняетъ стадо, то вся деревня, которая его нанимаетъ, собирается провожать. Всѣ уходятъ за нимъ за деревню. Тамъ всѣ останавливаются. Коровы при этомъ ставятся въ ряды. Около нихъ зажигаются огни, и къ огнямъ приносятъ нѣсколько ушатовъ воды. Кто-нибудь изъ старшихъ вспрыскиваетъ все стадо водой, а кто-нибудь изъ молодыхъ дѣлаетъ при этомъ нѣсколько выстрѣловъ. Когда это кончится, вся процессія трогается съ мѣста. Впереди всѣхъ пастухъ гонитъ стадо, а вслѣдъ за нимъ идутъ, по степени возраста, въ глубокомъ молчаніи и благоговѣніи, нанявшіе его жители. Проводивъ его съ полверсты, они возвращаются одинъ по одному домой. Пастухъ здѣсь получаетъ 25—35 коп. за каждую корову въ лѣто. Ѣстъ онъ попеременно у всѣхъ жителей, чередуясь по числу коровъ, то-есть, сколько у каждаго домохозяина, коровъ, столько дней онъ и кормится у него. Пастухъ за скотину отвѣчаетъ здѣсь лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда скотина ушибается или пропадаетъ совершенно изъ-за его оплошности и небреж-

ности, и когда на это есть свидѣтели. Если же не случится свидѣтелей, то пастухъ только увольняется отъ своей должности, но платы не лишается.

Такихъ церемоній, съ какими связывается должность пастуха, ни при какихъ другихъ случаяхъ болѣе не бываетъ. Это въ глазахъ Кореловъ самая важная должность, самое священное занятіе. Даже русскіе крестьяне поморы приглашаютъ, иногда за нѣсколько десятковъ верстъ, изъ глубины Корелы, пастуховъ, для того, чтобы тѣ, какъ знатоки дѣла, совершили отпускъ скота на пастбище.

Церковный сторожъ служитъ по выбору; но если выбранное лицо не можетъ почему-либо исполнять этой обязанности, напримѣръ, за отлучкою на морскіе промыслы, то нанимаетъ вмѣсто себя другое лицо. Плата при наймѣ бываетъ различная; по одному договору Шуезерскаго сельскаго схода 24-го февраля 1869 г., нанимающій обязуется платить нанимающемуся 8 р. за исправленіе должности съ 1-го марта по 1-е октября.

У Кореловъ есть обычай отдавать на подержку скотъ, какъ видно изъ рѣшенія Тунгудскаго волостного схода 29-го сентября 1868 года; но какія при этомъ заключаются условія—не извѣстно. Даются на подержаніе и вещи, напримѣръ, рыболовныя сѣти. При утратѣ ихъ взыскивается съ взявшаго на подержаніе половина ихъ стоимости. Такъ, по рѣшенію Юшкозерскаго волостного суда 11-го сентября 1867 г., утопившій чужую рыболовную сѣть, въ 4 саж. длиною, присуждается къ уплатѣ сѣти въ 2 сажени.

Изъ всѣхъ видовъ ссудъ, существующихъ у Кореловъ, самый интересный—это ссуда сѣмянъ на посѣвъ. Корелы, при частыхъ неурожаяхъ, всегда очень нуждаются въ хлѣбѣ, и потому большая ихъ часть не можетъ запасти сѣмянъ на посѣвъ и должна бываетъ занимать у немногихъ имѣющихъ. Условія вознагражденія за ссуду дѣлаются крайне тяжелыя для берущаго; большею частью обязываются за занятое отдать половину урожая. Если хлѣбъ уродится хорошо, то само собою разумѣется, исполненіе этихъ условій кажется слишкомъ тягостнымъ для должниковъ, и они часто нарушаютъ свои обязательства; вслѣдствіе того возникаютъ нерѣдко въ волостныхъ судахъ дѣла по жалобамъ заимодавцевъ. Волостные суды, не смотря на то, что кредиторы представляютъ

росписки своихъ должниковъ, рѣшаютъ обыкновенно такія дѣла въ интересахъ этихъ послѣднихъ, заставляя тяжущіяся стороны помириться на болѣе справедливыхъ условіяхъ. Все-таки и по рѣшеніямъ волостныхъ судовъ условія вознагражденія за ссуду довольно тягостны; именно, среднимъ числомъ, должникъ обязуется уплатить за четверикъ три четверика или дать соотвѣтствующее этому вознагражденіе деньгами. По одному рѣшенію (Ухтинскаго вол. суда 8-го августа 1868 г.), заимодавецъ просилъ взыскать съ должника не половину урожая, какъ было условлено, но двѣ пятыхъ; судъ приговорилъ его къ вознагражденію одною третью. Приводимъ еще два рѣшенія, также касающіяся этого предмета:

Крестьянинъ деревни Ювалакши Дмитрій Панфиловъ Поповъ принесъ жалобу на крестьянина Василья Попова въ томъ, что было имъ взято у послѣдняго, Попова, сѣмянъ ржи въ 1867 г. 6 пудъ на сумму 12 р. За эту рожь онъ обязался уплатить ему деньги въ Финляндіи, которыя и представилъ сынъ его, Викула, сыну Василья Попова 10 р.; но сынъ Василья Попова не принялъ денегъ отъ Викулы въ Финляндіи, а требовалъ весь долгъ, 30 р. Затѣмъ Василій Поповъ захотѣлъ самовольно сжать рожь Дмитрія Попова, посѣянную означенными выше сѣмянами, за долгъ 30 руб. Волостной судъ постановилъ, по выслушаніи обѣихъ сторонъ, проспителя и отвѣтчика: рожь, посѣянную 6 четвериками на полѣ Дмитрія Попова, выжать ему вмѣстѣ пополамъ съ Васпліемъ Поповымъ, и по выжатіи раздѣлить рожь, какъ зерномъ, такъ и соломою, поровну, потому что означенное поле было обработано и обсѣменено вмѣстѣ Васильемъ и Дмитріемъ Поповыми. Что же касается сѣмянъ, данныхъ Васильемъ Дмитрію Попову 6 пудъ, то Дмитрій обязанъ возвратить Василью съ вознагражденіемъ изъ выжатой своей части ржи четвертою частью, что̀ окажется по умолотѣ, какъ зерномъ, такъ и соломою (рѣш. Ухтинскаго вол. суда 28-го іюля 1868 г.).

Крестьянинъ Тихтозерской деревни Трифонъ Петровъ, предъявилъ волостному суду, что крестьянинъ одной съ нимъ деревни Афанасій Прокопьевъ состоитъ ему должнымъ за купленную лошадь 7 р., и кромѣ того, за взятыя имъ же, Прокопьевымъ, въ 1867 году ржаныя сѣмена 2 четверика на 3 р. 50 к., которыя обязался уплатить къ 6-му декабря 1867 г., а въ случаѣ неуплаты

Прокопьевымъ на срокъ, урожай ржи снять пополамъ въ 1868 г., о чемъ представилъ подлинную росписку Прокопьева, который сѣмянъ и денегъ къ сроку не представилъ. По осени же сего года имъ сжато съ посѣяннаго поля 16 четвериковъ и 30 *кубачъ* (копенъ) соломы, изъ числа коихъ, согласно условію, слѣдуетъ ему, Петрову, получить 8 четвериковъ ржи и 30 кубачъ соломы. Въ числѣ ихъ получено имъ, Петровымъ, 4 четверика и заработано 10 дней за 35 фунтовъ, остальные же 3 п. 5 фунт. ржи и 15 кубачъ соломы состоятъ за Прокопьевымъ, которыя Петровъ и просилъ взыскать. Противъ сей явки крестьянина Петрова должникъ Прокопьевъ объяснилъ, что сѣмена имъ у Петрова дѣйствительно были взяты, и росписка, въ коей объяснены условія, дана; въ число же долга имъ уплачено 4 четверика ржи и заработано 10 дней за 35 фунтовъ; за остальной же долгъ Петровъ обѣщался взять сына его въ работу на 3 недѣли. На это Петровъ объяснилъ, что хотя у нихъ и было это условіе, но Прокопьевъ его не исполнилъ. А потому волостной судъ опредѣлилъ: такъ какъ должникъ долгъ этотъ призналъ и за 3 пуда ржи и 15 кубачъ соломы деньги остались не уплачены вопреки заключенному условію и данной роспискѣ, то претензію крестьянина Петрова, какъ оказавшуюся справедливою и должникомъ не опровергнутую, удовлетворить и объявить имъ, чтобъ они лучше между собою *поладили* (рѣшеніе Тихтозерскаго вол. суда 27-го декабря 1869 г.).

Если даются взаймы деньги въ небольшомъ количествѣ и на короткій срокъ, то нѣтъ обычая брать на нихъ проценты. При болѣе же значительныхъ займахъ платится 15%. Въ обезпеченіе уплаты долга на срокъ дается заимодавцу залогъ; такъ, по рѣшенію Тунгудскаго вол. суда 3-го сентября 1866 г., въ обезпеченіе уплаты 3 р. 50 к. долга дано 3 пуда ячменя. Заложенными вещами не позволяется пользоваться до истеченія срока; по истеченіи же его неисправный залогодатель лишается заклада. Даютъ въ закладъ не только различныя вещи, какъ-то: одежду, мережи и т. п., но и землю. Приводимъ одно рѣшеніе Ухтинскаго волостного суда 11-го іюня 1867 года: Крестьянинъ деревни Ухты Кириллъ Филипповъ Тихоновъ жаловался, что крестьянинъ Алексѣй Ефимовъ Еремѣевъ отобралъ у него самовольно сѣнокосныя пожни, положенныя ему въ закладъ Еремѣевымъ за взятые имъ хлѣбные при-

пасы. Волостной судъ принялъ въ основаніе примиреніе между собою жалобщика Тиханова и отвѣтчика Еремѣева, по каковому пожня оставлена въ пользованіе Тиханову еще на четыре года.

Вотъ еще интересный видъ залога—залогъ вещей въ обезпеченіе уплаты за покраденное: По жалобѣ крестьянина деревни Ухты Никифора Иванова Митрофанова о покражѣ у него, по дорогѣ изъ Шуньги, въ деревнѣ Лусалмѣ, крестьяниномъ Вокнаволоцкой волости дер. Войнины Степаномъ Богдановымъ, 13 фунт. пеньки, волостной судъ рѣшилъ: за украденную пеньку 13 фунтовъ, по цѣнѣ 15 коп. за каждый, и того—причитается сумма 1 р. 95 коп.; за эту сумму Богдановъ положилъ Митрофанову въ залогъ до 29-го іюня сего года ситцевую поношенную рубаху, цѣною 75 коп., топоръ въ 25 к., небольшой кушакъ и сѣтку шерстяные, цѣною 40 к., поношенныя *бахилы* (сапоги) въ 25 к., съ тѣмъ, что если онъ можетъ представить деньги 1 р. 95 к. до 29-го іюня, то упомянутыя вещи можетъ получить обратно, а если не представитъ на срокъ, то упомянутыя вещи останутся въ пользу Митрофанова (рѣшеніе Ухтинскаго вол. суда 6-го марта 1867 г.).

Корелы иногда передаютъ свои сѣнокосные и пахатные участки другимъ въ вѣчное владѣніе, какъ свою полную собственность. Хотя въ Архангельской губерніи выкупъ земли государственными крестьянами еще не объявленъ, въ книгѣ сдѣлокъ и договоровъ Тунгудскаго волостного правленія мы нашли два договора о такой передачѣ. Приводимъ ихъ:

„Мы, нижеподписавшіеся, Архангельской губерніи, 1-го мирового участка, Кемскаго уѣзда, Тунгудской волости, деревни Келавараки, государственные крестьяне Петръ Андреевъ Евтафеевъ и Ѳедоръ Михайловъ Андроповъ заключили сіе условіе о томъ, что первый изъ насъ, Евтафеевъ, продалъ послѣднему, Андрееву, все свое наслѣдство—пахатныя поля, вопервыхъ, большой ободъ, на который засѣвается 2 мѣры, вовторыхъ, ободъ Макарьевскій,—потому что проживаю самъ, большею частью, въ поморскихъ селеніяхъ, въ вѣчное владѣніе, а равно и сѣнокосные участки на вараки Осиновой-салмы въ трехъ мѣстахъ на 2 воза, на Вохтѣ-рѣкѣ, на Рѣдоручьѣ, на Березовомъ-ручьѣ, кочья на смоляномъ-ручьѣ 5 кучъ, готовое колье и жердье и оставшагося стараго лѣсу 30 деревъ и

связь до мосту за выряженную, по обоюдному согласію, цѣну десять рублей, которую и получить въ настоящее время всю сполна".

„Я, нижеподписавшаяся, Кемскаго уѣзда, Тунгудской волости, деревни Машозера, крестьянская вдова Варвара Григорьева Михайлова, отдаю въ пользованіе *теребъ* (сѣнокосная чищенина), принадлежащій мнѣ въ собственность съ давнихъ лѣтъ, крестьянину Степану Яковлеву Михайлову, какъ своему ближайшему родственнику, въ вѣчное владѣніе".

Часто также сдаютъ земли во временное пользованіе, въ аренду. Вотъ подходящій сюда договоръ:

„1869 года мая 9-го дня. Мы, нижеподписавшіеся крестьяне Кемскаго уѣзда, Юшкозерской волости Леонтей Еремѣевъ и Никифоръ Николаевъ Мякушкинъ, заключили между собою условіе сіе въ томъ, что изъ насъ первый отдалъ послѣднему въ полное и неограниченное пользованіе принадлежащія Леонтію пахатныя и сѣнокосныя поля, находящіяся въ нашей Юшкозерской волости, тѣ самыя, которыя по дѣламъ и спискамъ общественнымъ записаны на его имя, срокомъ на пять лѣтъ, начиная съ сего 1869 года по 1874 годъ, съ правомъ Никифору Мякушкину засѣвать хлѣбъ и сѣно снимать въ свою пользу и ничѣмъ за это никому не дѣлиться, но съ тѣмъ, чтобы за пользованіе означенными землями платить ежегодно въ пользу Леонтья Мякушкина въ лѣтніе мѣсяцы по два рубля пятидесяти копѣекъ серебромъ, въ число коихъ при заключеніи сего условія за первый 1869 годъ получилъ всю сумму 2 р. 50 к. сполна; до истеченія же пятилѣтняго срока Леонтій земель своихъ обратно требовать не можетъ и не долженъ, а если ему случится по обстоятельствамъ перейдти для жительства въ свою деревню по истеченіи четырехъ лѣтъ, и онъ въ поляхъ тѣхъ встрѣтитъ нужду, тогда Никифору Мякушкину въ отдачѣ оныхъ на пятый годъ не препятствовать, но ни въ какомъ случаѣ ранѣе четырехъ прежнему хозяину не отдавать; въ чемъ и подписуемся".

У Корелъ, въ иныхъ мѣстахъ, сѣнокосными участками пользуются поперемѣнно, чрезъ извѣстный промежутокъ времени, напримѣръ, лѣтъ черезъ пять, какъ то видно изъ рѣшенія Тунгудскаго волостного суда 10-го сентября 1867 г.

Иногда общество отдаетъ свободныя земли, напримѣръ, выморочныя, въ пользованіе отдѣльному лицу, съ тѣмъ чтобъ оно упла-

чивало подати за извѣстное число неимущихъ душъ или взяло бы на себя какую-нибудь другую общественную издержку. Приводимъ одно интересное рѣшеніе Олангской волости 20-го августа 1867 года: Кандидатъ волостного старшины Алексѣй Никитинъ и сельскій староста Соколозерскаго сельскаго общества передали жалобу крестьянина Соколозерской дер. Макара Зайкова, который и самъ сего числа явился въ судъ и объявилъ, что онъ весною сего года у крестьянъ Ругозерской деревни, одного сельскаго общества, на сельскомъ сходѣ, собранномъ старостою, кортомилъ (бралъ въ аренду) выморочную землю—общественный сѣнокосъ, и выдавалъ за оную 2 р. 10 к.; болѣе этой цѣны не прибавилъ никто, и крестьяне согласились отдать ему, съ тѣмъ чтобъ онъ купилъ для возки подводъ обывательскій карбасъ и представилъ къ мѣсту на озеро Чупрингѣ при дер. Боровской, въ 7 верстахъ отъ Соколозера, что̀ онъ и исполнилъ: карбасъ купилъ вмѣстѣ со старостою при крестьянахъ Соколозерской и Ругозерской дер. Мастининѣ, Вдовинѣ, Серединѣ и Зайковѣ и представилъ на мѣсто; когда же время пришло косить, онъ, Макаръ Зайковъ, съ работниками самъ четвертъ отправился на кортомленый покосъ и выкосилъ близко половины; въ тотъ же день, неизвѣстно съ какого повода, пришли на то же мѣсто племянники бывшаго старшины Еремѣя Зайкова съ работниками, въ числѣ 4-хъ человѣкъ, и потомъ самъ Еремѣй сталъ спорить: „Не уступлю; хотя до пяти рублей дойдетъ, а этотъ покосъ останется за мною“. Макаръ уступилъ и ушелъ съ поля, дабы чрезъ ссору не произошло драки (а у каждаго въ рукахъ было орудіе—косы, топоры и грабли), и Еремѣй Зайковъ выкосилъ остальное сѣно, а скошенное Макаромъ склалъ въ свои *зароды* (стогъ) и не хотѣлъ добровольно отдать ни сѣна, ни денегъ, заплаченныхъ имъ, Макаровымъ, за кортому; а потому просилъ возвратить ему деньги, отданныя за кортомный покосъ, и за 4 хъ человѣкъ, что они день употребили напрасно, по 50 коп. за каждаго, всего 4 р. 50 к. и его удовлетворилъ бы Еремѣй или отдалъ бы все сѣно. Кандидатъ старшины и староста объявили, что по принесенной жалобѣ было сдѣлано дознаніе на мѣстѣ, въ бытность ихъ въ Ругозерѣ чрезъ распросъ крестьянъ на сельскомъ сходѣ, и по дознанію оказалось, что большая часть оправдываетъ справедливость жалобы Макара, а Еремѣя всѣ обви-

няютъ, что онъ, не спросивши общества, пошелъ косить сѣно, въ чемъ и былъ составленъ актъ. Отвѣтчикъ Еремѣй Зайковъ былъ призванъ въ волостной судъ и на разспросы присутствующихъ противъ жалобы истца показалъ, что хотя онъ не взялъ въ кортому сѣнокоса, но хотѣлъ дать болѣе, чѣмъ Макаръ Зайковъ, который хотя и выдавалъ крестьянамъ 2 р. 10 к., но дѣла на сходѣ будто бы не совершили, гдѣ былъ и онъ, отвѣтчикъ, но не торговался, такъ какъ окончательно не сдѣлали договору и никто болѣе не прибавилъ; послѣ же онъ, обдумавъ, хотѣлъ взять покосъ за себя и посылалъ къ Макару вѣсть, не уступитъ ли Макаръ, а онъ прибавитъ, и хотѣлъ сдѣлаться съ Макаромъ на какой-то двухаловной сдѣлкѣ безъ общества, считая за обществомъ какой-то долгъ, и отдалъ ли Макаръ деньги, онъ не зналъ, и Макаръ послѣ послалъ къ нему вѣсть, что если прибавляетъ, то пускай къ нему пошлетъ прежде вѣсть, сколько прибавляетъ, и когда на прибавочную сумму Макаръ согласится, то пускай коситъ съ согласія общества; но между тѣмъ Макару вѣсти не дошло, и онъ, не спросившись общества, думая, что Макаръ согласенъ, рѣшился идти косить и засталъ уже въ тотъ же день Макара на полѣ;—желая болѣе прибавить цѣны, не хотѣлъ уступить. Волостной судъ, по выслушаніи обѣихъ сторонъ, предложилъ помириться на обоюдной сдѣлкѣ, чтобъ одна сторона уступила, а другая чѣмъ-нибудь вознаградила первую, и Макаръ согласился на всѣ предложенія суда; напротивъ же Еремѣй ни на что не соглашался, видимо упорствуя и съ азартностью разсуждая: „хотя въ 25 р. и болѣе станетъ дѣло, но будетъ по моему“; не хотѣлъ разобраться и черезъ посредниковъ, говоря, что „покосъ общественный и долженъ быть за мною, общество болѣе мнѣ должно“; впрочемъ, не представилъ никакихъ доказательствъ на право завладѣнія покосомъ. Соображая всѣ эти обстоятельства, судъ нашелъ, что Еремѣй Зайковъ поступилъ вопреки закона, завладѣвъ безъ согласія общества чужою собственностью; Макара же Зайкова искъ имѣетъ полную силу и совершенно справедливъ; а потому опредѣлилъ: выкошенное Еремѣемъ Зайковымъ сѣно отдать Макару, а Еремѣю внушить, чтобъ онъ не осмѣливался дѣлать сопротивленія, не надѣялся бы на свой карманъ, подъ опасеніемъ строгой отвѣтственности по законамъ; затѣмъ дѣло окончательно прекратить.

Общихъ луговъ для покосовъ у Корелъ нѣтъ.

Рыбными ловлями Корелы пользуются сообща; онѣ составляютъ собственность одной или нѣсколькихъ деревень. Подужемскимъ большимъ семужьимъ заборомъ пользуется заразъ вся деревня, къ которой онъ принадлежитъ; другими же малыми заборами пользуются десятки душъ черезъ каждые девять лѣтъ. Въ другихъ мѣстахъ, тоже, принадлежащія извѣстной деревнѣ, дѣлятся каждый годъ и отдаются ежегодно во владѣніе 12 ревизскихъ душъ, приписанныхъ къ той деревнѣ (рѣшеніе Тунгудскаго вол. суда 8-го января 1867 г.). Крестьяне иногда сами промышляютъ рыбу въ своихъ участкахъ, иногда отдаютъ ихъ въ аренду своимъ же крестьянамъ или русскимъ поморамъ и кортомныя деньги дѣлятъ по ревизскимъ душамъ.

Лѣсныя избушки строятъ нѣсколько человѣкъ сообща, какъ видно изъ рѣшенія Погосскаго вол. суда 12-го февраля 1868 г., по которому такая избушка принадлежала четыремъ владѣльцамъ, и плата за ея сожженіе была между ними раздѣлена поровну.

Артельное начало у Корелъ находитъ себѣ своеобразное примѣненіе въ торговлѣ: мы говоримъ объ артеляхъ, существующихъ для разносной торговли съ Финляндіей. Артели эти устраиваются на различныхъ основаніяхъ. Иногда человѣкъ 10 складывается вмѣстѣ, каждый вноситъ сколько можетъ, а именно отъ 40 до 100 р., и одного изъ артельщиковъ отправляютъ въ Петербургъ или Москву для закупки товара. Товаръ этотъ привозится въ Финляндію и тамъ продается членами артели, изъ которыхъ каждый, по продажѣ, получаетъ часть выручки; величина этой части пропорціональна количеству внесенныхъ въ общій капиталъ денегъ Но чаще дѣлается такъ, что одинъ изъ зажиточныхъ Кореловъ, закупивъ въ Москвѣ или Петербургѣ краснаго товара, собираетъ артель, которой и раздаетъ товаръ для продажи въ Финляндіи. На этотъ товаръ дѣлается надбавка въ пользу закупившаго до 20%. Собирающій артель беретъ на свою отвѣтственность, если товаръ будетъ конфискованъ; если жъ одинъ изъ членовъ артели скроется съ своимъ товаромъ, то убытокъ раскладывается на всю артель. Мы приведемъ нѣсколько рѣшеній, наиболѣе важныхъ для характеристики этой торговли вообще, а въ особенности для отношеній членовъ артели между собою и къ собирающему артель:

Крестьяне Вокнаволоцкой волости, общества и селенія Яковъ Васпльевъ Андроновъ, Ананій Ѳедоровъ Ремшуевъ и Андрей Павловъ Ремшуевъ объявили споръ для рѣшенія волостного суда о томъ, что въ 1865 г. для торговли въ Финляндіи положили: первый 284 р., второй и третій вмѣстѣ 376 р., всего 660 р.; распоряжались торговлей двое первые. Первый жалуется, что имъ получено изъ суммы 119 р. и въ остальномъ счету не сдѣлано, а послѣдніе двое, что недополучили 116 р. Разсмотрѣвъ тяжбу, волостной судъ нашелъ, по собственнымъ показаніямъ тяжущихся, что крестьянинъ Яковъ Андроновъ не получилъ изъ торговли въ Финляндіи 165 р.; а Ананій и Андрей Ремшуевы получили сполна свои деньги, данныя въ торгъ, и даже излишне 12 р. 50 к.; а потому рѣшилъ: не явившуюся сумму 165 р. и 12 р. 50 к., всего сто семьдесятъ семь р. пятьдесятъ коп., раздѣлить на три части, что и приходится на каждаго по 59 р. 17 к., и взыскать въ удовлетвореніе Якова Андронова съ Ананія Ремшуева 59 р. 17 к., а съ Андрея Ремшуева тоже 59 р. 17 к. (рѣшеніе Вокнаволоцкаго вол. суда 16-го ноября 1867 г.).

Крестьянинъ дер. Ухты Иванъ Елисеевъ Григорьевъ жаловался на то, что крестьянинъ одной съ нимъ деревни Потапъ Филипповъ Аѳанасьевъ пригласилъ его для *мѣстной* (общей) торговли въ Финляндіи, далъ ему товара на сумму 435 р. и положилъ на оныя процентовъ по $17\frac{1}{2}$ коп. на рубль, въ суммѣ 76 р. 12 к., а всего 511 р. 12 к.; онъ, Григорьевъ, эту сумму выручилъ и представилъ ему, Аѳанасьеву, сполна, и онъ, Аѳанасьевъ, отобралъ означенныя деньги и не далъ болѣе Григорьеву никакихъ товаровъ и такъ лишилъ его всякихъ выгодъ и оставилъ его, Григорьева, на лѣто безъ хлѣба и безъ платежа податей. Поэтому Григорьевъ просилъ взыскать съ Аѳанасьева изъ процентовъ и другого по торговлѣ прихода 44 р. $6\frac{1}{2}$ к., и тѣмъ его удовлетворить. Крестьянинъ Потапъ Аѳанасьевъ объяснилъ, что онъ дѣйствительно пригласилъ Григорьева въ свою артель торговать, согласно его просьбѣ, и далъ ему сумму для торговли 435 р. и положилъ процентовъ по $17\frac{1}{2}$ к. на рубль, что онъ, Григорьевъ, обѣщался уплатить мнѣ сполна; въ случаѣ же, если начальство захватитъ товаръ, то изъянъ Аѳанасьевъ принималъ на себя. Когда Григорьева потребовали на службу въ свое мѣстожительство на должность сельскаго старо-

сты, онъ, Григорьевъ, 25-го декабря, по отправкѣ домой разчитался съ Аѳанасьевымъ сполна, и послѣдній далъ ему также и часть барыша, причитающагося ему по торговлѣ 18 р. 57 к. А какъ у нихъ осталось наличныхъ денегъ 750 р., и какъ онъ, Григорьевъ, пошелъ домой, Аѳанасьевъ далъ ему изъ причитающейся оной суммы 3 р. и притомъ сказалъ ему, Григорьеву, что сынъ его у него, Аѳанасьева, годенъ служить только за половинную плату. а Аѳанасьевъ ему даетъ полную плату, что̀ будетъ причитаться на каждаго человѣка; онъ, Григорьевъ досталъ отъ Аѳанасьева о Пасхѣ на сыновнюю часть сверхъ половины, какъ Аѳанасьевъ обѣщалъ дать—плату за цѣлаго человѣка 23 р. Но какъ одинъ изъ артели крестьянинъ Ѳедоръ Дорофеевъ, который безъ Аѳанасьева былъ нанятъ артельщиками, унесъ съ товаромъ сумку на 50 р., то послѣдній взялъ 20 р. со всей артели, а не съ одного Григорьева, а 30 р. взялъ изъяну на себя, когда ему, Аѳаньсьеву, вовсе не слѣдовало принимать на себя ни одной копѣйки; притомъ Аѳанасьевъ пояснилъ, что всѣ тамошніе крестьяне, бывшіе на торговлѣ, платили торгующимъ крестьянамъ по 17 коп. на рубль, такъ равно и онъ бралъ не свыше другихъ, тоже по 17 коп., а потому просилъ отъ взысканія 44 р. 6 коп. освободить, потому что какъ онъ, Аѳанасьевъ, не далъ ему, Григорьеву, впередъ денегъ въ долгъ, то онъ по злости хотѣлъ взыскать. Волостной судъ рѣшилъ: такъ какъ Григорьевъ самъ согласился платить Аѳанасьеву по 17 коп. съ рубля и просилъ его, чтобъ онъ только взялъ столько процентовъ и допустилъ торговать въ артель, и послѣ, отправляясь домой, былъ разсчитанъ Аѳанасьевымъ сполна, что̀ ему слѣдовало, какъ и показали свидѣтели. Потому Григорьевъ проситъ несправедливо и совершенно ложно, такъ какъ всѣ торгующіе крестьяне въ 1866 г. брали по 17 коп., какъ и Аѳанасьевъ (рѣшеніе Ухтинскаго вол. суда 30-го іюня 1867 г.).

Корелы не составляютъ сами артелей для морскихъ промысловъ, но поступаютъ рабочими къ поморамъ въ русскія артели, для промысловъ на Мурманскомъ берегу; поступаютъ они на тѣхъ же условіяхъ, какъ и Русскіе, то-есть, изъ опредѣленной части добычи, какъ было сказано выше.

Общія помочи бываютъ у Кореловъ при постройкѣ домовъ, и эти

помочи состоятъ въ томъ, что помогаютъ цѣлою деревнею вывозить лѣсъ строющемуся.

II.

Уголовное право.

Немногія лица, писавшія о Корелахъ, заявляютъ совершенно различныя мнѣнія о ихъ нравственныхъ качествахъ, особенно о ихъ склонности къ преступленіямъ, а также, разумѣется, и взглядѣ ихъ на преступниковъ.

Вотъ что говоритъ о Корелахъ г. Михайловъ въ своихъ „Очеркахъ природы и быта Бѣломорскаго края Россіи“: „Я не желалъ бы жить съ этими людьми, еще не вышедшими изъ полудикаго состоянія. Встрѣтиться съ ними въ лѣсу и безъ ружья не совсѣмъ безопасно: разомъ прихлопнутъ и ужъ другъ друга не выдадутъ. Совершается ли въ иномъ корельскомъ селеніи преступленіе уголовнаго характера—трудно, а иногда и не возможно бываетъ открыть преступника. Каждый на допросѣ будетъ говорить подъ присягою (присягѣ же Кореляки, какъ раскольники, не придаютъ никакого значенія): „знать не знаю, вѣдать не вѣдаю“, а между тѣмъ всему селенію преступникъ извѣстенъ. У нихъ установилась даже какая-то безобразная общественная вендетта. Разъ, въ одномъ селеніи, во время слѣдствія по дѣлу объ укрывательствѣ дезертировъ, явился одинъ Корелякъ съ доносомъ. На другой же день вечеромъ его нашли убитымъ близъ того дома, въ которомъ помѣщалась коммиссія: доносчика убили изъ-за угла“.

Это мнѣніе, составленное подъ вліяніемъ тяжелаго непосредственнаго впечатлѣнія, не имѣетъ за себя особенно вѣскихъ доказательствъ и основано на предубѣжденіи, раздѣляемомъ и русскими поморами. Г. Максимовъ, авторъ книги „Годъ на Сѣверѣ“, говоритъ объ этомъ слѣдующее: „Надо замѣтить, что поморы считаютъ Кореловъ людьми, готовыми во всякое время совершить преступленіе—ограбить, зарѣзать человѣка. Воображеніе поморовъ, напуганное далью и безвѣстностью корельскихъ болотъ, или лучше всего, злые языки придумали повѣрье такого рода, что будто для Кореляковъ ничего нѣтъ проще и обыкновеннѣе

выраженія: „положить въ озеро“, не смотря на то, что это выраженіе отзывается самымъ нечеловѣчнымъ, самымъ варварскимъ смысломъ“. Г. Максимовъ указываетъ при этомъ на положительные факты, опровергающіе такое мнѣніе, а именно: что торгующіе поморы возвращались изъ дальнихъ корельскихъ деревень, въ полномъ благополучіи и необворованные.

Къ заключенію, согласному съ мнѣніемъ г. Максимова, приходитъ и г. Чубинскій, выводы котораго основаны на статистическихъ данныхъ. Въ своей статьѣ о Корелѣ, на которую мы ужь имѣли случай ссылаться, онъ говоритъ слѣдующее: „Чтобы дать понятіе о нравственности Кореляковъ, я приведу данныя о преступленіяхъ за пять лѣтъ.. Всѣхъ преступленій въ Корелѣ, въ теченіи пяти лѣтъ, совершено 39, въ томъ числѣ: кражъ 5; воровство-мошенничество 1; самовольное лѣсопстребленіе 22; нанесеній личной обиды 6; изнасилованій 2; покушеніе на убійство 1; неповиновеніе властямъ 1; пристанодержательство дезертировъ 1. Если исключить изъ этого числа случаи самовольной порубки, то число преступленій уменьшится на 17-ть, то-есть, въ годъ около 3-хъ преступленій, или одно преступленіе на 5500 душъ. Это какъ нельзя болѣе доказываетъ хорошее состояніе нравственности Кореляковъ. Кражъ собственно — одна въ годъ на 16.000 человѣкъ! Кажется, это говоритъ какъ нельзя больше о честности Кореляковъ“.

Таблица г. Чубинскаго, основанная на данныхъ уѣздныхъ судовъ и уголовной палаты, не даетъ еще понятія о распространеніи между Корелами мелкихъ преступленій и проступковъ, которые также необходимо имѣть въ виду при составленіи сужденій о нравственности народа. Поэтому мы приводимъ таблицу о числѣ и родѣ преступленій въ Корелѣ, разбиравшихся волостными судами, составленную по самимъ рѣшеніямъ этихъ судовъ:

ПРЕСТУПЛЕНІЯ.	Число преступленій въ 1867 году.							
	Общее число случаевъ привлеченія къ суду.	Число лицъ.						
		Оправданныхъ судомъ за неимѣніемъ доказательствъ.	Прощенныхъ истцами.	Не подвергнутыхъ судомъ уголовному наказанію.	Оставленныхъ въ подозрѣніи.	Подвергнутыхъ наказанію.	
						Мужчинъ.	Женщинъ.
Оскорбленіе и явное неуваженіе къ волостнымъ судьямъ и вол. и сельскимъ властямъ . . .	4	—	—	—	—	4	—
Неявка въ волостной судъ	1	—	—	—	—	1	—
Ложное показаніе въ судѣ	1	—	—	—	—	1	—
Бродяжничество безъ письменнаго вида . . .	1	—	—	—	—	1	—
Оскорбленіе родителей словомъ	2	—	1	—	—	1	—
Побои, нанесенныя постороннимъ лицамъ. . .	3	1	2	—	—	—	—
Оскорбленіе словами .	3	—	—	—	—	4	—
Разстройство хозяйства, пьянство и пр. . .	2	—	—	—	—	2	—
Неисполненіе обязательствъ	1	—	—	—	—	1	—
Кража хлѣба съ полей и прясель	1	—	—	—	—	1	—
Кража хлѣба и съѣстныхъ припасовъ	2	—	1	—	—	—	1
Кража денегъ	2	—	—	—	—	1	1
Кража вещей	3	—	1	—	—	2	—
Увозъ сѣна и соломы .	5	—	—	5	—	1	—
Убіеніе оленей, коровъ и другихъ животныхъ .	3	—	2	4	—	—	—
Самовольный уводъ животныхъ	3	—	—	4	1	—	—
Присвоеніе чужихъ вещей	1	—	—	1	—	—	—
Захватъ поженъ . .	2	—	2	—	—	—	—
Самовольное пользованіе чужими рыболовными угодьями	1	—	—	—	—	1	—
Захватъ движимаго имущества	2	—	—	—	—	4	—
Итого	43	1	9	14	1	25	2

ПРЕСТУПЛЕНІЯ.	Число преступленій въ 1868 году.							
	Общее число случаевъ привлеченія къ суду.	Число лицъ.						
		Оправданныхъ судомъ за непмѣнемъ доказательствъ.	Прощенныхъ истцами.	Неподвергнутыхъ судомъ уголовному наказанію.	Оставленныхъ въ подозрѣніи.	Наказанныхъ.	
						Мужчинъ.	Женщинъ
Оскорбленіе и явное неуваженіе къ волостнымъ судьямъ и сельскимъ властямъ	6	—	—	—	—	6	—
Неявка въ судъ . . .	2	—	—	—	—	2	—
Ложное показаніе въ судѣ	1	—	—	—	—	—	1
Ложная жалоба . . .	1	—	—	—	—	1	—
Буйство на сходѣ . .	1	—	1	—	—	—	—
Самовольное переселеніе	1	—	—	—	—	1	—
Продажа водки на дому	1	—	—	—	—	1	—
Отказъ въ продовольствіи жены и дѣтей . .	1	—	—	—	—	1	—
Недача престарѣлымъ родителямъ содержанія.	1	—	—	—	—	1	—
Оскорбленіе родителей словами.	2	—	—	—	—	2	—
Драка	1	—	—	—	—	—	1
Нанесеніе побоевъ . .	9	—	3	—	—	4	2
Оскорбленіе словомъ.	4	—	2	—	—	—	2
Пожогъ	1	—	—	—	—	1	—
Кража хлѣба съ полей и пряселъ	2	—	—	—	—	1	1
Кража хлѣба и съѣстнаго	9	—	—	—	—	10	3
Кража денегъ	4	—	—	—	—	2	2
Кража вещей	8	2	1	—	—	6	2
Увозъ сѣна и соломы.	4	—	—	1	2	5	1
Воровство — мошенничество	4	—	—	—	—	5	—
Кража рыбы изъ мережъ	1	—	—	—	—	—	1
Укрывательство воровъ	1	—	—	—	—	—	1
Убіеніе оленей, коровъ и другихъ животныхъ . .	8	1	1	4	—	10	1
Присвоеніе чужихъ вещей	1	—	1	—	—	—	—
Итого	74	3	9	5	2	59	18

Изъ этой таблицы видно, что общее число случаевъ привлеченія къ суду въ 1867 г. было 43, а число лицъ, привлеченныхъ къ суду, 52; въ 1868 г. общее число случаевъ 74, а число привлеченныхъ лицъ 96. Эти цифры нѣсколько измѣняютъ выводы г. Чубинскаго на счетъ нравственности Кореловъ. Надо еще прибавить, что въ наши таблицы не вошли данныя о числѣ преступленій, совершенныхъ Корелами Поньгамской и Керетской волостей, такъ какъ ихъ нельзя было выдѣлить изъ общаго числа преступленій, совершенныхъ вмѣстѣ съ Русскими. Преступленія противъ собственности составляютъ главную часть общаго числа преступленій у Кореловъ; такъ, въ 1867 г. число случаевъ привлеченія къ суду по преступленіямъ такого рода было 26, въ 1868 г. 45. Изъ нашей таблицы видно также, что общее число преступленій въ 1868 году значительно увеличилось противъ 1867 года, именно почти въ 1,75 раза; особенно увеличилось число преступленій противъ собственности — похищенія хлѣба и съѣстныхъ припасовъ, убіеніе оленей въ пищу. Увеличеніе преступленій такого рода есть слѣдствіе сильнаго неурожая 1867 г., отразившееся главнымъ образомъ въ первой половинѣ 1868 года, а не во второй половинѣ 1867 г., потому что окончательное истощеніе запасовъ хлѣба и обнаруженіе голода послѣдовало именно въ началѣ 1868 года. На это обстоятельство указываютъ многія рѣшенія волостныхъ судовъ. Приводимъ, какъ образецъ, одно изъ нихъ, лучше другихъ мотивированное: Вокнаволоцкій волостной старшина передалъ въ волостной судъ донесеніе Вокнаволоцкаго старосты 2-го апрѣля о слѣдующемъ случаѣ: Крестьянская жена Кенасъ-озерскаго общества и деревни Афимья Герасимова Липкина заявила ему, что на дняхъ сдѣлано похищеніе, неизвѣстно кѣмъ изъ амбара, безъ всякаго взлома, денегъ около 18 р., и должно быть, изъ съѣстныхъ припасовъ, но сколько опредѣлить не могла. Вслѣдствіе этого староста производилъ изслѣдованіе 27-го марта и открылъ, что крестьянинъ той же деревни Семенъ Трофимовъ Липкинъ и *дядина* (жена дяди) его, крестьянская жена той же деревни Афимья Семенова Липкина, по приказанію мужа крестьянина Алексѣя Липкина, сдѣлали это похищеніе. Изъ ихъ сознанія видно, что они всѣ имѣли крайнюю нужду въ пищѣ. Сперва Семенъ подалъ совѣтъ идти воровать съѣстнаго, а потомъ Алексѣй приказалъ женѣ своей Афимьѣ идти въ товари-

щи, и они двое вечеромъ пошли къ амбару Афимьи Герасимовой Липкиной, зная, что въ немъ есть богатство; но когда нашли амбаръ запертымъ, то Семенъ Липкинъ влѣзъ изъ окна въ амбаръ и оттуда подавалъ дядинѣ овсяной крупы около 5 фунтовъ, пшена 5 фунт., ячменя 20 фунт. и рыбы 3 сига, да еще увидѣлъ въ незапертомъ и незакрытомъ коробу кошелекъ, въ которомъ оказались серебряныя деньги, онъ и это подхватилъ съ собою. Все это принесли домой и сейчасъ стали варить кашу, а деньги Семенъ бросилъ на столъ и сказалъ: „Тутъ вотъ и деньги есть!“ Эти послѣднія дѣлили такъ: на долю Афимьи отсчитали 9 р., изъ коихъ Алексѣй подхватилъ себѣ еще 1 р. Съѣстное же положили не дѣлить, а употреблять вмѣстяхъ. Затѣмъ отдали старостѣ тогда же обратно почти все съѣстное и денегъ 14 р. 40 к. Видя такое сознаніе и чистосердечное раскаяніе, онъ передалъ все это просительницѣ Афимьѣ Герасимовой Липкиной; она просила на уплату остальныхъ денегъ, съѣстныхъ припасовъ и убытковъ взыскать 5 р. 20 копѣекъ. Первые согласились въ уплату отдать, а послѣдняя взять корову и все дѣло этимъ кончить. Далѣе староста заключаетъ, что хотя это дѣло не составляетъ важнаго преступленія, но нельзя сдѣлать такого снисхожденія, чтобы не опредѣлить виновнымъ какого-либо наказанія для предупрежденія на будущее время подобныхъ пакостей, а потому онъ представилъ волостному правленію на распоряженіе. Волостной же старшина при этомъ донесеніи передалъ отобранныя по сему дѣлу отъ похитителей письменныя показанія, которыя сходны съ донесеніемъ старосты, исключая того, что Алексѣй Липкинъ отпирается отъ сдѣланнаго старостѣ сознанія о приказаніи женѣ воровать. Волостной судъ разсмотрѣлъ дѣло о похищеніи, которое оцѣнивается на сумму 20 р., и призналъ виновными крестьянина Семена Липкина въ прямомъ похищеніи денегъ и вещей по крайней нуждѣ, въ чемъ добровольно сознался и принесъ раскаяніе, крестьянина Алексѣя Липкина въ направленіи къ сему похищенію жены его Афимьи Семеновой, въ чемъ они передъ судомъ также сознались и принесли раскаяніе, и кромѣ того, все почти похищенное возвратили. Волостной судъ рѣшилъ: Семена Липкина наказать розгами 20-ти ударами, Алексѣя Липкина тоже 30-ти ударами, а крестьянскую женку Афимью Липкину подвер-

гнуть заключенію подъ арестомъ, вмѣсто тѣлеснаго наказанія, на строгомъ содержаніи, на 6 сутокъ при волостномъ правленіи; затѣмъ сельскому старостѣ ихъ общества имѣть особо строгій надзоръ за ихъ впредь поведеніемъ; для удовлетворенія же потерпѣвшей отъ сего преступнаго содѣянія Аѳимьѣ Герасимовой Липкиной за недостающую сумму 3 р. 60 к. и убытковъ 2 р. 30 к. согласно всѣхъ ихъ обоюдному согласію, отдать ей, просительницѣ, корову.

Изъ разныхъ видовъ преступленій противъ собственности особенно замѣчательно убійство домашнихъ оленей, какъ преимущественно распространенное и имѣющее мѣстный интересъ. Часто это преступленіе совершается непреднамѣренно, такъ какъ ручные олени пасутся иногда вмѣстѣ съ дикими, и охотники на разстояніи выстрѣла не могутъ отличить дикихъ оленей отъ ручныхъ, заклейменныхъ. Въ иныхъ мѣстностяхъ существуютъ у Кореловъ обычаи и даже сдѣланы между крестьянами различныхъ обществъ договоры — не взыскивать за такое не преднамѣренное убійство; но часто бываетъ также, что убиваютъ оленей съ умысломъ и скрываютъ убитое. Приводимъ рѣшенія волостныхъ судовъ, гдѣ разбираются такія дѣла:

1) Крестьяне Олангской волости деревни Соколозерской Егоръ Серединъ и Макаръ Зайковъ жаловались, что ковдскіе крестьяне Ефимъ Ильинъ съ товарищами, будучи въ мартѣ 1864 г. въ лѣсахъ своихъ дачъ для промысла дикихъ оленей, въ числѣ ихъ застрѣлили изъ ружей, принадлежащихъ Зайкову и Середину, 8 ѣзжалыхъ ручныхъ оленей, почему они и просили взыскать съ виновныхъ за каждаго оленя по 11 р., всего 88 р. Отвѣтчики, крестьяне Ковдской волости, показали, что они дѣйствительно подстрѣлили при охотѣ на дикихъ оленей въ своей лѣсной дачѣ, 4-хъ оленей, въ числѣ ихъ ѣзжалыхъ ручныхъ оленей, непзвѣстно кому принадлежащихъ, но совершенно безъ всякаго умысла, такъ какъ, производя эту промышленность, стрѣляя оленей на разстояніи отъ 70 до 140 маховыхъ саженъ, не имѣли они возможности различить ѣзжалыхъ оленей отъ дикихъ, а тѣмъ болѣе въ большихъ стадахъ; въ застрѣливаніи же другихъ 4-хъ оленей они совершенно невинны; потому и не признаютъ себя виновными къ платежу взыскиваемыхъ съ нихъ денегъ, такъ какъ ежегодно слу-

чается, что крестьяне Олангской волости, при промыслахъ на дикихъ оленей, принадлежащихъ крестьянамъ Ковдскаго селенія и даже въ лѣсной дачѣ послѣднихъ, убиваютъ ручныхъ оленей, но о взысканіи жалобы не подаются по издавна заведенному обычаю. Изъ обстоятельствъ сего дѣла усматривается: первое—что ковдскіе крестьяне Ефимъ Ильинъ съ товарищами подстрѣлили 4-хъ ѣзжалыхъ оленей не умышленно, а при промыслѣ, въ числѣ дикихъ оленей, такъ какъ нельзя отличить ихъ на дальномъ разстояніи и въ большихъ стадахъ, притомъ и самый промыселъ производили въ дозволенное для промысла зимнее время, въ своей дачѣ; второе—въ застрѣливаніи другихъ 4-хъ оленей отвѣтчики не признались и со стороны истцовъ Середина и Зайкова уликъ и доказательствъ не представлено; и третье—на основаніи мѣстныхъ обычаевъ и правилъ, принятыхъ въ крестьянскомъ быту, застрѣливаніе ѣзжалыхъ оленей ненамѣренно, при промыслахъ, въ совокупности дикихъ не поставляется въ вину и не дѣлается вознагражденія. А потому волостной судъ, признавая показаніе ковдскихъ крестьянъ Ефима Ильина къ оправданію ихъ достаточнымъ, постановилъ жалобу ихъ оставить безъ послѣдствій.

2) Крестьянинъ Кандалакской волости, Княже-губской деревни, Иванъ Мокеевъ жаловался на крестьянина Олангской волости, Ругозерской деревни Петра Середина, въ томъ, что онъ, съ товарищемъ Сорвановымъ сыномъ Іониномъ, застрѣлилъ намѣренно въ октябрѣ мѣсяцѣ прошлаго года, у Талвантъ-озера, двухъ оленей и одну важеницу, по убитіи коей скрылся и теленокъ. Объ этомъ извѣстны всѣ крестьяне Ругозерской деревни, и Мокееву сознался сынъ Петра Середина; самыя же шкуры оленей находятся у Середина. Поэтому Мокеевъ просилъ побудить Середина возвратить, вмѣсто убитыхъ оленей и ушедшаго теленка собственныхъ; въ противномъ случаѣ взыскать за оленей 17 р. и за теленка 2 р. На спросъ судей отвѣтчикъ показалъ, что онъ дѣйствительно былъ съ товарищемъ на промыслѣ дикихъ звѣрей въ лѣсахъ, смежныхъ съ княжегубскими крестьянами на волоку Матка-немп, у, озеръ Толванъ-озеро и Мямозеро и застрѣлилъ неумышленно ручныхъ оленей вмѣсто *дикарей*, но не считаетъ себя виновнымъ и несогласенъ платить за нихъ, потому что въ прежнее время, изстари, какъ и всѣ ругозерскіе крестьяне подтверждаютъ, у нихъ

заведенъ былъ порядокъ и у стариковъ еще съ княжегубскими крестьянами сдѣланъ договоръ, что если бы на тѣхъ мѣстахъ и княжегубскіе крестьяне убили ручныхъ оленей, принадлежащихъ ругозерскимъ, то они не спрашивали за нихъ убытковъ, а считали бы дикарями, такъ какъ тамъ промыселъ дикихъ оленей общій. А потому судъ опредѣлилъ: дѣло это оставить безъ послѣдствій (рѣшеніе Олангскаго вол. суда 10-го марта 1867 г.).

Подобное же дѣло, по иску княжегубскихъ крестьянъ, производилось также и 12-го іюля того же года, и рѣшено, какъ предыдущее, потому что отвѣтчикъ, тотъ же Серединъ, снова объяснилъ, что онъ убилъ оленей не умышленно, а завѣдомо дикарей, промышляя въ тѣхъ мѣстахъ, назначенныхъ для промысловъ, дикихъ оленей, а кормленные тамъ не ходятъ, и сослался на договоръ.

Убійство оленей преднамѣренное, а также и ловля оленей въ неуказанное лѣтнее время, влечетъ за собою наказаніе, какъ видно изъ слѣдующаго рѣшенія Олангскаго волостнаго суда 1869 г. 28-го января: Крестьянинъ Боровской деревни Савва Архиповъ предъявилъ волостному суду жалобу слѣдующаго содержанія: Купленная имъ въ д. Соколозерской у крестьянина Зайкова въ лѣтѣ минувшаго года важеница (самка оленя) отлучилась изъ его, Архипова, стада и послѣ найдена была въ Китепскомъ обществѣ въ стадѣ кр. Василья Яголаева, который, зная, что важеница принадлежитъ ему, Архипову, передалъ для доставленія по принадлежности бывшему въ гостяхъ въ д. Сеннозерѣ кр. Арсенію Исакову, который по принадлежности ея не доставилъ, а объявилъ Архипову, будто бы она не могла слѣдовать за его оленемъ, а потому онъ ее отпустилъ съ дороги, на волоку, между дер. Сеннозеромъ и Шапкозеромъ, на пространствѣ четырехъ верстъ; между тѣмъ истецъ, узнавъ, что Исаковъ, не доѣзжая Шапкозера, отдалъ *игну* (игна—самка оленя) встрѣтившемуся крестьянину для доставленія Яголаеву окровавленною; поэтому, истецъ полагалъ, что важеница не ушла, а умышленно убита имъ, и просилъ учинить законное разбирательство. Волостной судъ, разсмотрѣвъ обстоятельства сего дѣла, мнѣніемъ положилъ, что Арсеній Исаковъ дѣйствительно не отпустилъ, а убилъ или застрѣлилъ важеницу, тѣмъ болѣе, что, по завѣренію крестьянъ д. Боровской, онъ не-

однократно былъ замѣчаемъ въ разныхъ похищеніяхъ при лѣсныхъ промыслахъ, какъ-то въ—постановленіи *сильевъ* въ лѣтнее время, для улова оленей, когда они бываютъ гонимы комарами; въ доказательство крестьяне привели, что видали у него при домѣ подобныя силья, и олени каждогодно терялись, какъ у боровскихъ крестьянъ, такъ и въ сосѣднихъ деревняхъ; при словесномъ же состязаніи, хотя Исаковъ не призналъ ни въ одномъ поступкѣ, но самъ предложилъ Архипову получить важеницу; поэтому судъ призналъ его виновнымъ, а потому опредѣлилъ: за убитую или недоставленную важеницу Исаковъ долженъ отдать собственную, а какъ прежде замѣченнаго въ проступкахъ, въ примѣръ другимъ, наказать розгами 20 ударами, объявивъ виновному, что не имѣетъ права апелляціи, рѣшеніе же привести въ исполненіе на сходѣ.

Изъ рѣшенія Олангскаго волостнаго суда 1-го декабря 1868 г. видно, что два крестьянина застрѣлили оленя и важеницу, шкуры которыхъ были найдены и возвращены истцу. По объясненію ихъ они сдѣлали это съ голоду. Судъ постановилъ: чтобы не было ими совершено и въ другой разъ того же самаго и не поданъ дурной примѣръ другимъ, одного наказать розгами, а другаго, за старостью, арестомъ, денегъ же 13 р. за ихъ бѣдностью не требовать, а вмѣсто того они обязались отдать истцу на 8 лѣтъ одинъ изъ своихъ сѣнокосовъ.

По словамъ г. Чубинскаго, пьянства въ Корелѣ совершенно нѣтъ. На всю Корелу одинъ кабакъ въ Панозерской деревнѣ Погосскаго общества. Что же касается до привозимыхъ изъ Финляндіи рома и водки, то они привозятся въ небольшомъ количествѣ лицами, ведущими торгъ въ Финляндіи [1]). Приводимъ извлеченіе изъ рѣшенія Маслозерскаго волостнаго суда 7-го декабря 1867 г., гдѣ упоминается о существованіи въ Корелѣ продажи водки на дому:

Крестьянинъ Абрамовъ жаловался, что онъ былъ у кр. Яковлева, купилъ у него вина на 24 коп. и отдалъ 1 рубль; сдачи же не только не получилъ, но еще былъ подвергнутъ побоямъ. Волостной судъ, разсмотрѣвъ жалобу Абрамова, призналъ ее справедливою, а крестьянина Яковлева виновнымъ: 1) въ томъ, что, состоя должнымъ 75 к., не далъ слѣдующей сдачи, и потому пригово-

[1]) Труды Арх. Стат. Ком., 1865 г., кн. 2-я, стр. 11.

рилъ взыскать деньги въ пользу истца Абрамова; 2) въ томъ, что Яковлевъ нанесъ побои Абрамову и производилъ самовольно продажу вина, черезъ что происходятъ ссоры и драки, подвергнуть наказанію розгами 15-ью ударами, во избѣжаніе на будущее время подобныхъ самовольствъ и проступковъ и въ примѣръ прочихъ крестьянъ.

Изъ преступленій противъ народнаго здоровья самое извѣстное и распространенное есть подмѣшиваніе песку въ хлѣбъ, сдаваемый въ общественные магазины; виновные подвергаются, какъ видно по многимъ, касающимся этого предмета, рѣшеніямъ волостныхъ судовъ, наказанію розгами, арестомъ или употребленіемъ въ общественныя работы.

По словамъ г. Михайлова, у Кореловъ распространено укрывательство дезертеровъ, которые проживаютъ въ семьѣ Кореляка, выдавая себя за какого-нибудь родственника хозяина.

Корелы считаются своими сосѣдями-поморами за большихъ колдуновъ, да они и сами увѣрены въ своей силѣ и знаніи. Вотъ что говоритъ по этому поводу г. Максимовъ: Повѣрье о напускѣ скорбей съ Корелы во всемъ поморьѣ общензвѣстно и имѣетъ даже давнишнее историческое значеніе. Давно уже, и по русскимъ лѣтописямъ, Чудское племя, къ которому безспорно принадлежатъ и Корелы, славилось волхвами, колдунами и чародѣями, которые сжигаемы были и въ Новгородѣ, призываемы были и къ умиравшему Грозному царю, и живали при дворѣ царя Бориса. Даже и въ настоящее время Корелы наивно, простосердечно, съ полнымъ убѣжденіемъ и вѣрою въ истину передачи, завѣщаютъ при смерти вѣдомые имъ наговоры, заговоры и чарованья довѣреннымъ лицамъ, большею частью, конечно, роднымъ своимъ. Съ другой стороны существованію въ настоящее время подобнаго страннаго повѣрья много способствуетъ вѣра и самихъ поморовъ, которые всѣ свои болѣзни морскія приписываютъ исключительно порчѣ не столько злаго духа, сколько злобѣ какого-нибудь лихаго человѣка изъ Корелы. *Съ вѣтру* (говоря выраженіемъ поморовъ) приключается имъ и колотье во всемъ тѣлѣ, особенно въ составахъ, извѣстное у нихъ подъ именемъ *стрѣлья* и *стрѣлъ;* тому же напуску съ вѣтру приписываютъ они и всѣ разнородныя проявленія скорбута и другія болѣзни и простосердечно увѣрены, что только Корелъ, сдѣ-

лавшій это или просто изъ личнаго удовольствія, отъ нечего дѣлать, или даже изъ мести, можетъ выгнать эту болѣзнь при посредствѣ заклинаній на вѣтра и на четыре стороны, въ видѣ ли сажи, песку, мелко изрѣзанныхъ волосъ, щетины морскаго звѣря и проч., смотря по произволу колдуна. Также точно охотно зоветъ поморъ колдуна Корела (или лучше, самаго плутоватаго изъ этого вообще неразвитаго, добраго племени) на свадьбу для отпуска, на погребенье покойника, скоропостижно умершаго, или иногда и просто погибшаго на промыслѣ. Корелы, въ этомъ случаѣ, по грустному факту въ жизни русскаго человѣка, замѣняютъ для поморовъ ту роль, которую поддерживаютъ еще до сихъ поръ плуты-цыгане въ дальнихъ отъ Архангельской губерніяхъ Россіи [1]).

III.

Общественный бытъ, судъ и расправа.

Корелы относятся къ чиновникамъ иначе, нежели Лопари; послѣдніе боятся ихъ и раболѣпствуютъ передъ ними, тогда какъ Корелы относятся къ нимъ крайне недружелюбно и держатъ себя съ достоинствомъ.

Мірскія сходки у Кореловъ, сколько можно судить по книгамъ приговоровъ волостныхъ и сельскихъ сходовъ, не имѣютъ ничего оригинальнаго, носятъ, такъ сказать, оффиціальный характеръ. Приговоры волостныхъ сходовъ всѣ очень похожи одинъ на другой: въ большинствѣ случаевъ они составляются по поводу раскладки государственныхъ податей и мірскихъ сборовъ, распредѣленія хлѣбныхъ ссудъ, выбора въ общественныя должности и пр.

На содержаніе обывательскихъ станцій дѣлается денежный сборъ, и иногда передается подрядъ одному или нѣсколькимъ лицамъ. Иногда отправляютъ гоньбу всѣ крестьяне общества, желающіе принять участіе въ ней. Случается, что крестьяне одной деревни не допускаютъ крестьянъ другой къ участію, и потому возникаютъ споры, представляемые на рѣшеніе волостныхъ судовъ. Вотъ одно такое рѣшеніе Погосскаго волостнаго суда 12-го января 1867

[1]) Годъ на Сѣверѣ, стр. 154.

года: Крестьяне Погосской деревни предъявили о разобраніи ихъ просьбы по случаю недопущенія ихъ къ отправленію гоньбы на Погосской обывательской станціи. По рѣшенію волостныхъ судей опредѣлено: Погосскую обывательскую станцію оставить на обществѣ и въ отправленіи почтовой гоньбы принять всѣхъ желающихъ крестьянъ деревень Погосской и Мандерской.

Отбываніе рекрутской повинности въ разныхъ волостяхъ устроено различно. Олангская волость пользуется привиллегіей, какъ и Лопари, платить за каждаго причитающагося рекрута 150 р. Ухтинская волость дѣлаетъ на рекрутскую повинность общественный сборъ. Остальныя волости отбываютъ эту повинность натурой; не желающіе идти въ рекруты закабаливаютъ себя богатымъ поморамъ, которые даютъ денегъ на взносъ, какъ было сказано выше.

При выборѣ въ общественныя должности руководствуются правилами, установленными закономъ. Кажется, предпочитаютъ выбирать болѣе достаточныхъ, такъ какъ у нихъ въ обычаѣ нанимать вмѣсто себя другого для исправленія должностей, въ которыхъ это не возбраняется закономъ, напримѣръ, церковнаго сторожа, вахтера, полѣсовщика и пр. Наемъ этотъ совершается за различную плату; такъ напримѣръ, изъ сдѣлокъ Шуезерскаго волостнаго правленія видно, что за исправленіе должности караульщика магазиновъ въ годъ условлено платить 22 р., церковнаго сторожа 8 р., вахтера 38 р. При этомъ договаривающіяся стороны условливаются, что съ нанимающаго слагается вся отвѣтственность по должности; иногда прибавляется условіе, что нанимающійся, въ случаѣ болѣзни или смерти, долженъ передать обязательство своимъ родственникамъ.

Недостатокъ рабочихъ рукъ въ семьѣ считается уважительною причиною къ освобожденію отъ выбора въ должность; иногда при перечисленіи качествъ, которыхъ требуетъ законъ для выбора въ должность, прибавляется, что выбранный имѣетъ въ семьѣ достаточно работниковъ. Иногда недостаточныя лица, выбранныя въ какую-нибудь общественную должность, просятъ у міра себѣ жалованья, ссылаясь на бѣдность, и міръ исполняетъ ихъ просьбу, если находитъ ее достойною уваженія.

По причинѣ безграмотности своей и бѣдности, Корелы нерѣдко становятся безгласными жертвами ими же избранныхъ лицъ.

Случается, что бѣдные Кореляки въ иной годъ не могутъ уплачивать сполна и въ срокъ казенныя подати и получаютъ отстрочку до будущаго болѣе благопріятнаго времени. Заплативъ эти деньги, бѣднякъ благодаритъ Бога, что Онъ помогъ ему расквитаться. Но бываетъ, что какой-нибудь сельскій староста употребляетъ въ свою пользу эти деньги и доноситъ начальству, что по разнымъ причинамъ онъ не могъ собрать денегъ. Слѣдовательно, бѣдному Кореляку снова надобно платить деньги: ему нечѣмъ доказать прежнюю уплату безъ росписокъ или тому подобныхъ документовъ. Жаловаться начальству на такое притѣсненіе весьма трудно, потому что надобно ѣхать изъ дому за нѣсколько сотъ верстъ, а подобное путешествіе для бѣдняка стоитъ слишкомъ много.

Касательно обычаевъ Корелъ, относящихся до суда и расправы, мы можемъ сказать только немногое.

Изъ судебныхъ доказательствъ можемъ указать только на одно особенное: это—клейма, которыми помѣчаются ручные олени, а также и другой домашній скотъ, и которые служатъ иногда уликою въ совершеніи преступленія, какъ напримѣръ въ слѣдующемъ дѣлѣ (рѣшеніе Тихтозерскаго вол. суда 17-го января 1869 г.): Крестьянинъ Тихтозерской волости и деревни Ѳедоръ Потаповъ и Ѳедоръ Ѳедоровъ объявили жалобу о причиненныхъ имъ убыткахъ крестьяниномъ Михеемъ Аѳанасьевымъ: первому, Потапову, застрѣленіемъ въ огородѣ за 4 версты отъ выселка Малви ручнаго оленя, шкура котораго найдена случайно у Аѳанасьева и по клейму принадлежитъ Потапову; мясо же Аѳанасьевымъ, должно быть, употреблено въ пищу; объ этомъ знали его домашніе жена Лукерья и сынъ Осипъ, который былъ съ нимъ при застрѣленіи,—второму, Ѳедорову, убитіемъ тайно овцы, что̀ доказалось найденною у него въ избѣ овечьею шкурою, принадлежащею по клейму Ѳедорову. Кромѣ того, предъявилъ еще претензію на него же, Аѳанасьева, крестьянинъ Тихтозерской деревни Ѳедоръ Ѳоминъ Ѳедоровъ о покражѣ имъ по лѣту на озерѣ Тихтозерѣ, поставленныхъ для промысла рыбы, 5 сѣтокъ, въ чемъ Аѳанасьевъ признался и оныя возвратилъ. Поэтому истцы просятъ о взысканіи съ него за оленя 3 р., за овцу 75 к. и о поступленіи съ нимъ за помянутые поступки по законамъ. Такъ какъ по симъ дѣламъ

крестьянинъ Аѳанасьевъ, сынъ его Осипъ и жена Лукерья чистосердечно признались въ поступкахъ, въ которыхъ ихъ обвиняютъ, то волостной судъ постановилъ: крестьянина Аѳанасьева, какъ похитившаго у трехъ лицъ въ разное время чужую собственность, наказать розгами пятнадцатью ударами, жену его Лукерью и сына Осипа за необъявленіе о его поступкахъ и участіе въ оныхъ, выдержать подъ арестомъ при волостномъ правленіи трое сутокъ; за причиненные же убытки 3 р. 75 к. предоставить просителямъ взять его въ заработки или взыскивать съ него по возможности, при хорошемъ урожайномъ годѣ.

У Кореловъ есть обычай, чтобы свидѣтели, призываемые въ волостной судъ для показаній, получали вознагражденіе отъ отвѣтчика за потраченное время.

Форма судебныхъ рѣшеній: грѣхъ пополамъ—встрѣчается и въ рѣшеніяхъ корельскихъ волостныхъ судовъ въ случаѣ утраты вещи, данной на подержаніе, въ случаѣ недостатка доказательствъ. Такъ, по одному рѣшенію, утопившій чужую сѣть обязывался вознаградить ея хозяина половиною такой сѣти.

Если по какому-нибудь дѣлу является нѣсколько отвѣтчиковъ, на которыхъ наложено взысканіе, то въ случаѣ смерти одного изъ нихъ съ оставшагося въ живыхъ взыскивается все-таки только часть, причитающаяся на его долю. Это видно изъ слѣдующаго рѣшенія Тунгудскаго волостнаго суда 24-го сентября 1867 года: Крестьянинъ Тунгудской волости, Шуезерскаго общества, Лѣхтинской деревни Дороѳей Ильинъ жалуется на такого же Леонтья Егорова Гридина, въ замученіи его лошади, взятой подъ увозъ сѣна, будучи работникомъ у хозяина, крестьянина той же деревни Василья Петрова Богданова, и проситъ за измученную Гридинымъ до смерти лошадь, стоющую ему тридцать руб., взыскать съ того деньги. Изъ показанія крестьянина Степана Савельева Андронова видно, что онъ наѣхалъ по дорогѣ, которой ѣхали работники Богданова съ сѣномъ, на мальчика и издыхавшую лошадь, принадлежащихъ крестьянину Дороѳею Ильину, изъ которыхъ послѣдній оставленъ безъ всякой долженствующей быть со стороны взрослыхъ помощи, безъ огня, хлѣба и безъ платья, не смотря на ужасный холодъ и усталость мальчика и лошади. Оттуда мальчика, на разстояніи 10 верстъ отъ деревни, Андроновъ взялъ, а лошадь

осталась, по видимому, избитою до усталости на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ ее оставили работники Богданова. Крестьянинъ Леонтій Гридинъ въ опроверженіе сего показалъ, что они дѣйствительно были за сѣномъ вмѣстѣ съ крестьяниномъ Лѣтнеконецкой деревни Григорьемъ Евсеевымъ, нынѣ умершимъ, который былъ работникомъ у того же хозяина, и сыномъ Ильина Михайломъ, на трехъ лошадяхъ; лошадь же Ильина пропала отъ неизвѣстной причины, такъ какъ ей не дѣлали никакихъ побоевъ, она просто устала и потому была выпряжена изъ-подъ воза и оставлена въ лѣсу вмѣстѣ съ мальчикомъ; издохла же она на слѣдующій день. Принимая въ соображеніе показаніе Андронова и отзывъ Гридина, судъ нашелъ, что Гридинъ и Евсеевъ, какъ взрослые, должны были заботиться о попеченіи какъ лошади, такъ и мальчика, а не оставлять ихъ на произволъ судьбы; къ тому же наѣхавшій Андроновъ нашелъ лошадь избитою; а потому единогласно опредѣлено въ числѣ взыскиваемой Ильинымъ за лошадь суммы тридцати руб. обязанъ уплатить Гридинъ десять руб., а остальные двадцать руб., за смертью Евсеева, отнести къ убытку Ильина.

Потрава скотомъ пожень и полей есть очень обыкновенная причина жалобъ и исковъ. Если скотъ сдѣлалъ потраву по винѣ самого истца, не сдѣлавшаго огороды къ своимъ полямъ, то его оставляютъ безъ вознагражденія. Если жь это вина отвѣтчиковъ, которые не смотрятъ за своимъ скотомъ и не поручаютъ его пастуху, то они должны вознаграждать истца тою суммой, какая приведется по оцѣнкѣ потравы; если нѣсколько головъ скота, принадлежащихъ разнымъ хозяевамъ, сдѣлали потраву, то требуемая сумма вознагражденія раскладывается по числу головъ. Если виновата отчасти и та, и другая сторона, то выбирается средній путь, примиряющій ихъ интересы, напримѣръ, вмѣсто платы за потраву отвѣтчики обязываются выкосить на слѣдующій годъ сѣно на потравленной пожнѣ истца въ пользу послѣдняго.

Сообщаемъ числовыя данныя о подвергнутыхъ наказанію по рѣшеніямъ волостныхъ судовъ въ Корелѣ въ 1867 и 1868 гг.: Розгами наказано: мужчинъ 46, женщинъ 7; арестомъ 34; общественными работами 1, денежными взысканіями 11, внушеніемъ и выговоромъ 4, удаленіемъ изъ общества 1, всего 104. Какъ разнообразны наказанія за однородныя преступленія, разбиравшіяся въ

корельскихъ волостныхъ судахъ въ тѣ же 1867 и 1868 гг., видно изъ слѣдующей таблицы, заключающей въ себѣ данныя о преступленіяхъ противъ собственности:

ПРЕСТУПЛЕНІЯ.	Число наказаній.							
	Розгами.		Арестомъ.	Общественными работами.	Денежнымъ взысканіемъ.	Внушеніемъ.	Удаленіемъ изъ общества.	Общее число наказаній.
	Мужчинъ.	Женщинъ.						
Кража хлѣба съ полей и прясель . . .	2	—	1	—	—	—	—	3
Кража хлѣба и съѣстнаго	7	2	4	—	—	1	—	14
Кража денегъ . .	2	2	1	—	—	—	1	6
Кража вещей . . .	6	—	3	—	1	—	—	10
Воровство-мошенничество.	3	—	1	—	—	1	—	5
Кража сѣна и соломы	5	—	1	1	—	—	—	7
Убіеніе домашнихъ животныхъ.	7	—	4	—	—	—	—	11

Изъ этой таблицы видно, что женщинъ наказываютъ розгами также, какъ и мужчинъ, хотя это запрещено закономъ, причиною же того, что за однородныя преступленія назначаются неодинаковыя наказанія, служатъ обстоятельства, смягчающія вину подсудимаго, напримѣръ, чистосердечное раскаяніе, голодъ и т. п., вслѣдствіе чего назначается болѣе легкій родъ наказанія.

Приводимъ въ заключеніе одно рѣшеніе Вокнаволоцкаго волостнаго суда 12-го сентября 1867 г., показывающее, какъ Корелы относятся иногда къ своимъ сельскимъ властямъ: Крестьянинъ Андрей Ремшуевъ жаловался, что у его поля изрублена огорода, и подозрѣвалъ въ этомъ дѣлѣ крестьянина Семена Богданова. Волостной судъ, разсмотрѣвъ жалобу, нашелъ, что Богдановъ дѣйствительно срубилъ огороду и сознался волостному старшинѣ

сими словами: „Я срубилъ и срубилъ потому, что огорода былъ изъ моихъ жердей". На судѣ же онъ сказалъ, что никогда ничего не дѣлалъ, и что представленіе старшины и свидѣтелей крестьянъ есть одна только клевета. Когда старшина подтвердилъ свое показаніе о виновности Богданова, въ которой нѣтъ никакого сомнѣнія, то Богдановъ сказалъ, что не хочетъ знать старшины, что старшина ему не указчикъ и вретъ на него, говоритъ *по насердкъ* (въ сердцахъ), а что староста живетъ далеко, и спрашивать у него благословенія на всякое дѣло некогда, судьи же это глупцы, особенно Иванъ Ильичъ, и что если его будутъ наказывать, то онъ никогда не будетъ повиноваться ихъ рѣшеніямъ. Волостной судъ рѣшилъ: крестьянина Богданова за подрубленіе огороды и за неприличныя и дерзкія выраженія наказать 20 ударами розогъ и заставить его сдѣлать огороду въ теченіе двухъ дней.

III.

ЮРИДИЧЕСКІЕ ОБЫЧАИ САМОѢДОВЪ.

Самоѣды составляютъ самостоятельное племя, занимающее мѣсто между Финскимъ и Монгольскимъ. Они переселились въ Архангельскую губернію изъ Азіи, гдѣ, за Уральскимъ хребтомъ, еще до сихъ поръ кочуетъ часть Самоѣдскаго племени. Когда совершилось передвиженіе Самоѣдовъ въ Архангельскую губернію,—нѣтъ никакихъ историческихъ указаній, никакихъ преданій, ничего, что̀ дало бы возможность рѣшить этотъ вопросъ хотя приблизительно; но что это передвиженіе было—доказалъ своими филологическими изысканіями Кастренъ, который прослѣдилъ Самоѣдовъ до Саянскихъ горъ, до верховьевъ рѣчной системы Енисея [1]). Область распространенія Самоѣдовъ въ Архангельской губерніи была прежде

[1]) *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* 1851 г., май, отд. VII, стр. 68.

значительно шире, чѣмъ въ настоящее время: они кочевали въ Архангельскомъ, Онежскомъ и Кемскомъ уѣздахъ, доходили даже до Онежскаго озера, какъ свидѣтельствуетъ духовное завѣщаніе св. Лазаря, основателя Муромскаго монастыря на Онежскомъ озерѣ [1]).

На рѣкѣ Онегѣ и по Зимнему берегу Бѣлаго моря, далеко отъ нынѣшнихъ предѣловъ распространенія Самоѣдовъ, до сихъ поръ кочуетъ ихъ нѣсколько семей. Первыя историческія извѣстія о Самоѣдахъ мы имѣемъ въ лѣтописи Нестора, который говоритъ: „Югра же людье есть языкъ нѣмъ и сосѣдять с Самоядью на полунощныхъ странахъ".

Самоѣды, какъ и другіе инородцы Архангельской губерніи, были данниками Новгородцевъ и съ покореніемъ Новгорода перешли подъ власть Московскаго государства.

Въ соціальномъ отношеніи Самоѣды занимаютъ очень низкое мѣсто, такъ какъ до сихъ поръ сохранили вполнѣ свой кочевой бытъ. Они кочуютъ по всему огромному пространству Мезенской тундры, между р. Мезенью и Уральскимъ хребтомъ, Сѣвернымъ Ледовитымъ океаномъ и Вологодскою губерніей.

По тремъ главнымъ частямъ, обозначаемымъ естественными границами, въ которыхъ нашли Русскіе страну европейскихъ Самоѣдовъ, раздѣляется эта страна на три земли или тундры: Большую (по самоѣдски Aarka-ja), Тиманскую или Малую (по самоѣдски: Nude-ja, то-есть, средняя земля) и Канинскую (по самоѣдски: Sale-ja, то-есть, носъ-земля). Самые обитатели этихъ земель называются Большеземельцы, Малоземельцы и Канинцы.

Самоѣды, владѣющіе тундрой съ незапамятныхъ временъ, давшіе свои имена ея урочищамъ, платившіе и платящіе за нее ясакъ, должны быть настоящими хозяевами тундры и права ихъ подтверждались многократно жалованными грамотами великихъ князей и царей Московскихъ, также какъ и современными узаконеніями. Хотя изъ этихъ грамотъ сохранилась только небольшая часть, но и этого все-таки совершенно достаточно, чтобы доказать права Самоѣдовъ на тундру. Въ 1545 г. была дана Канинскимъ и Тиман-

---

[1]) Заволоцкая Чудь, Арханг., 1869 г., стр. 84.

скимъ Самоѣдамъ, по жалобѣ ихъ на притѣсненія, жалованная грамота Іоанномъ Грознымъ. По этой грамотѣ Самоѣдамъ велѣно владѣть всѣми звѣриными промыслами и рыбными ловлями, какими владѣли раньше, съ тѣмъ, чтобы Печоряне и Пермяки, то-есть, Пустозеры и Зыряне, не смѣли вступаться въ ихъ права; также пинежскимъ волостелямъ запрещено было судить Самоѣдовъ въ какихъ-либо дѣлахъ, кромѣ убійства и кражи съ поличнымъ, и притѣснять ихъ; судъ же надъ ними предоставленъ даньщику, который собираетъ съ нихъ подать на государя. Доказательствомъ правъ Большеземельскихъ Самоѣдовъ на владѣніе тундрой и угодьями, въ ней находящимися, можетъ служить грамота, данная на Кевролу и на Мезень стольнику и воеводѣ Михайлу Романовичу Воейкову въ 1688 году царями Іоанномъ и Петромъ Алексѣевичами и царевною Софіею. Эта грамота дана въ защиту Тиманскихъ Самоѣдовъ, отъ нападеній Югорскихъ и Лѣсовыхъ, то-есть, Большеземельскихъ, которые сильно обижали Тиманскихъ: „лѣтомъ рыбные промыслы ихъ отнимаютъ, и грабятъ и Тіупскую (Тиманскую) Самоядь побиваютъ до смерти, и малыхъ ребятъ воровски уносятъ, и работать имъ на своихъ промыслахъ и зимою на тундрѣ въ ихъ угодьяхъ не даютъ и всячески изобижаютъ и разоряютъ“ [1]). Изъ этой грамоты видно, что Большеземельскіе Самоѣды до 1765 г. владѣли тундрой безспорно, и въ ихъ права не вступался никто, ни пустозерскіе, ни пжемскіе крестьяне. Это же доказываютъ и нѣкоторые другіе акты; но Русскіе и Зыряне захватили въ свою власть тундру съ ея различными угодьями, въ явное нарушеніе правъ собственности Самоѣдовъ.

Самоѣды, какъ было выше сказано, только одни платили всегда дань—ясакъ. за тундру. Эта дань, подъ названіемъ луковой дани, взыскивалась съ Самоѣдовъ при царѣ Іоаннѣ Грозномъ въ слѣдующихъ размѣрахъ: съ Пустозерскихъ Самоѣдовъ по два песца съ лука, то-есть, съ каждаго человѣка, могущаго владѣть лукомъ, а за неимѣніемъ денегъ по алтыну за песца; съ Югорскихъ Самоѣдовъ и Самоѣдовъ иныхъ земель по соболю; съ Канинскихъ и Тиманскихъ Самоѣдовъ съ 1688 года сбиралась луковая дань деньгами, по пяти алтынъ съ лука. Въ 1767 г. сборъ ясачной подати производимъ

[1]) Акты Археограф. экспедиціи, т. IV, стр. 445.

былъ въ слѣдующихъ размѣрахъ: съ Самоѣдовъ Пустозерскихъ по 3 песца съ души, Устьцылемскихъ и Ижемскихъ по 15 бѣлокъ или 4 горностая, а съ Канинскихъ и Тиманскихъ вмѣсто ясака деньгами, съ обѣихъ земель по 16 р. 48 коп. въ годъ. Съ 1797 г. съ Канинскихъ и Тиманскихъ Самоѣдовъ сборъ производимъ былъ лосинными или оленьими кожами, а гдѣ олени и лоси не ловятся—другимъ звѣремъ или деньгами. Наконецъ, въ 1818 г. отмѣненъ былъ сборъ кожами или звѣремъ и переложенъ на деньги, при чемъ Самоѣды были уравнены съ крестьянами; теперь же они пользуются привиллегіей вмѣсто всѣхъ сборовъ платить 1 р. съ души.

Ясакъ собирался черезъ особыхъ данщиковъ изъ Самоѣдовъ же; посредствомъ такого устройства правительство хотѣло предупредить злоупотребленія и лихоимство разныхъ воеводъ и волостелей. Но далѣе правительство само открыло широкій путь для злоупотребленій учрежденіемъ откупа на дань: изъ указа 1748 г. видно, что сбираніе дани съ Самоѣдовъ было отдано откупщику, которому и позволялось брать изъ казны извѣстное количество вина для продажи въ тундрѣ. Этими распоряженіями положено было основаніе двухъ золъ, противъ которыхъ само же правительство должно было ратовать впослѣдствіи всѣми силами: первое зло—произволъ и притѣсненія при взиманіи податей, и второе—введеніе къ Самоѣдамъ спиртныхъ напитковъ, имѣвшее гибельное вліяніе на ихъ благосостояніе.

И дѣйствительно, Самоѣды сдѣлались жертвами злоупотребленій, какъ со стороны администраціи, такъ и со стороны частныхъ лицъ—Русскихъ и Зырянъ, которые допускали въ отношеніи къ Самоѣдамъ не только захваты ихъ собственности—тундры и ея угодій, но часто даже явное насиліе и грабежъ, противъ чего Самоѣды не могли защищаться собственными силами, а просить защиты было не у кого. Наконецъ, въ 1835 году послѣдовало административное устройство Самоѣдовъ, которое должно было положить конецъ всѣмъ злоупотребленіямъ и дать Самоѣдамъ прочныя гарантіи безопасности и неприкосновенности ихъ правъ. Изданъ былъ Самоѣдскій уставъ, предоставлявшій Самоѣдамъ многія важныя права, напримѣръ, свободу отъ разныхъ повинностей, лежащихъ на податномъ сословіи, собственное управленіе и судъ; возстановлены ихъ законныя права на владѣніе тундрой, захва-

ченной пришельцами. Все, что могло служить для блага Самоѣдовъ и предохранить ихъ отъ какого бы то ни было произвола и стѣсненія, было предусмотрѣно этимъ уставомъ [1]).

По этому уставу, Самоѣды причислены къ разряду бродячихъ инородцевъ или ловцевъ; они составляютъ особенное сословіе въ равной степени съ крестьянскимъ, но отличное отъ онаго въ образѣ управленія. Имъ назначается вся полоса земли въ Мезенскомъ уѣздѣ, нынѣ ими занимаемая и извѣстная подъ именемъ Тиманской, Канинской и Большеземельской тундръ. Послѣдняя тундра раздѣлена на три вѣдомства: Пустозерское, Устьцылемское и Ижемское.

Чтобы предупредить дальнѣйшіе захваты тундры Русскими, уставъ постановилъ отмежевать на каждую душу изъ Русскихъ, поселившихся въ тундрѣ, по 60-ти десятинъ около мѣстъ, занимаемыхъ ими. Русскимъ позволено также брать самоѣдскія земли въ оброчное содержаніе, но не иначе, какъ по условіямъ съ обществами. Строго запрещено Русскимъ ввозить и продавать горячіе напитки на стойбищахъ и чумахъ самоѣдскихъ, но сами Самоѣды могутъ покупать вино въ мѣстахъ откупной продажи, провозить его къ своимъ семействамъ для домашняго употребленія и перепродавать другимъ Самоѣдамъ на домашній обиходъ. Самоѣды управляются *по обычаямъ ихъ*. Родовое управленіе Самоѣдовъ въ каждой тундрѣ—Тиманской, Канинской и Большеземельской, состоитъ изъ одного старшины, избираемаго по обычаямъ ихъ че-

[1]) См. Полное Собраніе Законовъ за 1835 г. № 8,071: Уставъ объ управленіи Самоѣдами, обитающими въ Мезенскомъ уѣздѣ Архангельской губерніи, распубликованный 18-го мая. Въ имянномъ указѣ, данномъ по этому случаю Правительствующему Сенату, сказано: „Въ слѣдствіе представленія министра внутреннихъ дѣлъ о правахъ и образѣ жизни обитающихъ въ Мезенскомъ уѣздѣ Самоѣдовъ признается полезнымъ распространить на нихъ постановленія, для сибирскихъ инородцевъ изданныя, съ измѣненіями, настоящему состоянію ихъ сообразными". Самоѣдскій уставъ представляетъ примѣненіе къ частному случаю общихъ началъ, выработанныхъ въ уставѣ 1822 г. объ управленіи инородцами. Этотъ послѣдній, какъ извѣстно, принадлежитъ гр. Сперанскому, который во время управленія Сибирью обратилъ серьезное вниманіе на обычаи инородцевъ, тамъ проживающихъ, вслѣдствіе чего, быть этихъ послѣднихъ, а равно и Мезенскихъ Самоѣдовъ, былъ принятъ во вниманіе при составленіи Свода Законовъ.

Прим. ред.

резъ каждые три года и именуемаго въ сношеніи съ правительствомъ старостою. Староста самоѣдскій получилъ значеніе старшаго, „какъ будто бы родъ составлялъ одно семейство“ (уставъ принимаетъ только три рода, по числу тундръ, между тѣмъ какъ родовъ нѣсколько въ каждой изъ тундръ): „Онъ производитъ всѣ дѣла словесно. Мѣстная полиція дѣйствуетъ въ тундрахъ черезъ старостъ и всѣ свѣдѣнія о родѣ, тундру населяющемъ, заимствуетъ изъ ихъ показаній и донесеній“. Для удобства торговли и для сдачи ясака назначаются въ разныхъ мѣстахъ тундры ярмарки и *сугланы*. Сугланъ есть мірское собраніе Самоѣдовъ. Самоѣдскіе старосты и ихъ помощники непосредственно подчиняются земскому или отдѣльному засѣдателю, если таковой будетъ назначенъ.

Разъѣзды чиновниковъ и разсыльщиковъ земской полиціи по тундрамъ Самоѣдовъ допускаются въ слѣдующихъ случаяхъ: 1) для повѣрки порядка по управленію, 2) для слѣдствій, 3) для сбора ясака, 4) для надзора за порядкомъ на ярмаркахъ. Вообще, уставъ старался какъ можно уменьшить кругъ сношеній Самоѣдовъ съ мѣстною администраціей. Самоѣдамъ дано было также право собственнаго суда. Постановлено было по общимъ законамъ „судить ихъ только въ преступленіяхъ тяжкихъ, каковыми въ отношеніи ихъ признаются: 1) возмущеніе, 2) умышленное убійство, 3) разбой, 4) насиліе, 5) дѣланіе фальшивой монеты и вообще похищеніе казеннаго и общественнаго имущества“. Всѣ прочія дѣла, не исключая и кражи, пока нравы ихъ образованіемъ не смягчатся, считаются исковыми.

Самоѣды, какъ выше сказано, управляются по ихъ обычаямъ; но для отвращенія сбивчивости и неопредѣленности сихъ обычаевъ, сохраняющихся чрезъ одни изустныя преданія, мѣстному начальству предоставляется „собрать отъ почетнѣйшихъ людей полныя и подробныя по сему предмету свѣдѣнія, разсмотрѣть оныя въ особомъ временномъ комитетѣ, составленномъ подъ предсѣдательствомъ гражданскаго губернатора, изъ вице-губернатора, предсѣдателей палатъ, губернскаго прокурора и совѣстнаго судьи, смягчить въ самоѣдскихъ обычаяхъ все дикое и жестокое и отмѣнить несообразное съ другими установленіями“[1]). „Гражданскій губерна-

[1]) Уставъ объ управленіи Самоѣдами, гл. IV, § 37.

торъ обязанъ одинъ разъ въ годъ самъ лично или чрезъ довѣреннаго чиновника, по своему выбору, посѣщать мѣста, съ которыми удобнѣе Самоѣды могутъ имѣть сообщеніе, подробно входить въ ихъ дѣла, внимать ихъ жалобамъ и нуждамъ, доставлять удовлетвореніе, прекращать безпорядки, отсылать виновныхъ къ суду за злоупотребленія, или о чемъ нужно, представлять высшему начальству".

Уставъ для управленія Самоѣдовъ, одушевленный такими прекрасными намѣреніями правительства, изданнаго его, хотя и поставилъ нѣкоторыя препятствія эксплуатаціи Самоѣдовъ ихъ сосѣдями, но далеко не пресѣкъ ея. Извѣстный путешественникъ Кастренъ такъ рисуетъ положеніе дѣлъ и значеніе устава: „Чтобы положить конецъ постыднымъ притѣсненіямъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ, пріучить Самоѣдовъ къ нѣкоторой гражданственности, правительство недавно издало уставъ, который, по моему понятію,—идеалъ совершенства. Но само собою разумѣется, что око закона, какъ бы бдительно ни было, не можетъ усмотрѣть всего, что случается въ глуши самоѣдской пустыни. Притѣсненія продолжаются безпрерывно, рѣже подъ видомъ разбоя, но тѣмъ чаще подъ видомъ обмана" [1]).

Черезъ два года изданъ былъ и судебный уставъ, выписки изъ котораго мы сдѣлаемъ при самомъ изложеніи самоѣдскихъ юридическихъ обычаевъ [2]). Комитетъ, составлявшій уставъ, сталъ на ложную дорогу, положивъ представить эти обычаи въ облагороженномъ видѣ. Оттого Самоѣды руководствуются во взаимныхъ сношеніяхъ не правилами устава, а настоящими своими обычаями, не облагороженными; уставъ же примѣняется только къ рѣшеніямъ дѣлъ, возникающихъ между Самоѣдами и Русскими. Священникъ І. Спицовъ, который имѣлъ полную возможность основательно изучить бытъ Самоѣдовъ въ теченіе своего долголѣтняго пребыванія въ Неси въ Канинской тундрѣ, говоритъ о судебномъ уставѣ, что онъ есть „прямо начертаніе начальственнаго распо-

---

[1]) *Современникъ* 1846 г., № 10.

[2]) Здѣсь авторъ ошибочно называетъ судебнымъ уставомъ правила, составленныя временнымъ комитетомъ на основаніи вышеуказаннаго § 37. *Прим. ред.*

ряженія, а не правила или сводъ ихъ управленія или законъ, истекающій изъ ихъ природнаго ума".

Такимъ образомъ, черезъ административное преобразованіе 1835 г. и изданіе устава, Самоѣды получили самоуправленіе, самосудъ и другія важныя льготы, какими не пользуются и не пользовались никогда прочіе инородцы Архангельской губерніи. Преимущество, отдаваемое Самоѣдамъ въ этомъ отношеніи, можно объяснить тѣмъ, что они, какъ народъ вполнѣ кочевой и стоящій сравнительно съ прочими инородцами на низшей ступени умственнаго развитія, народъ, особенности котораго еще далеко не сгладились, не можетъ такъ легко и безъ вреда для себя подчиниться общимъ порядкамъ, которые сложились при совсѣмъ иныхъ жизненныхъ условіяхъ. Что Самоѣды не такъ легко подчиняются вліянію русскаго элемента, какъ прочіе инородцы, видно ужь изъ того факта, что они крещены только въ недавнее время, въ началѣ настоящаго вѣка, и еще теперь есть часть Самоѣдовъ-язычниковъ въ Большеземельской тундрѣ, да и крещеное большинство только считается крещенымъ, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ вполнѣ сохраняетъ свои языческія традиціи, нѣсколько видоизмѣненныя подъ вліяніемъ христіанства.

Хотя Самоѣды сохранили, благодаря естественнымъ условіямъ быта, свой національный характеръ, все-таки долгое соприкосновеніе съ Русскими, неблагопріятное для нихъ въ экономическомъ отношеніи, повліяло на смягченіе ихъ нравовъ. Вотъ что говоритъ священникъ І. Синцовъ о сибирскихъ Самоѣдахъ-Карачеяхъ, которые не затронуты постороннимъ вліяніемъ и сохранили вполнѣ свою самобытность: „Карачеи сторонняго человѣка бѣгаютъ и гостя у себя въ чуму не любятъ: они подозрительны къ чужимъ и недружелюбны между собою. Богатые Карачеи держатъ у себя бѣдныхъ не иначе какъ работниками, которые должны на нихъ усердно работать, единственно изъ-за хлѣба. У нихъ есть родъ рабства. Богатый и сильный нападаетъ съ своими рабочими на родовича своего, менѣе сильнаго, отнимаетъ у него пожитки и оленей, порабощаетъ его и его рабочихъ. Богачъ Карачей своего работника за непослушаніе или за какой-нибудь проступокъ наказываетъ, какъ хочетъ, или бросаетъ его на пустомъ мѣстѣ безъ пищи на произволъ судьбы". Вѣроятно, рабство было прежде и у

Архангельскихъ Самоѣдовъ, какъ можно заключить изъ словъ грамоты 1688 г., гдѣ сказано про Югорскихъ и Лѣсовыхъ Самоѣдовъ, что они „Тіупскую Самоядь побиваютъ до смерти и малыхъ ребятъ воровски уносятъ“, уносятъ, конечно, затѣмъ, чтобы сдѣлать ихъ рабами; но теперь рабство изчезло, какъ изчезли воинственныя и хищническія наклонности Большеземельскихъ Самоѣдовъ какъ изчезъ настоящій родовой бытъ и управленіе черезъ родоначальниковъ, которое сохранилось еще между Карачеями. Но и между этими послѣдними вводится административное устройство, подобное самоѣдскому, и тамъ учреждена духовная миссія для распространенія христіанской вѣры, которая встрѣчаетъ, какъ встрѣтила сначала и между Самоѣдами, упорное сопротивленіе“.

Экономическое положеніе Самоѣдовъ весьма незавидно. Главное ихъ занятіе есть оленеводство, которое обусловливаетъ кочевой образъ ихъ жизни, да и самую возможность существованія въ такой пустынной и бѣдной мѣстности, какъ тундра. Но это занятіе, безъ коего Самоѣдъ не можетъ существовать иначе, какъ на счетъ благотворительности своихъ ближнихъ или въ кабалѣ у Ижемца,— теперь въ упадкѣ. Почти половина Самоѣдовъ Большеземельской тундры не имѣетъ вовсе оленей; число оленей у остальныхъ Самоѣдовъ такъ незначительно, что на каждаго Самоѣдина, по вычисленію г. Ислависа, едва приходится по 17 головъ. Огромныя самоѣдскія стада перешли въ руки Зырянъ и Русскихъ, которые захватили ихъ частью обманомъ, частью явнымъ насиліемъ. Теперь Самоѣды ограждены отъ насилія, но не могутъ быть ограждены отъ обмана, принимающаго законный видъ торговой сдѣлки, скрѣпляемой водкою.

Но даже и помимо присвоенія Зырянами или Русскими, подъ тѣмъ или другимъ предлогомъ, собственности Самоѣдовъ, оленеводство этихъ послѣднихъ не можетъ подняться, такъ какъ огромныя стада русскихъ или зырянскихъ оленеводовъ занимаютъ всѣ лучшія мѣста въ тундрѣ и вытаптываютъ мохъ, хотя не имѣютъ на тундру никакого права; оттого самоѣдскія стада, поставленныя въ болѣе невыгодныя условія, не могутъ такъ хорошо плодиться, какъ стада русскія или зырянскія. Справедливость заставляетъ замѣтить, что Самоѣды также отчасти виноваты въ дурномъ со-

стоянiи своего оленеводства, такъ какъ нисколько не заботятся объ уходѣ или хоть какомъ-нибудь присмотрѣ за своимъ стадомъ, вполнѣ предоставляя его на произволъ судьбы: оттого различныя болѣзни, а также волки, уничтожаютъ всегда множество оленей въ ихъ стадахъ, щадя въ то же время стада Ижемцовъ, которые имѣютъ болѣе бдительный надзоръ за своими оленями.

Кромѣ оленеводства, Самоѣды занимаются еще рыбными и звѣриными промыслами. Рыболовство могло бы служить очень важнымъ подспорьемъ въ самоѣдскомъ хозяйствѣ, еслибы Самоѣды были въ состоянiи извлекать всѣ выгоды изъ множества рыбныхъ озеръ и рѣкъ, которыми изобилуетъ тундра. Но на самомъ дѣлѣ выходитъ не такъ; всѣми выгодами пользуются Зыряне и Русскiе. Они отбили у Самоѣдовъ всѣ промысловыя мѣста, обзавелись нужными снастями и снарядами, которыхъ негдѣ взять бѣдному Самоѣдину, и промышляютъ рыбу все лучшее время года, не подпуская Самоѣдовъ; эти послѣдніе выжидаютъ для ловли осени, когда Зыряне и Русскiе возвращаются домой въ свои поселенiя, и тогда начинаютъ ловить, что̀ осталось рыбы, если есть необходимые снаряды или удалось взять ихъ въ ссуду у Русскихъ и Ижемцевъ за часть улова. Но недостатокъ соли не позволяетъ Самоѣдамъ воспользоваться, какъ слѣдуетъ, добычею своего промысла: за полпуда соли они должны платить тѣмъ же русскимъ крестьянамъ или Ижемцамъ бѣлаго песца или оленью шкуру, цѣною въ 1 рубль, а при такихъ цѣнахъ на соль они естественно не имѣютъ возможности солить свою рыбу. Это мы говорили о Большеземельскихъ Самоѣдахъ. Еще больше стѣснены въ рыбныхъ промыслахъ Канинскiе и Тиманскiе, такъ какъ мезенскiе крестьяне и мѣщане поселились при самыхъ выгодныхъ рыболовныхъ мѣстахъ и совсѣмъ оттѣснили Самоѣдовъ отъ пользованiя ими.

Звѣриными промыслами Самоѣды занимаются на морѣ, въ тундрѣ и въ лѣсахъ. Выгодными промыслами морскихъ звѣрей они занимаются мало, такъ какъ Русскiе заняли всѣ лучшiя промысловыя мѣста, какъ на Канинскомъ и Тиманскомъ берегахъ, такъ и около Югорскаго шара; Русскiе берутъ Самоѣдовъ въ рабочiе, какъ отважныхъ и искусныхъ охотниковъ, но разумѣется, тогда всѣ выгоды промысловъ переходятъ въ руки Русскихъ, То же бываетъ, когда Самоѣды промышляютъ и самостоятельно; какъ бы ни была

велика ихъ добыча, они все-таки должны сбыть ее русскимъ кулакамъ за безцѣнокъ, и притомъ не на деньги, а на товаръ.

Въ тундрѣ Самоѣды ловятъ песцовъ и лисицъ. Но какъ въ томъ, такъ и въ другомъ промыслѣ мѣшаютъ имъ Русскіе и Зыряне, которые также промышляютъ въ тундрѣ звѣря и истребляютъ его своимъ неразумнымъ, неразчетливымъ веденіемъ охоты. Такъ Русскіе вынимаютъ изъ норъ щенятъ лисицы, чтобы выкормить ихъ дома, черезъ что̀ замѣтно уменьшается число этого звѣря въ тундрѣ. Еще сильнѣе истребляютъ песцовъ Зыряне: живя въ тундрѣ только до осени и не имѣя нужды щадить интересы Самоѣдовъ, они не выжидаютъ того времени, когда песецъ побѣлѣетъ и сдѣлается выгоденъ для охоты, а истребляютъ его въ первомъ возрастѣ, пока онъ не имѣетъ еще большой цѣнности, къ тому же истребляютъ, выкуривая его изъ норъ, а изъ такихъ выкуренныхъ норъ песецъ тотчасъ удаляется и не возвращается въ нихъ болѣе. Самоѣды, чтобы получить хоть что-нибудь, подражаютъ Зырянамъ, хотя хорошо понимаютъ всю разорительность такого способа охоты, грозящаго полнымъ истребленіемъ звѣря въ тундрѣ. Также промышляютъ Самоѣды различныхъ птицъ, которыхъ лѣтомъ прилетаетъ въ тундру множество. Все, что̀ не идетъ для собственнаго употребленія, Самоѣды мѣняютъ крайне невыгоднымъ для себя образомъ у русскихъ и зырянскихъ торговцевъ на хлѣбъ и другіе необходимые предметы.

По словамъ Кастрена, въ характерѣ Самоѣдовъ много общаго съ Финнами; они столь же подозрительны, скрытны, недовѣрчивы, упрямы, тяжелы на подъемъ, настойчивы въ исполненіи задуманнаго. Подобно Лопарямъ, они непостоянны, невѣрны слову, склонны къ обману: послѣднее относится въ особенности къ Канинскимъ Самоѣдамъ. Взглядъ Самоѣда на жизнь вообще грустный: для него все подернуто мракомъ ночи; поэтому онъ и смотритъ безстрастно на всѣ явленія жизни и природы. Одинъ изъ важнѣйшихъ жизненныхъ вопросовъ для Самоѣда есть ѣда; но въ крайнихъ случаяхъ они равнодушно переносятъ и муки голода. Рѣдко можно этихъ сыновъ Ледовитаго моря вывести изъ обычнаго ихъ безстрастія; но Боже упаси, когда Самоѣдъ выйдетъ изъ себя: вы увидите тогда неукротимаго дикаря, бѣшенству котораго нѣтъ предѣловъ! Эта черта характера замѣтна, въ особенности, у Ка-

нинскихъ Самоѣдовъ, болѣе зажиточныхъ, чѣмъ другіе; что же касается до Самоѣдовъ Тиманскихъ, то они совсѣмъ другаго характера: въ 1831 и 1833 гг. свирѣпствовала въ ихъ тундрѣ язва, отъ которой погибло до 20 тысячъ оленей и множество народа; вслѣдствіе того они упали духомъ, сдѣлались боязливы, тихи и скромны. Къ свѣтлымъ сторонамъ Самоѣдовъ принадлежитъ ихъ готовность къ услугамъ и къ помощи ближнему: съ гостемъ и съ бѣднымъ они рады раздѣлить послѣдній кусокъ скудной своей пищи. Г. Ислависнъ нѣсколько иначе говоритъ о нравственныхъ качествахъ Самоѣдовъ. По его словамъ, Большеземельскіе Самоѣды-язычники болѣе всѣхъ другихъ сохранили національный характеръ и во многомъ отличаются отъ крещеныхъ, которые болѣе бываютъ въ соприкосновеніи съ Русскими; они добры, тихи, беспечны, особенно вѣрны данному слову; Канинскіе же и Тиманскіе Самоѣды такъ уже обрусѣли, что приняли всѣ оттѣнки русскаго характера [1]).

Всѣхъ Самоѣдовъ, обитающихъ въ Архангельской губерніи, по переписи 1864 году считалось 5668 душъ обоего пола; но эта цифра не вполнѣ достовѣрна, такъ какъ Самоѣды разсѣяны по огромному пространству Мезенской тундры и переходятъ даже за Уральскій хребетъ.

Самоѣды Канинской тундры на зиму прикочевываютъ въ югозападную часть тундры и даже къ городамъ Архангельской губерніи, гдѣ частью нищенствуютъ, частью заработываютъ себѣ пропитаніе тѣмъ, что катаютъ любителей ѣзды на оленяхъ. Тиманскіе Самоѣды откочевываютъ зимой на югъ въ лѣсистыя мѣста. О кочевьяхъ Большеземельскихъ Самоѣдовъ будетъ подробно сказано ниже.

При составленіи собранія юридическихъ обычаевъ Самоѣдовъ приняты были нами за основаніе обычаи, записанные въ г. Холмогорахъ *П. Ефименкомъ* со словъ Канинскихъ Самоѣдовъ. Дополненіемъ послужили намъ также свѣдѣнія, сообщенныя священникомъ *Іосифомъ Синцовымъ*, и книга *Владиміра Ислависна*: Самоѣды въ домашнемъ и общественномъ быту. С.-Петербургъ. 1847.

Кромѣ того, свѣдѣнія о юридическихъ обычаяхъ Самоѣдовъ встрѣ-

---

[1]) Самоѣды въ домашнемъ и общественномъ быту стр. 108.

чаются въ статьяхъ: *М. А. Кастрена:* „Русскіе Самоѣды“ и „Путевыя письма изъ сѣверной Россіи“, напечатанныхъ въ *Современникѣ* въ 1845, 1846 и 1848 годовъ [1]), и въ статьѣ *В. Ислабина:* Разказы о кочеваніи по тундрамъ Самоѣдскимъ“, помѣщенной въ *Современникѣ* 1848 г., т. VIII и IX; также въ книгахъ: *Максимова:* „Годъ на Сѣверѣ“; академика *Лепехина:* „Дневныя записки“; начальника Уральской Экспедиціи *Гофмана:* „Сѣверный Уралъ и береговой хребетъ Пай-Хой“; *Шренка:* Reise nach dem Nordosten des Europäischen Russlands durch die Tundren der Samojeden“; въ *Архан. Губ. Вѣдомостяхъ*, 1849 г. заслуживаетъ вниманія статья архимандрита *Веніамина:* „Самоѣды Мезенскіе“, перепечатанная потомъ въ *Этногр. Сборникѣ Геогр. Общества*, кн. IV. [2]).

I.

Гражданское право.

1. Право семейственное.

Когда Самоѣды были язычниками, они строго соблюдали обычай — не брать женъ изъ своего рода по мужской линіи: бракъ въ своемъ родѣ считался у нихъ кровосмѣшеніемъ. Между тѣмъ дозволялось брать въ супружество женщинъ изъ рода матери, даже ближайшихъ родственницъ, напримѣръ, можно было жениться на теткѣ, то-есть, сестрѣ матери, или два брата могли жениться на двухъ сестрахъ.

У Самоѣдовъ, принявшихъ христіанство, этого обычая нѣтъ.

---

[1]) А. Я. Ефименко не имѣла въ рукахъ полнаго русскаго перевода „Путевыхъ воспоминаній“ Кастрена, помѣщеннаго въ *Магазинѣ землевѣдѣнія*, изд. *И. Фролова*, кн. IV. *Прим. ред.*

[2]) Этотъ библіографическій перечень слѣдуетъ дополнить указаніемъ на слѣдующія статьи: „Ротта или присяга Самоѣдовъ“—*Отечественныя Записки* за 1830 г.; „Ротта или присяга Самоѣдовъ“—*Финскій Вѣстникъ* за 1845 г., № 4; *А. Зуева*, Югорскій Шаръ—*Архангельскія Губернскія Вѣдомости* за 1867, № 81, 82. Мы не упоминаемъ здѣсь о матеріалахъ, касающихся быта и обычаевъ сибирскихъ Самоѣдовъ, о которыхъ въ нашей печати не мало данныхъ.

Примѣч. редактора.

Христіанская религія, съ своимъ обязательнымъ запрещеніемъ вступать въ бракъ въ извѣстныхъ степеняхъ родства, не дозволитъ Самоѣдину жениться на родственницѣ, еслибъ онъ и вздумалъ это сдѣлать; къ тому же роды ихъ уже не имѣютъ прежней строгой разграниченности, они сбились и перепутались. Но у язычниковъ-Самоѣдовъ Большеземельской тундры г. Ислављнъ, изучавшій ихъ бытъ въ сороковыхъ годахъ, нашелъ этотъ обычай еще въ полной силѣ. Запрещалось вступать въ бракъ не только въ своемъ родѣ, но и въ томъ изъ остальныхъ родовъ, который считается общимъ съ нимъ по происхожденію, имѣющимъ одного общаго родоначальника. Такъ Логеп и Тыссеп, два отдѣльные рода, считаются происходящими одинъ отъ другого: оттого Самоѣдинъ одного изъ этихъ родовъ не могъ сочетаться брачнымъ союзомъ съ членомъ другаго. Но Самоѣдинъ изъ рода Логей могъ взять жену изъ совершенно особаго рода Ванойты. Еще замѣчателенъ у Самоѣдовъ-язычниковъ обычай, предписывающій брату жениться на вдовѣ брата, обычай, совершенно аналогичный съ извѣстнымъ еврейскимъ закономъ [1]). Отецъ также считаетъ себя обязаннымъ, особенно если онъ вдовецъ, жениться на вдовѣ покойнаго своего сына, то-есть, своей снохѣ, и дѣлаетъ это тѣмъ охотнѣе, что за нее не нужно платить. Братъ покойнаго также не платитъ за его жену, а напротивъ получаетъ ея приданое. Видно, говоритъ г. Шренкъ, сообщающій объ этомъ, что необходимость попеченія объ оставшихся вдовахъ и сиротахъ и защиты ихъ, а также разчетъ дешеваго пріобрѣтенія женъ, лежитъ въ основаніи этого обычая [2]).

У Самоѣдовъ нѣтъ обычая, какъ у Лопарей, чтобы молодые люди женились на старухахъ изъ корыстныхъ видовъ; напротивъ, часто случается, что женятся на особахъ очень молодыхъ, за которыхъ платятъ порядочныя деньги. Кастренъ, при описаніи самоѣдской свадьбы, на которой онъ присутствовалъ, говоритъ, что невѣстѣ было только 13 лѣтъ [3]). По словамъ г. Шренка, у Самоѣдовъ нерѣдки примѣры двѣнадцатилѣтнихъ супругъ и матерей [4]).

---

[1]) *Арх. Губ. Вѣд.* 1849 г: № 6: Самоѣды Мезенскіе, ст. архим. *Веніямина*; Самоѣды въ домашнемъ и общественномъ быту, *Ислављна*, стр. 32.

[2]) Путешествіе, I, стр. 478.

[3]) *Современникъ*, 1846 г. № 10, Русскіе Самоѣды.

[4]) Путешествіе *Шренка*, I, 478.

Вообще у Самоѣдовъ не соблюдается правильнаго, нормальнаго отношенія между лѣтами жениха и невѣсты; у язычниковъ случается, что и малолѣтнихъ мальчиковъ женятъ на совершеннолѣтнихъ дѣвушкахъ, и дѣвочекъ выдаютъ за взрослыхъ мужчинъ [1]).

Обычаи Самоѣдовъ-язычниковъ допускаютъ многоженство. Но только немногіе богатые пользуются этимъ и имѣютъ двѣ - три жены, такъ какъ пріобрѣтеніе женъ сопряжено съ значительными издержками; напротивъ того, встрѣчаются холостые Самоѣды, которые не могутъ обзавестись и одною женой, за недостаткомъ средствъ [2]).

Правила христіанской религіи, къ которой принадлежитъ уже большинство Самоѣдовъ, не вошли еще въ ихъ нравы. Такъ, вѣнчанье не всегда составляетъ у нихъ существенно важную и необходимую часть свадебнаго обряда. Празднуютъ свадьбу, когда есть вблизи вино, будь то въ постъ или въ какое-либо другое время, когда свадьбы запрещаются церковью. Вѣнчаются, когда прикочуютъ къ селеніямъ, въ которыхъ есть церкви. Священникъ Канинской тундры пишетъ, что случается часто прежде крестить дѣтей у молодыхъ, а потомъ вѣнчать родителей [3]). Если вѣнчанье не одновременно со свадьбой, то оно не сопровождается пиршествомъ или какими-нибудь обрядами.

Необходимость согласія родителей при заключеніи брачныхъ союзовъ обусловливается самою сущностью ихъ браковъ, которые суть ничто иное, какъ покупка съ одной стороны и продажа съ другой. Очевидно, молодой человѣкъ, зависящій въ матеріальномъ отношеніи отъ своего отца, не можетъ жениться безъ его согла-

---

[1]) Дневныя записки о путешествіи, *Лепехина*, часть IV, стр. 116—117.

[2]) *Ислаѣнъ*, стр. 126; *Кастренъ* въ *Современникѣ* 1846 г., № 10.

[3]) Въ Уставѣ объ управленіи Самоѣдами, сказано: „Какъ Самоѣды-христіане, проживающіе въ великомъ отдаленіи отъ постоянныхъ церквей, вообще нуждаются въ церковныхъ требахъ, а особливо встрѣчаютъ неудобства при заключеніи браковъ, и обстоятельство сіе составляетъ важное препятствіе къ распространенію между ними христіанской вѣры, то на епархіальное начальство возлагается умепьшить постепенно и совсѣмъ уничтожить сіе препятствіе мѣрами, какія по мѣстному его усмотрѣнію будутъ признаны къ тому удобнѣйшими.

сія; невѣста же есть товаръ въ полномъ смыслѣ этого слова. Впрочемъ, нельзя сказать, что совершенно не бываетъ случаевъ проявленія собственной воли и желанія у дѣвушекъ. Случается, что дѣвушка выходитъ замужъ тайкомъ отъ сопротивляющихся родителей, которые и лишаются такимъ образомъ за нее платы. Молодые люди въ такомъ случаѣ живутъ безъ вѣнчанія, пока не умилостивятся родители и не простятъ дочь: тогда уже совершаются покупка и вѣнчаніе. Но такіе случаи рѣдки. Гораздо чаще бываетъ такъ, что отецъ женитъ сына, вовсе не спрашивая предварительно его согласія [1]); родители невѣсты также сватаютъ ее, не думая обращать вниманія на ея собственную волю.

Какъ мало принимаются въ разчетъ желанія самихъ вступающихъ въ бракъ, видно изъ вышеупомянутаго обычая женить и выдавать замужъ малолѣтнихъ.

Немногосложные брачные обряды Самоѣдовъ представляютъ самую безцеремонную торговую сдѣлку, гдѣ дѣвушка является предметомъ торговли. Отецъ, задумавъ женить сына на извѣстной дѣвушкѣ, выбираетъ родственника или знакомаго сватомъ, по самоѣдски *эву*, и посылаетъ его для переговоровъ съ родителями невѣсты. Эву отправляется въ невѣстинъ чумъ съ шомполомъ или варильнымъ крюкомъ въ рукѣ. Пріѣхавъ туда, онъ сообщаетъ отцу невѣсты цѣль своего пріѣзда и кладетъ ему на колѣна лисицу красную или бурую: цвѣтомъ ея опредѣляется состояніе жениха, самъ же выходитъ изъ чума или вовсе уѣзжаетъ обратно. Если отецъ невѣсты желаетъ отдать дочь замужъ, то оставляетъ подарокъ у себя; если же нѣтъ, то немедленно отсылаетъ его [2]). Въ первомъ случаѣ сватъ снова ѣдетъ въ чумъ невѣсты съ женихомъ, чтобы договориться окончательно о платѣ за невѣсту. Женихъ не входитъ въ чумъ, пока сватъ не окончитъ переговоровъ. Улаживается сдѣлка такимъ образомъ: сватъ молча подаетъ отцу невѣсты бирку, которую онъ привозитъ съ собою. Отецъ невѣсты дѣлаетъ на биркѣ столько рубежковъ, сколько онъ намѣренъ взять за дочь оленей, песцовъ и т. п., и затѣмъ отдаетъ бирку свату. Этому послѣднему ужъ извѣстно, во сколько покупа-

---

[1]) *Иславинъ*, стр. 126.

[2]) Тамъ же.

тель-женихъ оцѣнилъ товаръ, и потому, если эву находитъ, что цѣна превышаетъ ту, на которой онъ уполномоченъ покончить дѣло, то онъ срѣзываетъ лишнее число рубежковъ. Тесть, разумѣется, проситъ надбавки, и сватъ выходитъ въ такомъ случаѣ посовѣтоваться съ женихомъ. Такимъ образомъ торгуются нѣсколько времени, обыкновенно молча, посредствомъ знаковъ. Если сойдутся въ цѣнѣ, то каждая изъ договаривающихся сторонъ кладетъ свое клеймо на концѣ палочки, которая затѣмъ раскалывается пополамъ: одна половина берется сватомъ, другая тестемъ. Такъ заключается свадебный договоръ, и по заключеніи его женихъ входитъ въ чумъ; если же дѣло не уладится, то женихъ такъ и уѣзжаетъ, не показавшись въ чумѣ невѣсты [1]).

При заключеніи договора женихъ даетъ своему будущему тестю въ задатокъ нѣсколько оленей. Если женихъ откажется отъ своего предложенія, то задатокъ пропадаетъ. Если же откажется отъ заключенія сдѣлки отецъ невѣсты и отдастъ свою дочь за другаго, то обязанъ заплатить жениху за безчестье вдвое противъ задатка.

По окончаніи сватовства, отецъ невѣсты ѣдетъ въ чумъ жениха за полученіемъ платы. Но женихъ отдаетъ ему не всѣхъ оленей, а половину или двѣ трети ихъ, оставляя прочихъ до полученія невѣсты и ея приданаго.

Обряды, сопровождающіе заключеніе брачнаго союза, у разныхъ Самоѣдовъ нѣсколько различны, но обыкновенно очень просты. Сущность ихъ есть угощеніе водкой, до которой такъ падки Самоѣды, и безъ которой немыслима свадьба. При сватовствѣ дѣлается условіе, сколько должна каждая сторона поставить вина; обыкновенно ставятъ по ровну. На бѣдныхъ свадьбахъ покупается каждою стороной по одному ведру, и гостей бываетъ въ такомъ случаѣ немного, 10—15 человѣкъ. Но на богатыхъ свадьбахъ ставятъ ведеръ по десяти, и тогда приглашается много народу.

Пьютъ всѣ безъ исключенія, затѣмъ начинается повальная драка; а когда выпьютъ всю водку, то пиръ оканчивается, и гости, съ подбитыми глазами и изуродованными лицами, разъѣзжаются по домамъ [2]).

---

[1]) *Иславинъ*, стр. 126—127; *Кастренъ* въ *Современникѣ* 1845 г., № 10.

[2]) *Кастренъ* въ *Современникѣ* 1846 г., № 10.

Пируютъ и у жениха, и у невѣсты. Особенно торжественно справляется день на канунѣ окончательнаго заключенія брачнаго союза. Вотъ какъ описываетъ обряды этого дня и слѣдующаго Лепехинъ, изучавшій бытъ Самоѣдовъ еще въ прошломъ столѣтіи: Женихъ, собравъ своихъ родственниковъ и пріятелей, пріѣзжаетъ къ невѣстѣ. Всѣ входятъ въ чумъ подъ предводительствомъ свата. Женщины, сидящія по обѣимъ сторонамъ входа, не пускаютъ гостей, пока сватъ не броситъ имъ по лоскутку сукна или чего-либо другаго. Затѣмъ всѣ усаживаются по мѣстамъ. Между тѣмъ хозяинъ давитъ оленя: мясо его варитъ для гостей, а кожу отдаетъ свату. Потомъ начинается пиршество. Всѣ присутствующіе угощаются виномъ; первая чарка принадлежитъ свату, вторая жениху и невѣстѣ, а дальше прочимъ гостямъ по порядку. Послѣ того принимаются за ѣду: нѣсколько кусковъ мяса подается особенно жениху и невѣстѣ, которые и ѣдятъ его вмѣстѣ. По окончаніи пиршества всѣ гости расходятся на ночлегъ по своимъ чумамъ, только одинъ женихъ остается въ чумѣ у невѣсты, не имѣя надъ нею однакоже никакихъ супружескихъ правъ. На другой день уѣзжаетъ онъ въ свой чумъ и посылаетъ мать или старшую изъ родственницъ за невѣстой. Отецъ и мать невѣсты приготовляютъ дочь къ жениху, укладываютъ въ сани приданое, запрягаютъ оленей, которые всегда бываютъ изъ числа жениховыхъ, выбранныхъ по одному изъ каждаго десятка подъ приданое съ наддачею одного за котелъ, полученный съ оленями отъ жениха. Когда невѣста пріѣзжаетъ въ чумъ жениха, то ее встрѣчаютъ родственницы и знакомыя; онѣ становятся въ два ряда, между которыми проѣзжаетъ свекровь, а за нею невѣста на двухъ отдѣльныхъ, но связанныхъ между собою саняхъ. Между тѣмъ, стоящія по сторонамъ женщины бросаются къ санямъ невѣсты со словами: „Зачѣмъ лежишь? Сиди прямо: отецъ живъ и мать жива“, хватаютъ ее за лицо, говоря: „Пригоже лицо“. Такимъ образомъ свекровь провозитъ невѣсту три раза вокругъ чума, затѣмъ уводитъ въ чумъ и вручаетъ своему сыну, чѣмъ и оканчивается свадьба. Съ этого дня начинается у Самоѣдовъ общее ложе, если оба лица находятся въ совершенномъ возрастѣ. Въ противномъ же случаѣ бываетъ запрещеніе на годъ и болѣе.—Г. Ислависнъ, изучавшій Самоѣдовъ въ половинѣ нынѣшняго вѣка, описываетъ обряды, сопровождаю-

щіе заключеніе брачнаго союза, нѣсколько иначе: Въ сумерки, по окончаніи пиршества у невѣсты, гости начинаютъ разъѣзжаться, всѣ, даже родные, выходятъ изъ чума и оставляютъ въ немъ только однихъ обрученыхъ. Послѣ полуночи женихъ долженъ выйти изъ чума, такъ чтобы никто не замѣтилъ, запречь своихъ оленей и уѣхать домой. На другой день сватъ, какъ главный распорядитель, снова является къ отцу невѣсты и сговаривается съ нимъ о днѣ свадьбы: созываютъ гостей и ѣдутъ въ невѣстинъ чумъ, гдѣ уже собралась вся ея родня, которая придерживаетъ двери изнутри какъ можно крѣпче и не пускаетъ жениховыхъ гостей до тѣхъ поръ, пока сватъ не подаритъ лисицу или песца, смотря по состоянію жениха. Если подарокъ понравится, то двери чума раскрываются, всѣ гости влѣзаютъ туда и садятся въ кружокъ по старшинству, женихъ рядомъ съ невѣстой. Послѣ угощенія, состоящаго изъ сырой оленины и вина, сажаютъ невѣсту на сани, покрываютъ одѣяломъ изъ разноцвѣтныхъ суконъ; къ ея санямъ привязываютъ нѣсколько саней съ приданымъ, и длиннымъ поѣздомъ, съ возможною скоростью, обвозятъ ее, сперва вокругъ чума отца ея, а потомъ три раза вокругъ жениха чума, гдѣ родственницы жениха и гость, ставъ въ два ряда, встрѣчаютъ ее радостными кликами. Свекровь вручаетъ сыну молодую жену, и тѣмъ оканчивается свадьба [1]). Крещеные вѣнчаются, когда прикочевываютъ къ селеніямъ, какъ уже было сказано.

Выкупъ, даваемый за невѣсту и обыкновенно довольно значительный, соразмѣряется съ достоинствами невѣсты и богатствомъ жениха. Достоинствами невѣсты считается ея богатое приданое, молодость и красота. Это послѣднее условіе также немало значитъ. Дѣвушка, которая имѣетъ, по словамъ самоѣдской пѣсни, „маленькіе глазки, широкое лицо и румянецъ, похожій на утреннюю зарю передъ непогодой, прямой носъ и вывороченныя ножки,“ то-есть, всѣ характеристическія черты самоѣдскаго идеала женской красоты, цѣнится дорого. Плата за невѣсту дается всегда оленями, сверхъ которыхъ прибавляютъ иногда шкуры песцовъ, лисицъ и другіе предметы. Вотъ какъ велика плата за невѣсту у Самоѣдовъ раз-

[1]) *Кастренъ* въ *Современникѣ* 1846 г., № 10.

ныхъ состояній: Богатые даютъ—по 100 и по 200 оленей; кромѣ того 100—200 песцовъ, 1—2 чернобурыхъ или 10 красныхъ лисицъ, 3 саженп тонкаго алаго, синяго пли желтаго сукна, 1 мѣдный котелъ. Самоѣды средняго состоянія: отъ 25 до 50 оленей, 25—50 песцовъ, 1 — 2 красныхъ лисицъ, 3 саженп недорогого сукна, 1 мѣдный котелъ. Бѣдные даютъ: отъ 10 до 20 оленей пли деньгами отъ 7 до 15 рублей серебромъ [1]). Такъ дѣлается у Самоѣдовъ Большеземельской тундры. Въ другихъ мѣстахъ вовсе не даютъ денегъ, а плата производится исключительно оленями отъ 10—100 штукъ. Женщина, выходящая замужъ вторично, цѣнится уже гораздо ниже.

Въ замѣнъ платы родители невѣсты снабжаютъ ее приданымъ. Приданое состоитъ изъ чума съ *нюками* (оленьи шкуры, которыми покрывается чумъ), женскаго платья, хлѣба, масла, оленины, одѣяла, постели и пр. Приданое складывается на санки, число которыхъ пропорціонально числу оленей, данныхъ женихомъ за невѣсту; именно, на каждый десятокъ оленей полагаются однѣ санки. (Надо замѣтить, что самоѣдскій десятокъ равняется нашему числу девять, такъ что если назначено дать за невѣсту 100 оленей, то дается десять десятковъ, то-есть, $9 \times 9 = 81$). Одинъ изъ пары оленей, которыми запряжены санки, выбирается изъ числа оленей, данныхъ женихомъ за невѣсту, и назадъ родителямъ невѣсты тѣ олени не возвращаются. Даются еще двое саней, изъ которыхъ однѣ съ мужскою одеждой и снарядами для промысловъ, вещами, предназначенными въ подарокъ жениху, на другихъ ѣдетъ невѣста. Сверхъ приданаго, замужняя дочь имѣетъ право въ концѣ каждаго года пріѣзжать къ отцу и брать у него одного оленя.

Приданое у Самоѣдовъ пріобрѣтается отцемъ и считается его собственностью, потому что все имущество Самоѣдовъ находится въ полномъ распоряженіи мужчинъ.

Приданымъ не можетъ безусловно распоряжаться жена, но распоряжается имъ мужъ.

Если жена умретъ вскорѣ послѣ замужества и не останется отъ нея дѣтей, тогда приданое возвращается ея отцу или роднымъ,

---

[1]) *Ислаѣнъ*, стр. 128.

выдавшимъ ее замужъ, а выкупъ, данный за невѣсту, идетъ обратно. Когда же жена оставитъ послѣ себя дѣтей, то приданое остается у мужа, обязаннаго вскормить дѣтей.

Жены имѣютъ собственности крайне мало. Если отецъ даритъ замужней дочери оленей, то эти олени поступаютъ въ ея полную собственность, и она клеймитъ ихъ по своему. У богатыхъ мужей жена бываетъ иногда въ правѣ продать убитаго *пыжика* (шкурка молодаго оленя), *пимы* (обувь) или *камусы* (кожа съ лапъ оленя) и взять деньги въ свою пользу. Но это рѣдкое исключеніе. Общее правило, что мужъ распоряжается всѣмъ имуществомъ жены, продаетъ и покупаетъ по собственному усмотрѣнію, не смотря на то, что женщина въ семьѣ работаетъ сколько есть силъ, несравненно больше мужчины.

У Самоѣдовъ-язычниковъ бракъ есть союзъ временный, обязательный лишь до тѣхъ поръ, пока супруги хотятъ жить вмѣстѣ. Въ противномъ случаѣ, они его безъ всякихъ трудностей расторгаютъ, получая полную свободу заключать новые брачные союзы. Если мужъ заподозритъ жену въ невѣрности, или если она почему-либо ему не понравится, то онъ отсылаетъ ее къ родителямъ, иногда же преслѣдуетъ ее до того, что та сама бросаетъ его и уходитъ къ отцу, и уходя, забираетъ свое имущество. Если же нѣтъ родителей, то она ходитъ по чужимъ людямъ, нищенствуетъ. Когда мужъ самъ отсылаетъ жену, то олени, которыхъ онъ за нее заплатилъ, не возвращаются ему, а остаются во владѣніи тестя. Если жена оставляетъ мужа по своему желанію, то отецъ ея долженъ возвратить мужу оленей [1]). По словамъ г. Шренка, приданое жены, какъ въ первомъ, такъ и во второмъ случаѣ, остается у мужа [2]). У Самоѣдовъ-христіанъ развода не бываетъ, такъ какъ онъ сопряженъ съ большими затрудненіями, но супруги тѣмъ не менѣе сохраняютъ полную свободу расходиться въ случаѣ неудовольствій, и дѣйствительно, часто расходятся.

Начальникъ Уральской экспедиціи г. Гофманъ передаетъ нѣсколько случаевъ того, какъ самоѣдскія женщины обращались къ нему съ просьбой уладить ихъ супружескія отношенія. Описывая

---

[1]) *Лепехинъ*, стр. 223.

[2]) Путешествіе, I, стр. 478.

свое пребываніе на р. Карѣ, онъ говоритъ: „Въ чумѣ нашего, еще не крещенаго хозяина жила, съ тремя маленькими дѣтьми своими, одна его родственница, которую мужъ прогналъ отъ себя, чтобы жениться на другой, которая, съ своей стороны также оставила мужа и маленькаго ребенка. Отверженная жена пожаловалась на свое несчастье Чупрову (Зырянинъ, провожавшій экспедицію) и сказала, что она была бы готова воротиться къ своему мужу, и что другой мужъ также радъ бы былъ принять опять свою жену къ себѣ, потому что у него нѣтъ довольно достатка для покупки другой жены. Чупровъ просилъ меня привести въ порядокъ дѣла этихъ семействъ, именно, чтобъ я призвалъ въ чумъ, въ которомъ буду завтра ночевать, Самоѣда съ его красавицей и приказалъ ему принять къ себѣ опять первую жену съ ея дѣтьми, а забывшую свою обязанность красавицу возвратить ея мужу. Я возразилъ на это, что не имѣю никакого права на такія распоряженія, да и Самоѣды едва ли меня послушаются. „Худо же ты знаешь Самоѣдовъ“, отвѣчалъ Чупровъ,— „они всегда трусливы, а особливо когда чувствуютъ себя неправыми; прикрикни только хорошенько и пригрози, что онъ будетъ сидѣть съ своею любезною въ Мезенской тюрьмѣ, онъ тотчасъ послушается, а ты сдѣлаешь доброе дѣло“. Я позволилъ Чупрову завернуть мимоѣздомъ на возвратномъ пути къ Самоѣду, позвать его къ завтрашнему вечеру ко мнѣ на судъ и объявить достойной четѣ, что̀ ее ожидаетъ, если она мнѣ не покорится. Эта угроза имѣла надлежащее дѣйствіе. Бѣдняга даже не явился ко мнѣ, но г. Брантъ въ послѣдствіи мнѣ разказывалъ, что онъ на другой день пріѣхалъ съ любовницей въ чумъ къ своей женѣ и просилъ ее воротиться въ его шалашъ но первый разъ безъ дѣтей. Другую жену обѣщалъ онъ было отвезти послѣ къ ея мужу. Тутъ Самоѣдка вооружилась всѣми своими правами, прочитала мужу длинную проповѣдь и объявила, что она тогда только воротится къ нему, когда другая жена будетъ отвезена домой, но и то воротится не безъ дѣтей. Все это составило очень патетическую сцену; послѣ того Самоѣдъ взялъ въ чумѣ ружье, какъ бы для того, чтобы застрѣлить на тундрѣ крестоватика, и уѣхалъ съ своею красавицею, но часа черезъ два воротился хромой и окровавленный, разказалъ своей женѣ, что онъ хотѣлъ съ горя застрѣлиться, и потомъ они всѣ трое отправились въ его чумъ, оставя

дѣтей, которыхъ впрочемъ, черезъ два дня также забрали... Во всякомъ случаѣ, онъ не намѣренъ былъ лишать себя жизни, потому что самоубійцы наносятъ себѣ ударъ въ болѣе опасную часть тѣла чѣмъ пятка".

Далѣе г. Гофманъ, разказываетъ слѣдующее: „Во время пребыванія на р. Ойо одна женщина Самоѣдка подошла ко мнѣ съ переводчикомъ и принесла на своего мужа жалобу, въ томъ, что онъ воръ, мошенникъ и большой негодяй, который колотитъ ее, не жалѣя ни ея, ни дѣтей, такъ что оставаться у него долѣе тяжело для ея совѣсти, не говоря ужь о непріятности побоевъ, и потому она проситъ меня позволить ей бросить его. Это было требованіе совершенно противоположное карскому: тамъ я долженъ былъ соединять, здѣсь разлучать. Я велѣлъ сказать ей, что не могу ничего ни позволять, ни запрещать, но думаю, что она, по всѣмъ правиламъ, можетъ оставить мужа, если онъ колотитъ ее. Она пожелала, чтобъ я далъ ей этотъ отвѣтъ на бумагѣ; это мнѣ показалось слишкомъ по цивилизованному, и я, чтобъ узнать причину такого желанія, спросилъ ее, отчего она больше затрудняется разлукою съ мужемъ, нежели прочіе земляки ея. На это она отвѣчала съ совершенною наивностью: мы оба окрещены и обвѣнчались въ церкви, иначе я никого не стала бы просить о разводѣ; меня и теперь хочетъ взять къ себѣ другой. Это послѣднее обстоятельство, вѣроятно, было гораздо побудительнѣйшею причиною къ настоящей ея просьбѣ, чѣмъ тяжелые кулаки ея мужа и ея чувствительная совѣсть; но мнѣ было утѣшительно узнать, что усиліями миссіи положена наконецъ нѣкоторая преграда нравственной необузданности этого полудикаго племени".

Еще тотъ же авторъ сообщаетъ: „неразрывные браки Самоѣдамъ язычникамъ непзвѣстны. Жена оставляетъ мужа, если ей другой понравится больше; мужъ прогоняетъ жену и ребенка изъ своего чума и не заботится о ихъ участи, если только можетъ замѣнить ее другою. Этимъ-то и объясняется, почему они боятся крещенія: оно положило бы на нихъ неразрывные брачные узы. Еще до брака обращеніе между собою двухъ половъ не возбранно, и на дѣвушекъ, выростающихъ безъ ребенка, смотрятъ съ нѣкоторою недовѣрчивостью" [1]).

[1]) Сѣверный Уралъ *Гофмана,* II, 152, 158 и 206.

2. Юридическія отношенія членовъ семьи вообще.

Самоѣды-язычники не знаютъ ни именъ, ни фамилій, а имѣютъ только прозвища. Прозвища совершенно зависятъ отъ произвола родителей даже стороннихъ людей и даются болѣе соображаясь съ замѣченными въ младенцѣ особыми свойствами или недостатками, съ мѣстомъ рожденія его или же съ событіями, сопровождающими его на свѣтъ. Г. Ислависнъ приводитъ въ примѣръ слѣдующія прозвища, мужскія: Ачеканъ—ребенокъ, Ненчійко—человѣкъ, Тарко—мохнатый, Бармп—черный, Ваталя—лишній, Ньяруэй—бѣлый, Яргадъ—плакса, Ханю—мерзлый, Тагана—хворый, Сарникъ—волкъ, потому что оказался воромъ, Тенеко—лисичка, потому что родился въ день счастливаго улова лисицъ, Пайга—пеледь, потому что въ этотъ день былъ обильный уловъ пеледей, Мюсь—обозъ, потому что родился во время слѣдованія по тундрѣ оленьихъ обозовъ, Немзя—потому что въ день рожденія ребенка пріѣхалъ въ чумъ Кастренъ, котораго во всемъ Печорскомъ краѣ не иначе звали какъ Нѣмецъ; женскія имена: Солоне—глупая, Нюкце—дитя, Нѣко—дѣвка, Пирпбтѣ—дѣвица, Майда—хромая, Янчей—кривая. Крещеные Самоѣды носятъ обыкновенно два имени: русское и самоѣдское, а некрещеный Самоѣдъ, если богатъ, вмѣняетъ себѣ въ особую честь, когда Русскій дастъ ему русское имя; тогда онъ считаетъ его крестнымъ отцомъ своимъ и ежегодно даритъ лучшаго оленя изъ стада [1]). Въ оффиціальныхъ бумагахъ обыкновенно крещеные Самоѣды пишутся только именемъ и отчествомъ, иногда и фамиліей, или именемъ и родомъ, напримѣръ Иванъ Васпльевъ, Петръ Михайловъ Ардѣевъ, Григорій Васпльевъ роду Выучейскаго, Савва Хатанзей—Тысьи, Анна Логейская и т. п.

Самоѣды живутъ небольшими семьями, такъ какъ они очень любятъ дѣлиться. Сколько-нибудь состоятельный отецъ, послѣ женитьбы сына, тотчасъ старается отдѣлить его въ особый чумъ. Иногда отдѣлившіеся живутъ своимъ совершенно особеннымъ хозяйствомъ; иногда же, хотя и отдѣляются въ особый чумъ, но продолжаютъ составлять общую съ родителями семью, имѣютъ съ ними общій трудъ, домоводство и пропитаніе.

---

[1]) *Ислависнъ*, стр. 122-123.

Причиною раздѣловъ и отдѣловъ бываютъ семейныя неудовольствія и распри, которыя обыкновенно не доходятъ до суда, а кончаются тѣмъ, что недовольные уходятъ въ отдѣльный чумъ; если же помирятся, то опять сходятся жить вмѣстѣ. Дѣлежъ имѣнія производится также всегда миролюбивымъ семейнымъ образомъ.

Впрочемъ иногда въ одномъ чумѣ помѣщаются довольно большія семьи. Такъ одинъ Самоѣдинъ сообщалъ, что въ его чумѣ живетъ 11 человѣкъ: онъ съ женой, женинъ братъ съ женой, сестра его съ мужемъ, и кромѣ того, дѣти.

Родители у Самоѣдовъ пользуются большимъ уваженіемъ. Это уваженіе выражается наглядно въ мѣстѣ, какое они, по обычаю, занимаютъ въ чуму: они всегда сидятъ по правую сторону очага, между тѣмъ какъ дѣти занимаютъ лѣвую [1]). Всѣмъ имуществомъ семьи распоряжается отецъ; однако не отдѣленные сыновья имѣютъ иногда свою отдѣльную собственность, которая отъ нихъ вполнѣ зависитъ [2]). По смерти отца власть переходитъ къ старшему брату; если же тотъ не умѣетъ вести хозяйство, то и къ одному изъ меньшихъ, кто окажется способнѣе.

Вообще, преимущество распоряженія имуществомъ всегда принадлежитъ мужчинѣ, а не женщинѣ. Между тѣмъ она принимаетъ большое участіе въ накопленіи этого имущества. Правда, она проводитъ большую часть своего времени въ чумѣ, дома, тогда какъ мужчина чаще бываетъ внѣ дома; Самоѣдинъ уѣзжаетъ на промыслы, пасетъ оленей и т. п. Но обязанности женщины гораздо сложнѣе и труднѣе, чѣмъ обязанности мужчины. При постоянныхъ перекочевкахъ весь трудъ перенесенія жилищъ возложенъ исключительно на женщину. Она должна каждый разъ убрать и раскласть чумъ, устроить его: укласть землею и мхомъ или снѣгомъ, устлать полъ коврами, сплетенными изъ прутьевъ березы, накинуть на ковры оленьи шкуры и т. п. [3]). Устроивъ чумъ, онѣ принимаются за разнообразную домашнюю работу, кото-

[1]) *Кастренъ* въ *Современникѣ* въ 1846 г. № 10.

[2]) *Кастренъ* въ *Современникѣ* въ 1845 г. № 7.

[3]) *Иславинъ*, стр. 24, 33. *Шренкъ* говоритъ, что лѣтомъ Самоѣдъ нѣсколько недѣль употребляетъ на охоту за гусями и на рыбныя ловли, зимой посѣщаетъ свои песцовыя ловушки, въ остальное же время въ праздномъ покоѣ грѣется у огня, оставляя свои стада безъ призрѣнія; Путеш., I, стр. 474.

рой такъ много, что имъ не приводится никогда сидѣть безъ дѣла, тогда какъ мужчины проводятъ все время, свободное отъ промысловъ, совершенно праздно. Женщины приготовляютъ пищу, чистятъ посуду, заготовляютъ дрова, разводятъ огонь, запасаютъ воду, въ свободное время обдѣлываютъ оленьи шкуры, шьютъ чумы, мужское и женское платье всякаго рода, выдѣлываютъ мягкую рухлядь и т. п. Часто также помогаютъ мужьямъ и на морскихъ промыслахъ [1]).

Но не смотря на то, что дѣятельность женщины такъ существенно необходима и важна для поддержанія хозяйства Самоѣдина, сама женщина не пользуется никакимъ уваженіемъ со стороны мужчины. Она считается существомъ нисшимъ, даже нечистымъ, поганымъ. Во многихъ самоѣдскихъ обычаяхъ выражается презрѣніе къ женщинѣ. Она не можетъ переходить за черту *синикуя* (священное мѣсто, напротивъ дверей, занимаемое божкомъ), а должна обходить это мѣсто, какъ бы ни былъ обходъ этотъ неудобенъ. Переступить черезъ синикуй значитъ опоганить святыню, и самоѣдскія женщины строго чтутъ этотъ обычай. Нарушеніе его непремѣнно навлекло бы, по понятіямъ Самоѣдовъ, какую-нибудь бѣду, и предупредить ее можно только, бросивъ въ синикуй горящій уголекъ, такъ какъ „огонь все очищаетъ“ [2]). Еще больше удерживается Самоѣдка, чтобы не переступить черезъ огонь; переступленіе это было бъ еще большимъ несчастьемъ, такъ какъ огонь пользуется у Самоѣдовъ большимъ уваженіемъ. Вообще всякая вещь, черезъ которую переступитъ женщина, считается нечистою и должна быть окуриваема для очищенія верескомъ или оленьимъ саломъ. Если женщина перейдетъ дорогу, по которой Самоѣдинъ-язычникъ везетъ сани со своими божками, то онъ возвращается и объѣзжаетъ то мѣсто, по которому прошла женщина. Постель, на которой спитъ женщина, считается нечистою; самыя сани, на которыхъ перевозятся женскія постели, считаются до того погаными, что ни одинъ Самоѣдинъ не сядетъ на нихъ, а если бы присѣлъ Русскій, то надъ нимъ смѣются и называютъ поганымъ [3]).

---

[1]) *Лепехинъ*, стр. 117; *Ислагинъ*, 33.

[2]) *Ислагинъ*, стр. 33.

[3]) *Лепехинъ*, стр. 115—117.

Женщина, какъ существо нечистое, не можетъ присутствовать въ чумѣ, гдѣ *тадибей* (шаманъ) приготовляетъ свой *пензеръ* (волшебный барабанъ). Она не можетъ присутствовать при обрядѣ жертвоприношеній и ѣсть мяса жертвеннаго животнаго, а также не можетъ прикасаться къ божку. Имъ также воспрещается ѣсть мясо тѣхъ животныхъ, которыя считаются у Самоѣдовъ священными, напримѣръ, медвѣдей [1]). Если у язычниковъ Самоѣдовъ приходилось женщинѣ переѣзжать черезъ священную рощу, то чтобы не осквернить ее, женщина должна была, прежде вступленія въ эту рощу, сорвать лоскутокъ сукна съ своей одежды, пуговицу или какое-нибудь другое украшеніе и привѣсить на дерево. Крещеные Самоѣды, само собою разумѣется, не соблюдаютъ многихъ изъ этихъ обрядовъ, имѣющихъ мѣсто только у язычниковъ, отстаютъ также и отъ обычая окуривать будто бы опоганенныя женщиною вещи, но все-таки продолжаютъ считать женщину нечистою. Особенно же нечистою считается родильница. Для нея ставится особый чумъ, который называется *сямай мядико*, то есть, поганый чумъ. Въ этотъ чумъ никто не входитъ, кромѣ родильницы и женщины, исправляющей обязанность повивальной бабки, которыя напротивъ не выходятъ изъ него, пока не очистятся, обмывшись щелокомъ изъ березовыхъ губокъ [2]). Если нѣтъ особаго чума, то женщина родитъ и въ общемъ, но тогда бабка очищаетъ и чумъ, и людей, находящихся въ немъ, кропя водой, въ которой сварена березовая губка. Въ продолженіе восьми недѣль родильница считается столь нечистою, что не можетъ даже раздѣлять пищи съ мужемъ. Когда пройдетъ этотъ срокъ, ее окуриваютъ оленьимъ саломъ или вереском, а чумъ переносятъ на другое мѣсто. Если женщина случайно родила въ саняхъ, то тѣ сани сжигаются; олени, которые были впряжены, убиваются, а мясо ихъ отдается собакамъ [3]).

Вообще, положеніе самоѣдскихъ женщинъ очень тягостно и унизительно. Онѣ не могутъ даже принимать участія въ пиршествѣ своихъ мужей: если заколютъ оленя, то мужчины сначала насыщаются, а потомъ приступаютъ къ трапезѣ женщины, кото-

[1]) *Шренкъ*, I, стр. 407 и 408.

[2]) *Ислављнъ*, стр 121.

[3]) *Лепехинъ*, стр. 116—117.

рыя должны довольствоваться объѣдками [1]). Даже русская женщина, болѣе чистая, по понятіямъ Самоѣдовъ, не можетъ раздѣлять пиршества съ мужчинами. Кастренъ, присутствовавшій на самоѣдской свадьбѣ съ женой священника, разказываетъ, что онъ едва могъ убѣдить хозяина чума, чтобы тотъ пригласилъ и его спутницу пить чай вмѣстѣ [2]). Когда мужчина пьетъ водку, Самоѣдка, такая же страстная охотница до нея, только смотритъ ему въ глаза и ждетъ, не удѣлитъ ли онъ ей хоть немножко [3]). Будь Самоѣдка матерью, женой или дочерью—всегда ея положеніе тяжело и полно унизительной зависимости отъ мужчины, который столько ей обязанъ. Но изъ всѣхъ положеній самоѣдской женщины самое тяжелое есть положеніе жены, особенно у Самоѣдовъ-язычниковъ, гдѣ допускается многоженство. Мужъ съ женой всегда обращается грубо [4]), да и не можетъ быть иначе при ихъ взглядахъ на женщину. Тяжесть же положенія женъ еще увеличивается соперничествомъ, которое естественно возникаетъ между ними, такъ какъ каждая изъ нихъ желаетъ преобладанія надъ прочими; мужъ обыкновенно не вмѣшивается въ дѣла своихъ женъ, предоставляя имъ самимъ вѣдаться, какъ знаютъ. Изъ женъ бо̀льшимъ уваженіемъ, а слѣдовательно, и большимъ правомъ на власть и преобладаніе, пользуется первая жена. Если у Самоѣдина нѣсколько женъ, то онѣ чередуются между собою въ ухаживаніи за мужемъ. Дежурная жена должна убирать чумъ, стлать постель, одѣвать и раздѣвать мужа, сушить *лопты* (родъ обуви) и проч.; дежурство продолжается обыкновенно недѣлю [5]). Самоѣдская женщина такъ свыклась со своимъ положеніемъ полной зависимости, такъ мало имѣетъ понятія о чемъ-либо лучшемъ, что для нея угодить мужу есть главная цѣль жизни, первый предметъ ея мыслей, заботъ и желаній. Сама она совершенно обезличивается, теряетъ даже способность самостоятельно желать и чувствовать, что̀ очень хорошо видно изъ слѣдующаго разказа Кастрена: Этотъ путешественникъ взялъ для изученія самоѣдскаго языка

[1]) *Ислависъ*, стр. 35.

[2]) *Кастренъ* въ *Современникѣ* 1846 г. № 10.

[3]) *Кастренъ* въ *Современникѣ* 1845 г. № 7.

[4]) *Ислависъ*, стр. 130.

[5]) Отчетъ коммиссіи по изслѣдованію Печорскаго края.

толковаго Самоѣдина съ семействомъ и всѣми силами старался привязать его къ себѣ, чтобы удержать подольше; но тотъ все скучалъ о своей тундрѣ. „Мужъ былъ постоянно занятъ мною; жена шила самоѣдскія платья и иногда помогала мужу въ переводѣ. Я часто слышалъ, какъ она часто вздыхала, и когда я однажды спросилъ о причинѣ ея грусти, она зарыдала и отвѣчала со слезами, что тоскуетъ о своемъ мужѣ, который долженъ жить взаперти. „Твоему мужу“ возразилъ я,—„не хуже, чѣмъ и тебѣ самой. Скажи, какъ ты сама довольна своимъ положеніемъ?“ „Я не думаю о себѣ; я тужу только о своемъ мужѣ“, былъ простодушный отвѣтъ [1]).

Женщина у Самоѣдъ почти не имѣетъ права собственности, такъ какъ даже ея приданое находится въ полномъ распоряженіи мужа, какъ было сказано выше.

Впрочемъ, женщина, какъ мать, пріобрѣтаетъ нѣкоторое значеніе и за смертью мужа, до возраста дѣтей, управляетъ всѣмъ чумомъ и имуществомъ на правахъ полной хозяйки, нанимая для промысловъ и другихъ работъ внѣ дома работника.

Послѣ смерти матери, ея приданое имущество не поступаетъ дочерямъ, какъ обыкновенно, но сыновьямъ; дочерямъ же достается только незначительная часть.

Незаконнорожденныя дѣти пользуются у Самоѣдъ такими же правами, какъ и законныя. Но если мужъ узнаетъ, что родившійся ребенокъ не его, то случается, отсылаетъ жену и съ ребенкомъ къ ея родителямъ.

Усыновленіе также извѣстно Самоѣдамъ; усыновленные пользуются всѣмъ имуществомъ усыновителя.

3. Опека и попечительство.

Попеченіе о сиротахъ обыкновенно берутъ на себя ближніе или дальніе родственники, которые считаютъ это прямою своею обязанностью. Они кормятъ и одѣваютъ сиротъ, если у тѣхъ даже нѣтъ никакого имущества [2]). Если же есть имущество, то берутъ

---

[1]) *Современникъ*, 1846 г., № 10.

[2]) *Кастренъ* въ *Современникѣ* № 1846 г., № 10.

его въ свое распоряженіе и при совершеннолѣтіи сиротъ отдаютъ имъ имущество сполна, въ цѣлости, съ прибыткомъ или приплодомъ, если онъ окажется. Если же сами родственники, по какимъ-либо причинамъ, не могутъ держать малолѣтнихъ у себя, то отдаютъ ихъ въ постороннія руки съ условіемъ платить за ихъ вскормленіе до возраста; платятъ обыкновенно по опредѣленному числу оленей въ годъ.

4. Способы пріобрѣтенія собственности.

О клеймахъ. У Самоѣдовъ въ общемъ употребленіи клейма. Каждое изъ семействъ имѣетъ свое собственное клеймо, которое передается по наслѣдству изъ рода въ родъ, при чемъ родственники, напримѣръ, родные братья дѣлаютъ маленькія измѣненія; эти клейма бываютъ вымышленныя, фантастическія. Теперь входятъ въ употребленіе клейма именныя, то-есть, начальныя буквы имени и фамиліи.

Именныя клейма преобладаютъ у Самоѣдовъ Тиманской и Канинской тундръ, имѣющихъ болѣе частыя сношенія съ Русскими [1]). Такъ какъ Самоѣды не имѣютъ письменности, то они употребляютъ свои клейма вмѣсто подписей при рукоприкладствахъ на всѣхъ прошеніяхъ, жалобахъ и т. п. бумагахъ, также ставятъ на биркахъ, которыя отдаетъ должникъ своему кредитору вмѣсто росписки и пр. Клейма служатъ и вмѣсто печати; ихъ прикладываютъ къ убитой и оставленной добычѣ, чтобы никто не воспользовался ею въ отсутствіе хозяина [2]). Много и другихъ примѣненій имѣютъ клейма, но самое изъ нихъ распространенное—это приложеніе клеймъ на оленяхъ. Богатые клеймятъ своихъ оленей на спинѣ, а бѣдные клеймятъ уши. Самоѣдскій обычай клеймить оленей вызванъ настоятельною необходимостью имѣть какой-либо способъ отличать своихъ оленей въ большихъ стадахъ, какими они обыкновенно пасутся. Если кто украдетъ оленя, то тотчасъ переклеймливаетъ его посвоему. Такъ Самоѣды пастухи устьцылемскихъ и пустозерскихъ крестьянъ постоянно переклеймливали оленей своихъ хозяевъ и передавали своимъ соотечественникамъ, представляя хозяевамъ, которые совершенно передали оленей въ ихъ распоряженіе, что

---

[1]) *Иславинъ*, стр. 45.

[2]) *Архангельскія Губернскія Вѣдомости*, 1870 г. № 22.

олени пропадаютъ безъ вѣсти или погибаютъ отъ волковъ; такимъ образомъ значительно уменьшились стада этихъ крестьянъ [1]).

Завладѣніе. Самый распространенный и имѣющій большое вліяніе на благосостояніе Самоѣдовъ родъ завладѣнія есть захваты Зырянами самоѣдскихъ тундръ: объ этомъ было говорено выше, въ статьѣ о юридическихъ обычаяхъ Зырянъ. Кромѣ Зырянъ, и Русскіе дѣлаютъ такіе же захваты тундръ, а также рыболовныхъ мѣстъ: такъ пустозерскіе крестьяне производятъ рыбную ловлю во многихъ озерахъ, находящихся въ тундрѣ и потому принадлежащихъ Самоѣдамъ, и такъ привыкли считать эти озера своею собственностью, что не подпускаютъ къ нимъ настоящихъ владѣльцевъ [2]). То же дѣлаютъ и мезенскіе крестьяне съ Самоѣдами Канинской и Тиманской тундръ.

Находка. Находка вещей не вознаграждается опредѣленною частью: иной, нашедши вещь и возвративши ее хозяину, въ награду выпьетъ водки или возьметъ что-нибудь, другой не беретъ ничего. Такъ одинъ Самоѣдинъ разказывалъ, что онъ нашелъ утраченный совикъ и отдалъ его хозяину безъ всякаго вознагражденія. На звѣриныхъ промыслахъ нашедшій мертваго звѣря, убитаго, напримѣръ, въ устьѣ рѣки и унесеннаго ея теченіемъ, получаетъ половину этого звѣря, другая же половина принадлежитъ охотнику, который убилъ звѣря, настоящему хозяину добычи.

Дареніе. У Самоѣдовъ въ большомъ употребленіи обычай дѣлать подарки. Въ нѣкоторыхъ обстоятельствахъ и торжественныхъ случаяхъ жизни подарки обязательны. Невѣста, отправляясь въ чумъ жениха, везетъ ему подарки, состоящіе изъ мужского платья, промысловыхъ снастей и т. п. Родильница послѣ каждыхъ родовъ получаетъ отъ отца оленя [3]). Некрещеный Самоѣдинъ, богатый, считаетъ за особенную для себя честь, если Русскій даетъ ему русское имя; этого Русскаго считаетъ онъ своимъ крестнымъ отцемъ и даритъ ему ежегодно лучшаго оленя изъ своего стада. Если Самоѣдинъ дѣлаетъ подарокъ сверхъ тѣхъ случаевъ, гдѣ обычай сдѣлалъ это обязательнымъ,

---

[1]) *Ислависъ*, стр. 67.
[2]) *Ислависъ*, стр. 86.
[3]) *Ислависъ*, стр. 120.

напримѣръ, даритъ что-нибудь гостю, то ждетъ отплаты и даже требуетъ ея. Такъ Кастренъ разказываетъ слѣдующее: „Хозяйка чума подарила мнѣ рыбу, но въ отплату требовала кольцо съ моего пальца. Я щедро вознаградилъ ее за рыбу, но ничто, кромѣ кольца, не могло удовлетворить Самоѣдку, и она всю ночь сидѣла со слезами на глазахъ въ углу чума“ [1]).

Наслѣдованіе. Отецъ, выдѣлившій сыновей, оставляетъ часть имущества на свою долю и затѣмъ живетъ или у одного избраннаго имъ, или у каждаго изъ сыновей погодно. Въ первомъ случаѣ участокъ его, послѣ смерти, идетъ къ тому сыну, у котораго онъ жилъ; во второмъ—этотъ участокъ дѣлится между сыновьями поровну. Если при сыновьяхъ есть незамужняя дочь, то и ее обыкновенно не обижаютъ, даютъ и ей часть изъ имущества: если сыновья получаютъ по паю, то ей достается около половины пая.

Имущество матери наслѣдуется ея дѣтьми, преимущественно сыновьями, но часть получаютъ и дочери.

Если жена умретъ бездѣтная, то ея имущество переходитъ къ отцу ея или родственникамъ, напримѣръ, брату, но не мужу.

Имущество бездѣтнаго брата наслѣдуется остальными братьями; незамужняя сестра также пользуется половиной пая.

Словесныя духовныя завѣщанія не имѣютъ силы и всегда оспариваются дѣтьми, если составлены въ ущербъ кому-нибудь изъ нихъ. Самоѣды привыкли къ письменнымъ духовнымъ завѣщаніямъ, которыя составляются на собраніяхъ, записываются писарями и утверждаются свидѣтелями. Это мы говоримъ о Самоѣдахъ Канинской тундры.

У богатыхъ Самоѣдовъ есть дорогія шкуры лисицъ и другихъ звѣрей, которыя считаются неприкосновенною родовою собственностью и передаются въ наслѣдство отъ поколѣнія къ поколѣнію. Этихъ шкуръ они не продаютъ ни за какія деньги, и трудно даже добиться позволенія взглянуть на эти шкуры, очень цѣнныя.

Договоры и сдѣлки. Самоѣды заимствовали отъ Русскихъ обычаи, сопровождающіе заключеніе сдѣлокъ, рукобитье и литки; особенно послѣднія въ большомъ употребленіи. Самоѣды такъ привыкли скрѣплять все водкою, такъ пристрастились къ ней, что ни

---

[1]) *Кастренъ* въ *Современникѣ* 1846 г., № 10.

одинъ Самоѣдинъ не станетъ торговать съ тѣмъ, кто не поднесетъ ему сперва чарки [1]). Русскій самъ, съ своей стороны, старается всегда вести дѣло съ Самоѣдиномъ при помощи водки. За водку, которую Русскіе оцѣниваютъ обыкновенно въ нѣсколько разъ, а часто даже въ нѣсколько десятковъ разъ выше настоящей ея стоимости, Самоѣды готовы отдать все и заключить какія угодно условія [2]).

Этимъ обстоятельствомъ пользуются Русскіе и Зыряне, чтобы заключать съ Самоѣдами выгодныя для себя сдѣлки и условія всякаго рода. Эти сдѣлки, заключаемыя Самоѣдами въ пьяномъ видѣ, для нихъ также обязательны, какъ еслибы были заключены въ трезвомъ. Сдѣлки касаются не только купли и продажи или мѣны, но часто также найма въ работу, такъ какъ Зыряне и Русскіе охотно нанимаютъ Самоѣдовъ себѣ въ работники. Во многихъ случаяхъ Самоѣды совершенно необходимы имъ, какъ напримѣръ, для пастьбы оленей, на морскихъ промыслахъ и т. п. Эти наймы составляютъ большею частью эксплуатацію Самоѣдовъ нанимателями. Правительство, зная это зло, желало его предупредить и издало Положеніе о разборѣ исковъ по обязательствамъ, заключаемымъ Мезенскими Самоѣдами; положеніе это вошло въ Полное Собраніе Законовъ.

Самоѣдамъ предоставлено явочные наймы въ работу писать на простой бумагѣ. Условія найма не простираются на дѣтей и пріемышей. Срокъ найма не простирается долѣе одного года. Всѣ споры, возникающіе между работникомъ и хозяиномъ, разрѣшаются по силѣ условій. Ежегодно, по окончаніи срока, между работникомъ и хозяиномъ, чинится разчетъ, и если хозяинъ остается должнымъ работнику, то немедленно его удовлетворяетъ. Если мірское общество попуститъ, что работникъ, по окончаніи срока, не получитъ отъ хозяина разчета, или получивъ разчетъ, по оному останется не удовлетвореннымъ,—то по жалобѣ работника, само будетъ подлежать платежу всего иска. Земская полиція обязана имѣть за симъ строгое наблюденіе [3]).

---

[1]) *Иславинъ*, стр. 81.

[2]) *Архангельскія Губернск. Вѣд.* 1850 г., № 18.

[3]) П. С. З. за 1835 г., № 8072, отд. I, §§ 7, 9, 10, 15 и 20 сказаннаго положенія.

Прим. ред.

Имъ дозволено дѣлать наймы въ работу и словесно, безъ письменныхъ условій и безъ явки ихъ въ какомъ бы то ни было мѣстѣ; но „таковыя условія, нигдѣ не записанныя и не явленныя, основанныя на одномъ личномъ довѣріи, въ случаѣ не устойки, не подлежатъ никакому судебному разбирательству ни у старостъ самоѣдскихъ, ни въ волостныхъ правленіяхъ, ни въ земскихъ судахъ, ни въ другихъ присутственныхъ мѣстахъ. Обѣ стороны могутъ въ сей неустойкѣ разбираться полюбовно черезъ посредниковъ, если обѣ выбрать ихъ согласятся, и сей разборъ есть окончательный; жалобы на него нигдѣ не пріемлются“ [1]). Но этой статьи устава все-таки недостаточно, чтобъ оградить совершенно интересы Самоѣдовъ отъ посягательствъ ихъ сосѣдей. Они нанимали и продолжаютъ нанимать Самоѣдовъ на самыхъ выгодныхъ для себя условіяхъ, пользуясь бѣдностью Самоѣдина и склонностью его къ водкѣ. Часто случается, что работникъ, нанимаясь къ хозяину Русскому или Зырянину, попадаетъ въ кабалу, изъ которой никакъ не можетъ избавиться; какъ это дѣлается, будетъ сказано ниже. Что̀ значитъ у нихъ наемъ въ работу, можно видѣть изъ названія самостоятельныхъ Самоѣдовъ-олснехозяевъ *вольными*, въ противоположность не имѣющимъ своихъ оленей и потому нанимающимся въ работу [2]). Въ Большеземельской тундрѣ вольныхъ Самоѣдовъ немного болѣе половины всего Самоѣдскаго населенія тундры; другая половина или вовсе не имѣетъ оленей, или же имѣетъ ничтожное количество: тѣ и другіе нанимаются къ Зырянамъ и Русскимъ въ работники, или же скитаются по міру, живя милостынею, „*сидятъ на ѣдомъ*“ по мѣстному выраженію, и называются *ѣдомскими*. Въ работники къ Зырянамъ-оленеводамъ поступаютъ также Самоѣды Тиманской и Канинской тундръ.

Условія, заключаемыя между работникомъ и хозяиномъ, бываютъ различны: степень ихъ выгодности зависитъ отъ способностей работника и отъ того рода занятій, для какого онъ нанимается, а также отъ числа душъ его семейства. Самое обыкновенное изъ условій есть уплата за Самоѣдина подати въ казну и продовольствованіе его и семейства пищей и одеждой. Продовольствованіе ра-

---

[1]) П. С. З. 1835 г., № 8072 отд. I, § 35.

[2]) *Иславинъ*, стр. 71.

ботника стоитъ очень немного, такъ какъ пищу онъ получаетъ самую дурную: поколѣвшихъ или зарѣзанныхъ волками оленей, гнилую или мелкую рыбу и т. п. предметы, не имѣющіе почти никакой цѣнности, исключая хлѣба, котораго Самоѣды ѣдятъ мало. На одежду идутъ лоскутья, остающіеся отъ шитья малицъ на семейство хозяина и на продажу или поношенныя платья. Кромѣ содержанія натурою, работникъ получаетъ еще плату деньгами, но всегда очень незначительную. Эта плата тѣмъ меньше, чѣмъ больше въ семействѣ работника дѣтей и дряхлыхъ стариковъ, слѣдовательно, чѣмъ больше идетъ на него содержанія пищею и одеждою. По вычисленіямъ г. Ислявина, хозяинъ платитъ среднимъ числомъ 4 р. $21^3/_4$ коп. Плата самому способному работнику не превышаетъ 15—18 р. въ годъ. Но Самоѣдину-работнику рѣдко удается получить и эту ничтожную плату; обыкновенно она остается у хозяина; который снабжаетъ его и семейство лишнею одеждою или пищею сверхъ положенныхъ въ условіи, также виномъ, табакомъ и другими вещами, и обыкновенно Самоѣдинъ наживаетъ у хозяина еще большой долгъ. Этого долга Самоѣдину никакъ не удается выплатить, и такимъ образомъ онъ остается въ вѣчной и полной зависимости отъ своего хозяина, не имѣя ни малѣйшей возможности сдѣлать какое-нибудь сбереженіе, которое могло бъ обезпечить его хоть на нѣкоторое время и дать ему возможность найдти болѣе выгодныя занятія. Иногда Самоѣдинъ попадаетъ въ кабалу хозяину за долги своихъ отцовъ, о которыхъ никогда и не слыхивалъ: Русскій или Ижмецъ насильно беретъ Самоѣдина къ себѣ и удерживаетъ его, а бѣднякъ не имѣетъ возможности протестовать и остается такимъ образомъ въ неволѣ. Мы здѣсь говоримъ о хозяевахъ Русскихъ и Зырянахъ, занимающихся оленеводствомъ; они нанимаютъ работниковъ Самоѣдовъ главнымъ образомъ для помощи себѣ въ этомъ занятіи. Первая обязанность такого работника—стеречь оленей своего хозяина; но кромѣ того, онъ исполняетъ еще множество работъ всякаго рода: дѣлаетъ сани, бочки, лодки, шьетъ одежду, занимается для хозяина звѣриными промыслами и т. п. Хозяинъ знаетъ цѣну услугъ Самоѣдина, который въ тундрѣ совершенно необходимъ ему; но онъ знаетъ также, что бѣдняку некуда обратиться, кромѣ него, и потому не видитъ необходимости вознаграждать его заслуги, какъ слѣдуетъ. Иногда въ работники по-

ступаютъ и такіе Самоѣды, которые имѣютъ еще нѣсколько своихъ оленей, десятка два-три. Въ такомъ случаѣ они пасутъ своихъ оленей вмѣстѣ съ хозяйскими, но также рѣдко отходятъ отъ хозяина богаче, чѣмъ были, а обыкновенно проживаютъ даже то, что̀ имѣли, и идутъ нищенствовать. Но недобросовѣстность хозяевъ вызываетъ протестъ со стороны эксплуатируемыхъ, выражающійся въ обманахъ и обкрадываніи хозяевъ, если тѣ недостаточно строго присматриваютъ за своими работниками. Такъ крестьяне Устьцылемской и Пустозерской волостей имѣютъ теперь немного оленей, тогда какъ владѣли прежде большими стадами. Причиною было то, что Самоѣды, которымъ предоставлены были олени въ полное распоряженіе, переклеймливали ихъ и передавали своимъ соотечественникамъ, докладывая хозяевамъ, что олени или поколѣвали, или зарѣзывались волками: между Самоѣдами нѣтъ обычая, чтобы пастухъ отвѣчалъ за скотину, когда ее съѣстъ звѣрь, такъ какъ за этимъ трудно услѣдить, особенно въ темныя осеннія ночи; Самоѣдинъ отвѣчаетъ въ томъ только случаѣ, если убьетъ оленя или искалѣчитъ его съ злымъ намѣреніемъ. Наученные этимъ примѣромъ, хозяева не оставляютъ теперь стадъ безъ всякаго присмотра и завели въ тундрѣ съ этою цѣлью поселенія, избы въ двѣ-три, которыя и сдѣлались центрами мѣновой торговли съ Самоѣдами [1]). Г. Ислављнъ, изъ сочиненія котораго мы заимствовали факты объ отношеніяхъ хозяевъ и работниковъ, говоритъ о Самоѣдахъ Большеземельской тундры; но то же самое повторяется и въ другихъ мѣстахъ. Та же система притѣсненія и взаимнаго обмана господствуетъ и въ отношеніяхъ Самоѣдовъ Тиманской и Канинской тундръ къ хозяевамъ Русскимъ, которые также имѣютъ оленей и нанимаютъ для пастьбы ихъ работниковъ изъ Самоѣдовъ. Вотъ одно рѣшеніе Майденскаго волостнаго суда, разбирающее дѣло между хозяиномъ и работникомъ, отъ 18-го декабря 1867 года: Крестьянинъ деревни Койденской Василій Васильевъ Малыгинъ жаловался волостному суду, что Самоѣдинъ Канинской тундры Петръ Михайловъ Ардѣевъ въ 1866 году нанятъ былъ въ пастухи для пастьбы оленей и по веснѣ того года былъ отправленъ со стадомъ оленей для *мытованія* на Канинскую землю. По

[1]) *Ислављнъ*, стр. 60—68.

отправкѣ туда Петръ, при женитьбѣ брата своего Николая, убилъ собственныхъ Малыгина оленей, двѣ важенки; при этомъ находился племянникъ Василья, Евгеній Малыгинъ. Послѣ сего братъ Петра Василій укралъ важенку и самъ въ похищеніи сознался. Онъ же взялъ *совикъ* подержать и утратилъ съ концомъ; кромѣ того, отдалъ отцу своему Михайлу Ардѣеву 14 оленьихъ тушъ говядины. Посему В. Малыгинъ и просилъ означенныхъ оленей, совикъ и говядину съ Ардѣева взыскать и его удовлетворить. Майденскій волостной судъ вошелъ въ разбирательство этого дѣла и старался склонить тяжущихся къ примиренію, но они не согласились на это, при чемъ Ардѣевъ въ волостномъ судѣ призналъ за собою 5 оленей, совикъ и пять тушъ оленной говядины, которые и обѣщалъ возвратить Малыгину, а остальныхъ за собою не призналъ. Такъ какъ ясныхъ доказательствъ Малыгинъ не представилъ, то волостной судъ опредѣлилъ: признанныхъ Ардѣевымъ за собою пять оленей, совикъ и пять тушъ говядины съ Ардѣева взыскать и оными удовлетворить Малыгина, а въ остальномъ взысканіи предоставить Малыгину отыскивать удовлетвореніе по представленіи ясныхъ доказательствъ.

Пустозеры нанимаютъ себѣ Самоѣдовъ въ пастухи и даютъ имъ относительно хорошее денежное вознагражденіе, до 50 р. въ годъ, и пропитаніе, то-есть, оленье мясо, котораго ѣдятъ вдоволь, частью рыбу и очень немного хлѣба; но за то пастухи занимаются, сверхъ своихъ прямыхъ обязанностей, промысломъ пушныхъ звѣрей и рыбы въ пользу хозяина [1]).

Русскіе промышленники, жители Мезени и окрестныхъ деревень, а также Пустозерскіе, нанимаютъ еще Самоѣдовъ для охоты на островѣ Колгуевѣ. Весною перевозятъ ихъ на этотъ островъ, снабдивъ пищею, одеждою, оленями для разъѣздовъ и всѣми необходимыми орудіями для промысловъ, и оставляютъ тамъ на зиму. Эти Самоѣды поступаютъ въ работники или за извѣстную плату, или за пай изъ добычи; самые бѣдные — единственно изъ пищи и одежды. Они обязываются заниматься ловлею бѣлыхъ медвѣдей, морскихъ звѣрей, песцовъ, гусей, а также собираніемъ гагачьяго пуху. Весною пріѣзжаютъ на островъ хозяева, которые и

[1]) Отчетъ коммиссіи по изслѣдованію Печорскаго края.

остаются здѣсь до половины или конца августа. Они привозятъ Самоѣдамъ водку, при помощи которой заключаются условія на слѣдующій годъ, разумѣется, не клонящіяся къ выгодѣ Самоѣдовъ. Самоѣды иногда попадаютъ также въ кабалу, изъ которой не могутъ высвободиться, и должны жить на островѣ безвыѣздно. Но надо сказать, что Самоѣды, эксплуатируемые безсовѣстно хозяевами, и тутъ не остаются у нихъ въ долгу. Они не отдаютъ хозяевамъ всей упромышленной добычи, укрывая часть ея, которую промѣниваютъ другимъ промышленникамъ [1]).

Русскіе берутъ также Самоѣдовъ въ работники для морскихъ промысловъ. Иногда Самоѣды идутъ изъ-за части добычи, покрута, какъ будетъ сказано ниже; бѣдные же—изъ хлѣба и ничтожной платы [2]).

Самоѣды бѣдные нанимаются въ рабочіе и къ своимъ соотечественникамъ, богатымъ Самоѣдамъ. Условія найма бываютъ различны: иной служитъ только изъ одежды, пищи и уплаты подушнаго (1 р. съ души), иной за плату отъ 5 до 10 р. въ годъ.

Иногда Самоѣдинъ беретъ себѣ рабочаго для какого-либо извѣстнаго дѣла изъ паи. Такъ напримѣръ, одинъ Самоѣдинъ, имѣющій оленей, съ которыми прикочевываетъ каждую зиму къ Архангельску или Холмогорамъ, чтобы катать любителей, разказывалъ, что онъ взялъ рабочаго на такихъ условіяхъ: работать на его оленяхъ, возить пассажировъ и катающихся, все же вырученное на пути изъ Мезени въ Архангельскъ дѣлить пополамъ; содержаніе, то-есть, пищу и пр., имѣть свое.

Если рабочій уходитъ отъ хозяина по винѣ послѣдняго, напримѣръ, когда хозяинъ бьетъ его понапрасну, то при отходѣ работника хозяинъ долженъ разчитать его по день отхода. Если же работникъ уходитъ самовольно, то лишается слѣдующей ему платы.

Русскіе и Зыряне не всегда нанимаютъ постоянныхъ работниковъ, но пользуются для своихъ надобностей временною помощью нищихъ Самоѣдовъ, которыхъ они берутъ для исполненія извѣстныхъ работъ; эти послѣдніе обходятся имъ еще дешевле, чѣмъ

---

[1]) *Архангельскія Губ. Вѣд.* 1850 г., № 18.

[2]) *Арх. Губ. Вѣд.* 1857 г., № 45.

постоянные работники, и работаютъ единственно изъ-за куска хлѣба, а не имѣющіе даже собственнаго чума—изъ-за крова. Такіе Самоѣды работаютъ у Зырянъ на замшевыхъ заводахъ и пользуются кровомъ и содержаніемъ до зимы, когда прекращаются работы. Съ окончаніемъ работъ ихъ выгоняютъ изъ жилыхъ избъ; тогда они бродятъ изъ избы въ избу, гдѣ позволяютъ имъ жить короткое время, если нужна ихъ работа. Если жь они не находятъ себѣ работы, то ищутъ прибѣжища у бѣдныхъ своихъ соотечественниковъ. Этихъ Самоѣдовъ нанимаютъ для шитья теплой оленьей одежды (этимъ занимаются женщины, извѣстныя мастерицы въ такой работѣ) или выдѣлки оленьихъ шкуръ; въ лѣтнее время, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ родится хлѣбъ, нанимаютъ женщинъ для полевыхъ работъ, а мужчинъ для домашнихъ крестьянскихъ занятій, для рыбной ловли и морскихъ звѣриныхъ промысловъ. Пользуясь трудомъ этихъ нищихъ Самоѣдовъ, Русскіе и Зыряне не всегда нанимаютъ себѣ постоянныхъ работниковъ, такъ какъ вполнѣ увѣрены, что во всякое время и для всякой необходимой имъ работы найдутъ достаточно дѣльныхъ рабочихъ рукъ, трудъ которыхъ приведется оплатить лишь ничтожнымъ содержаніемъ. Осенью, во время убоя скотины, эти Самоѣды помогаютъ Ижемцу-хозяину бить оленей единственно изъ-за крови и внутренностей животнаго [1]).

Въ Большеземельской тундрѣ существуетъ обычай, по которому богатые даютъ бѣднымъ оленей на подмогу изъ приплода. Бѣдный пасетъ взятыхъ оленей богача, кормится отъ нихъ, а за трудъ пастьбы беретъ часть приплода, остальную же часть его возвращаетъ хозяину вмѣстѣ съ взятыми на подмогу оленями. Въ Канинской же тундрѣ богатые Самоѣды отдаютъ оленей на подержку бѣднымъ на слѣдующихъ условіяхъ: бѣдный беретъ нѣсколько штукъ, напримѣръ, десятокъ неученыхъ оленей и употребляетъ ихъ для ѣзды цѣлый годъ; когда же объѣздитъ ихъ хорошенько, то смирныхъ отдаетъ хозяину и беретъ снова не объѣзженныхъ. Обычай давать оленей бѣднымъ на подержку очень распространенъ, потому что богатые Самоѣды считаютъ себя обязанными помогать бѣднякамъ на томъ основаніи, что ихъ много-

---

[1]) *Ислависъ*, стр. 63—68.

численныя стада вытаптываютъ мохъ въ тундрѣ, общемъ самоѣдскомъ достояніи.

Если падетъ олень, взятый на подержаніе или въ долгъ, то взявшій обязанъ возвратить вмѣсто него другаго.

Такъ относятся Самоѣды другъ къ другу, но не такъ относятся къ нимъ ихъ сосѣди—Зыряне и Русскіе. Имъ также случается ссужать бѣдныхъ Самоѣдовъ разными предметами, но эти ссуды далеко не такъ безкорыстны, какъ тѣ, о которыхъ мы говорили выше. Такъ Самоѣды, весьма ловкіе промышленники, не имѣютъ возможности завести снасти для ловли рыбы, хотя въ рѣкахъ и озерахъ тундры очень много ея. Пустозерскіе крестьяне снабжаютъ ихъ иногда сѣтями, лодками и неводами, но за это одолженіе выговариваютъ себѣ большую часть самоѣдскихъ промысловъ, если тѣ были удачны; если же промыслы были не совсѣмъ счастливы, то хозяева снастей насчитываютъ на Самоѣдовъ долгъ до будущихъ промысловъ [1]).

Впрочемъ, и между Самоѣдами извѣстна отдача денегъ и вещей въ долгъ съ извѣстнымъ процентомъ или прибавкомъ. Напримѣръ, за 10 р., данныхъ взаймы на годъ, берутъ 1 р. процентовъ. Если берутъ въ долгъ важенку, то она отдается черезъ годъ съ приплодомъ, черезъ два съ другимъ. Но особенно невыгодно бываетъ Самоѣдамъ брать въ долгъ у Русскихъ, такъ какъ тѣ не стѣсняются въ средствахъ лишь бы выжать больше доходу изъ своего должника. Такъ одинъ Самоѣдинъ разказывалъ слѣдующее: онъ взялъ весной у русскаго торговца въ Мезени въ долгъ два куля муки по 5 р. за куль, тогда какъ обыкновенная цѣна 11 р., съ тѣмъ чтобъ отдать долгъ послѣ промысла, смотря по его удачѣ. Въ счетъ уплаты долга онъ отдалъ при покупкѣ 10 р., но по причинѣ неудачи промысловъ не могъ уплатить всего. Тогда Русскій обратился къ начальству и взялъ отъ Самоѣдина 6 оленей, поставивъ ихъ въ 3 рубля штуку, тогда какъ каждый олень стоитъ 5 руб. Такъ, а часто и гораздо хуже, поступаютъ Русскіе и Зыряне со своими должниками изъ Самоѣдовъ. Между тѣмъ Самоѣдинъ никакъ не можетъ отстать отъ привычки брать товаръ въ долгъ и лучше согласится дать дороже, но только чтобъ ему повѣрили въ долгъ,

---

[1]) *Иславинъ*, стр. 86.

а не требовали немедленной уплаты, хотя бъ у него и были лишнія деньги [1]).

Этимъ ихъ обычаемъ пользуются Ижемцы, снабжая Самоѣдовъ Большеземельской тундры хлѣбомъ, оленьимъ мясомъ, солью, порохомъ, табакомъ, виномъ, разноцвѣтными сукнами, ножами, топорами и т. д. въ кредитъ, а потомъ получая по крайней мѣрѣ вдвое болѣе настоящей цѣны этихъ товаровъ; этимъ обычаемъ ихъ пользуются и Пустозеры (пустозерскіе крестьяне) и мезенскіе торговцы, находящіеся въ сношеніяхъ съ Самоѣдами Тиманской и Канинской тундръ. Но надо сказать, что Самоѣды большею частью берутъ въ кредитъ по нуждѣ, и случается, попадаютъ за неуплату долга въ кабалу къ своимъ кредиторамъ. Напримѣръ, если Самоѣдинъ, задолжавшій у Пустозера, не можетъ уплатить долга изъ своихъ промысловъ въ первый годъ, то уплата откладывается до слѣдующаго. Если жь и въ слѣдующій годъ Самоѣдинъ не въ состояніи будетъ произвести уплаты, то Пустозеръ беретъ его къ себѣ въ работники или отдаетъ въ работники кому-нибудь другому, съ тѣмъ чтобы вся задѣльная плата шла на погашеніе долга. Если у Самоѣдина есть дѣти, то и на нихъ, за смертью отца, переносится долгъ: они должны или уплатить деньгами или заработать его. Потому нерѣдко можно видѣть, что дѣти и даже внуки платятъ за товары, забранные ихъ отцами и дѣдами, платятъ безотговорочно, даже если кредиторъ ихъ не имѣетъ никакихъ доказательствъ подлинности долга [2]); такимъ образомъ нерѣдко злоупотребляютъ довѣрчивостью Самоѣдовъ.

Приводимъ интересный разговоръ съ Самоѣдиномъ, сообщаемый г. Шренкомъ: „Послушай-ка, ваше высокопреподобіе“, говорилъ мнѣ одинъ Самоѣдинъ, научившійся этому титулованію въ обращеніи съ миссіонерами,—„какъ ты думаешь, что хозяинъ не хочетъ меня отпустить?“ „Отчего онъ не хочетъ отпустить?“ спросилъ я. „Кабала мѣшаетъ“. „Но вѣдь вамъ кабала ныньче прощена?“ „Не могу сказать, но я ее еще имѣю“. „Какъ давно ты служишь у хозяина?“ „Два года“. „Сколько ты въ годъ платы по-

---

[1]) *Иславинъ*, стр. 69.

[2]) *Арх. Губ. Вѣд.* 1867 г. № 82.

лучаешь?“ „Получаю двадцать рублей, говоритъ хозяинъ“. „Какъ часто получаешь ты деньги?“ „Я не получаю денегъ“. „Отчего нѣтъ?“ „Это кабала“. „Какъ сдѣлалъ ты свою кабалу?“ „Не знаю, я не дѣлалъ; мои покойные мать да братъ сдѣлали, говоритъ хозяинъ“. „Какъ же ты отслуживаешь долгъ, котораго не дѣлалъ? Можетъ быть, хозяинъ тебя обманываетъ?“ „Не знаю; но хозяинъ говоритъ, законъ велитъ мнѣ служить ему, потому что мать и братъ сдѣлали у него кабалу“. „Какъ велика твоя кабала?“ „Какъ могу я это знать? Это знаетъ хозяинъ лучше, чѣмъ я, у него это записано“ [1]). И такой разговоръ происходилъ уже нѣсколько лѣтъ спустя послѣ изданія устава объ устройствѣ Самоѣдовъ.

Доказательствомъ подлинности долга служатъ бирки. Берутъ кусочекъ дерева, въ 1/4 аршина длины, обстругиваютъ его со всѣхъ сторонъ, и отмѣчаютъ на немъ долгъ слѣдующими знаками: десятки рублей обозначаются крестиками или звѣздочками, рубли — палочками, копѣйки — точками. Самоѣдинъ вырѣзываетъ на этой биркѣ свое родовое клеймо, и затѣмъ она раскалывается пополамъ: одну половину беретъ запмодавецъ, другую должникъ [2]). По мѣрѣ уплаты денегъ значки срѣзываются съ бирокъ, по туземному *рубежей*. Эти рубежи имѣютъ для Самоѣдина полную обязательность законнаго документа: по предъявленіи ихъ Самоѣды дѣлаютъ уплату безотговорочно. Бирки въ употребленіи между всѣми Самоѣдами, какъ Канинскими, такъ и Тиманскими.

Самоѣды уплачиваютъ долги и покупаютъ товары обыкновенно не на деньги, а на свои промыслы, такъ что почти вся торговля между русскими и зырянскими торговцами и Самоѣдами носитъ характеръ мѣновой. При этихъ мѣновыхъ сдѣлкахъ Самоѣды эксплуатируются часто самымъ безбожнымъ образомъ. Сдѣлки заключаются всегда съ помощью водки, такъ что Самоѣды, въ большинствѣ случаевъ, совершаютъ ихъ съ отуманенными головами. Вотъ образцы мѣны Ижемцовъ съ Самоѣдами: за 1/2 пуда соли, товаръ, стоющій около 40 коп., Ижемецъ беретъ съ Самоѣдина оленью шкуру или бѣлаго песца, цѣною 1 р.—1 р. 15 к., за пудъ муки—85 коп., три песца—3 р., за 3 пуда масла—14 пес-

[1]) Путешествіе, I, стр. 331.

[2]) *Арх. Губ. Вѣд.* 1867 г., № 81.

цовъ. Самоѣды по неволѣ должны соглашаться на цѣны, какія запрашиваетъ торговецъ, такъ какъ имъ неоткуда получить эти предметы первой необходимости и некуда сбыть свои товары помимо пжемскихъ избъ, которыя строятся Ижемцами въ тундрѣ для присмотра за своими оленьими стадами, а вмѣстѣ съ тѣмъ служатъ мѣстомъ склада товаровъ и центрами мѣновой торговли. Такимъ образомъ Ижемцы держатъ Самоѣдовъ въ полной зависимости и разоряютъ ихъ [1]).

При страшно дорогой цѣнѣ на соль, Самоѣды не могутъ пріобрѣтать достаточнаго количества ея для посола рыбы и потому лишаются въ ней важнаго подспорья для своего пропитанія. Также успѣшно и выгодно ведутъ и Пустозеры мѣновую торговлю съ другою частью Самоѣдовъ Большеземельской тундры—на Югорскомъ Шарѣ, куда весною и лѣтомъ сбираются Самоѣды для промысла морскихъ звѣрей. Вся богатая добыча Самоѣда переходитъ въ руки Пустозеровъ, которые привозятъ сюда разные товары, необходимые для Самоѣдовъ.

Пустозеры—Русскіе обираютъ Самоѣдовъ не меньше, если не больше, чѣмъ и Ижемцы-Зыряне. Приводимъ образцы мѣны въ 1863 году: каждый пудъ ржаной муки и печенаго хлѣба стоилъ 2 пуда ворвани или 2 самыхъ чистыхъ черныхъ неблюя, или 10 крестоватиковъ; то же стоили 20 фунтовъ черныхъ сухарей, пара ножей и топоровъ; 3 фунта листоваго табаку—2 бѣлыхъ песца; 1 фунтъ пороху съ нѣкоторымъ количествомъ свинцу—½ пуда ворвани; не очищенная же ворвань въ Пустозерскѣ стоитъ 1 р. 80 к. пудъ, черный неблюй—1 р. 25 к., крестоватикъ—40 к., песецъ—1 р. 10 к.

Та же самая крайность, невозможность сбыть продукты своихъ промысловъ помимо Пустозеровъ заставляетъ Самоѣдовъ соглашаться на такія сдѣлки.

Вотъ какъ описываетъ положеніе Самоѣдовъ и ихъ мѣновую торговлю съ Пустозерами очевидецъ: „Самоѣдину нуженъ пудъ печенаго хлѣба или пудъ ржаной муки, Пустозеръ запрашиваетъ отъ него за это небольшое количество муки или хлѣба два пуда ворвани. Самоѣдину, хотя и отуманенному виномъ, кажется невыгод-

---

[1]) *Ислависъ*, стр. 69.

ною такая мѣна, потому что онъ знаетъ цѣну своему товару и въ Пустозерскѣ. Онъ упрашиваетъ Пустозера промѣняться товаромъ по крайней мѣрѣ пудъ на пудъ, но со стороны этого послѣдняго нѣтъ никакой сбавки съ запрошеннаго. Что же прикажете въ такихъ обстоятельствахъ дѣлать Самоѣдину? У него въ чуму нѣтъ и одной горсти этой муки, столь необходимой для пропитанія его малолѣтняго семейства. Пріѣдетъ онъ въ свой чумъ, дѣти запросятъ поѣсть, а у его жены нѣтъ въ мѣшкѣ и одной горсти муки, чтобы придать нѣсколько питательности варимой ею въ котлѣ массѣ крови съ двумя или тремя кусками оленьяго мяса, составляющей единственное средство поддержанія жизни въ цѣломъ семействѣ. Да еще хорошо, что есть эта благодѣтельная кровь! А если нѣтъ? Если въ котлѣ варится только вода и оглоданныя ранѣе кости отъ когда-то бывшаго у него въ чуму мяса? А это, ей-ей не лгу, случается видѣть весьма нерѣдко. Что тогда дѣлать Самоѣдину? Сила любви къ семейству заставляетъ его рѣшиться, и онъ рѣшается платить за каждые 20-ть фунтовъ муки по пуду ворвани. Необходимость прикрыть отъ холода тѣло заставляетъ Самоѣдина сшить къ осени женѣ своей верхнюю одежду. Въ составъ этой одежды входятъ цвѣтныя сукна—желтое, красное и черное. Весь матеріалъ для одежды, кромѣ суконъ, у жены Самоѣдина имѣется уже у себя въ чуму, остановка за одними сукнами. Въ ящикѣ Пустозера лежатъ цѣлыя полосы суконъ, а имъ нужно только $^3/_4$ аршина. Молодая Самоѣдка стоитъ подлѣ сундука, глаза ея съ жаромъ смотрятъ на лежащее передъ нею богатство суконъ, она смотритъ умиленнымъ взоромъ на своего мужа и самымъ выраженіемъ глазъ своихъ проситъ его доставить ей возможность имѣть въ своихъ рукахъ необходимую для нея частицу лежащаго передъ нею богатства. Самоѣдинъ тронутъ этою нѣмою просьбой и начинаетъ спрашивать у Пустозера о цѣнѣ и этого товара. Тотъ же пудъ ворвани или чистый черный неблюй требуется этимъ послѣднимъ за каждую $^1/_4$ аршина этого сукна. Со стороны Самоѣдина опять начинается упрашиванье сбавить запрошенную цѣну, и опять все это дѣло кончается тѣмъ, что каждая четверть аршина сукна переходитъ въ руки Самоѣдина по той же безбожной цѣнѣ, какая спрошена была съ него Пустозеромъ сначала. Нужны тому же Самоѣдину и ножъ, и топоръ, и за каждую пару этихъ

орудій онъ платитъ тотъ же пудъ ворвани или чернаго неблюя; нужны ему и соль, и табакъ, и за каждые полпуда соли онъ платитъ тотъ же самый пудъ, или что-либо такое, что можетъ соотвѣтствовать его цѣнности; нужны ему и порохъ, и свинецъ, нужны его женѣ и ложки, и иглы, и гребень, и все это они берутъ у Пустозера по болѣе нежели удесятеренной цѣнѣ. Такъ были случаи, и при мнѣ лично, что нѣкоторые Пустозеры за 10 иглъ самой простой работы и стоющихъ даже въ Пустозерскѣ не болѣе 3-хъ копѣекъ, брали по цѣлому черному неблюю, за два гребня изъ бѣлаго рога и самой топорной работы по семи крестоватиковъ“[1]).

Вотъ какъ торгуютъ Самоѣды съ Пустозерами. Не удивительно поэтому, что у Самоѣдовъ недостаетъ всѣхъ ихъ богатыхъ промысловъ на покрытіе первыхъ ихъ потребностей, и они должны входить въ долги, которые еще ухудшаютъ ихъ бѣдственное положеніе.

При мѣновой торговлѣ Самоѣдовъ съ Пустозерами не употребляются въ счетѣ рубли или копѣйки, а счетъ производится песцами, полупесцами и пыжами. Напримѣръ, если Пустозеръ далъ Самоѣдину товару на одинъ рубль, то говоритъ ему: „я далъ тебѣ на одинъ песецъ“, и за этотъ песецъ Самоѣдинъ долженъ заплатить ему или пудъ ворвани, или чернаго неблюя, или осеннюю оленью телячью шкуру, или двѣ шкуры, полученныя отъ большихъ оленей, или что-либо соотвѣтствующее цѣнности этихъ предметовъ. Обыкновенная же красная лисица ставится вмѣсто трехъ песцовъ; ту же цѣнность имѣетъ шкура ошкуя и моржовый лафтакъ (половина моржовой шкуры) [2]).

Самоѣды Канинской тундры забираютъ товаръ большею частью у крестьянъ деревни Семжи весною. Осенью крестьяне кредиторы, съ пустыми и наполненными виномъ бочками, являются за уплатою, спаиваютъ Самоѣдовъ и потомъ предъявляютъ свои долги, собираемые мясомъ и шкурами оленей, которыхъ тутъ же и убиваютъ, разумѣется двумя или тремя болѣе, чѣмъ значится по счету, и наполняютъ мясомъ пустыя бочки. Такимъ образомъ крестьяне получаютъ двойной барышъ: вопервыхъ, отъ того, что

---

[1]) *Арх. Губ. Вѣд.* 1867 г., № 81.
[2]) *Арх. Губ. Вѣд.* 1867 г., № 82.

за взятый Самоѣдиномъ товаръ они ставятъ гораздо болѣе его стоимости, а вовторыхъ, что болѣе бьютъ оленей, чѣмъ слѣдовало бы по счету [1]). Но у Самоѣдовъ Канинской тундры начинаетъ ужь ослабѣвать мѣновой характеръ торговли, замѣняясь обыкновеннымъ, такъ какъ эти Самоѣды, обращаясь постоянно съ Русскими, научились понимать значеніе денегъ.

Вещь, данную подъ залогъ, нельзя употреблять, по понятіямъ Самоѣдовъ, такъ какъ она можетъ быть дороже денегъ, какія взяты въ займы подъ ея обезпеченіе; но на оленяхъ, данныхъ въ залогъ, ѣздить позволяется, потому что вреда имъ отъ этого не будетъ. Вещь, заложенную на срокъ, позволяется по просрочкѣ продать и обратить деньги въ свою пользу, а если вещь дана на срокъ, то продать ея нельзя. У Канинскихъ Самоѣдовъ тундра была раздѣлена прежде по родамъ и семьямъ; нынѣ владѣютъ ею Самоѣды сообща: всякій промышляетъ, гдѣ хочетъ; въ Большеземельской тундрѣ это дѣлается не такъ, о чемъ будетъ сказано ниже. Канинскіе Самоѣды весною, лѣтомъ и осенью живутъ на Канинѣ, гдѣ и занимаются промыслами морскихъ звѣрей и рыбными, а также ловлею пушныхъ звѣрей; на зиму отправляются они къ югу отъ полуострова, а частью разъѣзжаются по городамъ. Русскіе сильно стѣсняютъ Самоѣдовъ въ тундрѣ въ ихъ промыслахъ. Не смотря на то, что имъ дозволено владѣть въ тундрѣ только 60 десятинами на душу, они насутъ своихъ оленей по всей тундрѣ, а обитатели селъ Зимняго берега Койды, Мегры и т. д. посылаютъ своихъ оленей даже на Канинъ. Такимъ образомъ половина оленей принадлежитъ Русскимъ, которые незаконно пользуются самоѣдскою тундрой. Прежде Русскіе платили за пользованіе тундрой арендныя деньги, „покопытный сборъ“, по 5 коп. съ оленя, и эти деньги шли на подати за умершія ревизскія души, теперь же этого сбора не существуетъ. Русскіе также охотятся въ самоѣдскихъ угодьяхъ на морскихъ звѣрей на берегахъ Канинской тундры и у устьевъ рѣкъ. На вопросъ Самоѣдамъ, почему они не воспрепятствуютъ Русскимъ пользоваться ихъ собственностью, Самоѣды отвѣчаютъ такъ: „Потому, что мы въ зависимости отъ нихъ: одни изъ насъ должны имъ, другіе кормятся у нихъ. Если мы не будемъ позволять имъ поль-

[1]) *Ислављнъ*, стр. 81.

зоваться нашею тундрою, то они не будутъ давать намъ въ долгъ и погонятъ отъ себя нашихъ бѣдныхъ „ѣдомскихъ“ Самоѣдъ, скажутъ: „содержите ихъ сами“, оттого же мы отмѣнили и покопытный сборъ“. Прежде Самоѣды отдавали рыбныя ловли въ аренду Русскимъ, но теперь и этотъ источникъ доходовъ прекратился: Русскіе не хотятъ брать, такъ какъ они завладѣли лучшими промысловыми и моховыми мѣстами Канинской и Тиманской тундръ [1]). Также, какъ Русскіе въ этихъ тундрахъ, поступаютъ Зыряне въ Большеземельской; въ послѣдніе годы Зыряне стали вторгаться съ своими оленями и въ Тиманскую и Канинскую тундры.

Склонность къ совмѣстной производительности, артельное начало, довольно значительно развита между Самоѣдами. Однѣ изъ артелей составляются совмѣстно съ Русскими, или же Самоѣды входятъ въ русскія артели на условіяхъ покрута, такъ какъ не всегда имѣютъ нужные для промысловъ снаряды, которые, какъ напримѣръ, неводъ для ловли бѣлугъ, обходятся не дешево. Другія артели составляются исключительно Самоѣдами.

Самоѣдскія артели составляются или изъ однихъ хозяевъ, или изъ хозяевъ съ рабочими. Сговариваются, напримѣръ, два хозяина ловить песцовъ вмѣстѣ и занимаются этимъ промысломъ все лѣто, а по окончаніи промысловъ дѣлятъ всю упромышленную добычу пополамъ, какъ бы ни была велика разница между удачей ихъ промысловъ. Также сговариваются стрѣлять вмѣстѣ дикихъ оленей. Артели для ловли линяющихъ гусей и стрѣльбы дичи на озерахъ и рѣкахъ бываютъ большею частью отъ 2 до 10 человѣкъ; добычу также дѣлятъ поровну, такъ какъ каждый изъ участвующихъ въ артели имѣетъ свое ружье и другіе снаряды. Но особенно требуютъ артельной дѣятельности морскіе промыслы, какъ потому, что для нихъ требуются суда и снаряды, которые не каждый Самоѣдинъ можетъ имѣть, такъ и потому, что самая охота можетъ быть успѣшна только при совмѣстномъ трудѣ. Артели, составляемыя Самоѣдами для морскихъ промысловъ, имѣютъ различное число членовъ, обыкновенно 5—8, смотря по вмѣстимости судна, на которомъ артель отправляется промышлять морскаго звѣря. Если судно вмѣщаетъ 150—200 пудъ, то въ него садится 5 человѣкъ, а если

[1]) *Иславинъ*, стр. 72.

250—350 пудъ, то 7 и даже 8 пайщиковъ. Добыча дѣлится между членами артели поровну, но одинъ пай откладывается на судно; напримѣръ, если въ артели семь человѣкъ, то добыча дѣлится на восемь частей, изъ которыхъ одна идетъ владѣльцу судна. Каждый пайщикъ, прежде отправки, долженъ внести въ артель 1½—2 пуда ржаной муки, 1 пудъ печенаго хлѣба или 20 фунтовъ черныхъ сухарей, до 4-хъ фунтовъ коровьяго масла, 3 пуда оленьяго мяса или соленой рыбы и достаточное количество пороху и свинцу. Ружье не обязательно имѣть каждому члену артели, а обыкновенно на каждое судно пхъ кладется 2—4, и ружья эти находятся въ распоряженіи кормщика, опытнаго стрѣльца, а нерѣдко вмѣстѣ съ тѣмъ и хозяина лодки [1]).

Если артель состоитъ не изъ равныхъ пайщиковъ-хозяевъ, а изъ хозяевъ и рабочихъ, то разчетъ дѣлается другой. Положимъ, хозяинъ взялъ одного покрутчика, то-есть, рабочаго, на своихъ харчахъ, порохѣ и пр. Тогда добычу дѣлятъ на два пая: одинъ пай идетъ хозяину, еще ½ пая ему же за харчъ, порохъ и снасть, а ½ пая рабочему. Если рабочихъ семь, то добыча дѣлится на восемь частей: одна часть хозяину на лодку, а отъ каждаго изъ остальныхъ семи паевъ рабочему идетъ ½ или ⅓, смотря по условію, остальная же часть каждаго пая идетъ за пищу, обувь и пр. Зыряне, Ижемцы также вступаютъ съ Самоѣдами въ паи для птичьяго промысла.

Уголовное право.

Самоѣды вообще мало склонны къ преступленіямъ вслѣдствіе своего дружелюбнаго, общительнаго и кроткаго характера. Но сношенія съ Русскими и Зырянами, которые злоупотребляли честностью и довѣрчивостью Самоѣдовъ, развили въ этихъ послѣднихъ нѣкоторыя дурныя нравственныя качества, напримѣръ, плутоватость, склонность къ обману; особенно замѣчаются эти качества, по свидѣтельству Кастрена, въ Самоѣдахъ Канинской тундры. Этихъ Самоѣдовъ теперь уже далеко не такъ легко надуть, какъ

[1]) *Арх. Губ. Вѣд.* 1867 г., № 82.

прежде; обсчитать, или вообще, какъ-нибудь обмануть этого Самоѣдина Русскій можетъ не иначе, какъ при помощи водки. Напротивъ того, Самоѣды пользуются всякимъ удобнымъ случаемъ, чтобы провести Русскаго. Во взаимныхъ отношеніяхъ Самоѣды соблюдаютъ гораздо болѣе честности, чѣмъ сколько вносятъ ее въ отношенія къ Русскимъ и Зырянамъ; слѣдовательно, строже смотрятъ на преступленія, совершаемыя въ своей средѣ, чѣмъ на тѣ жертвами которыхъ дѣлаются ихъ непріятели. Въ отношеніи этихъ послѣднихъ они допускаютъ нерѣдко обманы. Г. Максимовъ приводитъ нѣкоторые случаи, напримѣръ: одинъ Самоѣдинъ запродалъ крестоватиковъ за условленное количество хлѣба одному изъ Пустозеровъ и пилъ заручную, но Пустозеръ, напившись ранѣе, заснулъ; Самоѣдинъ не потерялъ ни сознанія, ни присутствія духа на столько, что съ деньгами и запроданными крестоватиками ушелъ и сбылъ свою добычу другому хозяину на другой же день, а на третій провалился въ тундру; другой Самоѣдинъ отвязалъ двухъ оленей отъ санокъ Пустозера, ѣхавшаго подъ хмѣлькомъ съ мерзлою рыбою на Пинежскую ярмарку [1]).

Изъ преступленій и пороковъ болѣе распространены между Самоѣдами нѣкоторые виды преступленій противъ собственности и пьянство; причина преступленій—бѣдность, а въ отношеніи Русскихъ и Зырянъ—часто также желаніе отмстить за причиненныя притѣсненія. Преднамѣренныя убійства у Самоѣдовъ весьма рѣдки; но убійства иногда совершаются Самоѣдами въ пьяномъ видѣ, такъ какъ они, напившись, имѣютъ привычку начинать драку, которая обращается, при большомъ собраніи Самоѣдовъ, въ общую свалку; при этомъ, разумѣется, очень возможны несчастные случаи.

Извѣстенъ одинъ случай преднамѣреннаго убійства съ цѣлью грабежа, который былъ описанъ въ *Архангельскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ* [2]), очень жестокаго убійства, жертвами котораго было цѣлое семейство; но исключительность этого случая не даетъ права дѣлать изъ него какіе-либо выводы на счетъ склонности Самоѣдовъ къ преступленіямъ такого рода. Намъ неизвѣстенъ ни одинъ случай убійства изъ мести, но на возможность такого рода пре-

---

[1]) Годъ на Сѣверѣ, стр. 448, изд. 2-е.

[2]) 1868 г. №№ 28, 29.

ступленій указываетъ слѣдующій разговоръ Кастрена съ Самоѣдиномъ Большеземельской тундры, приводимый знаменитымъ путешественникомъ: „Ты богатъ оленями, другъ мой! Богатъ ли ты и женами?“ спросилъ я Самоѣдина. „Теперь у меня двѣ жены, прежде у меня было ихъ три, но третью я отправилъ къ ея отцу“, отвѣчалъ онъ. „Скажи мнѣ, братецъ, зачѣмъ ты это сдѣлалъ?“ продолжалъ я. „Она родила сына, который былъ не мой“, сухо отвѣчалъ Самоѣдинъ. „Знаешь ли ты обольстителя?“ спросилъ я далѣе. „Еслибъ я зналъ его, то ей-Богу, копье мое проткнуло бы ему сердце“, вскричалъ, разъярившись, Самоѣдинъ.

Самоубійства также случаются между Самоѣдами, мужчины преимущественно стрѣляются, женщины давятся. Причиною самоубійствъ, особенно для женщинъ, служитъ несчастная семейная жизнь.

Изъ преступленій противъ собственности самое распространенное есть кража оленей. Другіе виды кражи менѣе распространены, и Самоѣды во многихъ случаяхъ являются людьми, очень умѣющими уважать неприкосновенность правъ своихъ ближнихъ. Напримѣръ, во время промысловъ, чумъ остается въ тундрѣ безъ хозяина, но съ вещами его, сложенными на саняхъ, и никто ихъ не тронетъ. Объ этомъ обычаѣ г. Шренкъ сообщаетъ слѣдующія подробности: „На одномъ холмѣ мы нашли 6 санокъ, нагруженныхъ до верху различнымъ имуществомъ и прикрытыхъ отъ сырости оленьими шкурами, оставленными въ тундрѣ. У Самоѣдовъ, у которыхъ домашнее хозяйство состоитъ главнымъ образомъ изъ одежды, дѣлаемой изъ оленьихъ шкуръ, и покрышекъ для чумовъ, есть обычай эти предметы, какъ не употребляемые въ лѣтнее время, складывать въ сани, а сани оставлять въ окрестныхъ мѣстахъ, и притомъ безъ всякой стражи. Хозяинъ нисколько не заботится объ оставленномъ; только мирный деревянный божокъ, поставленный на сани, защищаетъ имущество отъ всякаго Самоѣда. Этотъ обычай можетъ служить доказательствомъ удивительной честности сѣверныхъ Самоѣдовъ, потому что нѣсколько времени тому назадъ рѣшительно нельзя было услышать, чтобы такой складъ былъ разграбленъ Самоѣдиномъ, и еслибъ онъ это сдѣлалъ, то ожидалъ бы всякихъ бѣдствій, какъ справедливой кары неба, на свою виновную голову. Теперь этотъ обычай становится рѣдкимъ въ

тундрѣ. Зыряне гдѣ только находятъ подобный складъ, начисто разграбливаютъ, чѣмъ и научили Самоѣдовъ предосторожности; они нынѣ уже прячутъ свои сани въ лѣсу въ скрытыхъ мѣстахъ или вблизи другихъ чумовъ“ [1]).

Иногда по окончаніи звѣриныхъ промысловъ Самоѣдинъ складываетъ въ кучу кожи съ убитыхъ звѣрей, кладетъ свое клеймо и уходитъ; если же другой Самоѣдинъ найдетъ кожи, и ему понадобится нѣсколько, онъ беретъ ихъ, а на мѣстѣ оставляетъ деревянную бирку съ зарубками, которыя обозначаютъ число взятыхъ кожъ, и съ своимъ клеймомъ, по которому хозяинъ кожъ можетъ найти своего должника и разчитаться съ нимъ [2]).

Кража оленей, какъ было выше сказано, очень распространена. Самоѣды не признаютъ преступленіемъ украсть оленя у Русскаго или Зырянина, и даже напротивъ считаютъ это удачнымъ промысломъ, какъ свидѣтельствуетъ священникъ І. Синцовъ. Да это и не мудрено, такъ какъ Самоѣды знаютъ, что стада Русскихъ и Зырянъ суть ихъ собственность, перешедшая въ руки этихъ послѣднихъ посредствомъ обмана и даже насилія, и притомъ кормятся на ихъ же тундрахъ. Иногда простая кража оленей переходитъ въ грабежъ, напримѣръ, въ слѣдующемъ случаѣ: Одинъ Ижемецъ жилъ въ тундрѣ и преспокойно ковырялъ чашки и ложки въ то время, когда двое Самоѣдовъ поочередно отгоняли отъ него стада оленей. Когда они такимъ образомъ отогнали уже половину, Зырянинъ замѣтилъ это, замѣтилъ и обоихъ грабителей—Самоѣдовъ. Воры, не думая долго, бросились на пастуха, а чтобъ онъ не кричалъ, набили ему въ ротъ нѣсколько горстей мху. По счастію, все это замѣтилъ, находившійся вблизи, другой пастухъ Ижемецъ: онъ побѣжалъ на помощь; одинъ Самоѣдинъ выстрѣлилъ въ него, но не попалъ [3]).

Но такіе случаи рѣдки; чаще бываетъ такъ, что Самоѣды, служащіе пастухами, крадутъ оленей у хозяевъ и передаютъ своимъ соплеменникамъ. Укравшій оленя какимъ бы то ни было способомъ или убиваетъ его, или спѣшитъ уничтожить клеймо настоящаго хо-

---

[1]) Путешествіе, I, стр. 316.

[2]) *Арх. Губ. Вѣд.* 1870 г., № 22.

[3]) Годъ на Сѣверѣ, стр. 447.

зяина и наложитъ свое. Самоѣды крадутъ оленей не только у Русскихъ и Зырянъ, но и другъ у друга. Это преступленіе получило большое развитіе между Самоѣдами Большеземельской тундры, при чемъ обворованные сами раздѣлываются съ преступниками. Такъ, по словамъ священника Синцова, если Вондырька у Лоцея укралъ 10 оленей, то Лоцей не ищетъ суда, а старается только улучить время, чтобъ украсть у Вондырьки еще болѣе. До суда дѣло доходитъ только тогда, когда менѣе успѣвшій и потерпѣвшій убытокъ приглашаетъ къ себѣ помощниковъ и отгоняетъ оленей у своего соперника явно и насильно.

Г. Гофманъ говоритъ о Самоѣдахъ: „Я нашелъ Самоѣдовъ довольно честнымъ народомъ, но оставя номадную жизнь, они могутъ потерять эту добродѣтель; по крайней мѣрѣ Самоѣды, живущіе въ селѣ Колвѣ, извѣстны во всемъ краю какъ отчаяннѣйшіе воры“ [1]). Причиной склонности къ воровству, какъ объясняетъ г. Ислявинъ, служитъ крайняя бѣдность поселенцевъ Колвы. „Они живутъ бѣдно, ибо хлѣбопашества не имѣютъ, а луга по Колвѣ хотя и хорошіе, но колонисты не имѣютъ средствъ обзавестись скотоводствомъ; рыбою же, которою изобилуетъ Колва, они мало пользуются, потому что рѣка во многихъ мѣстахъ забрана Ижемцами, вылавливающими рыбу въ огромномъ количествѣ, да еслибъ и не существовало послѣдняго обстоятельства, то и тогда колонистамъ безъ оленей нельзя было бы подъѣхать ни къ песцовымъ норамъ, ни къ рыбному озеру или рѣкѣ. Поэтому они или пускаются на лѣсной промыселъ, несравненно менѣе выгодный тундрянаго, но безъ оленей не могутъ далеко отойдти отъ дому, или же въ сообществѣ родовичей своихъ, имѣющихъ маленькія стада, отправляются красть оленей у Ижемцевъ, такъ что Ижемцы боятся подходить близко къ церкви“ [2]).

Хотя самоѣдскія женщины вообще цѣломудренны, но все-таки нерѣдко случаются нарушенія супружеской вѣрности, что считается у Самоѣдовъ довольно важнымъ преступленіемъ. У нихъ существуетъ предразсудокъ, что трудные роды зависятъ отъ нару-

---

[1]) Сѣверный Уралъ, I, стр. 206.

[2]) *Современникъ* 1848 г., № 9, смѣсь, стр. 2.

шенія супружеской вѣрности которымъ-либо изъ супруговъ, и потому повивальная бабка, при родахъ, требуетъ отъ той и другой стороны сознанія, которое и дѣлается какъ женою, такъ и мужемъ; этотъ обычай даетъ мужу средство узнать о проступкѣ жены.

О самоѣдскихъ тадибеяхъ, то-есть, ихъ жрецахъ и знахаряхъ, и о связи поддерживаемыхъ ими преступленій съ суевѣріями, будетъ сказано въ отдѣлѣ: „Общественный бытъ и расправа".

Вреднѣе всего вліяетъ на благосостояніе Самоѣдовъ пьянство, поддерживаемое и распространяемое Русскими и Зырянами. О значеніи водки при торговыхъ сдѣлкахъ и о томъ примѣненіи ея при торговлѣ, какое дѣлаютъ Русскіе и пжемскіе торговцы, было говорено выше.

По словамъ священника І. Спицова, Самоѣды Большеземельской тундры не такъ склонны къ вину, какъ Самоѣды Канинской и Тиманской тундръ, и если замѣчаютъ, что Русскій, развозящій по тундрѣ вино, обираетъ кого-либо изъ нихъ, то они вступаются за обиженнаго, отбираютъ у Русскаго вино и запрещаютъ ему впредь являться въ тундру съ нимъ. Между тѣмъ Самоѣды Тиманской и Канинской тундръ не любятъ тѣхъ Русскихъ, которые пріѣзжаютъ къ нимъ безъ вина, а видя вино въ рукахъ Русскихъ, стараются его пріобрѣсть во что бы то ни стало, давая за него товару, сколько Русскій потребуетъ. Вслѣдствіе того они пропиваютъ постоянно все, что̀ имѣютъ, и дѣлаются все бѣднѣе и бѣднѣе. Однакожь бывали примѣры и въ Канинской тундрѣ, что Самоѣды, узнавъ, что строго запрещено ввозить вино въ тундру, давали себя напоить, но когда дѣло приходило къ разсчету и бою оленей, то они, бросившись на Русскихъ и ихъ стращая тѣмъ, что свяжутъ и представятъ въ судъ, заставляли ихъ отказаться отъ всѣхъ притязаній на долги и возвратиться скорѣе домой, сами же допивали остальное вино [1]).

Не смотря на нѣкоторыя свои дурныя качества, Самоѣды, будучи еще въ язычествѣ, выработали себѣ нравственныя правила, которыя, по словамъ архимандрита Веніамина, словесно передаются отъ родителей къ дѣтямъ, а отъ тадибеевъ, ихъ жрецовъ и

---

[1]) *Иславинъ*, стр. 82.

учителей, ко всѣмъ язычникамъ. Вотъ нѣкоторыя изъ этихъ нравственныхъ правилъ: Почитай отца и мать.—Почитай и уважай старшихъ себя.—Ни на кого напрасно ни наговаривай и надъ другимъ не смѣйся.—Не убивай.—Не воруй.—Люби свою жену и не желай чужой.—Всемѣрно старайся о сохраненіи оленей.—Не гордись.—Не пустословь.—Не щеголяй.—Не пьянствуй.—Не будь сладкоѣдъ, а употребляй въ пищу что прилучилось.—Просящему у тебя давай, чтобы не ушелъ отъ тебя безъ пособія; за сіе Богъ отдастъ тебѣ болѣе.—Что видишь молчи, чтобы не вышло отъ тебя какое-либо дѣло [1]).

B. Общественный бытъ, судъ и расправа.

Изъ всѣхъ инородцевъ Архангельской губерніи Самоѣды болѣе другихъ сохранили слѣды родового быта, особенно Самоѣды Большеземельской тундры, какъ болѣе удаленные отъ вліянія Русскихъ. У Канинскихъ Самоѣдовъ родовой бытъ замѣтно сгладился, перейдя въ семейный: хотя они и знаютъ еще, кто изъ нихъ происходитъ отъ котораго рода, но у нихъ нѣтъ ни родоначальниковъ, ничего другого, что связывало бы между собою родовую единицу. По однимъ свѣдѣніямъ, всѣ Самоѣды, обитающіе какъ въ Европейской Россіи, такъ и въ Сибири, раздѣляются только на три главныхъ рода, по другимъ одни Большеземельскіе Самоѣды распадаются на шесть главныхъ родовъ. Приведемъ сначала первое раздѣленіе, какъ его сообщаетъ г. Шренкъ [2]):

„Въ этнографическомъ отношеніи“, говоритъ г. Шренкъ,—„всѣ вообще европейскіе и азіатскіе Самоѣды, вплоть до р. Оби, раздѣляются на три главные рода или племени (Stamm): Lagä, Wanojta и Harïzi или Harüzi (Карачен). Эти роды могутъ быть разсматриваемы какъ различные народы, потому что слово tnäz, которымъ обозначается такой родъ, употребляется для обозначенія понятія народа: какъ говорятъ Lagä-tänz, Wanojta-tänz о Само-

---

[1]) *Арх. Губ. Вѣд.* 1849 г. № 12, а также *Этногр. Сборникъ*, вып. IV.
[2]) Путешествіе I, стр. 623 и слѣд.

ѣдахъ, такъ точно говорятъ Lutsä-tänz, о Русскихъ, Habij-tänz—объ Остякахъ, и т. д. Эти tänz или главные роды, можетъ быть, прежде имѣли свои особенныя мѣста жительства, тогда какъ теперь только одни Harizi держатся отдѣльно, на полуостровѣ Jalmal, между Карскимъ моремъ и Обскою губою, въ такъ называемой Карачейской землѣ. Роды Lagä и Wanojta во всѣхъ мѣстахъ своего пребыванія, отъ р. Мезени до Оби, живутъ одинъ между другимъ безразлично, и съ тѣхъ поръ, какъ узнали ихъ Русскіе, находятся между собою въ мирныхъ отношеніяхъ, какъ бы составляя одинъ народъ, тогда какъ къ третьему роду, Карачеямъ, они стояли во враждебныхъ отношеніяхъ, и разбойническія нападенія Карачеевъ на нихъ продолжались до половины прошлаго столѣтія. Самоѣды описываютъ Карачеевъ, какъ многочисленный, дикій и неукротимый народъ. О нихъ у насъ нѣтъ подробныхъ свѣдѣній, а потому мы будемъ говорить о первыхъ двухъ племенахъ: Lagäj и Wanojta. Каждое изъ этихъ племенъ распадается на вѣтви (Zweige) и поколѣнія или роды (Geschlechter; по самоѣдски jerkar).

„I. Племя Lagäj раздѣляется на слѣдующія поколѣнія: 1) Hätynzej; многочисленный родъ, подчиненный Зырянамъ и вмѣстѣ съ ними распространяющійся по большей части Большеземельской тундры; свободные Hätynzej находятся только на сибирской сторонѣ, близь владѣній Остяковъ. 2) Paganzej (обитатели губъ морскихъ); часть ихъ свободна; свободные кочуютъ около Колвы-рѣки и морской губы Häjodepädära, отъ которой получили свое имя (рада-губа); другая часть подчинена Пустозерамъ, съ которыми вмѣстѣ и странствуетъ. 3) Tájwori—около той же самой губы Häjodepädära. 4) Tysyji, распадающіеся на двѣ побочныя вѣтви: Hohotysyje (песцовые тысяи) и Wonakana (собачьи санки); многочисленный родъ, который живетъ около лѣсныхъ границъ, за Пустозерскомъ, въ Большой землѣ, и находится большею частью въ услуженіи у Пустозерцевъ; свободные находятся на Колвѣ, Häjodepädära, Korotaiha и до Урала. 5) Sadäj—въ пространной лаптѣ или равнинѣ, которая идетъ отъ праваго берега Колвы къ Устьцыльмѣ: многіе служатъ у Устьцылемовъ. Слѣдующіе роды состоятъ большею частью изъ свободныхъ Самоѣдовъ: 6) Hoho (песцы) – на Уралѣ, гдѣ особенно много песцовъ. 7) Pädräggasowo (лѣсные Самоѣды)—на сѣверномъ Уралѣ и нижней Оби. 8) Gyjwaj—на сибирской

сторонѣ, къ югу отъ Hätynzej, къ Остякамъ. 9) Seda,—въ Малой Землѣ. 10) Wärä—въ Малой Землѣ.

„II. Племя Wanojta раздѣляется на слѣдующіе роды: 1) Guutschi (вѣроятно, Выучи), многочисленный родъ съ двумя вѣтвями: Laptander и Lamduj, изъ коихъ первый живетъ въ Малоземельской лаптѣ или равнинѣ, второй—только въ Большой Землѣ и въ Сибири, около сѣверной части Урала; на западѣ же отъ Урала повсемѣстно распространенъ въ услуженіи у Зырянъ и Русскихъ. 2) Walej, подчиненъ Зырянамъ и съ ними кочуетъ: свободные только въ Малой и Канинской земляхъ. 3) Pyrirky, на Карѣ, свободный родъ. 4) Hude, сибирскіе Самоѣды, за Ураломъ, состоятъ, какъ и слѣдующіе четыре зауральскіе рода, изъ свободныхъ. 5) Horolo. 6) Särädäta.7) Gokdäta. 8) Jäptik. 9) Myd, обитатели Малой земли, 10) Jabene, маленькій родъ въ Малой Землѣ, распадается на двѣ вѣтви: Apizyn и Warätsyn. Между родами, происхожденія которыхъ я не могъ узнать, находятся: Mendlowo, на сибирской сторонѣ, кочуетъ съ Gyjwaj, Jagaggasowoj (рѣчные Самоѣды), по лѣвому берегу Оби, на морскомъ берегу, и нѣкоторые другіе.

„Самоѣды сообщаютъ еще различныя преданія о происхожденіи нѣкоторыхъ изъ родовъ, объ обстоятельствахъ жизни и особенныхъ качествахъ ихъ родоначальниковъ. Такъ, родъ Jeda ведетъ свое названіе отъ того обстоятельства, что его родоначальникъ достигъ такого безпомощнаго состоянія, что внучки его клали въ колыбель, какъ младенца, и качали во снѣ. Wärä ведутъ родъ свой отъ Самоѣда, который, оставивъ Большую Землю, поселился въ Малой, отъ чего Малоземельцы и говорили о немъ: Wärätâ jagghamy (у него чешутся подошвы), потому что онъ бѣжалъ изъ своей земли въ чужую, отъ этого его назвали Wara, и по немъ уже рѣчка въ сѣверной части Малой Земли, у которой онъ кочевалъ, названа Wäräj-jaga (Русскіе называютъ Черная), также, какъ лежащій на лѣвомъ берегу этой рѣчки лѣсъ Wäräj: здѣсь старикъ однажды нашелъ свое оленье стадо, которое въ одинъ лѣтній жаркій день убѣжало противъ вѣтра, и онъ долго искалъ его, пока не обѣщалъ своему идолу богатой жертвы: наконецъ нашелъ его въ этомъ мѣстѣ, которое получило его имя Warätsyn, боковая вѣтвь рода, Ябене, обязана своимъ именемъ дѣвушкѣ этого рода, принесшей

на свѣтъ дитя, котораго отца не знали, отчего насмѣшливо говорили о ней: waräsjhowy (она имѣетъ дитя, украденное на сторонѣ): отъ этого мать, въ горести, пошла къ уединенному ручью, и горько плача, говорила мальчику: „Если ты украденъ на сторонѣ, долженъ ты называться Warätsyn и дать свое имя новому роду, Apizyn". Другая вѣтвь того же рода получила свое имя отъ родоначальника Apizä, который былъ своимъ народомъ посланъ къ Московскому царю и получилъ отъ него жалованную грамоту на обладаніе Самоѣдами ихъ землей, за что̀ они и сдѣлались подданными Русскаго царства. Родъ Myd происходитъ отъ старика этого имени. Lamduj имѣлъ родоначальникомъ Lamdo (низкій), который былъ такъ названъ по своему низкому росту. Japtik происходитъ отъ Japto (тонкій). Родоначальникомъ Särädäta былъ обладатель бѣлыхъ оленей (sar—бѣлый, ta—олень). Родоначальникъ Gokdäta былъ обладатель множества оленей (gok—много и ta). Родоначальникъ Wonakana, одной вѣтви рода Tysyje, пришелъ изъ владѣній Остяковъ, гдѣ онъ ѣздилъ на собачьихъ санкахъ (woncko—собака, и han—санп). Другіе роды получили свои имена отъ свойствъ кочевьевъ, таковы: Pädrängasowoj, Jagaggasowoj, Paganzéj, Noho, Sadäj".

Таково дѣленіе и происхожденіе самоѣдскихъ родовъ по свѣденіямъ, собраннымъ г. Шренкомъ. Другіе изслѣдователи, напримѣръ г. Ислаинъ и архимандритъ Веніаминъ, представляютъ совсѣмъ другое дѣленіе: они, какъ мы сказали, однихъ Самоѣдовъ Большеземельской тундры раздѣляютъ на шесть главныхъ родовъ. Кто изъ нихъ правъ—мы судить не можемъ, а приводимъ только факты, представляемые противною стороной.

По словамъ указанныхъ лицъ, „всѣхъ самоѣдскихъ родовъ считается шесть главныхъ, имѣющихъ нѣсколько подраздѣленій; названія свои они получали или отъ именъ родоначальниковъ или отъ урочищъ, въ которыхъ Самоѣды обыкновенно промышляютъ

Тундряные роды (теперь извѣстные подъ названіемъ Самоѣдовъ Пустозерскаго и Устьцылемскаго вѣдомствъ): I. Тыссіи, самый многочисленный, составляющій половину Самоѣдовъ Пустозерскаго вѣдомства: a) Яу-тыссіи (отъ *ямъ*,—море), то-есть, занимающіеся морскими промыслами. b) Лантандеры-тыссіи, то-есть, кочующіе по лаптѣ. c) Ного-тыссіи (отъ *ного* — песецъ),

то-есть, занимающіеся песцовымъ промысломъ: Весною, для теленія оленей, эти роды выходятъ изъ лѣсовъ къ рѣкамъ: Воркотѣ, Сіойдѣ и Хузьмору; къ іюню и іюлю приближаются къ рѣкамъ Карѣ и Коротапхѣ, а племя Яу-тыссіи, для рыболовства и промысла моржей и бѣлыхъ медвѣдей, переходитъ даже на островъ Вайгачъ. Въ августѣ и сентябрѣ занимаются рыболовствомъ при озерахъ: Балбанскомъ и Письемъ и охотою на песцовъ, въ особенности по хребту Ногосоты; къ зимѣ возвращаются въ лѣса.—d) Пагансѣда-тыссіи (отъ *пага*—губа, и *сѣда*—сопка) то-есть, кочующіе у Паганской губы или губы Пагансѣда, у Пыткова камня. e) Сіусѣда-тыссіи (отъ *сіу*—семь, и *сѣда*, сопка), то-есть, кочующіе у сопки Сіусѣда, у Заворотскаго носа, при вершинѣ р. Песчанки. Олени ихъ телятся у окраины лѣсовъ при рѣкахъ Шапкиной, Хабеягѣ и Колвѣ: къ іюню племена Пагансѣда и Сіусѣда-тыссіи подвигаются къ вершинамъ этихъ рѣкъ и доходятъ до моря, гдѣ до половины сентября занимаются ловлею рыбы и морскаго звѣря: осенью промышляютъ песцовъ по хребтамъ, а на зиму становятся на Колвинской и Харпесъ-лаптѣ.

II. Логей, также многочисленное племя: a) Сяден-Логей (*ся*—гора, *исядей*—горный идолъ). b) Уанаканъ-Логей (собачій родъ отъ *уанъ*—собака).c) Вылка-Логей (отъ Вылки—родопачальника). д) Пырерка-Логей (отъ *пыре*—щука), то-есть, занимающіеся щучьимъ промысломъ); веснуютъ у вершинъ Хырмора, особенно у сопки Савасѣда; къ лѣту идутъ къ устью Коротаихи, гдѣ занимаются (особенно племя Вылки-Логей) морскимъ промысломъ: осенью ловятъ омулей, которые, почуявъ холодъ, идутъ въ рѣки изъ моря: въ половинѣ октября промышляютъ рыбу и песцовъ у озера Харвея.

III. Выучей (бобры) и племя Выучей-Лаптандеры, кочующіе по Малоземельской лаптѣ (*Лаптандеръ*—Малоземелецъ). Весною кочуютъ у р. Шапкиной, лѣтомъ у Пыткова камня и р. Пайяги: осенью промышляютъ песцовъ по хребтамъ, а къ зимѣ приближаются къ озерамъ Арцею и Лайскому, и спускаются къ лѣсамъ по р. Хабеягѣ.

Лѣсовые роды (теперь извѣстные подъ названіемъ Самоѣдовъ Ижемскаго и частью Устьцылемскаго вѣдомствъ):

IV. Хатанзей, самый большой родъ изъ лѣсовыхъ.

V. Валей, малочисленный.

VI. Ванюта или Уанойта, еще менѣе.

Самоѣды, принадлежащіе къ лѣсовымъ родамъ, находятся большею частію въ работникахъ у Ижемцевъ. До 50-ти хозяевъ имѣютъ еще оленей, и то не болѣе 4,000 головъ. Кочевья ихъ такъ разбиты стадами Ижемцевъ, что не возможно опредѣлить постояннаго, ежегоднаго пребыванія ихъ на томъ или другомъ мѣстѣ, и положительно можно сказать только, что они слѣдуютъ за Ижемцами при неизмѣнномъ походѣ этихъ послѣднихъ отъ лѣсовъ къ морю противъ теченія рѣкъ Хабеяги, Колвы, Хырмора, Хузь-мора, Сіойды и Воркоты, и отъ моря къ лѣсамъ [1]).

Изъ этого видно, что въ Большеземельской тундрѣ родовой бытъ поддерживается тѣмъ, что каждый родъ знаетъ свое мѣсто и кочуетъ въ опредѣленныхъ предѣлахъ. Въ Канинской тундрѣ этого условія нѣтъ: въ ней кочуютъ Самоѣды безъ всякаго раздѣленія тундры между собою. Между тѣмъ прежде, не въ очень отдаленное время, тундра со всѣми ея угодьями была раздѣлена не только между родами, но какъ кажется, и между семьями. Лепехинъ говоритъ объ этомъ слѣдующее: „Недвижимое имущество Самоѣдовъ заключается въ пространныхъ ихъ тундрахъ, означаемыхъ рѣками, гдѣ поселились издревле старинные родоначальники самоѣдскихъ семей, и привыкли содержать свои кочевья. Напримѣръ, Канинская рѣка Вижпсъ принадлежитъ, по сему земскому самоѣдскому праву, ко владѣнію частнаго самоѣдскаго рода Худярова; то же разумѣть должно и о прочихъ самоѣдскихъ семействахъ, которыя надъ извѣстными урочищами имѣютъ и употребляютъ право частныхъ владѣльцовъ“ [2]). Да и въ царской жалованной грамотѣ 1545 г. упоминаются владѣнія отдѣльныхъ лицъ, напримѣръ: „да Индегу рѣку до желѣзныя рѣки, чѣмъ владѣли Самоѣды Малкѣй да Торчило да Емба“.

Самоѣды разказываютъ, что у нихъ прежде были князья, какъ теперь у Карачеевъ. Можетъ быть, отъ этихъ князей получила происхожденіе самоѣдская аристократія, о которой говоритъ Кастренъ. Вотъ какъ онъ описываетъ встрѣчу свою съ однимъ самоѣдскимъ аристократомъ: „Одинъ изъ Самоѣдовъ обратилъ на себя мое вни-

---

[1]) *Исламинъ*, стр. 132—135.

[2]) Изт. Зап., IV, стр. 225.

маніе необыкновенною одеждою, страннымъ видомъ и пріемами. Самоѣдинъ этотъ былъ въ малицѣ, покрытой свѣтло синимъ сукномъ и украшенной пушистымъ подоломъ изъ собачьяго мѣху. Его пестрые сапоги были завязаны выше икоръ красными лентами съ кисточками, которыя спускались довольно низко. На самой маковкѣ у него была одѣта на бекрень остроконечная шапка изъ оленьяго мѣху. Во время разговора съ моими ямщиками Самоѣдинъ изгибался назадъ. Лѣвая рука неподвижно лежала при бедрѣ, правая была протянута, указательный палецъ дѣлалъ запятыя и черточки. Одинъ глазъ былъ закрытъ, а другимъ Самоѣдинъ тѣмъ пристальнѣе смотрѣлъ на свой предметъ. Его губы были чрезвычайно тонки и почти не шевелились, когда онъ говорилъ. Лобъ былъ низокъ, темя остроконечно. Эта странная физіономія принадлежала Самоѣдину-аристократу.... Богатый Самоѣдинъ, въ собственномъ мнѣніи гораздо значительнѣе многихъ маленькихъ князей и терзаетъ своихъ, менѣе счастливыхъ, земляковъ съ большею строгостью, чѣмъ многіе изъ сильныхъ міра. Будь у него къ тому же небольшая должность,—и спѣси его нѣтъ предѣловъ. Мой Самоѣдинъ, избранный своими земляками въ помощники старшины Канинской тундры, считалъ себя выше всѣхъ прочихъ аристократовъ своего племени, и онъ умѣлъ вести себя соотвѣтственно той самоувѣренности, какую внушали ему богатство и важность его сана“ [1]).

Что эта аристократія не исключительно денежная, а именно аристократія по происхожденію, удостовѣряетъ г. Верещагинъ въ своихъ „Очеркахъ Архангельской губерніи“. Онъ говоритъ: „У Самоѣдовъ есть родъ аристократическій и плебейскій. Самоѣдскій аристократъ ничѣмъ не уступитъ всякому другому: осанка его важна, и одежда лучше, нежели у прочихъ. Если ему случится быть въ гостяхъ и пить чай, то разливъ въ блюдечко чаю, онъ отдаетъ чашку въ руки своему слугѣ, который смиренно ожидаетъ, пока господинъ его выкушаетъ блюдечко“.

Эти аристократы выбираются преимущественно въ общественныя должности—старшинъ и ихъ помощниковъ. Въ самомъ уставѣ объ управленіи Самоѣдами сказано, что всѣ Самоѣды, носящія почетныя званія между своими родовичами, удерживаютъ свои

[1]) *Современникъ* 1845 г., № 7.

званія и пользуются „тѣми почестями, какія въ мѣстахъ ихъ жительства обычай имъ предоставляетъ“.

Самоѣды управляются двумя старшинами: одинъ завѣдуетъ Тиманскими и Канинскими Самоѣдами, другой—Большеземельскими. У Большеземельскаго старшины два помощника: одинъ Устьцылемскаго, другой—Ижемскаго вѣдомства. Старшины и ихъ помощники выбираются Самоѣдами на ихъ общихъ сходахъ, на три года, и имѣютъ надъ ними власть почти безаппеляціонную [1]), но пользуется такою властью только тотъ старшина, который сумѣетъ возбудить къ себѣ уваженіе подчиненныхъ своими личными качествами. Кромѣ старшинъ и ихъ помощниковъ, есть еще сотскіе и десятскіе, вполнѣ зависящіе отъ первыхъ. Сотскіе, по словамъ Отчета Запечорской коммиссіи, суть начальники главныхъ родовъ, и власть ихъ наслѣдственная. Обязанности сотскихъ состоятъ въ сборѣ ясака и доставленіи Самоѣдовъ по требованію старшинъ и ихъ помощниковъ. Старшинамъ принадлежитъ какъ административная, такъ и судебная власть. Къ каждому старшинѣ и его помощникамъ опредѣляется писарь, для выполненія канцелярскихъ обязанностей.

Кромѣ своего выборнаго начальства, Самоѣды имѣютъ понятіе о существованіи другого, высшаго начальства, хотя понятіе довольно неблагопріятное для послѣдняго, какъ можно видѣть изъ слѣдующаго разказа Кастрена: „Дорогой наткнулся на Самоѣдина, который отдыхалъ съ своими оленями. „Куда?“ спросилъ я. „Въ питейный домъ“, отвѣчали мнѣ твердымъ голосомъ. Отрекомендовавшись Самоѣдину какъ путешествующій чиновникъ, я завелъ съ нимъ разговоръ, и между прочимъ, случайно спросилъ о числѣ его оленей. Изъ этого онъ подозрительнымъ самоѣдскимъ умомъ сдѣлалъ заключеніе, что у меня есть виды на его оленей. Бѣднякъ сталъ умолять меня о пощадѣ, снялъ свою шапку и три раза ударился лбомъ о снѣгъ, покрывавшій мои сапоги“ [1]).

Старшинъ, ихъ помощниковъ и прочихъ должностныхъ лицъ Самоѣды выбираютъ на общественныхъ собраніяхъ, сходкахъ. При разбросанности членовъ самоѣдскаго общества эти собранія

---

[1]) Отчетъ коммиссіи по изслѣдованію Печорскаго края.

[2]) *Современникъ*, 1845 г., № 7.

у нихъ бываютъ рѣдко. У Канинскихъ Самоѣдовъ одинъ сборъ ихъ бываетъ осенью на полуостровѣ Канинѣ, на р. Губенихѣ, по окончаніи промысловъ. Второй сборъ бываетъ зимою въ селеніи Неси, гдѣ живетъ писарь и находится самоѣдская церковь. На этихъ собраніяхъ, кромѣ выбора должностныхъ лицъ, обсуждаются всѣ общественныя дѣла, напримѣръ, о повинностяхъ, разбираются всѣ частные иски, составляются духовныя завѣщанія и т. п. Приговоры и сдѣлки записываются писаремъ въ книгу. Кромѣ этихъ большихъ собраній, бываютъ еще небольшія сходки въ другое время года и въ другихъ мѣстахъ.

На общественныя собранія являются представители семействъ, обыкновенно люди средняго возраста, не старые и не молодые. Женщины ни въ какомъ случаѣ не допускаются. Главную роль на сходкахъ играютъ богачи, которыхъ голосъ наиболѣе уважается.

При выборѣ въ старшины Самоѣды не имѣютъ въ виду какихъ-либо умственныхъ и нравственныхъ качествъ человѣка, но единственно его матеріальное положеніе. Даже физическіе недостатки, какъ-то: глухота и т. п., не служатъ препятствіемъ, лишь бы избираемый былъ богатъ, обладалъ большимъ числомъ оленей, чтобы, въ случаѣ недоимки, могъ покрывать ее, вносить подати за неимущихъ. Вслѣдствіе того выбираютъ въ старшины людей, иногда вовсе неспособныхъ исправлять свои обязанности, и власть такого старшины есть только номинальная, лишенная всякаго дѣйствительнаго значенія. Старшины служатъ безъ жалованья; прежде они пользовались за исправный платежъ ясака 2 % ясачной суммы.

Если старшинѣ нужно потребовать оленей отъ Самоѣдовъ, для подводы, то онъ вырѣзываетъ на дощечкѣ клейма тѣхъ Самоѣдовъ, отъ которыхъ требуются олени, означая противъ каждаго клейма рубежками число оленей, и затѣмъ, вырѣзавъ на дощечкѣ свое клеймо, посылаетъ ее для исполненія со своими десятскими; Самоѣды своимъ уставомъ обязываются исполнять безпрекословно такія предписанія своего старшины. Точно также предписывается и о собраніи ясачной подати. Въ послѣднемъ случаѣ рубежками означается количество рублей или шкуръ, требуемыхъ съ извѣстнаго лица. Обычай разсылать предписанія такимъ образомъ ста-

рипный. О немъ упоминаетъ Лепехинъ, который и представляетъ изображеніе такой дощечки [1]).

Изъ всѣхъ денежныхъ повинностей Самоѣды знаютъ только одну—платежъ податей, замѣнившій прежній ясакъ, который сбирался пушнымъ товаромъ. Подати, уплачиваемыя Самоѣдами, очень не велики: одинъ рубль съ ревизской души. Онѣ взыскиваются старшиной на общественныхъ собраніяхъ. Кто не имѣетъ денегъ, тотъ представляетъ мѣха, кожи и другіе предметы, которые продаются старшиной, а деньги обращаются на уплату податей. Если отъ продажи вещей, полученныхъ старшиною для уплаты податей, будетъ выручено больше денегъ, нежели сколько слѣдуетъ, то старшина обязанъ возвращать остатки тѣмъ лицамъ, отъ которыхъ были получены проданныя имъ вещи. Впрочемъ, каждый Самоѣдинъ имѣетъ право участвовать самъ въ продажѣ своихъ вещей и даже выкупать ихъ, внося слѣдующее для уплаты податей денегъ. Никто, кромѣ старшины, не имѣетъ права сбирать съ Самоѣдовъ подати. Но Русскіе и здѣсь придумали средство поживиться: они, за извѣстную плату старшинѣ, берутся сбирать подать съ самыхъ дальнихъ Самоѣдовъ, и пріѣзжая въ отдаленные чумы, получаютъ не узаконенный рубль, а два или два съ полтиной, смотря по тому, сколько вздумается взять [2]).

Изъ натуральныхъ повинностей Самоѣды отбываютъ только ямскую. Близъ Неси устроенъ ямъ, то-есть, чумъ съ оленями, назначенными отъ извѣстныхъ хозяевъ. На общественныхъ собраніяхъ составляется списокъ лицъ, которыя должны ставить оленей, а также число оленей. Это замѣчается на биркахъ. Ѣзда бываетъ отъ Неси только до Семжи въ одну сторону и въ другую до ближайшаго селенія.

Кромѣ того, никакихъ повинностей и сборовъ не бываетъ. Отправленіе требъ священниками безмездное: Самоѣды ничего не платятъ за ихъ исполненіе. Впрочемъ, по добровольному желанію жертвуютъ иногда на церковь оленей, чѣмъ выражаютъ свое религіозное рвеніе. Отъ этихъ пожертвованій, производящихся съ давняго времени, образовались при церквахъ порядочныя стада

---

[1]) Путев. Зап., IV, стр. 293.

[2]) Годъ на Сѣверѣ, изд. 2-е, стр. 448.

оленей, доходы съ которыхъ идутъ въ пользу церкви и священниковъ. Такъ въ Колвинской церкви, приходѣ Большеземельскихъ Самоѣдовъ, образовался было порядочный капиталъ, до 10-ти тысячъ рублей, и стадо оленей въ нѣсколько тысячъ, пожертвованныхъ Самоѣдами въ прежнія времена, когда они находились въ лучшемъ экономическомъ положеніи, чѣмъ теперь [1]).

У Самоѣдовъ-язычниковъ отправляютъ богослуженіе и другіе религіозные обряды ихъ жрецы-тадибеи, которые вмѣстѣ съ тѣмъ служатъ и знахарями. Званіе тадибея считается наслѣдственнымъ; никто не можетъ быть тадибеемъ, если не происходитъ изъ рода тадибеевъ. Это званіе наслѣдуется какъ мужчинами, такъ и женщинами; впрочемъ, женщины наслѣдуютъ его только въ такомъ случаѣ, если нѣтъ наслѣдниковъ мужчинъ [2]). Тадибеи, по понятіямъ Самоѣдовъ, могутъ сноситься съ духами и вызывать ихъ посредствомъ особыхъ обрядовъ, называемыхъ *битьемъ кудесъ*; въ ихъ сверхъестественную власть вѣрятъ и крещеные Самоѣды, а отчасти и Русскіе. Тадибеи, съ своей стороны, стараются всѣми силами поддерживать свое значеніе, которое приноситъ имъ матеріальныя выгоды. Въ своей долгой практикѣ они выработали многіе пріемы, фокусы, которыми удачно пользуются, чтобы морочить своихъ невѣжественныхъ поклонниковъ; напримѣръ, они пронзаютъ себя ножемъ, продѣваютъ чрезъ себя ремень и т. п. Кромѣ того, самый нарядъ тадибея, торжественность обрядовъ и его заученные пріемы—все это разчитано на то, чтобы производить предрасполагающее впечатлѣніе. Тадибеи, впрочемъ не всегда только шарлатаны; иногда они и сами вѣрятъ въ свою силу, какъ вѣрятъ въ нее ихъ поклонники-Самоѣды и даже Русскіе. Вотъ доказательство того, какъ эти послѣдніе вѣрятъ въ тадибеевъ: одинъ мезенскій крестьянинъ выстрѣлилъ въ тадибея въ увѣренности, что пуля должна отскочить отъ него, какъ думаютъ Самоѣды, и разумѣется, убилъ наповалъ. Самоѣды обращаются къ тадибеямъ за помощью для излѣченія отъ болѣзней и за различными предсказаніями, напримѣръ, о томъ, будетъ ли успѣшенъ промыселъ, и т. п.; въ случаѣ покражи, просятъ

---

[1]) *Арх. Губ. Вѣд.* 1868 г., № 103.

[2]) *Арх. Губ. Вѣд.* 1849 г., № 12.

его узнать вора и указать, гдѣ похищенное. Если обращаются къ нему по дѣлу послѣдняго рода, то онъ предварительно распрашиваетъ о всѣхъ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ кражу, и по разказу составляетъ свое предположеніе, которое, въ неопредѣленныхъ выраженіяхъ, и высказываетъ, когда приходитъ въ восторженное состояніе и черезъ битье кудесъ вызываетъ духовъ. Тадибеи играютъ также роль лѣкарей, къ которымъ Самоѣды обращаются во всѣхъ болѣзняхъ, и имъ г. Максимовъ приписываетъ большую смертность между Самоѣдами, которые мрутъ, не достигая и 50-ти лѣтъ отъ роду [1]); но разумѣется, это явленіе обусловливается причинами болѣе общими, чѣмъ лѣченіе тадибеевъ. Но если тадибеи, своими невѣжественными пріемами при лѣченіи больныхъ, могутъ оказывать нѣкоторое вліяніе на увеличеніе смертности между Самоѣдами, то они еще гораздо вреднѣе въ томъ отношеніи, что, пользуясь своимъ значеніемъ, поддерживаютъ въ народѣ всякія вредныя суевѣрія и тѣмъ препятствуютъ его развитію, видя въ этомъ свои собственныя выгоды. Тадибеи за битье кудесъ или за совершеніе жертвоприношенія получаютъ плату оленями или какими-либо другими вещами, сколько кто можетъ дать. Плата эта дается подъ такимъ условіемъ: если отъ кудеса послѣдуетъ желаемый результатъ, то тадибей можетъ удержать плату; въ противномъ же случаѣ возвращается обратно [2]). Тадибей получаетъ также оленя, когда разрѣшаетъ родильницу отъ грѣха нарушенія супружеской вѣрности, которому Самоѣды приписываютъ трудные роды [3]).

По закону, судебная власть надъ Самоѣдами предоставляется исключительно старшинѣ, но на самомъ дѣлѣ бываетъ не всегда такъ; часто старшина судитъ вмѣстѣ съ міромъ, и преобладающее значеніе имѣетъ именно голосъ общества. Самоѣды, судясь въ своихъ общественныхъ собраніяхъ черезъ своихъ старшинъ, считаютъ ихъ рѣшеніе почти всегда окончательнымъ и очень рѣдко апелируютъ на него въ высшія инстанціи [4]).

---

[1]) Годъ на Сѣверѣ, стр. 438.
[2]) *Арх. Губ. Вѣд.* 1849 г. № 12.
[3]) Описс. Арх. Губ. *Пошмана*, стр. 136.
[4]) *Арх. Губ. Вѣд.* 1846 г., № 26.

Судебнымъ доказательствомъ служитъ снятіе виновнымъ иконы и положеніе себѣ на голову со словами: „Побей меня Богъ, когда я виноватъ“. Самоѣды нынѣ не считаютъ себя въ правѣ приводить обвиняемаго къ цѣлованію образа. Старинная присяга Самоѣдовъ-язычниковъ—*рота*, нынѣ не употребляется оффиціально, хотя и утверждена самоѣдскимъ уставомъ, какъ законная форма присяги для Самоѣдовъ некрещеныхъ; но промежъ себя, частно, Самоѣды еще придерживаются ея. По уставу рота состоитъ въ слѣдующемъ: обвиненный, котораго заставляютъ принять присягу, вырѣзываетъ идола, зимою изъ снѣгу, а лѣтомъ изъ земли, и разрубаетъ его пополамъ со словами: „Пусть я самъ такъ буду разрѣзанъ, если сказалъ неправду, и пусть мнѣ не встать завтра поутру съ мѣста, а какъ спалъ, такъ бы мнѣ вѣчно и лежать“ [1]). Кромѣ этой, употребляются и другія формы роты. Самая употребительная состоитъ въ томъ, что оказывающіе свою правду грызутъ шкуру или *мырку* (морду) бѣлаго или бураго медвѣдя со словами: „Пусть меня изгрызетъ такъ звѣрь, какъ я грызу его, если я виноватъ“. Кастренъ упоминаетъ о слѣдующаго рода присягѣ: если обокрадутъ Самоѣда, и подозрѣніе падетъ на кого-нибудь, то дѣлаютъ истуканъ изъ камня, дерева, земли или снѣгу, потомъ убиваютъ собаку, разбиваютъ истуканъ и обращаются къ заподозрѣнному въ воровствѣ со словами: „Если ты укралъ, то падешь, какъ эта собака“. Обрядъ этотъ пользуется такимъ почтеніемъ у Самоѣдовъ, что преступникъ не рѣшится къ нему приступить, но скорѣе признается въ преступленіи. Вотъ еще одинъ торжественный видъ такой присяги: Самоѣды, собравшись въ одно мѣсто, дѣлаютъ изъ снѣгу или изъ глины нѣсколько остроконечныхъ треугольныхъ болвановъ, съ изображеніемъ лица, и поставя ихъ на снѣгъ, приводятъ къ тому мѣсту черную собаку и приносятъ носъ бѣлаго медвѣдя. Послѣ того прикосновенные къ дѣлу Самоѣды раздѣваются до-нага и становятся въ кучу лицомъ къ лицу,

---

[1]) Почтенный авторъ здѣсь, вѣроятно, смѣшиваетъ правила, составленныя въ особомъ временномъ комитетѣ, учрежденномъ на основаніи § 37 Устава, съ этимъ послѣднимъ, такъ какъ въ самомъ Уставѣ, помѣщенномъ въ Полномъ Собраніи Законовъ, вышеизложеннаго обряда роты или присяги не установлено. *Прим. ред.*

глядя съ благоговѣніемъ на небо и произнося слѣдующія слова: „Богъ насъ накажи, чтобы пожрала насъ земля, растерзали бы тѣла наши дикіе звѣри". Потомъ убиваютъ собаку и въ ту-же минуту вырѣзываютъ изъ нея сердце, которое бросаютъ на снѣгъ или на землю, и когда оно еще трепещетъ, каждый присягавшій схватываетъ его поочередно съ земли, отрѣзываетъ отъ него ножемъ частицу и затѣмъ бросаетъ на землю; потомъ каждый отрѣзываетъ по частицѣ бѣлаго медвѣдя и ѣстъ. Наконецъ болвана мажутъ кровью и разбиваютъ на мелкіе куски [1]). Лепехинъ также упоминаетъ о самоѣдской ротѣ: „Самоѣды, жившіе по р. Вижасу за Канинымъ носомъ, клянутся или ротятся, какъ тамъ говорятъ Русскіе,—старыми деревянными, оставленными идолами или вырѣзаннымъ подобіемъ ихъ изъ снѣгу. Когда клянутся, то положа срокъ своей жизни на два-три дня или мѣсяца, принимаются за болвановъ и рѣжутъ ихъ ножемъ, говоря: „Чтобы мнѣ болѣе того срока не прожить, ежели я виноватъ". Клятва эта имѣла тамъ превеликую силу и рѣзавшіе кумировъ, ежели въ самомъ дѣлѣ были виноваты, отъ угрызенія совѣсти умирали, а другихъ невинность открывалась въ теченіе того времени, до котораго срокъ былъ положенъ" [2]).

Кромѣ присяги, дознаніе и разборъ каждаго дѣла основывается на показаніяхъ свидѣтелей, которыхъ допрашиваютъ въ собраніи просто, безъ присяги.

Наказанія, какія полагаются самоѣдскими обычаями за различные проступки и преступленія, излагаются въ уставѣ, изъ котораго мы и дѣлаемъ выписки съ примѣчаніями священника І. Синцова [3]):

1) „Ежели кто изъ Самоѣдовъ, вытаскивая самовольно изъ существующихъ, не принадлежащихъ ему, лисьихъ или песцовыхъ норъ щенятъ, изломаетъ норы, отъ чего они отбѣгаютъ въ другія дальнія мѣста, причиняя черезъ сіе настоящимъ владѣльцамъ потомственный убытокъ,—то владѣлецъ сихъ норъ о виновномъ въ такомъ

[1]) *Арх. Губ. Вѣд.* 1846 г., № 11.

[2]) Пут. Зап., IV, стр. 113.

[3]) Авторъ ошибочно называетъ и въ этомъ случаѣ Уставомъ вышеозначенныя правила, составленныя особымъ временнымъ комитетомъ подъ предсѣдательствомъ начальника губерніи. *Прим. ред.*

убыткѣ объявляетъ старостѣ, который заставляетъ виновнаго, чтобы онъ удовлетворилъ обиженнаго, по взаимному между нимп согласію". Священникъ Синцовъ замѣчаетъ, что у Самоѣдовъ нѣтъ теперь дѣленныхъ норъ, такъ какъ они владѣютъ тундрой и ея угодьями сообща, а потому каждый можетъ пользоваться норой, какую найдетъ. Но замѣчаніе относится собственно къ Канинской тундрѣ; въ Большеземельской же эта статья устава можетъ имѣть примѣненіе, такъ какъ тамъ Зыряне дѣйствительно разоряютъ песцовыя норы, принадлежащія Самоѣдамъ [1]). О разрытіи норъ крестоватиковъ и о выкуриваніи изъ нихъ животныхъ дымомъ, говоритъ и г. Гофманъ: этотъ способъ охоты у Самоѣдовъ запрещенъ, потому что норы въ такомъ случаѣ навсегда покидаются пушными обитателями. Они безпрестанно приносятъ жалобы на Зырянъ, за то, что эти охотники выкуриваютъ лисицъ и разоряютъ норы. Поэтому въ послѣднее время, по приговору мірской сходки, каждый Зырянинъ, выходящій въ тундру на охоту, долженъ сперва обязаться въ Ижмѣ подпискою не выкуривать ни одного песца изъ норы [2]).

2) „Ежели кто изъ Самоѣдовъ за отпущенное въ долгъ вино или за какіе-либо другіе долги самовольно захватитъ одного или нѣсколькихъ оленей, либо другое какое-либо имущество, или что̀ изъ промысла,—то староста отнятое самовольно возвращаетъ обиженному". По словамъ священника Синцова, нѣтъ примѣровъ, чтобы Самоѣды торговали виномъ, кромѣ настоящаго ихъ писаря, незаконнорожденнаго Самоѣдина, который выросъ въ Архангельскѣ: у него цѣна вину опредѣленная—олень за 1/4 ведра.

3) „Ежели Самоѣдинъ, встрѣтясь на дорогѣ съ другимъ, который ему долженъ, выпряжетъ изъ саней оленя и уведетъ, а должника оставитъ на пустомъ мѣстѣ: то сей, дошедъ до старосты, объявляетъ о семъ ему, а староста призываетъ виновнаго и отбираетъ отъ него то, что̀ имъ отнято, заставляя при томъ возвратить обиженному вмѣсто одного двухъ оленей". Священникъ Синцовъ замѣчаетъ: Никогда не случается, чтобы Самоѣдинъ лишилъ другаго Самоѣдина оленей такимъ образомъ, и подобнаго лихоимца

---

[1]) *Иславинъ*, стр. 94.

[2]) Сѣв. Уралъ, I.

засудили бы всѣ родовичи, а не одинъ старшина, такъ какъ у Самоѣдъ Тиманской и Канинской тундръ старшина есть только сборщикъ ясака, а дѣла рѣшаются по голосу собранія; вообще Самоѣды очень не притязательны во взысканіи долговъ.

4) „Ежели у настоящаго владѣльца другой займетъ лисьи или песцовыя норы, либо заборъ въ рѣкѣ или озерѣ, а прежняго владѣльца къ тому не допуститъ,—то староста, въ случаѣ жалобы, принуждаетъ виновнаго весь причиненный имъ убытокъ обиженному вознаградить". Это относится къ Большеземельскимъ Самоѣдамъ.

5) „Ежели кто изъ поставленной въ тундрѣ чужой ловушки тайно вынетъ песца или другого звѣря и хозяинъ ловушки, узнавъ о виновномъ, объявитъ старостѣ, то сей послѣдній, по обличеніи виновнаго, принуждаетъ его удовлетворить обиженнаго вдвое.

6) „Ежели Самоѣдинъ что̀ украдетъ и въ томъ сознается или будетъ изобличенъ, то староста приказываетъ виновному удовлетворить обиженнаго также вдвое".

7) „Поелику каждый Самоѣдинъ имѣетъ обычай употреблять для себя собственное клеймо въ видѣ именнаго или другаго знака, которымъ клеймитъ своихъ оленей, а къ договорамъ и другимъ бумагамъ прикладываетъ оное вмѣсто рукоприкладства,—то тайно переклеймившій чужаго оленя, то-есть, изъ чужаго клейма сдѣлавшій на оленѣ свое, присуждается старостою отдать обиженному вдвое, то-есть вмѣсто одного—двухъ, вмѣсто десяти—двадцать и т. п."

8) „Ежели сойдутся олени разныхъ хозяевъ, одно стадо съ другимъ, и хозяинъ или заступающій его мѣсто перегонитъ изъ чужаго стада въ свое и присвоитъ одного или нѣсколькихъ оленей, то староста присуждаетъ виновнаго заплатить за то обиженному вдвое". По свидѣтельству священника Синцова, дѣла по послѣднимъ четыремъ статьямъ возникаютъ главнымъ образомъ не у Самоѣдовъ между собою, а у Самоѣдовъ съ Русскими. Онъ говоритъ также, что обычай уплачивать обиженному вдвое не есть чисто самоѣдскій, а прививается къ Самоѣдамъ искусственно правилами устава; но онъ, кажется, ошибается. Сколько намъ извѣстно, это коренной, древній обычай Самоѣдъ, какъ они сами свидѣтельствуютъ, и справедливость его они отстаиваютъ твердо. Необходимость вознаграждать обиженнаго двумя оленями вмѣсто одного,

*

они доказываютъ такъ: если отдать одного оленя, то виновный вмѣсто хорошаго, убитаго имъ, можетъ дать худаго, и такимъ образомъ обиженный не будетъ вознагражденъ какъ слѣдуетъ.

9) „Ежели кто изъ Самоѣдовъ изобидитъ другого словами: то въ сей обидѣ Самоѣды не просятъ удовлетворенія, и одинъ съ другимъ взаимно по согласію примиряются". Священникъ Синцовъ говоритъ, что Самоѣды рѣдко приносятъ жалобы объ обидахъ, а большею частью бросаютъ дѣло по вмѣшательству третьей стороны, примиряющей ихъ.

10) „Ежели кто изъ Самоѣдовъ причинитъ другому побои руками или какимъ орудіемъ, то староста, по жалобѣ обиженнаго, присуждаетъ виновнаго заплатить первому одного или нѣсколько, не болѣе жь однако двухъ или трехъ оленей, судя по состоянію виновнаго, либо удовлетворить обиженнаго на такую же сумму, сообразно цѣнности оленей, другимъ имуществомъ".

11) „Ежели двое Самоѣдовъ промышляли вмѣстѣ и одинъ другому не отдалъ полной половины промысла, то по жалобѣ обиженнаго, староста принуждаетъ, чтобы удержавшій немедленно отдалъ первому все то, что имъ неправильно удержано".

12) „Ежели кто съ товарищемъ отправится промышлять на море и товарищъ изломаетъ у пригласившаго его лодку или повредитъ что-либо другое, и чрезъ то остановитъ промыселъ: то обиженный, по возвращеніи своемъ, объявляетъ о томъ старостѣ, а сей приказываетъ виновному заплатить обиженному убытокъ противъ того, на сколько другіе промышляли".

13) „Ежели кто раньше другихъ прибудетъ на общее промышленное мѣсто и опромышляетъ звѣрей на оломъ, а остальныхъ разгонитъ, другіе же черезъ то лишаются промысла, то староста, по жалобѣ ихъ, приказываетъ добытый первымъ промыселъ раздѣлить на всѣхъ тѣхъ, кто подвергнулся черезъ то убытку".

14) „Когда кто изъ Самоѣдовъ окормитъ оленьи мхи своимъ большимъ стадомъ, при морскихъ берегахъ, на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ многіе бѣдные Самоѣды производятъ промыслы морскихъ звѣрей и кормятъ своихъ оленей въ маломъ числѣ: то, по жалобѣ обиженныхъ, староста запрещаетъ окармливать такія притомныя мѣста".

15) „Когда русскіе хозяева оленьихъ стадъ или богатые Самоѣды займутъ лучшія рѣки и сдѣлаютъ въ нихъ заборы или за-

владѣютъ лучшими озерами для ловли рыбы, а бѣдныхъ Самоѣдовъ, которые прежде въ тѣхъ рѣкахъ производили промыселъ, къ тому не допустятъ,—то, по жалобѣ сихъ послѣднихъ, староста запрещаетъ, какъ Русскимъ, такъ и богатымъ Самоѣдамъ, занимать тѣ рѣки и озера, предоставя оныя бѣднымъ, которые изстари въ сихъ рѣкахъ и озерахъ промышляли. Эта статья не исполняется на дѣлѣ.

16) „Ежели сынъ отца не слушаетъ, а дѣлаетъ все по своему нраву и отецъ объявитъ о семъ старостѣ при общественномъ собраніи, то по сей просьбѣ виновный сынъ, согласно желанію родителя своего, наказывается розгами“. Эта статья устава также не примѣняется на дѣлѣ: обыкновенно семейныя распри Самоѣдовъ не выходятъ на судъ, а улаживаются домашнимъ образомъ. Если сынъ не слушается отца, то послѣдній расправляется самъ, побьетъ ослушника, а не жалуется на него; розогъ также вовсе не знаютъ Самоѣды.

17) „Ежели братъ съ братомъ, живя вмѣстѣ, будетъ ссориться, и одинъ изъ нихъ объявитъ о томъ старостѣ съ тѣмъ, чтобъ ихъ раздѣлить, то староста принуждаетъ обоихъ тѣхъ братьевъ при общественномъ собраніи безобидно раздѣлиться“. Священникъ Синцовъ замѣчаетъ, что и въ дѣлежѣ Самоѣды также не прибѣгаютъ къ власти, а производятъ его сами.

18) „Ежели кто изъ Самоѣдовъ возьметъ у другого, безъ согласія сего послѣдняго, топоръ, или ножъ, или долото, либо другое какое орудіе, употребляемое при дѣланіи санокъ и другихъ домашнихъ вещей и изломаетъ: то, по жалобѣ, хозяину сихъ вещей староста приказываетъ на мѣсто поврежденныхъ отдать свои или вновь купленныя цѣлыя вещи“.

19) „Ежели кто, потерявши оленя или оленью шкуру, либо другую какую вещь, увидитъ оную послѣ у другого и насильно возьметъ у него, какъ свою собственность, то, по дошедшей о томъ жалобѣ, староста оставляетъ оную во владѣніи того, кому она дѣйствительно принадлежитъ; а буде тотъ, у коего вещь сія будетъ отобрана, нашелъ ее и о томъ сказалъ тогда, какъ она найдена, кому либо изъ принадлежащихъ къ семейству своему Самоѣдовъ, въ такомъ случаѣ хозяинъ таковыхъ вещей обязанъ возвратить нашедшему ихъ третью часть того, что они стоятъ“.

Вознагражденіе третьею частью не есть коренной самоѣдскій обычай.

20) „Ежели кто издеретъ чумовыя кожи, изломаетъ шесты и другія чумовыя вещи: то, по жалобѣ обиженнаго, староста приказываетъ виновному немедленно заплатить или деньгами или оленями, либо другими вещами вдвое противъ того, чего поломанное стоило". По обычаямъ самоѣдскимъ, вознаграждаютъ не вдвое въ этомъ случаѣ, а даютъ только стоимость того, что было поломано.

Жалобы по дѣламъ, до которыхъ касаются послѣднія три статьи устава, предъявляются словесно старшинѣ и собранію Самоѣдовъ, когда оно бываетъ. Тогда же онѣ разбираются и дается приказъ объ удовлетвореніи: если отвѣтчика нѣтъ, то міръ даетъ обиженному одного или двухъ десятскихъ для исполненія взысканія.

Въ 21-й статьѣ говорится о способѣ, какимъ старосты требуютъ отъ Самоѣдовъ оленей посредствомъ рубежей. Но объ этомъ нами сказано было выше.

22) „Если староста потребуетъ кого-либо изъ Самоѣдовъ для спроса, или для какой-нибудь другой надобности, а онъ не послушается и добровольно не пріѣдетъ: то староста присылаетъ за нимъ десятскаго и велитъ привесть его къ себѣ и заплатить, что слѣдуетъ, за подводу, на которой посланъ былъ десятскій".

23) „Самоѣдскіе старосты жалобы Самоѣдовъ по разнымъ случаямъ разбираютъ посредствомъ свидѣтелей".

24) „При семъ разборѣ старосты не приводятъ свидѣтелей крещенныхъ къ цѣлованію образа, а некрещенныхъ къ ротѣ, но вѣрятъ имъ просто по совѣсти".

25) „Ежели обвиняемый Самоѣдъ по недостатку уликъ запирается въ винѣ своей, то староста, при собраніи другихъ Самоѣдовъ, заставляетъ его, буде онъ изъ воспріявшихъ христіанскую вѣру, поцѣловать находящуюся въ чумѣ св. икону, съ тѣмъ, чтобы прекрестился передъ оною и произнесъ, что онъ цѣлуетъ сію святую икону въ томъ, что взносимаго на него онъ не сдѣлалъ".

Въ 26-й статьѣ говорится о присягѣ обвиняемаго изъ некрещенныхъ Самоѣдовъ. Но объ этомъ упомянуто нами ранѣе [1]).

[1]) Эти правила, составленныя по самоѣдскимъ законамъ и обычаямъ вышеозначеннымъ временнымъ Комитетомъ, приведены въ статьѣ архимандрита *Веніамина*: „Мезенскіе Самоѣды", въ *Этногр. Сборникѣ*, вып. IV
Прим. ред.

Вотъ всѣ выписки изъ устава, касающіяся суда и расправы. Изъ примѣчаній къ нимъ можно видѣть, что эти правила далеко не всегда основываются на самоѣдскихъ юридическихъ обычаяхъ, и что нѣкоторыя положенія устава произвольны. Кромѣ того, уставъ далеко не обнимаетъ всѣхъ юридическихъ отношеній, какія могутъ возникнуть даже въ такомъ несложномъ по составу обществѣ, каково самоѣдское.

Приведемъ въ дополненіе еще нѣсколько свѣдѣній, какія мы имѣемъ объ обычаяхъ Самоѣдовъ при судѣ и расправѣ.

Если богатый Самоѣдинъ отказалъ нуждающимся бѣднякамъ въ оленѣ для пропитанія, то тѣ угоняютъ у богача по оленю или по два на человѣка, и общій ихъ мірской судъ оставляетъ эту кражу безъ взысканія, такъ какъ, по ихъ понятіямъ, богатый обязанъ помогать бѣдному и не долженъ позволять ему страдать отъ голода. Нарушенія этого обязательства со стороны богачей бываютъ рѣдко; оттого очень рѣдко случается, чтобы Самоѣды крали у Самоѣдовъ, между тѣмъ какъ у Русскихъ они крадутъ часто.

За безчестье, нанесенное замужней женщинѣ или дѣвицѣ, или за причиненное насиліе виновный обязанъ заплатить въ пользу обиженныхъ, по приговору старшины, нѣсколько оленей [1]).

Если дѣвушка родитъ ребенка, то ея не наказываютъ; но за нарушеніе супружеской вѣрности мужъ наказываетъ жену побоями или отсылаетъ обратно къ ея родителямъ, а любовнику жены мужъ мститъ слѣдующимъ образомъ: повстрѣчавшись съ нимъ, онъ отпрягаетъ и уводитъ изъ его саней одного оленя; тотъ, чувствуя себя виновнымъ, не протестуетъ и ѣдетъ дальше [2]).

Въ заключеніе замѣтимъ, что преступленія между Самоѣдами очень рѣдки, и что проявленіе дикихъ страстей, очень естественное у народа, стоящаго на такой низкой ступени умственнаго развитія, смягчается у нихъ замѣчательнымъ добродушіемъ, склонностью прощать обиды и готовностью всегда помириться съ своимъ врагомъ. Между Самоѣдами, даже язычниками, очень нерѣдки примѣры такого великодушія, которые сдѣлали бы честь развитому человѣку, христіанину [3]).

---

1) *Арх. Губ. Вѣд.* 1846 г., № 26.

2) *Иславинъ*, стр. 131.

3) *Арх. Губ. Вѣд.* 1870 г., № 22.

А. Ефименко.